

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

16+



№23

ПЕРМЬ 2018

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ



№ 23

ПЕРМЬ 2018

УДК 882 (059)
ББК 84(2Рос-Рус) 6я53
Л 55

лауреат премии
Пермского края
в сфере культуры и искусства
за 2014 год

ЛИТЕРА-
ТУРНАЯ
ПЕРМЬ
альманах



**Альманах «Литературная Пермь» издаётся
Пермской краевой общественной (профессиональной)
организацией Союза писателей России при поддержке
Министерства культуры Пермского края.**

**Электронная версия альманаха писателей Пермского края
«Литературная Пермь» подготовлена при поддержке
Министерства культуры Пермского края (www.mk.permkrai.ru)
в рамках проекта «Пермская библиотека» (www.kulturaperm.ru).**

ПКОО «Союз писателей России» и ПКОО «Пермский писатель» благодарят
Пермское отделение ВТОО «Союз художников России» и галерею «Марис-Арт»
за содействие в оформлении альманаха.

Редакционная коллегия:
Главный редактор — В. В. Якушев
Отдел поэзии — А. Г. Гребнев
Отдел прозы — В. А. Богомолов
Отдел международных связей — И. Н. Тюленев
Отдел детской литературы — А. С. Зеленин

Л 55 **Литературная Пермь:** Альманах. — Пермь: Пермский писатель,
2018. — 250 с. — (вып. 23).
ISBN 978-5-9500749-8-1

В оформлении использованы фрагменты работ члена Союза художников
СССР Петра ОБОРИНА.

На обложке — «СТАРАЯ БЕРЁЗА», 1990-е гг.

На шмуцтитуле части 1 — «ЗВЕЗДОПАД», 1958 г., картон, масло

На шмуцтитуле части 2 — «ЛЕШИЙ», 1990-е гг.

На шмуцтитуле части 3 — «АЙ КАЛИНА, АЙ МАЛИНА», 1992 г., холст,
масло.

На шмуцтитуле «Пермская Бука» — «ПЕРМСКАЯ БУКА», 2011 г., папье-
маше — работа художника Марины ВИТМАНОВСКОЙ.

На шмуцтитуле «Парнас без границ» — «НЕ ЗАБИВАЙТЕ СЕБЕ ГО-
ЛОВУ», 2007 г., сталь, сварка, бумага — работа члена Союза художников
России Рустама ИСМАГИЛОВА.

ISBN 978-5-9500749-8-1



© Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Игорь ТЮЛЕНЕВ. РИСУНОК ТУШЬЮ. Стихотворение	5
Виталий БОГОМОЛОВ. ДО ПОСЛЕДНЕГО ПАТРОНА. Статья	6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОЗА

ЗЕМЛЯ

Владимир КРУПИН. ДУНАЙСКОЕ ПОХМЕЛЬЕ. Рассказ	17
Александр АБДУЛАЕВ. СОН В РУКУ. Рассказ	24
Виталий БОГОМОЛОВ. КРУТОЯРОВ. Рассказ	32

ПОЭЗИЯ

РОДИНА

Анатолий ГРЕБНЕВ. ЭТИ ЗВОНЫ ЗВЁЗДНЫХ КРОШЕВ... Стихи	12
Светлана СЫРНЕВА. НАД БЕСКРАЙНЕЙ РАВНИНОЙ ПОБЕД И ПОТЕРЬ. Стихи	21

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ПРОЗА

НЕБО

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. РУКОПИСЬ. Новелла	36
---------------------------------------	----

ФАНТАСТИКА. МЕЖ ТЕМИ ЗВЕЗДАМИ...

Елена ДОЛГОВА. ВЕРЕСКОВЫЙ ВЕНОК. Фантастический триллер (окончание)	40
--	----

ФАНТАСТИКА. ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Светлана ЭСТ. «ЭПОС О ВЕЛИКОМ ЭКСТРАСЕНСЕ». Рассказы из цикла	54
--	----

ЗЕМЛЯ

Василий КОЛБИН. БАДА-БУДЮМ. Рассказ	77
Владимир ГЛАДЫШЕВ. МОЛИТВА В ГОРАХ. Рассказ	102
Валерий ВЯТКИН. ПЕТЕРБУРГ НАЧИНАЕТСЯ В ПРОВИНЦИИ. Записки на ходу	112

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ

Алексей МАЛЫЦЕВ. ОДНОГЛАЗКА. Рассказ	104
Олег ЧЕРНЯК. ГОСПОДИ, ПОМОГИ... Рассказ	106

ПОЭЗИЯ

ЗЕМЛЯ

Виталий БОГОМОЛОВ. ЭТО ЛЮБОВЬ МОЯ. Стихи	79
Наталия ГУМЕРОВА. ОГОНЬКИ РЯБИНЫ. Стихи	85

Михаил ДАВИДОВ. ЮНОСТЬ МОЯ БУЙНАЯ, ВОСКРЕСНИ! Стихи	94
Владимир ПАНТЕЛЕЕВ. ЖЕНСКИЙ ПОДВИГ В ЛЮБВИ — ЭТО ДЕТИ. Стихи	98
Анастасия ГИРШ. МНЕ УЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ВИДНА. Стихи	101

ПЕРМСКАЯ БУКА ПРОЗА

Андрей ЗЕЛЕНИН. ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА. Рассказ	134
Николай БАШМАКОВ. ШЕБЕТУХИН. Рассказ	138
Светлана ЭСТ. ПРЕДАНИЯ И СКАЗАНИЯ О ЗНАКАХ ПРЕПИНАНИЯ. Цикл сказок и стихов	141

ПОЭЗИЯ

Владимир ЯКУШЕВ. ЛЕДИ. Стихотворение	154
--------------------------------------	-----

ПАРНАС БЕЗ ГРАНИЦ ПРОЗА

ЭТОТ МИР ПРИДУМАН НЕ МАРКСОМ Николай БАШМАКОВ. В ОДНУ ВОРОНКУ. Иронический детектив	156
---	-----

ПОЭЗИЯ

ВРЕМЯ

Николай ГЛУМОВ. БАЛЛАДА О ПЕРВОМАЕ. Стихотворение	160
---	-----

ЧАСТЬ 3 ПРОЗА

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Нина БОЙКО. М. М. ЛЕРМОНТОВ. ТОСКА НЕБЫВАЛОЙ ВЕСНЫ. Жизнеописание (окончание)	162
---	-----

ВРЕМЯ

Алексей ДУБРОВИН. АЛЕКСЕЙ НОВИКОВ. ШАГИ В БЕССМЕРТИЕ. Очерк	236
--	-----

КРИТИКА

ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ

Светлана ИВАНОВА. КУДА ДЕВАЛИСЬ ДОМОВЫЕ? Опыт анализа произведений Ирины Христюковой. Статья	231
---	-----

РИСУНОК ТУШЬЮ

Китайка по имени Ли,
Имя втиснет моё в иероглиф.
Её алое сердце продрогло,
Как фруктовая роша вдали.

Переправа с обеда пуста.
На террасе бумажный фонарик.
Чёлка тучи на тын завита.
В стороне докурю свой чинарик

И заброшу за рисовый холст.
На дорожке, бегущей к утёсу,
Навесной где качается мост,
Громяхают тележки колёса.

Ты работай, а я отдохну
На пригорке у входа в пещеру.
И не слушай мою болтовню,
Говорлив я сегодня не в меру.

Над водой наклонился бамбук,
Как медбрат над поверженным телом.
На тростинке играет пастух,
Цапля чертит по воздуху мелом.

Путник лотос на озере рвёт,
Взбили воду осенние гуси.
Дева слёзы на мельницу льёт
В два ручья из печали и грусти.

Игорь ТЮЛЕНЕВ

Виталий БОГОМОЛОВ

ДО ПОСЛЕДНЕГО ПАТРОНА

День 100-летия пограничных войск 28 мая оказался в этом году не по-весеннему холодным, с ветром, но выдался хотя бы сухим, без дождя и временами солнечным.

На празднование юбилея пограничников я был приглашён в Орду, откуда 51 год назад уходил на службу в погранвойска. Накануне 100-летия мне сказали в Перми, что Ординская организация ветеранов пограничных войск одна из самых многочисленных и организованных в крае.

Начало сбора пограничников было назначено на 10 часов, автобус мой к этому времени не поспевал, и я приехал чуточку позже. Площадь перед Домом культуры уже зеленела от камуфляжа и фуражек: пограничники всех возрастов и поколений ежеминутно пополняли свои ряды...

В скверике, укутанный покрывалом, ожидал торжественную минуту открытия памятник воинам-пограничникам, воздвигнутый в прямом смысле на народные пожертвования, на его создание и возведение пограничники (чуть не сказал «бывшие», но пограничников бывших не бывает!) вложили кто какую мог лепту... И этим памятник особенно дорог сердцу каждого пограничника... Ведь это памятник «воинам-пограничникам всех поколений». Кроме того, проект этого гранитного памятника участвовал в лукойловском конкурсе «Духовность и культура» и победил в номинации «Скульптурная память о пограничниках».

Подобного монумента нет даже в краевом центре (да что подобного, нет обычного памятного пограничного столба). Однако не удивительно, что он появился в Орде, ведь с этого района традиционно происходит большой набор парней на службу в погранвойска, сейчас ветеранов в районе около полутора сот, а в этот день съехались их около двухсот тридцати человек с разных городов и сёл, и не только нашего края.

А всё дело ещё и в том, что общественную организацию «Союз пограничников Ординского района» возглавляет необыкновенно инициативный и энергичный человек кипучего характера, подвижник своего дела — Олег Борисович Гондырский, пограничник 30-го погранотряда КВПО (Краснознамённого Восточного пограничного округа), прошедший Афганистан. Именно благодаря его стараниям, юбилейное торжество прошло на высочайшем организационном уровне.

А накануне, 27 мая, пограничники организовали автопробег по территории района. Колонна из 22-х автомобилей с флагами и транспарантами начала своё движение в селе Михино, а закончила в селе Карьёво, пройденное расстояние получается близко к сотне километров.

Наиболее активных ветеранов в районе, таких, как Виктор Аркадьевич Бурыкин, Александр Михайлович Бельшев из Вторых Ключиков — помощник во многих делах Гондырского, около тридцати человек... Это ядро.

Всех собравшихся 28 мая ветеранов, их семьи и гостей поздравили глава района Александр Сергеевич Мелёхин, депутат Госдумы РФ Александр Василенко, депутат Пермского краевого Законодательного собрания Надежда Лядова. Многим заслуженным ветеранам-пограничникам в этот день были торжественно вручены юбилейные медали «100 лет пограничных войск России».

По завершении торжества, в Доме культуры состоялся для пограничников великолепный концерт.

Мне лично посчастливилось на этом празднике (впервые более чем за пятьдесят лет) встретить пограничников, которые служили на одной со мной заставе имени Григория Мезенцева, но более позднего призыва. От них я узнал, что год назад жестокая болезнь унесла жизнь Володи Тимофеева. Вот с ним мы служили в одно время: он — вожатым служебной собаки-овчарки Джека, я — старшиной заставы.

Разговоры, воспоминания, братские объятия, обмен информацией: ведь на заставе меняется всё очень быстро, офицеры, личный состав, технические условия и средства охраны границы, одно неизменно — большие физические нагрузки, несчитанные километры вдоль границы...

Но, пожалуй, самое сильное впечатление я получил от встречи с приехавшим из Кунгура майором милиции/полиции Виктором Михайловичем Овчинниковым. В 1964/65 году мы с ним вместе учились на механизаторов, работали в колхозе «Урал» Ординского района, а на границе служили в соседних отрядах (он — в 130-м Учаральском, я — в 30-м Бахтинском).

1969 год, после Даманского, оказался для нас очень горячим. Именно тогда эпицентр советско-китайского конфликта переместился



на наш округ, в район Джунгарского выступа казахстанского участка границы: заставы «Дулаты», «Тасты» (здесь погиб Николай Красиков), «Джаманчи»... Месячное военное противостояние наших пограничников и китайских провокаторов на заставе «Дулаты» могло в любой момент превратиться в полномасштабную войну: с обеих сторон подтягивались и концентрировались живая сила, технические средства... На усиление прибыли ребята из подмосковной Таманской дивизии. У нас на заставе в это время личный состав увеличился в три раза. Ситуация была напряжена, как пернатая струна...

13 августа на стыке наших отрядов, 30-го и 130-го, произошёл бой, в котором участвовали заставы «Родниковая» и «Жаланашколь», в этом бою Виктор Овчинников был ранен, но поле боя не оставил... Погибли пограничники Михаил Дулепов из Пермской области и Виталий Рязанов из Челябинской.

*Мне снился бой — китайцы
шли лавиной...
Мой автомат «плюётся» — перегрев.
Я обречён!
Рубеж Отчизны милой
Не уступлю, конечно, смерть презрев...*

*И умирал во сне не понарошку.
Я испытал уход за ту черту,
Из-за которой нет, увы, дорожки
Нам в эту жизнь и в нашу суету.*

*Я умирал. Признаюсь, ужас смерти
Был настоящим, лил холодный пот...
И муки были истинны, поверьте,
Мне не забыть «шейсят девятый» год!*

...По дороге в Орду в электричке, а потом в автобусе у меня всё утро крутились в голове строчки стихотворения поэта Михаила Исаковского о погибшем в бою пограничнике, запавшие в сердце из «Родной речи» ещё в начальных классах школы:

*«Куда б ни шёл, ни ехал ты,
Но здесь остановись.
Могиле этой дорогой
Всем сердцем поклонись...»*

Ведь этот боец, отдавший свою жизнь:

*«И для тебя, и для меня
Он сделал всё, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберёг!»*

На месте памятника в Орде могилы, конечно, никакой нет, но строчки вспомнившегося стиха воспринимались здесь очень уместными. В моё поколение, по сути, с октябрятского возраста эти поэти-

ческие строки закладывали предосновы, преемственность будущего нашего братства.

Гость из Москвы Николай Анатольевич Габулов признался, что такого внимания и почтительного отношения к пограничникам, какое он встретил в Орде, нет даже в Москве.

Видимо, в столице народ более разобщённый, а на провинциальном разряжённом пространстве люди ближе друг к другу.

Зелёная фуражка — это опознавательный знак пограничного братства. Конечно, пограничное братство особого склада сформировалось именно за последние эти 100 лет, вместившие и борьбу с басмачами и прочими бандитами, и защиту рубежей от активного и наглого посягательства южных соседей...

Но, конечно, в ранг особого уважения возвела пограничников Великая Отечественная война, когда на западных рубежах под накатившейся фашистской лавиной пограничники героически сражались до последнего патрона, до последнего вздоха, и почти все полегли в боях в первые дни войны. Книги о прославленных пограничниках, фильмы о их героизме, омытом кровью, укрепляли в 1950-е годы заслуженный авторитет пограничников, уважение к ним и почёт. И зелёная фуражка всегда вызвала особое почтение граждан страны, охраняемых пограничниками, и понимающих, что человек в зелёной фуражке несёт службу на первой линии, на рубеже особой опасности, на черте особого риска. И всё это ещё раз было подтверждено событиями на острове Даманский 2 и 15 марта 1969 года. И события эти можно назвать знаковыми в формировании пограничного братства, которое до той поры существовало в зачаточном состоянии: 28 мая пограничники в свой праздник солидаризировались и объединялись,



*Слева направо:
Олег Борисович Гондырский,
председатель Союза погранич-
ников Ординского района,
пограничник, прошедший
Афганистан;
Виктор Михайлович Овчинни-
ков, майор милиции/полиции,
участник боя на Жаланашколе*

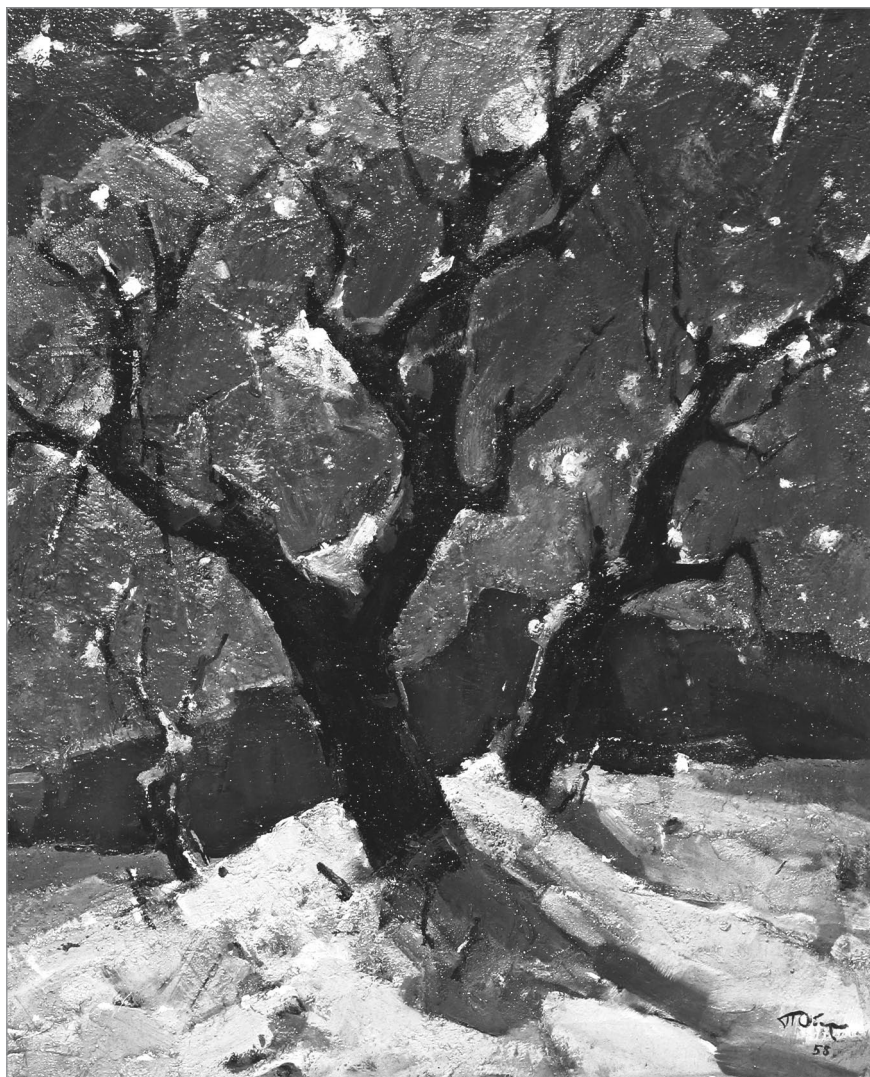
надевая свои зелёные фуражки, хотя и отмечали этот день разрозненно и стихийно. А потом стали собираться на Речном вокзале Перми и колонной, опять же стихийно проходить до танка возле Дома офицеров. Нередко с алкогольными эксцессами, подрывая в народе уважение к себе.

Сейчас всё проходит организованно, и уважение сограждан к этому празднику только растёт и укрепляется. И огромное значение имеет ещё и то, что в шествии принимают участие дети и внуки пограничников со всей сопутствующей празднику атрибутикой: традиция развивается, крепнет, консолидируя разные поколения, формируя, воспитывая особое отношение к священным и неприкосновенным рубежам нашей Родины, к их охране.

Расставаясь с вновь обрётёнными друзьями-пограничниками, взмахнув рукой, я бросил на прощание слова: «До последнего патрона!»

Они поняли меня без разъяснения этой фразы, воскликнув в ответ: «До последнего патрона!»

Отступать пограничникам с охраняемого рубежа не положено.



Часть 1

Анатолий ГРЕБНЕВ

ЭТИ ЗВОНЫ ЗВЁЗДНЫХ КРОШЕВ...

* * *

В родном бору, где до небес вершины,
Где тьма грибов среди дремучих мхов,
— Убьёшь змею, — мне бабушка внушила, —
И сорок отпускается грехов!

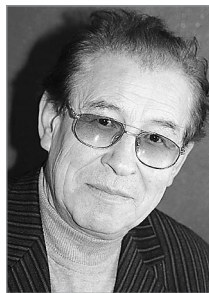
Я змей, как все, боялся до озноба
И, хоть мальцом безгрешным пребывал,
Я с той поры ни разу не обробел —
Любую, как вражину, побивал!

И всё ж одна — досаден этот случай
Я оплошал — и сам не знаю, как —
Сверкнула чёрной молнией под сучья,
В болотину скользнула, в колодняк.

Оплошка эта памятна до боли!
И я живу, свою смирняя злость, —
Сегодня на Руси не оттого ли
Змей подкольных столько развелось?

Они шипят, глумятся, угрожают.
И, высунув свой пакостный язык,
Исподтишка стараются ужалить,
Чтоб в душу смертоносный яд проник!

Но и беда, товарищ мой, не горе.
Вот нам пример, как одолеть напасть:
Икона, где копьём святой Егорий
Змеиную пронизывает пасть!



Анатолий Григорьевич ГРЕБНЕВ родился 21 марта 1941 года в селе Чистополье Котельничского района Кировской области. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1965), Литературный институт им. А. М. Горького (1976). Трудовую жизнь посвятил медицине. Первые творческие публикации относятся к концу 1950-х годов. Первый поэтический сборник вышел в 1972 году в городе Перми: «Приволье». Издавался в Вятке, Кирове, Москве, Перми. Автор почти двух десятков книг. Член Союза писателей СССР/ России (1978). Заслуженный работник культуры РФ (2004). Лауреат нескольких литературных премий, в т. ч. им. А. Гайдара (1980), им. А. Решетова (2007). Кавалер ордена Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Перми.

ПРОЩАНИЕ С АВГУСТОМ

Погоди ещё хоть малость,
Не студи души настой,
Ты постой, постой, мой август,
Ты постой, мой золотой.

Посмотри-ка, ночь какая!
Неужели ты уйдёшь,
Если падают, сверкая,
звёзды яблоками в рожь.

И, надламывая ветки,
От росы густой седы,
Звёзды яблок на рассвете
Осыпают-бьют сады.

Ну, а главное — красаве,
Той,
 к которой прикипел,
Рассказать об этом... самом
Не успел я, не успел!

Поживи вот тут, попробуй,
 Коль она мне говорит:
 «Я уеду на учёбу,
 Сразу,
 как засентябрит».
 Август, друг ты мой хороший,
 Погоди, постой, продли
 Эти звоны звёздных крошеч,
 Эти вёдренные дни.

Мы же не намиловались
С ней, девчонкой золотой –
Так что ты постой,
 мой август,
Ты постой ещё, постой!

Жёлтый блеск молодого жнивья
Посреди августовского поля.
Русь, Россия,
 Отрада моя,
Небывалая песня и доля!

Только ветер твой мерил простор,
Где сливается с небом дорога.
И в груди не проходит восторг,
Не стихают любовь и тревога.

Это, видно, осталось в крови
 От славянских задебранных былей –
 Чтоб мы помнили земли свои,
 Берегли,
 устроили,
 любили.

Чтоб на самой последней меже,
 Перед взглядом родного простора,
 Совестью сыновней душе
 Не услышать глухого укора.

ДЫМКОВСКАЯ ИГРУШКА

Из каких же глубин проросло,
 Не погибнув под северным небом,
 Это — вятских кровей — ремесло
 В пору роботов и ширпотреба!
 Чудотворство души и огня
 В превращениях
 божественных глины
 Вдруг повеет опять на меня
 Светом Родины,
 Русью былинной.
 И подхватит, завьёт, понесёт
 Каруселью языческих плясок
 Бесконечный цветной хоровод
 На весёлую ярмарку красок!
 Это праздник отеческих мест.
 Так неужто пребудет он втуне?
 Широко раздаётся окрест
 Пересвист сумасшедшей
 Свистуны!
 Позабыты заботы и грусть.
 Безоглядная Русь веселится.
 Сам сойду я с ума
 И влюблюсь
 В самолучшую здесь мастерицу!
 Синь очей да славянская стать
 В набивном расписном сарафане —
 За морями такой не сыскать,
 За горами такой не достанешь!
 И, толпу пораздвинув плечом,
 Ног своих от волненья не чую,
 Я спрошу, улыбнувшись: «Почём
 Продаёте, красавица, чудо?»
 Мы толпой иль судьбой сведены.
 Наклонясь, я шепну ей на ушко:
 «Вам, сударыня, нету цены.
 Вы прекрасны, как ваша игрушка».

Засмеётся, зардевшись, она
 И в ответ мне промолвит лукаво:
 «Нет, всему есть на свете цена...
 Ах какой интересный вы, право!»
 Говорю я ей, глядя в глаза:
 «Нет, поверьте,
 Я сердцем клянусь вам —
 Брать за деньги игрушку нельзя,
 Потому что бесценно искусство!»
 И смотрю я в глаза ей, смотрю.
 И она улыбается снова:
 «Я игрушку вам так подарю —
 За хорошее, доброе слово».
 Тут уж я потрясённо молчу,
 Добротою её оглоушен:
 «Нет, постойте, я вам заплачу!
 Что слова!
 Я отдам свою душу!»
 Мы почти переходим на «ты»,
 И она опускает ресницы.
 За игрушку такой красоты
 Я и в ноженьки рад поклониться.
 Так давай, коль на то уж пошло,
 Ей по праву хвалу воздадим-ка:
 Просияв,
 Не полсвета ль прошло
 Слово звонкое вятское —
 «Дымка»!
 Да и вправду, хоть падай, хоть стой,
 Опровергнуть присловье сумей-ка:
 Из земли, мол,
 Из глины простой
 Девки вятские лепят копейку.
 Не в обиду сказать мужикам,
 И вникать в их секреты не стоит:
 Только женским даётся рукам
 Мастерство это, с виду простое.
 Почитался издревле закон:
 Тайна тайн,
 Даже самая малость,
 Как наследство в роду,
 Испокон
 Внучке бабушкой передавалась.
 Не корчага, не винный кувшин,
 Не горшок, в коем пища варилась,
 А улыбка и радость души
 Их руками из глины творилась.
 Потому и любишься ты
 Волшебством на черте вероятья —
 Знать, подспудная суть красоты
 До конца
 Только женщине внятна.

Потому-то никто и не смог
 Рукотворство,
 что сердцем согрето,
 Перевести на валютный поток,
 На холодный язык трафарета.
 Ведь недаром же,
 радуя глаз,
 Жили жизнью живою игрушки:
 Вот ударились барыни в пляс,
 Кавалеры поют им частушки,
 Гуси-лебеди в небе кричат,
 Петухи спозаранку горланят,
 Мчатся тройки,
 Коровы мычат,
 Круторогие блеют бараны.
 Мир волшебный цветёт, многолик,
 В колдовстве неуёмном и звонком.
 И душой молодеет старик,
 И становится взрослый ребёнком.
 Молодой,
 золотой,
 голубой,
 Мир звенит в озорной перекройке.
 Да и мне бы,
 и мне бы с тобой
 В сказку жизни умчаться
 на тройке,
 Чтоб для нас
 под захлёб бубенца
 Всё в летучем слилось перестуке,
 Чтобы я миловал без конца,
 Целовал твои нежные руки!

Владимир КРУПИН

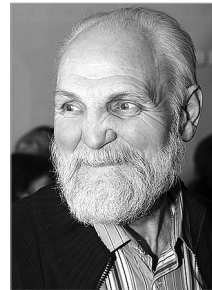
ДУНАЙСКОЕ ПОХМЕЛЬЕ. Рассказ

Север Болгарии, Силистра, набережная Дуная, осень. Я сижу у стоящего на постаменте танка Т-34 и погибаю с похмелья. Накануне был торжественный вечер, перешедший в ещё более торжественную ночь. Здравияц пять или больше я сказал о русско-болгарской дружбе, мне отвечали тем же. Мои сопровождающие переводчики Ваня и Петя курили и хлопали кофе, делать им было нечего, в Болгарии все, по крайней мере тогда (это было лет десять назад), понимали по-русски. Конечно, пели: «Дунай, Дунай, а ну узнай, где чей подарок», конечно, клялись в любви до гроба. Под утро я упал в своём номере, но вскоре вскочил. Меня подняла мысль: я ещё не умылся из Дуная.

До чего же я любил Болгарию! Всё в ней незабываемо, всё такое прекрасное, женственное: и юг, и побережье, и горы. В ушах стояло птичье разноголосие Среберны, в памяти зрения навсегда запечатлелись скальные монастыри, Купрившиц, Сливен, Пловдив, Русе, Жеравна. Теперь вот Силистра, Дунай. Но до Дуная ещё надо было пройти метров сто. Я решил посидеть у танка, всё-таки свой, уральский, может, он даст сил. Дал. Я немножко заправился из посуды под названием «Каберне», вздохнул и огляделся. Осень. Ну, осень, она везде осень. Листья падают под ноги деревьям, шуршат. Хорошо, тихо.

Ощущение счастья охватило меня. Никого не обидел, никому не должен, ни перед кем не виноват. Все проблемы потом, в России, а пока счастье: дружба, братство, любовь и взаимопонимание. Тем более до обеда свобода, беспривязное содержание. Искать не будут, я оставил записку Ване и Пете. Да, ведь Ваня и Петя — это не мужчины Иван и Пётр, это женщины, это имена такие женские в Болгарии — Ваня и Петя. Переводчицы мне достались непьющие, но зато непрерывно курящие. Едем с ними — курят без передышки, я погибаю. Вот остановили машину, вышли. «Ваня, кури, пока стоим, Петя». — «На воздухе неинтересно, — отвечают Ваня и Петя, — надо же иногда и подышать». Садимся в машину, они начинают смолить. Да ещё обе пьют страшное количество чашек кофе. А так как я кофе совсем не пью, то это для Вани и Пети очень подходит. Они на меня заказывают сразу четыре чашки, а потом эти чашки у меня утаскивают. А заказать чай, по которому тоскую, вроде уже неудобно, поневоле хлещу прекрасные сухие болгарские вина.

Владимир Николаевич КРУПИН родился 7 сентября 1941 года в посёлке Кильмезь Кировской области. Окончил филологический факультет Московского областного педагогического института (1967). Преподавал. Работал редактором. Преподаёт в Московской духовной академии. Неоднократно бывал и выступал в городе Перми. Первая книга вышла в городе Москве в 1974 году: «Зёрна». Автор большого количества прозаических книг. Член Союза писателей СССР/ России (1975). Лауреат различных литературных премий, в т. ч. Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Кавалер орденов Дружбы народов, Ф. Достоевского I степени (2012). Живёт в городе Москве.



Увы, вчера были не только они. Но сегодня, решаю я, только сухое. Только. Хотя бы до обеда. На обеде, а тем более вечером, всё равно пить. Всё равно говорить здравицы о дружбе. Не тосты, именно здравицы. Тосты — слово, нам навязанное. Тем более болгары, поднимая бокалы, говорят: «Наздрав!»

Ну, наздрав, говорил я себе, всё более оживляясь от солнечной виноградной лозы. Наздрав! Наздрав-то наздрав, а одному становилось тоскливо. Да, умыться же из Дуная. Я быстро пришагал к берегу, спустился к воде. Недалеко рыбак возился у лодки.

— Доброе утро, брат! — крикнул я.

— Доброе утро! — откликнулся он.

Вот с кем я выпью. А пока умоюсь. Есть же славянская примета: умыться за год из двенадцати рек — и помолодеешь. А Дунай надо считать за три реки, не меньше: по всему же славянскому миру течёт.

— Эй, эй! — услышал я крик. — Не можно, не можно! Химия, химия!

— Что делать, везде экология, — сказал я, подходя к рыбаку.

Мы поздоровались. Рука у него была могучая. Но я вроде тоже крепко тиснул.

— Нож у тебя есть? А то я первую открывал, палец чуть не сломал.

У него были и нож, и штопор, и стаканы. Правда, не гранёные, пластмасса. Звуку от чоканья не было, но выпили от души. И допили от души.

— Слушай, — сказал я, — у меня ещё одна есть. Но знаешь чего, давай её выпьем в Румынии. Я везде был, а в Румынии не был. Или пристрелять? А?

— То можно, — сказал рыбак.

Мы столкнули лодку на воду, сели. Мотор взревел, мы понеслись к румынскому берегу.

— Вот тут, — кричал я, — наш Святослав, киевский князь... слышал?.., сказал: скорее камни со дна Дуная всплывут, скорее хмель утонет, нежели прервется русско-болгарская дружба! Вот тут, именно тут.

— То так! — кричал и кивал головой рыбак.

Обдуваемый ветром, обдаваемый брызгами, я чувствовал себя превосходно. И продолжал просвещать рыбака:

— Отсюда — именно отсюда, понял? — от Суворова ушла депеша, донесение Екатерине, императрице, — слышал? Депеша: «Слава Богу, слава нам, Туртукай взят, и я там». Турок гнал отсюда. А Святослав печенегов изгонял. Его предали, Святослава.

— Предал кто?

— Кто! Свои, кто! Славяне. А в эту войну наши гнали отсюда фашистов, вот! А теперь мы с тобой тут собрались.

Лодка ощутимо ткнулась в отмель, я даже со скамьи слетел. Вытащили лодку на берег. Не успели изъять пробку, как подошли трое румын. Но не пограничники, тоже, может быть, рыбаки. Они по-русски не говорили, рыбак им объяснил, что я из Москвы. Восторг был превосходительный. Но что такое бутылка сухого на пятерых, это несерьёзно.

— Гагарин, — кричали румыны, — спутник, дружба!

И все примеряли на меня свои цыганские меховые шапки.

Дружба, оказывается, была не румыно-советская, а нефтепровод «Дружба», спасающий страны Варшавского договора.

Дружба дружбой, а одними словами её не укрепишь. Мужики смотрели на меня как на старшего брата в социалистическом содружестве, как на представителя сверхдержавы, защищавшей их от нападков империализма, да и просто как на человека, экономически способного оплатить продолжение радости.

— Выдержит твоя лодка пятерых? — спросил я рыбака. — У меня только болгарские левы.

— Хо! — отвечал рыбак. — Левы они любят. Лишнего не давай.

Самый молодой румын умчался и примчался мгновенно. Принёс какое-то «Романешти». Оно было хуже болгарского, но крепче. Очень интернационально мы выпили. И ещё этот румын сбегал. И ещё.

— Парни, — сказал я, — меня эта песня про Дунай заколебала. Давайте споём, а то она из меня не выветрится. Диктую: «Вышла мадьярка на берег Дуная, бросила в воду венок. Утренней Венгрии дар принимая, дальше помчался цветок. Этот цветок увидели словаки...» Я, правда, не понимаю, как мадьярка бросила венок, а дальше поплыл цветок, но неважно. Давайте разом. Три-четыре!

— Мадьяры — тьфу! — сказал один румын.

— Тьфу мадьяры, тьфу, — поддержали его два других.

— И словаки — тьфу! — сказал румын.

— Хватит тьфу, — сказал я как старший брат. — Давай ещё беги.

Вскоре мы дружно ругали и Николае Чаушеску, и Тодора Живкова, и особенно крепко Брежнева. Оказалось, что все мы монархисты. Это сблизило окончательно. Правда, румын время от времени плевался и сообщал, что и поляки — тьфу, и чехи — тем более тьфу, а уж немцы — это очень большое тьфу, такая мать. Румын ругался по-русски.

— И сербы, и албанцы...

— Сербы не, — возразил мой рыбак. — Албанцы — то да, сербы — не.

Время летело. Начали обниматься, прощаться, меняться часами и адресами. В знак признательности румыны забежали в воду, провозжая нашу лодку. С меня содрали оброк за то, что уезжаю.

Лодка наша петляла по межгосударственному водному пространству, будто мы сдавали экзамен на фигурное вождение. Румыны нам махали своими шапками.

На берегу... на берегу меня ждали Ваня и Петя. Конечно, меня легко было вычислить — русских тянет к воде. Я закричал им по-болгарски:

— На дружбата на вечната на времената! Ура, товарищи! Каждой по пять чашек кофе, и немедленно. Я был в Румынии, чего и вам желаю. Там я вам нашёл по кандидату в мужья. Мне же вас надо отучить от сигарет и кофе и выдать замуж к концу визита. Милко, жаль, ты женат, пошли с нами. Или грузим Ваню и Петю — и в Румынию.

— Румыны — тьфу, — сказали Ваня и Петя.

— Тьфу румыны, — подтвердил мой рыбак.

— Да что вы, японский бог, — сказал я. — Варшавский же договор. Так на кого же тогда не тьфу? Чур, на Россию не смей. СССР — одно, Россия, Россия... тоже одно. Вот! — воздел я руки

к небу в подтверждение своих слов — по небу проносился сверхзвуковой самолёт-перехватчик МиГ.

— О, только без самолётов, — сказала Ваня или Петя, я их путал.

— Хорошо. Допустим. А допустить турок, вас истребляющих? А пляски печенегов и питье из черепа славян, а? Было же. Так само и буде, так?

— Вы, русские, сильно всех учите, вот в чём наша претензия, — сказали переводчицы.

— То так, — поддакнул им мой рыбак.

— Телёнка, — отвечал я, — тоже ташат насильно к вымени, а не подташишь, умрёт. Да, диктуем, ташим, значит, спасаем. Значит, перестрадали больше всех, испытали больше. Но и у вас учимся. Я ваши скальные монастыри навсегда запомню. Только почему они у вас уже не монастыри, а музеи?

— Вопрос из области диктата.

— Какой диктат — пожелание воскрешения церковной жизни. У меня диктат один — чтоб вы не курили, вы же чёрные уже внутри.

Петя и Ваня молча и оскорблённо пили кофе и курили.

— Хорошо, — нарушил я молчание, — все плохи, одни болгары да русские хороши. Но ведь это тоже гадательно. Мы для вас диктаторы. А мы, между прочим, вас любим, что доказывали. Вот тут Святослав, древнерусский князь...

— Ой, не повторяй, — сказали Ваня и Петя, — ты вчера это произносил. И про Суворова произносил. И про танк...

Она дёрнула плечом в сторону Т-34.

— И мне произносил, — наступал на меня пьяный рыбак.

— Тогда немного филологии, — повернул я тему. — Вы — русистики, слушайте. И следите за ходом рассуждения. Вот я, вы же помните, во всех монастырях, церквях, куда мы заезжали и заходили, я же там читал все надписи совершенно свободно, особенно домонгольские. Да даже и ближе. Так же и в Чехословакии, и у чехов, и у словаков. Но современный болгарский для меня непонятен. То есть? То есть я к тому, что мы раньше были едины и по языку, и по судьбе. А судьба — это суд Божий. Потом, может быть со времён Святослава, может, позже или раньше, мы стали отдаляться. То есть своеобразное славянское вавилонское столпотворение. Мы стали расходиться, перестали понимать друг друга. Так?

— То так, — подтвердил пьяный рыбак.

— И что же должно произойти, чтобы мы стали вновь сближаться, что? — спросил я. — Какое потрясение, какой, так сказать, катаклизм? Неужели дойдёт до такого сраму, что кого-то будут из славян убивать, а остальные будут на это взирать? А?

Ваня и Петя докурили, утопили окурки в чашках из-под допитого кофе и объявили, что мне пора на званный обед.

Так что было пора идти пить за дружбу. Между славянами.

Светлана СЫРНЕВА

НАД БЕСКРАЙНЕЙ РАВНИНОЙ ПОБЕД И ПОТЕРЬ

* * *

Где небо над полем нависло
и дождь размочил колею,
там я без особого смысла
живу в допотопном краю.

Привычная к зною и к стуже,
вдали от глобальных идей,
живу я не лучше, не хуже
других неприметных людей.

Работали люди и пили,
убогую ношу несли.
И акций они не скупили,
и в новую жизнь не вросли.

Уткнувшись в свои огороды,
в нехитрый удел свой земной,
наивные дети природы
неслышно пройдут стороной.

И там, где сольётся дорога
в тумане, в морозном дыму,
всё мнится присутствие Бога,
но нет доказательств тому.

ОКЕАН

Вот убежать и остаться бы тут,
видеть ночами в морозном окне:
тёмные ели по небу метут,
сопротивляясь метельной волне.

Светлана Анатольевна УХОВА (СЫРНЕВА) родилась 26 октября 1957 года в деревне Русское Тимкино Уржумского района Кировской области. Окончила филологический факультет Кировского государственного педагогического института (1978). Занималась педагогической и журналистской деятельностью. Автор нескольких поэтических сборников, стихов, включённых во многие антологии российской поэзии XX века. Член Союза писателей России (1991), лауреат нескольких всероссийских литературных премий, кавалер медали им. А. Пушкина (1999), ордена Ф. Достоевского I степени (2012), других наград. Живёт в городе Кирове.



Весь деревянный посёлок уснул,
вжался в сугробы, ушёл в темноту,
чтобы холодный, безжизненный гул
из пустоты пролетал в пустоту.

Может быть, весь поднебесный поток
грозным движеньем охвачен давно.
Может, и мир человеческий лег
на океанское тёмное дно.

Что ж, человек! Ты покоя просил,
чистого неба искал ты в судьбе,
но от вселенских мятущихся сил
некуда нынче укрыться тебе.

Катятся волны одна за одной,
волны качают, зовут к забвению.
И поглотил океан ледяной
неуязвимую лодку твою.

ВЕСНА В ЗИМНИКЕ

Владимиру Крупину

Нарождается праздник цветущей весны,
и такое в природе творится!..
Стоит солнцу взойти — и с любой стороны
вылет пчёл на цветы состоится.

Потому что и яблони все зацвели,
а куда от сирени деваться!
И буравят листву золотые шмели,
нагибая соцветья акаций.

Это школьный, старинный, раскидистый сад,
это детства весенняя зона,
где сияющий воздух до неба объят
ровным гулом пчелиного звона.

Над бескрайней равниной побед и потерь
голубые раскинуты сети.
Вот и школьный звонок — и в открытую дверь
на каникулы вырвутся дети.

На окне — позабытая кем-то тетрадь,
жизни пройденной малая вежа.
Улетели! Умчались! Ничем не сдержать
беззаботного детского смеха!

И не веришь, что миг торжества преходящ,
и забудешь, что праздник не вечен:

стоит солнцу зайти — из берёзовых чаш
вылет майских жуков обеспечен.

В темноте они мягко и густо скользят,
зачарованный путь выбирая,
чтобы рушиться вниз и стучаться, как град,
о дощатую крышу сарая.

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ

Над городом виснет свечение
милльона весёлых огней,
и в пламени меркнет значенье
обыденно прожитых дней.

Затми его звоном бокала,
неистовым выплеском сил,
чтоб в небе гремела, сверкала
гигантская россыпь светил!

Бурлит, как горячая лава,
больших городов торжество.
А в поле и слева, и справа —
ни зги, не найти никого.

Вморожена в чёрную вечность
с холодными блёстками звёзд,
лежит пред тобой бесконечность
российских немереных вёрст.

Безжизненным льдом мироздания
оцеплены, скованы мы.
Мы зимние любим гулянья
как пир посредине чумы.

И краткая наша победа
над тем, что чернеет вдали,
рассыплется, словно комета,
взлетевшая к небу с земли.

Александр АБДУЛАЕВ

СОН В РУКУ. Рассказ

Сергей спал бы ещё, но проснулся от грудного надсадного кашля своего деда Питирима. Кашель его донимал последнюю неделю, и тогда дед сотрясаясь всем слабым высохшим телом. Ни различные пилюли, ни горячая грелка на грудь никак не успокаивала старческую хворобу. Получилось так, что, когда сержант Иконников Питирим воевал с немцами и зимой наводил переправу через реку, стоя выше пояса в холодной, обжигающей тело, воде, сильно простудился. Переправу солдаты всё же, несмотря на сильный миномётный огонь, соорудили, но он получил воспаление лёгких. Целый месяц между смертью и жизнью прометался на госпитальной койке гвардеец Иконников и выжил.

И, вот, спустя многие годы телесная немощ дала о себе знать. Дед ночью метался в бреду, что-то пытаясь сказать, но неподвластный язык никак не хотел издавать звуки. Сергей давал ему тёплой кипячёной воды из поильника, вытирал полотенцем крупный пот на лбу и стоял возле деда, пока тот не успокаивался и не засыпал поверхностным болезненным сном. Так в жизни получилось, что они остались только вдвоём на белом свете и крепко держались друг друга.

Сергей, лёжа на диване, ещё находясь в царстве сладкого сна, разлепил отёкшие веки и на некоторое время уставился взором в потолок, по которому пробежали неглубокие борозды трещин. Дом был старый, ещё довоенной постройки. Строители, видимо, не учли глубину промерзания земли или близость грунтовых вод — уложили бетонные фундаменты на быструю руку, и через пятьдесят лет дом скособочился фасадом, и казалось, что он может клянуть в дождливую погоду носом на проезжую часть. Некоторые соседи быстро покумекали, обменяли или продали квартиры по бросовой цене, исчезли из почти аварийного дома, как говорится, от греха подальше.

Деду Питириму было всё равно, откуда снесут его на старый погост. Место у него было там забронировано в одной оградке с женой. Он лежал на кровати возле самой стены и кашлял под одеяло, думая не разбудить своего внука. Болело где-то внутри справа, и, когда Питирим кашлял, то боль усиливалась и острым обручем обхватывала худую с пергаментной кожей грудь. Сергей приподнялся на локоть, пристально всматриваясь на деда. Под синим одеялом чётко вырисовывалось острое плечо, виднелся белый затылок



Александр Шарифович АБДУЛАЕВ родился 6 октября 1955 года в городе Душанбе, Таджикистан. Окончил Чайковский политехникум лёгкой промышленности (1984), факультет риторики университета марксизма-ленинизма Пермского обкома КПСС (1991). Работал в тресте «Воткингэсстрой»: прошёл трудовой путь от рабочего до начальника участка СУ-2. Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Первая творческая публикация относится к 1975 году. Первая книга вышла в 1998 году (в соавторстве): «Имя сей звезды — горькая полынь». Автор более десятка книг. Член Союза писателей России (2008). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов. Кавалер ордена «За личное мужество», ордена Достоевского I степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

с мятыми волосами и край уха с небольшим пушком волос. Сергей опустил ноги на прохладный пол, посмотрел на настенные часы, которые показывали половину восьмого утра. Под окном был слышен приглушённый разговор двух женщин. Солнечный свет пробрался сквозь зелень листвы росшего под окном тополя и стелился по полу, оставляя белёсую полосу.

— Дед, а дед, тебе плохо? — спросил тревожно Сергей ломким ото сна голосом. Дед не ответил, а только стал сипло дышать. «Дела, видимо, совсем неважные», — решил он и быстро подошёл к кровати деда. Пожелтевшее лицо с глубоким провалом щёк, губы обметались белым налётом. Сергей погладил деда по голове, поправил сбившуюся подушку и стоял так раздетый в одних плавках возле кровати, думая, что предпринять. Прошёл по скрипучему полу в прихожую, взял телефон в руку и стал накручивать тугой чёрный диск.

— Диспетчер слушает, — отозвался альтовый женский голос.

— «Скорую» можно вызвать? — Сергей мысленно представил женщину с таким низким голоском. «У неё конец ночной смены. Лицо диспетчера, наверное, усталое с немного красными глазами и к тому же худая, если такой низкий голос», — заключил Сергей, предполагая, как может выглядеть невидимая женщина диспетчер.

— А что случилось? — телефонный голосок резко завибрировал.

— Деду моему плохо, еле дышит... Вы можете приехать побыстрее? — уже настойчиво просил он.

— Приедет бригада через полчаса, не раньше. Всю ночь и утро слишком много вызовов, а машин не хватает. — Диспетчер уточнила адрес и закончила коротко разговор: — Ожидайте.

Сергей прошёл на кухню, отдернул плотную штору, которую ещё повесила покойная бабушка Нюра. Её не стало два года назад, но вещи напоминали о ней и вызвали чувство душевной горечи. Свет потоком хлынул в небольшую кухню, отсвечиваясь на никелированном боку литрового чайника. Сергей покачал чайник, уловив, что там есть вода, чиркнул спичкой, зажёл газовую конфорку, поставил его на гудящий желтоватый огонь, попил по-быстрому слабозаваренный чай из пакетика «Нури». Потом сходил в ванную, набрал под напористой струёй воды в детский тазик и, прихватив с верёвки махровое полотенце, пошёл в комнату умыть деда.

Дед лежал на спине, вытянув руки вдоль тела. Синие вены под тонкой, почти прозрачной, кожей переплетались и на кистях набухли узлами. Руки труженика. Глаза прикрыты, и редкие ресницы слабо дрогнули, когда Сергей подошёл ближе.

— Ну, деда, просыпайся, будем принимать освежающие процедуры. Жизнь продолжается, несмотря на различные неудобства.

Сергей придвинул ногой ближе стул с высокой спинкой, поставил на него тазик с тёплой водой. Дед открыл глаза, стал равнодушно смотреть на него, словно увидел впервые.

— Вчера вроде бы умывался, — разлепив сухие губы, попытался слабо отшутиться Питирим, уголки губ слегка дрогнули. Он хотел облокотиться и привстать немного, но рука безвольно скользнула по одеялу, свесившись вниз.

— Ладно тебе геройствовать. Сейчас приедет «скорая помощь», и отвезём тебя в больницу. Там подлечат, подкормят, и обратно домой вернёшься.

Сергею хотелось не только успокоить своего деда, но и ободрить его словами, которые пришлось ему почти спонтанно сейчас в голову. Он подбил покруче деду подушку под голову. Намочив полотенце, аккуратно стал протирать морщинистое лицо. Питирим лежал, спокойно сомкнув крепко глаза, лицо с острым подбородком выражало покорность и кротость. Дед как-то не раз пытался заговорить с внуком о доме престарелых, но Сергей, не дослушав его доводов, категорически прерывал его речь:

— Вот ведь, что выдумал себе на старости лет. Какой такой дом престарелых?! Твой дом здесь, где мы с тобой живём, у тебя в паспорте штамп стоит. А про смерть рано ещё думать. Она сама придёт без приглашения.

Дед неделю назад было завёл разговор о Лене, подруге Сергея.

— Серёжа, а почему ты не приведёшь сюда жить Елену Васильевну? Женщина она справная, всё при ней, образованная, да и тебя, похоже, любит. Ты напрасно её передерживаешь в невестах, если вовремя не околыцует, то потом лови ветра в поле. Женщина должна не только сердцем, но и всей кожей чувствовать, как её любит мужик, а иначе охладает. Природа не любит пустоты.

— Ладно тебе, дед! Всею своё время и потехе час. Никуда она не денется, только вчера с ней виделись и ходили в театр.

Сергею самому хотелось укрепить их отношения и перевести в другое русло. Ему стукнуло уже тридцать лет, за плечами был один неудачный брак со своей однокурсницей Никой, который не склеился, и они разошлись, прожив всего несколько месяцев. Семейное счастье разбилось в небольшой студенческой комнатухе в шесть квадратных метров. Первое время им хватало места спать на узкой кровати с панцирной сеткой в обнимку. Днём они в аудитории изучали сложную науку сопромат, а ночью испытывали на прочность продавленную сетку своей кровати. Влюблённые исследовали телесные возможности друг друга, и сексуальный накал достигал критической точки, и не вовремя раздавался настойчивый стук по батарее центрального отопления — так давал о себе знать Сергею его однокурсник, которому надоедало слушать ночные рапсодии любовных утех. Возможно, Ника быстро смекнула, что в таких спартанских условиях строить райское будущее не получится, и незаметно съехала на съёмную квартиру, предварительно устроив несколько душещипательных скандалов, как подучила её мать Зинаида Кирилловна, побывавшая в пяти законных браках. Никины родители всегда были против их брака с Сергеем, как они считали, его пролетарское происхождение не совсем подходило для счастья дочери. Они хотели видеть в будущем зяте нечто большее, и через год после окончания инженерного института она уже ездила на работу в бежевой «Волге», сидя на переднем сиденье, с любопытством разглядывая прохожих. Родители подыскили ей стареющего вдовца адвоката с подорванным здоровьем и неплохими накоплениями в Сбербанке. По городу ходили слухи, что он долго не протянет. Кто-то завидовал Нике внезапному богатству, а кто-то осуждал за порочность. Впрочем, каждому своё. А Сергей тяжело переносил разлуку с Никой, совсем запустил учёбу, его вызывали в деканат, грозились отчислить и выселить из общежития. Он ходил бесцельно по городским улицам, опустив низко голову, и даже пришлось лечь в больницу подлечить расшатанные нервы. Тогда спас положение

дед Питирим, он возник в палате, словно волшебник, под Новый год, держа в руке сетку с жёлтыми апельсинами.

— Ты вот что, внучек! — начал вроде бы издалека, но поняв, что нечего тянуть kota за хвост, перешёл ближе к делу, как только они вышли в тёмный, пропахший едкой хлоркой, коридор.

— Забудь эту блудницу раз и навсегда! — дед это говорил, смотря Сергеем прямо в глаза. — Ты не отводи, не отводи своего ясного взора, — настаивал на своём дед.

— Да люблю её, не могу без неё, она у меня первая женщина. Отстали бы все от меня, и так тошно на душе, — тяжело вздыхал в полумраке Сергей, ладони рук у него вспотели от такой больной и шекотливой темы.

— Успокойся, наконец-то! Свет клином не сошёлся на Нике. Ну, крутанула девка хвостом, а ты, как тень за ней вечно будешь ходить, и изводить себя. Как призывали на войну, твоя бабка, царство ей небесное, шла за подводой десять километров до станции, где нас формировали в стрелковый батальон, и дождалась после войны израненного. Вот это любовь! А потом ютились по землянкам после войны, не знали, что такое поесть вдоволь. С утра по заводскому гудку шёл прямиком в цех с куском хлеба в кармане, как бы не опоздать и не подвести своих товарищей. А ты, чуть что, распустил нюни. Ты для чего на свет появился? Запомни!.. Твоя фамилия Иконников и не позорь нас. Ушла девка?.. Да Бог с ней! Нехай катится подальше. Может, и хорошо, что так произошло, а если бы детвора стала появляться на свет, и у вас бы случился этот конфуз. И что от этого — мужику в петлю лезть? Знал я по молодости одного человечка. У него тоже баба была с форсом, губы на помадит и глазами стрельбу устроит. Так дострелялась, что потом мы её муженька из петли вытаскивали. В грязном, обгаженном голубыми чердаке повесился дуралей. Тоже мне любовь! Не губите себя из-за дурных баб. — Дед Питирим шагнул вперёд и порывисто прижал к себе Сергея, зашептал ему горячо в ухо: — Не печалься! Забудь и выкинь из головы эту канитель. У тебя всё будет хорошо, я сон видел накануне, как правнука своего нянчил в зыбке. Вот это продолжение нашего рода. Подтянись и смотри вперёд, Сергей Иконников!

Может, откровенный разговор с дедом или эскулапы постарались вывести Сергея из состояния нервного ступора, но он из больницы выписался со здоровой головой и твёрдым сердцем.

У Сергея после Ники были разные женщины, некоторые не оставили даже лёгких воспоминаний.

С Еленой Васильевной, а точнее Леной, он познакомился год назад на своей работе совершенно случайно. Навстречу ему по длинному и пыльному переходу между корпусами шла красивая девушка с бронзовыми волосами и синими глазами. Короткая юбка приковывала каждый раз мужские взгляды на круглые коленки и стройные ноги бывшей легкоатлетки. Она несла, прижав к себе, пачку документов, но в самое неподходящее время часть из них выскользнула из-под руки и упала на цементный пол. Девушка растерянно остановилась, затем стала собирать папки с пола.

— Может, я помогу вам? — Сергей присел на корточки, собирая бумаги, всматриваясь в синеву глаз. Девушка виновато улыбнулась, блеснув белизной зубов. Лицо с немного широкими скулами

и раскосыми глазами намекало на то, что её далёкими предками были степные кочевники, привыкшие только побеждать, а женщины — смелые и непокорные врагам. Поворотом головы она откинула в сторону медные волосы, под дневным светом они заискрились, словно по ним прошёл сильный искрящийся заряд. У Сергея в тот момент по коже проскользнула электрическая дуга, замкнулась где-то глубоко в голове. Глаза незнакомки равнодушно скользнули по нему, будто оценивая по некой шкале ценностной. Эта рыжеволоска явно знала себе цену.

После этого случая у них произошла ещё одна встреча в столовой НИИ, где они работали на разных этажах. Институт тематически разрабатывал некоторые спецпроекты для Минобороны и располагался в тихом районе в девятиэтажном доме; в нём можно было, работая годами, так и не столкнуться с человеком. Сергей понял, что это некий посыл сверху и не стал испытывать очередной знак судьбы, поспешил выстраивать их отношения по спирали — от простого к сложному. Они через некоторое время, пройдя конфетно-букетный период, стали встречаться у Лены дома. Она жила одна в серийной пятиэтажке. После первой ночи близости у Сергея закрепились мысли, что Лену ему послал добрый небесный ангел.

Дверной звонок надрывался. Сергей поспешил к двери, поняв, что приехала бригада «скорой». По пути он надел джинсы Vrangler, натянул на тело коричневую футболку с коротким рукавом и двумя поворотами ключа в английском замке распахнул дверь. На пороге стояла женщина в белом помятом халате без возраста. Ей можно было дать лет тридцать, а то и пятьдесят. В руке она держала потёртый чемоданчик с красным крестом. На узковатом лице от души наложен плотный макияж. Глаза ничего не выражали, кроме усталости. В ушах сверкнули небольшие серёжки с зелёными камешками. За её худой спиной маячил фельдшер-практикант с лёгким пушком над верхней полноватой губой. От нерешительности он переминался с ноги на ногу, поправлял рукой причёску на вихрастой голове и что-то усердно жевал во рту.

— Вызывали «скорую»? — спросила женщина хрипловатым прокурненным голосом.

— Да, ... да вызывал. Проходите в комнату к деду. Ему что-то уже неделю как плохо.

— А почему тогда раньше не вызывали нас? — недовольно буркнула врач, не задерживаясь в дверях, прошла в комнату. На Сергея слегка пахло слабым парфюмом, который в изобилии продавался на местном рынке под разными брендами. Духи «Шанель» можно было приобрести совсем за небольшие деньги.

— А где медицинская бригада? — поинтересовался он.

— Я в одном лице бригада. Некому работать по ночам! — отозвалась врач. Она достала из чемоданчика фонендоскоп, стала выслушивать дедову грудь: — Подышите поглубже, — попросила она и придвинулась ближе к нему. — Так-так, — на её лице пробежала тень сомнения, кончики узких бровей клюнули ближе к переносице. — Нужно его в больницу отвезти, там уточнят диагноз, да и рентген сделают, кровь из вены возьмут на исследование. Без снимков точного диагноза не поставить, так что собирайтесь, поедем с нами. Она внимательно посмотрела на лежащего деда: — Наверное, он у

вас не ходит. Лёня, сбегай быстро до машины, принеси носилки, — распорядилась врач, собирая чемоданчик.

— Спасибо, что быстро приехали. Деду поможете, — у Сергея неожиданно дрогнул голос.

— Работа у нас такая — людям помогать, — без жеманства ответила врач, присев на стул, положила себе на острые колени чемоданчик. — Лекарств особо нет, так и приходится выкручиваться. До пенсии доработаю и уйду.

Видимо, для убедительности качнула ногой.

— А кто же нас будет лечить? — бесхитростно спросил Сергей. Он услышал шум в прихожей, — это практикант неуклюже вносил в комнату носилки, задевая ручками стены. Они вдвоём переложили с кровати деда на них. Брезент носилок местами выцвел белыми пятнами и был нечист.

— Ну, пойдёмте вниз к машине. У нас много ещё вызовов.

Врач пошла к выходу, унося из квартиры запах «Шанели». Практикант поднял носилки, у него от натуги покраснело лицо, прекратил шевелить челюстями и двинулся вперёд за ней, но Сергей остановил его:

— Я понесу первый, головой вперёд. Это только покойников выносят ногами из дома, а дед у нас ещё поживёт. Ему некуда спешить. Можно сказать, вся жизнь впереди.

Сергей посмотрел на лицо деда, оно посветлело, с глаз ушла мутноватая пелена, и они смотрели на него с надеждой, что всё обойдётся на этот раз благополучно.

Внизу возле зелёного санитарного «УАЗа» сидел на корточках пожилой водитель с натянутой на самые глаза синеватого цвета бейсболкой. Он разглядывал на земле копошившегося в небольшой песчаной кучке муравья, который ташил на себе засохшую травинку. Полноватыми губами, вытянутыми вперёд, водитель поддувал воздух, помогая муравью. Увидев санитаров с носилками и Сергея, он суетливо встал и заспешил открывать дверь в машину. Деда поместили в чрево «скорой». Он лежал, сложив сухие руки с длинными пальцами на груди.

Сергей подошёл к врачу, сидевшему в кабине: — Вы позаботьтесь, пожалуйста, о нём, а я приду к нему в больницу ближе к обеду.

— Да вы не волнуйтесь! Отвезём вашего деда в приёмное отделение, а там решат, что с ним делать. Подлечат, и прибежит домой обратно.

Врач дежурно улыбнулась, показав крупные передние зубы. Смурной водитель завёл машину, и они отъехали от подъезда, оставив Сергея с грустными размышлениями.

Вернувшись, домой, он прошёл на кухню. Поставил варить кофе в турке из нержавейки и, пока вода закипала, в комнате широко раскрыл окно — проветрить застоявшийся ночной запах с примесью «Шанели». Телефон настойчиво звонил. Сергей снял трубку и услышал рассерженный голос Лены:

— Второй раз звоню! Ты спишь что ли?

— Не сплю! Отцу плохо что-то стало, пришлось «скорую» вызывать. Ходил провожать его до машины.

— Нам нужно с тобой поговорить, — настойчиво проговорила Лена.

— Хорошо, я тебя внимательно слушаю. Только быстро схожу на кухню и кофе сниму с плиты, а иначе убежит.

— Разговор не по телефону.

— Тогда давай встретимся в больнице, которая на Можайской, в два часа.

— Ладушки, — Лена чмокнула губами в трубку и отключилась от связи.

Сергей стоял возле входа в приёмный покой и смотрел по сторонам, пытаясь выглянуть Лёну в толпе людей на автобусной остановке. Мельком посмотрел на часы, было уже половина третьего. Солнце стояло высоко в небе и напекало голову. Хотел уже отойти в сторону деревьев и спрятаться в слабую тень, в которой расхаживали грязноватые голуби, как из автобуса выпорхнула Лёна в ярком цветастом платье. Она щедро улыбалась и махала ему рукой. Красивое платье выше колен облегло её фигуру, подчёркивая линии тела.

— Извини! Заждался, наверное? Что-то автобус позновато подошёл.

Лёна притянула Сергея к себе, чмокнула его в щёку. От неё пахло свежестью молодого тела. Лёна взяла его руку и приложила к плоскому животу.

— Ты ничего не чувствуешь? — спросила она загадочно.

— Пока нет. Я что должен почувствовать? — недоумённо спросил Сергей. — На ощупь определить, какое у тебя пищеварение, — усмехнулся он.

— Я не предполагала, что ты такой непонятливый. Лёна отодвинулась от него. Лицо у неё исходило радостное состояние. — Я беременна, — тихо произнесла она. — Ты рад этому!?

Сергей стоял растерянный и не сразу нашёл, что ответить Лёне. У него как-то сразу спазмировалось горло. Пришлось даже несколько раз кашлянуть, чтобы слова смогли сложиться в сухом рту.

— Конечно... конечно рад! А почему ты только сегодня об этом сказала?

— Пока сама не была уверена в этом. Только сегодня проверила тестом.

Сергей от нахлынувших чувств крепко обнял Лёну, нашёл её губы, отдающие спелыми ягодами, поцеловал сначала их, а потом в глаза.

Проходившая мимо старушка, с натянутым головным платком на самый лоб, остановилась и укоризненно покачала головой:

— Вот тоже нашли, где целоваться! Дома нельзя что ли? Ну и пошла у нас в стране молодёжь вместе с перестройкой. Всё стало дозволено. Стыд и срам!

Она хотела что-то ещё сказать, но только махнула раздосадованно рукой, пошла своей дорогой, шаркая ногами со стоптанной обувью.

Дед лежал в большой светлой палате один. От стойки с пузырьком с лекарством тянулась прозрачная трубка, и было видно, как оно капает в слабую пульсирующую венку. Сергей присел на шаткий стул, всматриваясь в лицо деда. Ресницы слегка дрогнули, он повернул голову в сторону Сергея, приоткрыл глаза:

— Пришёл наконец-то. Я уже тебя заждался. Всё думаю, может, мне конец пришёл. Даже мне ангел в белом халате привиделся. Видимо, ошибся, — это дежурная медсестра приходила, уколы делала. Красивая деваха, голова вся в кудряшках, ну чистый ангел во плоти.

Врач, молодой парень был, сказал, что всё будет хорошо и пойду скоро на поправку. Так что ещё поживём, — дед Питирим зашевелился под тонким серым одеялом. Выпростал руку. Потянулся к лицу, поскрёб правую щёку: — Давно не брился. Принеси в следующий раз бритву электрическую, она хоть дребезжит и плохо бреет, но всё же волос можно убрать. — Как у тебя дела? — дед увидел, что в стороне стоит Лена. — Подойди поближе. Хотя на тебя, красавица, посмотрю. Любил я в молодости женщин разглядывать. Все разные, особенные и в каждой своя изюминка заложена от родителей и природы-матушки. Сергей наклонился ближе к дедову уху и прошептал: — Дед, а, дед! У нас в семье будет пополнение. И ты станешь прадедом, так что крепись и выздоравливай.

У Питирима лицо пошло красными пятнами, он глубоко задышал, из глаз по морщинистым щекам закапали прозрачные слёзы. Сухие губы растянулись в полуулыбке:

— Ну, внучек, порадовал старого. После этого обязательно пойду на поправку. Мне надо ещё твоё дитя на руках покачать. А вы идите,... идите, занимайтесь своими делами, а мне поспать захотелось.

Сергей оставил на стуле пакет с провиантом, кивнул головой Лене, и они тихо вышли из палаты, осторожно прикрыв дверь так, чтобы коридорный шум не беспокоил деда Питирима.

Виталий БОГОМОЛОВ

КРУТОЯРОВ. Рассказ

У нас передышка. Сидим с троюродным братом Борькой, пиво пьём, второй раз в жизни встретились. Во дворе, в затенённой яме ещё не докопанного нами погребца, прохладно — блаженство. Я приехал к нему в гости и решил помочь. А на улице зной невыносимый, даже собаки в селе не гавкают. Наверное, в тень попрятались, языки на полметра высунув?

— У меня друг был, — делится неожиданно Боря, думая о чём-то о своём и широко зевая, — Витя Крутойаров...

— А я его знаю, — говорю.

— Откуда ты его можешь знать?! — удивился Боря, отшатнувшись и разглядывая меня в упор, будто впервые увидел. — У него брат предприниматель... — приводит Боря какой-то непонятный мне аргумент.

— Брата не знаю, а Витю знаю. Мы с ним на одной заставе служили.

— Как!? Ты, что ли, тоже на Даманском служил? — встрепенулся Боря.

— Вообще-то застава там называлась Михайловская, — вношу ясность. — А на острове Даманском был только бой. И что же Витя рассказывал тебе про Даманский?

— Ну что... — смешался заметно Боря, видимо, улавливая в моём вопросе какой-то подвох. — Он в том бою здорово, говорит, отличился. Он же здоровенный!

— Да, помню, ростом высок, в плечах широк, не то, что я. — Хотя прошло тридцать лет, и мы за это время ни разу с Витей не встречались, я помнил его хорошо. Допытываюсь у Бори: — И что?

— Косоглазых, говорит, косил только так. Но и сам был ранен. Так ты же знаешь. Раз вместе были. У него, между прочим, орден Боевого Красного Знамени за тот бой.

— Старший сержант Юрий Бабанский, “впрочем между” хэ-хэ, за тот бой (в живых тогда от заставы четверо осталось) Звезду Героя получил, а Витя ранен был и только орден?.. Обидели мужика, — съехидничал я. — А орден этот у него, Борис, ты видел?

— Да нет, — замялся Борис. — Мы же с ним подружились, когда орден он уже потерял. Сняли, скорей всего, со спящего. Он ведь пил по-страшному. В ментовку сколько раз попадал...

— А сейчас?



Виталий Анатольевич БОГОМОЛОВ родился 13 мая 1948 года в городе Тавде Свердловской области. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета (1978). Трудовую деятельность начал в колхозе. Позднее трудился на заводах, в книжном издательстве, в ВОХР, в редакциях местных изданий. Первая творческая публикация относится к 1978 году. Первая книга вышла в 1987 году в городе Москве: «Глухариное утро». Автор двух десятков книг прозы и стихов. Член Союза писателей России (1990). Лауреат нескольких литературных премий и конкурсов, в т. ч. Всероссийского конкурса им. В. Шукшина (1998). Кавалер орденов Достоевского I и II степени (2013, 2011). Живёт в городе Перми.

— Совсем не пьёт, уже год, — ответил Боря скорбно и как-то задумчиво.

— Молоде-ец! — искренне восхитился я, слушая, как говорится, разинув рот.

— Умер.

— Как умер?!

— Ночью поздно шёл по переулку. Видимо, сильно поддатый был... Короче, свалился, отрубился и... больше не проснулся. Здесь вот недалеко. Дело было в начале ноября. Снега ещё, правда, не было, но умер Витя от переохладения. Температура в ту ночь стояла плюсовая, но всего три градуса. Пятьдесят два года было ему только. Хороший парень был, душевный. Водки мы с ним выпили немеряно. Я когда вернулся с Чернобыля облучённый — грунт КАМАЗами там вывозили заражённый — сильно пить стал. Причины были: жена меня тогда бросила, ребёнка увезла... Сын у меня... Теперь уже взрослый юноша...

Он замолчал. Потягивая грустно пиво и думая, видимо, о своей не так сложившейся жизни. Я тоже долго молчал, вспоминая Витю Крутоярова, потрясённый его ранней и такой нелепой кончиной.

— А теперь слушай правду, — сказал я. — Убедительнее правды нет ничего! Служили мы с Витей Крутояровым действительно на одной заставе, да. На Китайской границе. Только от Даманского далеко — в Семипалатинской области. Зато от ядерного полигона не очень, видимо, далеко. Я был старшиной заставы, третьим лицом после двух офицеров, начальника заставы и его зама. А Витя — теперь держись, чернобылец, за сердце! — был у нас хле-бо-пё-ком. Хлеб он выпекал ежедневно. Поэтому на линию границы он никогда не ходил. Службу нёс только часовым по заставе, по четыре часа в сутки, не больше. А всё остальное время — конечно, исключая восемь часов сна — занимался хлебом: у него была большая деревянная дежá, кадушка такая специальная, в ней он заводил квашню. Ну, ты же деревенский, сам знаешь. Готовил дрова, топил печь, месил тесто, делал выпечку... Героизма, конечно, в этом мало, но дело жизненно важное. И хлеб у него, надо признать, получался очень хороший. А руки были накачаны — будь здоров. Не руки — вёсла! Чтобы промесить в дежетесто, надо ведь поворочать его...

Ни в каком бою он, естественно, не участвовал. На нашей заставе, к счастью, не было вооружённых столкновений. И, надо добавить, когда проходили упражнения на стрельбище, стрелял он очень хреново. А вот брагу варить умел. Дрожжей подкопит, сэкономит, у повара сахара наворует и поставит бутыль браги где-нибудь в кустах возле арыка. Не раз на этом попадался. Так за что, скажи, он мог получить орден? Не было у него никакого ордена, Боря! Не было! И не могло быть.

— А он-то нам заливал за выпивкой о своих подвигах, что был ранен... — угрюмо промямлил Боря, разочарованный и обиженный обманом друга.

Помолчал задумчиво и с огорчением проговорил:

— Сколько раз Витька расписывал нам этот бой, я прямо вот до сих пор вижу эту картинку...

— Ну-ка, ну-ка, поделись! Интересно.

— «Я, значит, короткими перебежками к БТРу, — рассказывал

Витька, — укрылся за ним и стал их валить, а их, как рой идёт... А нас осталось-то... И тут меня, — говорит, — как толкнул кто — я вперёд, шагов с десятков пробежал, упал, и опять стреляю, крошу их. Вдруг сзади как даст — меня аж на земле подкинуло! Оглядываюсь — мать честная! БТР-то разворотило, и как раз в том месте, где я стоял. Это меня Ангел-хранитель толкнул. Тут я понял, — говорит, — что за БТРом прятаться опасно, на него же в первую очередь охота идёт. Из РПГ саданули. Дымише повалил... Моторный отсек горит... Я обратно. На броню прыгнул, глянул внутрь, в люк — все мёртвые? Не-ет, старший лейтенант живой. Но и ранен, и контужен. Я его наверх, а он как мешок, да и тяжё-ёлый такой. Ладно, у меня силёнка-то есть. Выволок, на землю спустил... Тут меня и шарахнуло под лопатку. Дальше уже ничего не помню... Только в госпитале узнал, что мне за спасение старлея орден Боевого Красного Знамени выписали, да за ранение...»

— Обманул, выходит? — усмехнулся я, подумав про себя попутно, что в первой стычке на Даманском никаких БТРов ещё не было. Они там появились только 14 марта, во втором бою.

— Обману-ул, — отозвался с огорчениями запоздалым упрёком Борис.

— Ну, понять его можно. Он ведь сознавал в душе, что с его могучим телом — в жизни он ничего не значит. Это, Боря, думаю, его сильно мучило. Оставалось только коров пасти, либо водку пить. А хотелось чего-то героического. Человек он был, надо сказать, с амбициями, только амбиции эти у него были ничем не обеспечены. Вот. Признайся он вам, что хлебопёком был, сделал бы себя предметом ваших насмешек. Не так ли?

— Да, та-ак, — согласился нехотя Боря.

— Вот и сочинил легенду, которая его согревала и поднимала в ваших и в собственных глазах. Человеку всегда ведь хочется чего-то значить и чего-то стоять. У каждого из нас, видимо, сидит в душе бесёнок, который подстрекает нас казаться чем-то бóльшим, чем есть мы на самом деле.

На это Борис ничего не ответил.



Часть 2

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

РУКОПИСЬ. Новелла

В бывшем келейном корпусе разорённого Благовещенского монастыря была найдена пожелтевшая рукопись. Несколько сложенных вместе, скрученных трубкой и перетянутых грязной холщовой тесьмой листов покоились в деревянном ковчежце. А ковчежец, похожий на маленького кабана, помещался в стене одной из келий. Когда новые насельники обители — свезённые в монастырь московские беспризорники — граждане юные, но уже бывалые, задумали изукрасить стены временного своего пристанища неприличного содержания карточками, то обнаружили, что один из кирпичей кладки ничем не связан с товарищами и без труда изымается вон. За этим вольным камнем оказалась небольшая ниша с углублением вправо, где, приклонённый к холодным кирпичам, стоял тот самый ковчежец.

Карточки были немедленно забыты, внимание четырёх обителей кельи переключилось на находку. Под сдавленные восклицания из ковчежца достали свёрнутые трубкой листы. Беспокойные мальчишеские пальцы с вьёвшейся в рисунок кожи грязью стащили препоясавшую листы тесьму, и свет увидела чернильная вязь.

Принялись было разбирать по складам, но не поняли ничего — писано было по-русски, но читалось с трудом. Смысл же многих слов и вовсе ускользал. Тогда порешили отложить чтение до вечера, чтобы, пригласив двух грамотеев, читающих поскладнее и побойчее, расположиться на пустыре за складом.

Не так давно за складом, бывшим ещё несколько лет тому назад Успенским собором, хоронили монахи своих мертвецов. А ныне волею человеческой там исчезли кресты и надгробия, а рукотворно всхолмлённая местность обратилась равниной.

На пустыре собирались иногда для разговоров. Здесь курили тайком, и пепельницей, а точнее, хранилищем окурков, неизменно служил желтоватый череп, найденный кем-то по осени в зарослях высокой и спутанной, как нечёсанные волосы, травы.

После ужина собрались на пустыре. Один принёс листы за пазухой, а тот из приглашённых, на кого возлагались надежды в чтении, приступил*.



Светлана Георгиевна ЗАМЛЕЛОВА родилась в Алма-Ате. Детство прошло на берегу Карского моря в пос. Амдерма (Ненецкий АО). Окончила Российский Государственный Гуманитарный Университет (Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик. Автор романов «Блудные дети», «Скверное происшествие. История одного человека, рассказанная им посмертно», философской монографии «Приблизился предающий... Трансгрессия мифа об Иуде Искарите в XX-XXI вв.», книг «Гностики и фарисеи» (рассказы и повести), «Разочарование» (рассказы и фельетоны), «Посадские сказки» и др. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской Академии Наук и Искусств. Главный редактор сетевого литературного журнала «Камертон». Кандидат философских наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искарита». Кавалер ордена Достоевского I степени.

* Далее текст намеренно приводится в переложении на современный русский язык, при этом сохранён колорит текста XVII века.

«Во имя Отца и Сына, и Святого Духа, и Живоначальных Троицы, и ныне, и присно, и во веки веков, аминь. Се аз, худый и многогрешный Феодор Курица пишу сие исповедание. В лето 16.. года в обители Благовещения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Придя в обитель тремя годами ранее, жил я в небрежении о спасении своём. Жизнь проводил я во зле, пребывая во всякой нечистоте и пьянстве. Перед очами Божиими был я гнуснейшим в рассуждении греха и всяческого блуждения. В пьянстве пребывал чрезуестественном, жил точно скот невоздержанный, точно недужья кошка или свинья бесноватая. И, позабыв иноческое обещание, проводил время с блудницами, вином и брагой упиваясь. Блудом, пьянством, сребролюбием душа моя наполнилась, а не попечением о спасении. Любящих Бога я отвращался, а всякого богоненавистника любил как брата единокровного. Через то помрачал душу свою и спасению своему препятствовал. Но Бог истинный, Бог всемогущий явил свою милость и милостью своей от ада меня спас, недостойного.

Третьего дня ходил я в слободы и в кабаке, питухов и бражников знакомых повстречавши, предался пьянству безудержному и окаянному. А до того как в кабак идти, ходил по рынку, где у баб и девок изымал товар, говоря им, кланяясь: «Мы даём вам пищу духовную, а вы нам подайте физическую». Иные бранились, иные же молчали. И насобирав я товару: связку баранок, ржаного хлеба краюху да круг колбасы кровяной. Да ещё, пожалуй, ковш браги, который не унёс с собой, а тут же и выпил. Да ещё приглянулись мне серьги на одной молодке, серебряные, только сама не отдала, а взять поопасился. И со всем товаром — с баранками на шее, с хлебом за пазухой, с колбасой в кармане — отправился в кабак. А там уже питухи да бражники, теребень кабацкая, меня приняли, обласкали, за стол усадили. И почали мы орать срамные песни и стучать кружками. После вопрошали меня мои товарищи:

— А глаголи нам, черноризче, каково житьё в вашей обители? Довольно ли браги на братию? Приходят ли вдовицы под благословение?

Я же отвечал им:

— Отец архимандрит выйдет, бывало, на двор да и гаркнет: «Стань, белая берёза, у меня назади, а красна девица наперед!» Так не то, что вдовицы залежалые, девки сахарные, без червоточины так в обитель косяками и прут! Мы-то, клирошане-богомольцы, отмахиваемся — на что, мол, нам грех такой! А отец архимандрит настаивает — на то и настоятель, чтоб настаивать! За руки по кельям девок разведёт, а во след ещё и покадит. А как не достанет угля для кадила, велит в слободе баню подпалить, не то — овин. Покадивши, под каждой дверью ведро пивной браги своей рукой поставит...

Слышав такой ответ, стали потешаться бражники, стали ржать, точно жеребя.

А всем известно, что отец архимандрит — муж добрый и праведный, сыт сухой коркой и с грехом никаким не знает, а укрепляет тело и душу постом и молитвой, как в Писании предписано. Это я, образина лихая, свинья непотребная, худородная, оговорил праведника святого.

Начохавшись, пустились в незаконные пляски, кто бия шапкой об пол, а кто бёрца свои вскидывая превыше голов. А после пошёл я к одной вдовице знакомой и с ней уже бражничал. Но в ночь у неё

не остался и поворотил к монастырю. Насилу дошёл, который же был тот час, не знаю, но когда подходил к воротам, ударил колокол. И тут я, по непотребству моему и скудоумию, озлился на колокол, что шибко бил. И встав, задравши голову, смотрел на него и думал: “Что если отвязать колокол да запродать костромским купцам? Чай и задаток хороший возьмёшь...” И задумал я, с пьяных глаз, подняться на колокольню и снять с неё колокол. Но не дошёл до колокола, потому что, пьяный, оступился на лестнице и покатился кóтом, пересчитывая боками ступени и головой стучась в стену. Потом остановился, но встать не смог и думал, что издох. А долго ли так пролежал — не помню.

Когда же очнулся, увидел себя на одре и рядом окрест сосуды греховные. Храмина, в которой от сна убудился, чужая. Темно и просторно, в дальнем углу огонёк светит. И вокруг огня сидят люди. Встал я тогда и пошёл к ним в радости велией, что не издох. И по-дойдя, видел, что на столе светит огарок, и воск с него стекает на стол. И много стояло тут брашна и пития. Вкруг же стола точно сидели люди. Только народ был всё больше дикий — ефиопляне. И всё с хвостами — иные со свинными, иные с лошадиными, у иных же заместо хвоста свисало вервие. Един же от них имел хвост петуший и хвостом непрерывно помахивал. А един был не ефиоплянин, но с пёсией головой. Тогда объял меня страх и трепет, и ужас объял меня. И не мог ни слова сказать, ни пошевелить рукой. Они же стали меня звать за свой стол брашенный, и сам не понимая, как, очутился я за столом.

Брашно и питье исчезли, а весь стол оказался засыпан свитками. И преждевременный с петушьим хвостом сказал мне голосом рыкающим:

— А глаголи нам, черноризче, знаешь ли, что в сих свитках написано?

Но как я не мог сказать ничего, то молчал. Про себя же думал: “Откуда мне знать, что в свитках написано?”

Противник же мой, точно слыша меня, отвечал мне:

— А если неоткуда тебе знать, можешь узнать сейчас. Или вот я возьму любой и прочитаю тебе.

Взял он один от свитков, развернул и стал читать вслух:

— Курица Феодор без правил и в нечистоте пребывает. Душу и тело содержит нечистыми.

Прочитав же, бросил на пол. Взяв другой, стал снова читать:

— Правило иноческое презрел и обычай иноческий не исполнял.

Бросил и этот, взял третий:

— Великую четырёхдесятницу не соблюдает и против святых дней упивается вином и блудной страсти своей отдаётся.

И этот бросил на пол и потянулся за следующим.

И всякий раз, когда бросал он свиток, вся компания застольная поднимала вой и ржание, иные же хрюкали, иные икали. И хвосты свои поднимали выпрь. Понял я, что все эти свитки суть грехи мои и что настал час пролиться на меня фиалу Божия гнева.

Вдруг исчезли все свитки и распространился дух зловонный. А следом возникло на столе ведро на шестнадцать ковшей. И тот, что с петушьим хвостом, сказал:

— А ну, глаголи нам, черноризче, выпьешь ли ведро сие пива

крепкого? Коли выпьешь — ступай до времени. Не выпьешь — душу твою возьмём.

И снова захрюкали, затыкали, заржали да заикали мои сотоварищи новые. Поднялся я, зачерпнул ковшом и стал пить. Но не мёд, не брагу и не пиво я пил. Кислое с горечью вино, пенное, сугубо хмельное, а дух такой, как бывает в хлеву, когда долго не чистят и когда там кошка живёт.

Выпил я свой ковш и покачнулся. Стал другой набирать, а в ведре — Господи, помилуй — не убавляется. Выпил я второй ковш, стало тут всё в глазах моих кружиться, и хвосты заплясали, завертелись передо мной. А браги меньше не становится.

Тут я спяну и в отчаянии хватил ковшом об пол, и все вдруг затихли. Я же возопил: “Божий есмь аз! Божий — не ваш! Вем, яко щедроты Его на всех делах Его!”

Тут стала таять храмина, также и стол, и все ефиопляне. Последним растаял петуший хвост. Я же открыл глаза и увидел себя в гробу посреди Успенского храма. А рядом трёх иноков, читавших Псалтирь. Когда открыл я глаза и сел в гробу, один от иноков — Касьян — с криком страшным и диким бросился вон. Другой — Демьян — упал тут же в бесчувствии. Третий же — Ефрем — старец, муж древний и добрый сказал мне:

— Мы думали, ты помер, даже свечу тебе подносили. Как нашли тебя вчера на лестнице в колокольне...”

Здесь рукопись обрывалась...

За неимением лучшего места хранения, листы снова препроводили в тайник. Вскоре приют для беспризорников перевели в другое место, а в бывших монастырских кельях разместилась милиция и КПЗ. В суете переезда о рукописи забыли. И лишь недавно, когда приступили к восстановлению обители, вновь обнаружили в стене ковчежец. Он подгнил и крошился с боков. Но рукопись сохранилась неплохо. Только листы ещё потемнели. Находку передали настоятельнице. Запершись в келье, мать игуменья ознакомилась с рукописью, после чего снарядила в епархию нарочного. От Владыки пришёл ответ оставить рукопись до времени в монастыре.

Мать игуменья закрыла ковчежец в шкаф и, кажется, вовсе забыла о нём...

Елена ДОЛГОВА

ВЕРЕСКОВЫЙ ВЕНОК. Фантастический триллер

Окончание. Начало в альманахе «Литературная Пермь» N 22, 2018

* * *

В этой темноте он блуждал довольно долго, ориентируясь в основном на ошупь и натываясь на заблокированные двери. Лестничную площадку перегородила прочная решётка системы безопасности, но один из кабинетов, наоборот, зиял проёмом грубо выломанной двери. Под огнём излучателей мебель внутри превратилась в угловатое месиво потёкшего пластика и покорёженной арматуры. В самом дальнем углу, на загаженном полу скорчилась сутулая человеческая фигура. Мужчина был мёртв. Его убили относительно недавно, аккуратно угодив лучом прямо в область сердца. Ни оружия, ни документов на теле не оказалось, только миниатюрный и незаметный чип-ключ в правом нагрудном кармане рубашки.

Цилиан забрал чип и вернулся к лестничной клетке. Чуда не произошло, решётка не открылась, ключ и замок явно не подходили друг у другу. Тэн уже собирался двинуться дальше, но под влиянием минутного импульса снова вернулся в разгромленный кабинет, обошел груды сломанной мебели и обследовал стену.

...Сейф скрывался под настенной панелью, чип легко подошёл к разёму, толстая дверца, шелкнув, открылась...

Цилиан, чьё зрение уже кое-как адаптировалось к мраку, перебрал содержимое. Папки с жирным грифом «секретно» вернул на место, пистолет проверил и сунул за пояс, включил и попытался настроить уником приоритетной связи.

«По правилам связаться с руководством и доложить, о случившемся, да вот только кому? Наш шеф, видимо, убит. Для министра внутренних дел я слишком мелкая сошка, и всё же попробовать стоит».

Связь явно глушили, хотя и не вполне удачно — «интеллект» уникала работал, кое-как отфильтровывая помехи. Цилиан попытался связаться с Фантомом, подождал, вслушиваясь в шелест и непонятный гул, но ответа не получил. В Министерстве внутренних дел, несмотря на поздний час, ему повезло чуть больше.

— Слушаю, — раздался причудливо искажённый голос.

— На связи стажёр Департамента обзора, Тэн Цилиан. У нас экстренная ситуация, «красная тревога». Разрешите сделать доклад лично господину министру.



Елена Владимировна ДОЛГОВА родилась 24 апреля 1964 в городе Соликамске Пермской области. Окончила электротехнический факультет Пермского политехнического института (ныне — Пермский национальный исследовательский политехнический университет — ПНИПУ), после чего занималась исследованиями в области технической кибернетики и искусственного интеллекта; доктор наук. В настоящее время работает в ПНИПУ: профессор кафедры информационных технологий и автоматизированных систем. Член Союза писателей России (2005). Известная писательница-фантаст. В жанре фантастики впервые выступила в 2001 году. Автор более десяти книг, в основном вышедших в московских издательствах. Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в Перми.

— На связи искусственный интеллект аппарата министерства внутренних дел, — раздался всё тот же тусклый голос. — Простите, мастер Цилиан, у министра сейчас не приёмные часы, но я могу записать вас на дневное время, ближайший срок — через неделю.

— Дело не терпит отлагательства. Ещё раз повторяю, «красная тревога».

Искусственный интеллект помедлил, словно испытывая человеческие колебания, и в конце концов снова заговорил сиплым от помех голосом:

— Из-за участвовавших случаев обмана такого рода сообщения нужно верифицировать личным кодом.

— Два-семь-десять-три, сорок шесть, це, двенадцать.

— Код верен, личность установлена по голосу. Извините, но вы сейчас пользуетесь чужим каналом связи. Уровень допуска не позволяет вам объявлять «красную тревогу». Обратитесь к вышестоящему офицеру.

— Не могу, все они мертвы или захвачены мятежниками, — ответил Цилиан, изо всех сил стараясь не сорваться на ругань.

— Мертвы? Такой ситуации нет в моих деловых протоколах.

— Тогда просто соедините меня с любым человеком из аппарата министерства. Можно даже с охраной.

— Сейчас министерство полностью безлюдно. Приходите завтра утром, я постараюсь разобраться в ситуации.

— Слушай, железяка! Нас блокировали в Пирамиде. Тут мятеж, возможно, я до утра не доживу.

— Искренне сочувствую, но не знаю, как выправить эту ситуацию. Ответьте, пожалуйста, на двадцать вопросов, это поможет улучшить алгоритмы моей работы.

Обозлённый Цилиан придавил кнопку отбоя. «Будь проклят этот кибер-бюрократ. В здании министерства людей сейчас нет, сбежала даже охрана, значит, дела в столице совсем плохи». Он искал канал связи с президентом Бартом, но не нашёл, видимо, мёртвый владелец уникала не обладал такой привилегией.

Следующий звонок Тэн сделал в квартиру родителей, набрав номер по памяти. Он терпеливо ждал, но не получил даже автоматического ответа — похоже, связь с гражданскими кварталами Порт-Иллири полностью прекратилась.

Оставалось поговорить с Йенет, но этому мешали охватившие Тэна сомнения. Он верил ей, и вместе с тем не верил, словно привычный образ распался на две несовместимые части. Веских причин для обвинений не было — лишь слухи, сплетни и биологические различия, которые делали их двоих существами разной природы. Логических причин для доверия, впрочем, тоже не существовало — лишь такие эфемерные материи, как уже прошедшая весна, вереск на болотах и кольцо Тэна, которое ещё оставалось на пальце девушки. Этой ночью вера и логика пришли в противоречие, и в этом заключалась слабость склонного к анализу Цилиана...

Он быстро набрал номер и через несколько секунд услышал знакомый ровный голос.

— Младший аналитик Май на связи.

Под влиянием секундного импульса Цилиан промолчал, хотя пауза странно затягивалась.

— Это ты? — на этот раз голос девушки звучал вопросительно, в нём появились лёгкие, едва заметные интонации тревоги.

В динамике раздавались и другие звуки — чужие люди в той же комнате то спорили, что ли ссорились.

— Да, это я, — ответил наконец Тэн, сообразив, что разумнее не называть себе по-имени.

— Плохо слышно, поговорим попозже.

Связь резко прервалась. Цилиан машинально сдвинул в кулаке крепкий корпус уника, но смирился — оставалось только ждать. Ответный звонок пришёл не сразу и грянул в тишине будто сигнал тревоги.

— Ты в порядке, Тэн? Не ранен? — быстро спросила Йенет.

— Цел, пытаюсь выбраться наружу. Как ты сама? Свободно говорить можешь?

— Могу. Я пока что в безопасности, Ролан верит в мою лояльность, но это не надолго. Я сломаюсь, как только он прикажет кого-нибудь убить.

— Он что, заставляет это делать?!

— Да-да-да!

Тэн на миг оцепенел. Потом устыдился своих недавних сомнений. Йени осталась прежней, она ничуть не изменилась, и лишь его, Цилиана, излишняя мнительность наделила её чертами вероломства.

— Уходи оттуда. На котором ты ярусе?

— На восемнадцатом.

— Я сейчас на двадцать седьмом. Решётки лестниц открыть сумеешь?

— У меня в кармане ключ.

— Разблокируй их и жди меня, спущусь до восемнадцатого, дальше пойдём вместе. Будь осторожна, отбой.

...Решётка лестницы вскоре открылась, ждать пришлось совсем недолго. Держа оружие наготове, Цилиан спускался так быстро, как только мог, с учётом жёсткой необходимости не поднимать лишнего шума. На уровне девятнадцатого этажа он остановился, осмотрелся и прислушался. Мёртвая тишина сменилась гомоном, лязгом дверей, грохотом тяжёлых предметов, возможно, ящиков со снаряжением. Чуть тлело аварийное освещение.

— Йени?

— Я здесь, уже жду тебя.

Она появилась из полумрака лестничной клетки — безоружная, в офисном костюме и без пси-защиты. Цилиан смотрел на совершенное лицо девушки, прежние сомнения полностью отпали и теперь казались ему нелепыми.

— Сумеешь прикрыть нас от пси-атаки?

— Конечно. Можешь на меня положиться.

Они вместе пробежали четыре лестничных пролёта.

На уровне пятнадцатого яруса Цилиана охватила сильная и внезапная усталость. На уровне четырнадцатого он понял, что едва держится на ногах. На уровне тринадцатого почувствовал, что уже не держится, и сел на пол.

Тэн не понимал, что происходит. Мысли ворочались на редкость вяло. Даже удивление и отчаяние выглядели какими-то тусклыми. Рука безвольно разжалась, пистолет-излучатель выпал.

— Йени, помоги мне, — позвал Цилиан, но не получил ответа. Девушка словно бы бесследно исчезла, а вместо неё появились две плотные мужские фигуры.

Один из незнакомцев обезоружил и обыскал Цилиана, второй надел на него наручники и бесцеремонно направил фонарик в зрачки. Веки опустить не получилось — они не слушались.

— Парень спёкся. Хорошая, качественная пси-навodka. Без травм, без крика.

— Добьём прямо сейчас?

— Не надо лишней инициативы. Ролан приказал — сначала привести к нему.

— Простого стажёра? Зачем он нужен...

— Не твоего ума дело.

Тэна рывком подняли на ноги и скорее повели, чем потащили. Слабость немного прошла, хотя оцепенение в мышцах так и не исчезло. Теперь сил хватало, на то, чтобы медленно брести, моргать, немного двигать шеей, зато пререкаться и сопротивляться совсем не хотелось.

Мятежники, судя по радужкам глаз, оба псионики, держались уверенно и беззаботно. Они до сих пор носили униформу Департамента и даже не потрудились убрать с неё шевроны.

— Готово, пришли.

Дверь с шипением ушла в стену, Тэн очутился в ярко освещённом кабинете и рефлекторно зажмурился. Его толкнули на жёсткое сиденье, скрепленные наручниками запястья завели за спинку стула.

— Можете идти, — раздался голос, мужской, но довольно высокий, и псионики, привычно отдав честь, вышли.

Оцепенение исчезло, и Цилиан, шурясь, устоял на хозяина кабинета.

Аналитик Ролан сидел, расслабившись, и не в кресле, а на краю стола. Лидер мятежа был не стар, скорее даже молод, но уже приобрёл вид без возраста, характерный для почти растративших свой ресурс псиоников. Он носил не мундир, а гражданскую одежду, был не уродлив, но приятной внешностью тоже не отличился — бледный, весь какой-то бесцветный, с широким тонкогубым ртом.

— Добрый вечер, — сказал Ролан и улыбнулся своей характерной «лягушачьей» улыбкой.

— Сейчас не вечер, а ночь, — ответил Цилиан, скорее из упрямства и отчаяния, чем ради истины.

— Ну-ну, не придирайтесь. Кстати, раз уж вас привели ко мне, то представьтесь и поздоровайтесь.

— Вы предатель. Так что обойдётесь без моих приветствий.

— Ого, какой лоялист! Упрямство дерзкое и бесполезное. Ваши мысли я читаю так же легко, как плакат на стене. Вы — стажёр Тэн Цилиан и только что сбежали из-под стражи. В целом поступок объяснимый, но с моей точки зрения не похвальный.

— И что теперь делать станете — убьёте меня или вернёте назад?

— Даже не знаю. На миг я подумал — может и в само деле выпустить вас наружу и отправить в власти Порт-Калинуса с моим ультиматумом... Потом решил, что смысла в ультиматумах нет.

— Конечно. Вы предали коллег и руководство. У вас руки по локоть в крови. Вас всё равно уничтожат.

Ролан, казалось, не обиделся, а лишь сухо рассмеялся, широкая улыбка несколько увяла.

— Руки в крови? Ну, это если только выражаться фигурально. На самом деле я отравительный стрелок и убиваю людей в основном ментальным ударом — быстрым или медленным, смотря по обстоятельствам.

— Что такое медленный ментальный удар?

— Вам лучше не знать.

— И большой список жертв накопили?

— Жертва? Ещё неизвестно, кто тут нас тут жертва. Не торопитесь, стажёр Цилиан, разговор будет не самым коротким.

Тэна пошевелил скованными руками, попытался подёргаться, но эта попытка показала, что стул, скорее всего, привинчен к полу.

— Какой же вы зловерный упрямец, — заметил аналитик, проследивший за этой попыткой. — На чём мы с вами остановились? На определении понятия жертвы?

— На том, что вы предатель.

— Ну-ну, какие громкие слова. Кстати, вы никогда не слышали про явление, которое называется «негативный эффект Калассиана»?

— Нет, — вынужден был ответить Тэн, и Ролан кивнул, подтверждая, что принимает ответ.

— Конечно, не слышали, вашего уровня доступа не хватило, а ведь история интересная. Название «Калассиановский центр ментальных исследований» хоть о чём-нибудь говорит?

Тэн невольно задумался, удивлённый выдержкой врага и странным ходом беседы.

— Был такой научный институт. Назвали, кажется, в честь спонсора-основателя, — наконец нехотя ответил он.

— Всё верно. Калассиановский центр имел два сектора — открытый и закрытый. Открытый чем-то походил на обычную клинику и принимал посетителей с ментальными проблемами. Закрытый занимался исследованиями... военного характера. Этот факт в конце концов и сгубил всю контору.

— В смысле?

— Забыли? Ну да, подростки редко интересуются такими вещами. В те годы я тоже был подростком, а заодно и пациентом клиники имени Калассиана. Агенты Иллирианской Империи подкинули в здание мину-дезинтегратор. Людям она, вроде бы, не вредила, а вот бетон, стекло и металл превращала в грязную пену. В итоге здание растаяло вместе со всеми своими секретами, а я оказался на улице весь грязный и с голой задницей, вместе другими такими же неудачниками.

— Что же, прискорбно.

— Иронизируете, а зря. Мне вот наплевать на этот центр, интересно другое... Уцелевшие обрывки информации их их базы потом без разбору свалили в систему Департамента. Они там валялись годами, пока я их не выудил.

— Стоящий улов получился?

— Стоящий, — скулы аналитика напряглись, скрещенные на груди руки оцепенели. «Негативный эффект Калассиана» — очень интересное и строго засекреченное явление. Заключается в том, что псионики от общения с нормаментальными усиленно стареют. То есть

они медленно и неотвратно умирают не от своей пси-практики, а всего лишь от контактов с тупицами вроде вас.

— Что за контакты вы имеете в виду?

— Любые контакты, кроме дистанционных, то есть, в основном, присутствие и прикосновение.

— Лжёте, — сказал крайне удивлённый Цилиан, ощущая, как горит его лицо.

— Нет, не лгу. Жаль, что вы не читаете мысли, а то бы поняли, насколько я искренен. Например, эта ваша «верная» подруга, Йенет Май... Из-за эффекта Калассиана вы её невольный убийца... Ну, не ругайтесь, не надо, не поможет.

— Где она?

— Отдыхает после того, как сдала вас, используя ментальное принуждение. Усталость почувствовали? Внезапно ослабели в хлам? Ну вот, это оно и было.

— Не правда!

— Правда, правда...

Ролан слез со стола, пересел в кресло возле стеклянной стены и снова приняв расслабленную позу.

— Ладно, успокойтесь, о нашей милой Май и её сомнительной морали поговорим потом. Теперь вы понимаете мои мотивы. Я хочу лишь жизни и справедливости, для себя и для остальных.

Ошеломлённый Тэн не сразу придумал, что ответить.

— Ладно, допустим, всё это не враньё. Но зачем понадобилось убивать людей? Справедливости можно добиться иначе. Надо было опубликовать исследования Калассиана.

— Какой же вы наивный... — Ролан хмыкнул. — Публиковать такое никто не захочет. Меня бы наказали за разглашение.

— Стоило хотя бы попытаться.

— Ну, допустим, я бы попытался и, чем чёрт не шутит, даже преуспел. А что потом? Нормаментальных больше. Псионики — меньшинство. Нас бы интернировали, а я не хочу лишаться свободы и прав ради удобства таких, как вы, тупиц.

— Тупиц?

— Ну да. Мы, а не вы — следующая ступень эволюции.

Цилиан вдохнул и выдохнул, пытаясь успокоиться. В словах Аналитика, при всём его самолюбании, присутствовала некая логика и даже приблизительное подобие правоты. Сколько её там было — четверть, половина?

— Зачем все эти откровения?

— О, не ради вашего сочувствия. Просто пора решать, как поступить с заложниками. Обменивать таких, как вы, стажёров на высокопоставленных псиоников, политиков и бизнесменов, никто не станет. Я могу вас убить, а могу и отпустить. Остаётся лишь выбрать, что выгоднее и приятнее. Бойтесь?

— Нет.

— Врете. Ради кого собрались умирать? Ради господина Фантома? Он даже имени вашего не знает.

«Я вообще не хочу умирать, — в отчаянии подумал Тэн. — Но и просить пощады у этого уроды не стану. Мысли подавить не получается, те самые, которые он читает. Предатель, жаба драная, чтоб он сдох!»

— Ого, экспрессия пошла! — радостно заметил Ролан, которому душевное состояние Тэна, похоже, понравилось. — Какая яркая, хорошая энергетика, вот только пробел в объективности налицо. Очень уж вам не хочется вспоминать о своей переменчивой невесте. Только дурак не догадается, что леди Май помогала вас поймать, но вы загнали эту идею в подсознание.

— Сволочь. Вы сволочь.

— Нет, я Аналитик.

— Йени меня не предавала.

— Разве? Хватит себя обманывать, я видел её душу насквозь. Вы этой девушке нравились, перспективный молодой парень, удобный спутник в жизни, но не более того. Теперь обстоятельства переменились, и ваша Йени ради вас рисковать не желает. Честно говоря, такое поведение не вызывает у меня уважения. Был бы выбор, взял бы я в соратники вас, а не её.

— Не льстите, не сработает.

— Не лъщу. Жаль, что вы не псионик.

Ролан слегка вздохнул и чуть-чуть поскукнел, будто облако ещё сильнее омрачило и так серые небеса.

— Итак, пора подводить итоги, — более жёстко продолжил он. — Мой диагноз — вы враг, энергичный и опасный. Приговор — элиминация. Впрочем, прямо сейчас вас не убьют, поддержим ещё несколько часов, вдруг придумаем, как использовать. Охрана, уведите гостя!

— Погодите, погодите! — выкрикнул Цилиан, когда псионики с шевронами на рукавах уже стояли на пороге.

— Ну, чего ещё? — вяло поинтересовался аналитик. — А! Всё понятно, хотите ещё разок увидеться с Йенет Май. Последнее желание свято. Я пришлю вашу даму прямо сюда. Общайтесь на здоровье, только без грубой ругани, пожалуйста, и постарайтесь соблюдать видимость приличий.

После этой фразы Ролан без единого жеста и звука, видимо, одним ментальным приказом отпустил охрану.

— О! У меня родилась идея! — добавил он деловито. — Захотелось, так сказать, подарить вам последний шанс. Сделаем так... Я приглашу сюда леди Май. У неё будет выбор. Вариант первый — роман с вами и ранняя смерть от истощения. Вариант второй — победа над угнетателями, развитие способностей, долгая жизнь. Если девушка решит, что ваши отношения важнее, препятствовать не стану — уходите вместе. Если же нет... ну, это нормально. Слишком святых женщин я ещё не встречал.

Цилиан обмяк на стуле. Сердце бешено колотилось.

— Ладно, давайте, — мрачно согласился он. — Только не радуйтесь, я не стану вместо себя подставлять свою невесту. Просто хотелось бы повидаться, вот и всё.

— Как пожелаете. Всё в ваших руках, — сказал Аналитик и исчез за раздвижной дверью.

* * *

Йенет Май появилась спустя время — вошла, беззвучно ступая ногами, обутыми в туфельки из мягкой кожи. Офисный костюм даже не помялся. Свежая рубашка сияла белизной.

— Снова здравствуй, Йени, — сказал Цилиан, поднимая опущенную голову и двигая за спиной скованными руками.

Девушка лишь кивнула в ответ и опустилась в кресло напротив. На бледном лице сияли кармином подкрашенные губы, под искристыми глазами залегли серые тени.

— Мне очень стыдно, Тэн. Я не хотела тебя выдавать, но сам знаешь, Ролан читает мысли. Если можешь, прости.

Несмотря на формальные слова раскаяния, голос Йенет звучал настолько бесстрастно и гордо, что Цилиана охватила тоска.

— Врала ты здорово. Я даже полностью поверил, — ответил он с коротким смешком.

— Выбора не оставалось, пришлось подыгрывать жожаку.

— Он продолжает следить за нами?

— Конечно. Сидит себе в соседней комнате.

— Ладно, понятно, и не подумай лишнего, твоего самопожертвования мне не надо. Знаю, отрицательный эффект Калассиана, Ролан всё рассказал, только зачем ты так со мной... Ладно, ты не очень-то меня любила, но почему молчала? Я бы понял. Я бы тебя отпустил.

Девушка медлила. Она отвернулась в сторону закрытого плотной шторой оконного проёма. Теперь Цилиан видел лишь тёмные кудри Йенет и её нежный профиль.

— Может, придумаем какой выход, — продолжил он, цепляясь за последнюю надежду. — Давай, примем предложение твоего босс-психа. Уйдём отсюда вместе, а потом расстанемся. Я всем скажу, что ты сражалась с мятежниками. Если будет суд, повторю то же самое под присягой.

— Нет.

— Почему нет?

Девушка обернулась. В сузившихся от ярости глазах полыхали белые искры гнева. Ментальное напряжение оказалось таким сильным, что его почувствовал даже лишенный способностей Цилиан, у которого мурашки побежали по коже. Псионичка, впрочем, быстро овладела собой.

— Да ты недоумок, милый, если решил, что наш Аналитик не заметит вранья. — холодно сказала она. — Нет никакого выхода, ни для тебя, ни для меня, и у Ролана всё просчитано. Я не такая сука, как ты подумал, и в тебя на самом деле влюбилась, но уж, прости, умирать за это не хочу.

— Я и не просил.

— Какая разница, о чём ты просишь? Здесь правила задает Ролан, и мысли тоже читает Ролан. Раз я не хочу за тебя умирать, значит, тебя прикончат — это и есть новые правила.

— Йени! Очнись! Этот «аналитик» просто псих, к Пирамиде подтянут армию, а потом вас всех перебьют. Тебе лучше от них сбежать. Блокируй дверь, сними с меня наручники, вскрыем сейф, возьмём оружие и защиту, остальное я сделаю сам. Или умру, или прорвусь, но ты виновата не будешь.

Йенет, казалось, дрогнула. Лицо смягчилось. Белые искры в глазах почти угасли. Цилиан ждал ответа, затаив дыхание.

— Ты иногда просто шикарен. Жаль только, слишком поздно... — после затянувшейся паузы прошептала она.

— Исправить ошибку никогда не поздно.

— Да что ты говоришь? Думаешь почему я встала на сторону мятежа?

— Аналитик — твой начальник, он промыл тебе мозги.

— Нет. Я сделала это от отчаяния. Настоящая причина, конечно, в тебе.

Йенет уставилась прямо в зрачки Цилиана. Искры в её глазах то загорались, то гасли, подчиняясь мимолётным переменам настроения.

— Помнишь нашу с тобой весну, торфяные болота, охоту? — спросила она, стиснув тонкие пальцы и наклонившись вперед.

— Конечно, помню.

— В тот день я заглянула в твою судьбу и увидела кое-что неприятное. Оно меня ранило. Обесценило наше общее будущее, умножило его на ноль.

— Йени, это очень глупо и совсем не смешно. Наши жизни прямо сейчас в опасности, а ты устраиваешь сцену. В тот день цвёл вереск и надыхалась дурмана. Вообще-то, Май предупреждал насчет странностей, но я не понимал, насколько всё запущено. Так что извини, но...

— Не дёргайся, Тэн. Хочешь узнать, что было в видении?

— Нет, не хочу. Замолчи.

— А я всё равно расскажу.

Цилиан прикинул, не удастся ли зажать уши, но скованные за спиной руки фатально этому мешали. «Придётся вытерпеть, — уныло подумал он. — Времени всё меньше, шансов на побег всё меньше, а я сижу и слушаю фантазии Йени, который она подцепила от аналитика-шизика».

— Ладно, валяй, — сказал он вслух. — Что ты там нагадала на болотах?

— Пройдёт всего несколько лет, ты встретишь и полюбишь другую.

— Как не оригинально. Только твоей ревности мне и не хватало.

— Это не всё. В тридцать один год ты будешь убит, умрёшь страшной смертью, но даже после этого не получишь покоя.

— Что за чушь! Почему в тридцать один? В каком это смысле не получу?

— Этого я не скажу. Допустим, не знаю.

— Ну уж, хватит! — заорал разъярённый Цилиан и рванул так, что хрустнули скованные запястья. — Если твоё пророчество не бред, значит, я сегодня выживу — это с гарантией. А раз выживу, значит, Ролану конец, я ему шею сверну. Впереди ещё много лет, ничего, прорвёмся. Давай, не будем предавать друг друга.

— Жаль, что ты не понимаешь. Я ведь хочу поступить правильно. Если будущего у нас нет, может, лучше умереть вместе.

— Ты же сама сказала, что умирать не хочешь — ну и где здесь логика?

— Одна не хочу, а а вместе с тобой согласна. Можно сделать это ментально, получится красиво. Уйдём в один миг, останемся молодыми. Согласен?

— Сдаться без боя? Только этого Ролан и хочет. Ну уж нет.

— Знаешь, твой отказ — это больно.

Йенет поникла и отвернулась.

«Похоже, Ролан тут не главный психопат, — подумал ошеломлённый Цилиан. — Йени больше не та девушка, которую я знал.

Она — непонятно кто и ведёт себя крайне странно и не логично».

В этот миг зашипела пневматика и раздвижная дверь снова отворилась.

— Похоже, беседа зашла в тупик, — раздался ироничный голос аналитика. — Браво, аплодирую спектаклю, слушать вас было интересно, только времени больше нет. Так что — занавес.

— Её сумасшествие — ваших рук дело?

— О, нет! Ну, или «почти нет». А что — раньше за нашей Йени не водились странности?

— Придёт время, вы за всё заплатите, за то, что её поломали, тоже.

— А я не сомневаюсь, что слова Тэна Цициана — пустой трёп. Раз жертвовать собой тут никто не собирается... Эй, охрана! Парня — к другим пленным, девушку — на первую линию обороны, пусть там проявляет свою агрессию.

— Йени! — закричал Тэн, которого уже ташили к выходу. — Йени, очнись! Тобой манипулируют. Вспомни, кем ты была на самом деле!

— Да хватит уж фантазировать, — холодно отрезал Аналитик. — Кем она была, тем и осталась — самовлюблённой куклой.

— Её предсказание правдиво?

— Какая разница? Мне наплевать.

* * *

Цициана увели и освободили от наручников. Остаток ночи он провёл на первом ярусе Пирамиды, сидя на полу спортивного зала, в который согнали выживших лоялистов. Рядом коротал время уже знакомый темноволосый парень по имени Арди.

— Прости, друг, мы не справились с задачей, — сказал он, оправдываясь. — Как только ты начал спуск, так вскоре к нам и вломились. Тамика убили, Лео убили, Стасю убили. Со мной что-то сделали пси-наводкой. Крови нет, но в желудке боль, пробовал воду пить — тошнит.

Арди и в самом деле выглядел паршиво, щёки запали, лицо приобрело землистый оттенок.

— Нас освободят, тебя вылечат, — пообещал Тэн, чтобы хоть немного утешить товарища.

— Не «когда», а «если», да и то едва ли. А тобой что сделали?

— Ничего. Пообещали убить и показали мою бывшую невесту.

— Она псионичка? Получается, бросила тебя?

— Да. Бросила. Предсказала мне одни поражения и назвала недоумком.

— Не бери в голову, — заметил Арди, который оказался довольно проницательным парнем. — Это девушка нарочно, чтобы спрятать свои настоящие мысли и прикрыть заодно тебя. Советую верить в мою версию, пока мутантскую сволочь не разобьют. Когда всё закончится, встретитесь снова и разберётесь.

— Думаешь, будет штурм?

— Наверняка.

... В переполненном зале застоялся спёртый воздух. Воду для питья набирали в душевой — у этой сомнительной влаги оказался

железистый вкус. Еды не давали никакой. Мужчины и женщины в зале стонали, ругались, спорили, молились. Кто-то плакал, стараясь сделать это незаметно. Кто-то, похоже, и вовсе умирал.

«Почему мы так легко и глупо сдались? — мрачно размышлял Тэн, которому не удавалось уснуть. — Нормаментальных в Пирамиде больше, все обучены, многие были вооружены, но мало кто оказал настоящее сопротивление. Это позорный проигрыш, и причина в том, что никто не считал псиоников врагами. Никто не ожидал, что атакуют наше сознание. Я бы точно не смог убить Йенет...»

Под утро Цилиан всё же отключился, но вскоре проснулся от толчка.

— Вставай, брат, — хрипло прошептал Арди. — Мне совсем плохо, наверное, скоро конец. А ещё нас пришли убивать.

— Подъём, тупицы! — раздался от входа чей-то звучный голос. — Двадцать человек на месте, остальные — в дальний конец.

Наводка хлестнула по толпе, заставляя людей подчиняться. Цилиан рассмотрел того, кто выкрикивал приказы — псионик зачем-то закатал рукава униформы, на вид он был крепок, заносчив и пока не растратил свой ментальный ресурс. Одно ухо у этого парня полностью отсутствовало, на этом месте розовел неровный шрам.

— Вы, двадцать тупиц, быстро построиться в шеренгу! — снова закричал одноухий.

Тэну пришлось поддержать товарища, когда, пытаясь подняться, тот скорчился от рвотного позыва. Измученные люди всё же кое-как построились.

— Сейчас они убьют каждого нечётного, — прошептал Арди, переводя дыхание и вытирая мокрое от пота и слёз лицо.

— Откуда знаешь?

— Так уже делали, что-то вроде посвящения для своих. Я всё равно не жилец, а ты седьмой слева, поэтому нам надо поменяться местами.

— Нет.

— Не глупи.

— Я же сказал — нет.

Одноухий тем временем отцепил от пояса лёгкий шлем, нахлобучил его на макушку и приблизился к шеренге пленников. Другие псионики, числом около десятка, встали рядом.

— Первый — пошёл.

Всё произошло мгновенно. Мятежник, совсем молодой парень, вскинул руку, мимолетно касаясь головы обречённого, и первый с краю заложник мертвым грузом повалился на пол.

— Третий — пошёл.

Рухнуло ещё одно тело.

— Пятый — пошёл...

На этот раз обречённый попробовал бежать, но тут же упал, пораженный ментальным ударом в спину.

— Седьмой — пошёл...

Цилиан был начеку, не дал прикоснуться к себя и изо всех сил пнул хлипкого сенса в колено. Противник взвыл от обычной физической боли и завалился на бок, на тела убитых жертв. Одноухий в ярости повернулся, чтобы вмешаться, в его радужках полыхали искры редкостного алого оттенка, от ярости, казалось, потеплел воздух.

Цилиан понимал, что сейчас умрёт, но Арди кинулся на одноухого и зубами вцепился в его не закрытое рукавом предплечье. Он неожиданности атака сломалась. Обречённые, но ещё не казнённые люди бросились кто куда, но в основном — в сторону выхода. Одноухий всё же использовал пси-наводку, но не против относительно неопасного Арди, а против более грозного противника — неуправляемой толпы.

Этот поступок и оказался его роковой ошибкой.

Сильное психическое воздействие, распределённое сразу на многих, потеряло свой прицел. Поражённые им люди не умерли, но окончательно утратили разум, а вместе с ним — инстинкт самосохранения. Масса из двух сотен людских тел навалилась на псиоников, топча их и сминая. Пара-тройка уцелевших мятежников ответила сначала наводками, потом — выстрелами, но на убитых уже никто не обращал внимание. Многоголосый вопль загудел под сводами зала.

Почти потерявший рассудок Цилиан кое-как дополз до раздавленного одноухого, сорвал с него шлем и надел на себя, потом точно так же позаимствовал висевший на поясе излучатель.

— Вставай, Арди.

Он вытащил товарища из-под груды тел, ежесекундно рискуя потерять равновесие и оказаться затоптанным. Самое безысходное месиво давки творилось возле узкого выхода, поэтому Цилиан развернулся прочь, в сторону душевых, лавируя в толпе и стараясь не спотыкаться о трупы.

Добравшись до безопасного тупика он опустил сотоварища на пол. Воздействие пси-наводки закончилось. Крики пленников, казалось, достигли апогея, но потом резко пошли на убыль, сменившись стонами. Люди постепенно приходили в себя и понимали, что находятся среди кровавого месива. «Ролан пришлёт подмогу и всех нас без разбора сожгут излучателями. Нужно действовать на опережение».

Тэн ещё не сообразил, как можно осуществить повторный побег, когда услышал рёв моторов и канонаду снаружи здания. Первый ярус Пирамиды содрогнулся под ударами тяжёлого оружия. Остатки настенного стекла со звоном рухнули на мостовую.

— Это штурм, — пробормотал очнувшийся Арди. — Я же тебе говорил, нас спасут.

От следующего залпа, казалось, покачнулись стены и пол. На перегородке из пластикафанеры зазмеилась трещина. Цилиан налёг плечом и отломил ещё кусок. По другую сторону открылся коридор, наполненный пылью, пронизанный утренними лучами.

— Пошли отсюда, друг, — сказал Цилиан, помогая Арди подняться.

Вдвоём они кое-как проковыляли метров десять, а потом встретили первого противника. Псионик в рваном мундире, такой же, как и Тэн, стажёр, перепуганный, но не раненый, заметив на Цилиане ментальную защиту, попытался целиться в беглецов из пистолета.

— Сдавайся! Лицом вниз на пол! — приказал он, срываясь на крик и, видимо, не сомневаясь в покорности нормаментального.

— Что-то не хочется, — машинально ответил Цилиан.

— Как это не хочется? Ты что, идиот? Мне нужен заложник, чтобы убраться отсюда живым. Будешь слушаться — не трону. Товарища оставь и пошли. Излучатель брось.

— Точно бросить?

— Да-да!

В ответ Цилиан просто выстрелил первым.

— Я больше никогда не брошу оружие, — произнёс вслух, ни кому конкретно не обращаясь, и повёл Арди дальше, обойдя неподвижное тело.

Канонада стихла, возможно, штурмовые группы уже вошли в здание, Тэн не думал об этом, он просто шёл наружу, ориентируясь по закопчённым табличкам на стенах. Близ бреши мёртвые тела стали попадаться чаще, в основном это были мятежники, попавшие под ураганный огонь или застреленные снайперами.

Вид одного из них заставил Тэна остановиться.

— Разум милосердный... — прошептал он и поспешно усадил Арди у стены.

...Йенет лежала навзничь, раскинув безоружные руки. Она так и не сменила свой офисный костюм на полевую форму. Среди грязи и копоти разгромленного помещения белая рубашка каким-то чудом не испачкалась, кольцо Тэна до сих пор оставалось на пальце. Пуля попала в голову, и теперь на полу вокруг чёрных кудрей расплывалось кровавое, похожее на пурпурный венчик пятно.

— Йени, как же так...

В этот миг затмения Цилиан не вспомнил о предательстве. Он искренне поверил, что торопясь к нему на помощь, девушка погибла по недоразумению. Вера оказалась настолько сильной, что повлияла на память, и самые жестокие слова Йенет вдруг показались Тэну только ложью во спасение...

Эта созданная нервным срывом иллюзия продолжалась всего минуту. Потом логика вернулась, он встал, стиснув зубы, и отряхнул пыль с колен.

* * *

После подавления мятежа Ролана стажёр Цилиан получил ранг офицера и постоянную работу в Департаменте Обзора. Он успешно раскрывал самые изощрённые преступления, в особенности те, которые касались нелегальной ментальной практики.

В тридцати один год, давно утратив иллюзии юности, Тэн всё же порой вспоминал про Йенет.

Однажды, путешествуя с юга на север, он остановился в бывшем имении Маев и снял на ночь флигель с красивым видом на торфяные болота.

Стояла глубокая осень. Ядовитые рододендроны давно отцвели. Цилиан растопил дровяной камин и отрешённо уставился на огонь, пока его подруга Вита ходила туда-сюда, трогая старые вещи.

— Ух! Смотри, что я нашла! — сказала она и протянула Цилиану уцелевшую фотографию.

С этого до сих пор яркого изображения на Тэна смотрели трое. Кассий Май — беззаботный, насмешливый, с охотничьим ружьём на плече. Сам Цилиан из полузабытого прошлого, в полевой куртке со служебной эмблемой. Йенет Май с таинственной полуулыбкой, в пышном вересковом венке.

Тэн отобрал у подруги фото и швырнул тонкий картон в огонь. Немного позже он извинился перед Витой, а потом рассказал исто-

рию мятежа Аналитика, умолчав лишь о зловещем пророчестве, и о самых жестоких подробностях.

— Но ты же выжил и продержался, — заметила склонная к объективности подруга. — А вдруг в истории скрыта какая-то тайна, вдруг твоя невеста собиралась тебя спасти?

— Красивый сюжет, но нереальный. Не суди по себе, девочка. Проблема в том, что тебе только восемнадцать лет.

— Хочешь сказать, я слишком глупая?

— Нет, слишком добрая. Я полсуток отсидел в заложниках, видел, как убивают друзей, и не могу простить Йени её предательство.

— Твои родители, наверное, очень переживали.

— Нет. Всё обстояло совсем иначе. В столице тогда взбунтовались тысячи псиоников. Их ментальная активность оказалось слишком сильной. Некоторые обычные люди умерли, другие сошли с ума. Мои родители уснули в собственном доме и больше не проснулись. Они ни о чём не узнали. В этом смысле им повезло больше, чем остальным.

— Прости, не знала. Мне так жаль...

— Не плачь, с тех пор прошли уже годы, я давно смирился с утратой.

— А что случилось с тем парнем на фото, с её братом?

— Мы больше не встретились. Говорят, после разгрома мятежа Кассий сильно запил, и, когда его сестру посмертно осудили в Порт-Калинусе, ушёл на пустоши и там застрелился.

— Тебе, наверное, очень неприятно. Давай, уедем из их дома.

— Ради меня? Вот уж, не стоит. Ночью на улице будет собачий холод, ты простынешь, а флигель всё равно стоит пустой, им давно владеют другие люди.

...К полуночи, действительно, сильно похолодало. Камин угасал. Под штормовым ветром гремела старая крыша. Озябшая Вита долго не могла уснуть и, чтобы согреться, крепко прижималась к Цилиану.

«Мне уже тридцать один, — размышлял он, рассматривая мрак под потолком. — Если верить предсказанию, в этом году я умру. Так не вовремя, так не хочется, да и Виту очень жаль, останется совсем одна. Что там обещала Йени... “даже после смерти не получишь покой”? Она была лгуньей, ведьмой в вересковом венке. Раз обманывала в одном, могла обмануть и в другом. Если мне всё-таки исполнится тридцать два — грош цена её пророчеству».

Светлана ЭСТ

Эпос о великом экстрасенсе. Рассказы из цикла

«Великий Экстрасенс, действующий президент МАЭ — Международной ассоциации экстрасенсов, — Главный Жрец Синего Кристалла, маг в 7-м поколении, профессиональный гипнотизёр, заслуженный черныбылец, народный целитель, посланец внеземных цивилизаций, зарядчик воды, Первый Оператор биоэнергетики, профессор астрологии Университета Джона Хопкинса (США), Верховый Шаман Шамбалы, почётный Мамбо Вуду республики Буркина-Фасо, избранный рабби Бен-Гершен» и ещё пятнадцать званий должны находиться на моей визитке. И так как основное место работы и занимаемая должность всё равно не влезли бы, я заказал себе только укороченный вариант: «Генеральный директор ЦЭ НИИ...»

И уже от руки, симпатическими чернилами и пингвинным молоком, написал на её обороте: «Экстрасенс, адепт синего кристалла, диетолог — волшебник изумрудного голода; японский фокусник Кио-Кио-сын; мутант, выпавший из четвёртого блока Чернобыльской АС вместе с радиоактивными осадками; народный целитель лама Памир-Гималайский и прапраправнук Ванги, ☸☉Σ⊙♠ΣΠΣ∩∪∩☾☿∞∞ — посланец внеземных цивилизаций, шарлатан чистейшей воды, заряжаемой Ионами серебра во чреве китовом; оператор машинного доения биоэнергетики, астролог всея Руси, шаман, мамбо вуду, рабби Слава Бен-Гершен ибн Экстрасенс Интернейшнл...»

Это не для узких специалистов — это для широкой публики, для пациентов. А имя им легион — ошибка народа большая пошла, однака, осинь большая! — поэтому временами мне хочется улететь обратно к себе в космос, ведь никакого иного лекарства, кроме доброты, я не знаю.

Только без паники!.. Придите все! Что-нибудь да придумаем...

ПАПАНЯ. Песнь 1

Не помню, как меня впервые занесло в детский дом в Кубичах: то ли я читал здесь бесплатную лекцию о своих диспутах с Фомой Аквинским, в ходе которых мой собутыльник, неунывающий доминиканский монах, сформулировал знаменитые пять доказательств бытия бога: «Во-первых, бог есть, потому что его не может не быть. Во-вторых, не может этого быть, что бога не может не быть...»; то



Светлана Евгеньевна МУКСИНОВА (псевдоним — ЭСТ) родилась 17 декабря 1983 года в городе Чердынь ныне Пермского края. Окончила факультет физической культуры Пермского государственного педагогического университета (2006), экономический факультет Пермского государственного университета (2007). Профессиональный фотограф. Детский писатель. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т. ч. альманахе «Литературная Пермь», газете «Пермский писатель». Автор книг «Совриголова» (2009), «Браслет раджи» (2010). Лауреат литературного конкурса «Большие надежды» журнала «Уральский следопыт» (2001). Дипломант Независимой литературной премии «Дебют» (2002), Международной литературной премии им. В. П. Крапивина (2007). Финалист Конкурса фантастического рассказа «Золотая чаша» (2009). Член Союза писателей России (2009). Живёт в городе Перми.

ли телевизионщики попросили великого экстрасенса и профессор астрологии Университета Джона Хопкинса Мэтью Д. Дональдсона составить гороскоп «Что вам светит?» для передачи о детях-сиротах.

И раз никто меня в детский дом не подкидывал, я не обязан выслушивать претензии заведующей Галины Петровны:

— Ваш подопечный Десятый Уровень... Разберитесь с ним! Доказательств не имеется, но мой педагогический опыт подсказывает, что аномальную зону из кухни сделал Алексей Казанкин. Больше у нас некому! И по компьютерному клубу ночью летает именно он, а не маленький Каспер, что бы там не говорили мне сторожа!

«...Почему сразу Казанкин? Есть же ещё пришельцы!» — вздрогнул спросонья мой невидимый третий глаз.

— Сядьте! — я бесцеремонно подтолкнул мадам к ряду стульев, сколоченных вместе длинными рейками, чтобы нельзя было пользоваться ими по одному.

Из длинной прямоугольной прорехи, вырезанной бритвой на крайней подушке, высовывался поролоновый язык — богатый материал для очередного расследования мной, ясновидящим, который знает, где находится Антлантида и кто убил Мэрилин Монро, когда она стала болтать лишнее о президенте Кеннеди.

Толстая Педагогическая Поэма, сокращённая мною до Пэ-Пэ, села сразу на несколько стульев и забарахталась, поправляя сардельками в золотых кольцах подол своей юбки.

Я резко наклонился к Пэ-Пэ и стал гипнотизировать её Оком, из-за холодов норовящим впасть в зимнюю спячку.

Галина Петровна, проскочив две первые гипнотические фазы — индукцию и погружение — мгновенно впала в транс.

— Успокойтесь, — мягко сказал я. — Головная боль сейчас исчезнет!.. Почувствуйте, как течёт ваша кровь: она поступает из сердца и, пульсируя в артериях, продвигается к сосудам и мелким капиллярам...

Щедрыми широкими мазками я написал реалистическое полотно «Большой круг кровообращения», потом в технике мелкого брызга выполнил этюд «Малый круг кровообращения» и перешёл к заключительной установке:

— Ощутите освобождение артерий и тока крови, становящегося более спокойным и лёгким, спокойным и лёгким, и поэтому ваше сердце бьётся всё тише и ровнее, ровнее и спокойней...

Воздержавшись от слов «...а вот оно совсем остановилось!», я приказал Пэ-Пэ забыть о проступке воспитанника Казанкина, и на счёт «десять» вывел её из гипнотического сна.

— Как вы поняли, что меня мучила головная боль? — спросила любопытная Галина Петровна, поблагодарив за чудо исцеления великого экстрасенса и ламу Памир-Гималайского, знатока лекарственных трав, легко отличающего золотой корень от радиолы розовой, потому что это одно и то же. — Таблетки мне давно не помогают!.. Зачем я к Ане ходила?.. А! Наверное, за таблетками и пошла!

Я ей не ответил, потому что вёл внутренний диалог с Оком: «Обломайся, недрёманное!» — мой третий глаз подмигивал хорошенькой девице, как он считал, а на самом деле заведующей.

...Хотя никакого секрета здесь нет: все чрезмерно полные люди — либо сердечники, либо гипертоники или и то, и другое

вместе. При поражении сосудов мозга, которое сопутствует третьей стадии гипертонической болезни, характерны жалобы на постоянную головную боль, и может развиться слабоумие. Если уже не развилось! Ведь легчало Галине Петровне лишь после того, как я покрутил пальцем у её виска, проводя бесконтактный массаж по методике Джуны Давиташвили.

Покидая холл, я рекомендовал заведующей немного полежать, прилепив на шею горчичник. Жаль, что она не послушает моих советов, и опять начнёт с кем-нибудь ругаться. Бабам, собранным в педагогический коллектив, присуща скандальность, и этой дисциплиной Галина Петровна владела так хорошо, что за относительно короткое время из простой Гальки стала руководящим брильянтом.

Мой ученик Алексей Казанкин по прозвищу Десятый Уровень, к которому я отношусь, почти как к младшему брату, попал в детский дом в Кубичах пять лет назад. Случай был классическим: папаня-алкоголик регулярно избивал жену и сына, и Алёшкина мать, отчаявшись, выпила уксусную эссенцию — старый дикий способ самоубийства по-русски, в отличие от горсти таблеток снотворного в комфортном европейском суициде. Чтобы ребёнок не мешал его пьянкам, после похорон отец начал запира́ть Лёшича в ванной комнате, и сейчас Десятый Уровень хвастается, что может съесть мыло. Хорошо б только своё! Но этот юный хакер периодически покушается и на чужое «мыло» в интернете...

Как говорит Педагогическая Поэма: «По Казанкину спецшкола плачет!» Я с ней полностью согласен и даже наводил справки, нельзя ли перевести Алексея Казанкина в школу с физико-математическим уклоном, потому что из парня растёт второй Попов: ещё в детстве он изобрел радио, размонтировав для этой возвышенной цели старенький телевизор «Весна» и уют, шнуром которого отец формировал потом Алексея как личность.

Алексея я обнаружил в компьютерном клубе, где этот маленький Каспер любит летать по ночам — ясное дело, в интернет. Два десятка компьютеров со звуковыми колонками; сканеры и цветные принтеры; целый стеллаж дисков с книгами, энциклопедиями и справочниками и ещё один с «игрушками», и даже ксерокс, обшарпанный «Шарп», — я купил детдомовцам всё, что нужно и не нужно... Да, белый рояль, позолоченные гитары и другие музыкальные инструменты мы выбирали с Машенькой, и персонально ей, обладательнице прекрасного голоса, мною, почётным колдуном мамбо вуду африканской республики Буркина-Фасо, был подарен новый, инкрустированный слоновыми бивнями, там-там.

— Что ты опять устроил? Почему Педагогическая Поэма трясётся, словно кликуша? — спросил я своего ученика вместо приветствия.

Он перестал стучать по клавиатуре, обернулся и расцвёл в бессмысленно радостной, как у младенца, улыбке:

— Слава!!! ...Ты надолго?

— Навсегда! Буду жить в аномальной зоне, подпитываясь энергией из космоса. И из холодильника. Кстати ты убрал оттуда японский автоответчик? Повариха пугается, когда он с ней заговаривает: «Коннити-ва, Анна-сан, здластвуй!» — думает, ревизор. И не очень-то вежливо с его стороны требовать, чтобы в холодильнике всегда

была сырая рыба. Никто, кроме тебя, суши в детдоме не ест. Так ведь, Лёха?.. И давай рассказывай, какую аномальную зону открыла на кухне Галина Петровна, — сказал я.

— Раз ей больно, пусть туда не ходит.

— Куда «туда»?

— На кухню. Она, как дверь начнёт открывать, так вскрикивает.

— Точнее, мистер Эдисон, что за дверь? Задняя что ли?

— Ну, та, которой столовские пользуются. Заведующая как за дверную ручку берётся, так сразу: «Ой-ой!» И на кухню пройти не может. Да ещё с сумкой!.. Причём здесь я?! Может, это такое природное явление вроде огней святого Эльма!

— А другие? Когда утром привозят хлеб и молоко, никто у дверей не корчится?

— Не-а. На остальных не действует. Один разок только на Анну Фёдоровну ещё подействовало, и всё! Но и ей поделом. Её ребята тоже видели с полной сумкой котлет.

— А на меня будет действовать, если пойду?

— Не будет! — опрометчиво пообещал Алексей Казанкин — ответственный дежурный по огням святого Эльма в детском доме.

Хотелось бы мне знать, кто из них сегодня главный по землетрясениям?! Недавно я поменял свой «Лэнд Ровер» на лимузин, чтобы выгнать ноги и не упираться коленными чашечками в лобовое стекло, а при сильных подземных толчках длинный «Роллс-Ройс» разломит на три коротких «Мерседеса».

Догадка о том, что Алексей смонтировал электрическую цепь, которая замыкается, когда берёшься за дверную ручку, успела перерасти у меня в твёрдую уверенность:

— Значит, на тропу войны вступаем, краснорожий брат мой?! Томагавки наголо!.. Мне аккумулятор и провода на кухне поискать? Кстати объяснил бы тёмному человеку, как ты сделал, чтобы цепь срабатывала избирательно — на Пэ-Пэ?

— Она толстая, — сказал Алексей, решив, что ясновидец всё равно уже слишком много знает. — И у неё руки потные. А я посчитал на компьютере, чтобы с сухими проходили свободно. Да ты не беспокойся, Слав, я завтра всё размонтирую — мне пятидесятиоммовые сопротивления нужны... Слушай, а если в логическом элементе «4 Или – Не» на входе имеется одна логическая единица, то на выходе единичка будет?

— Нет, ноль, — машинально ответил я, думая о том, что повараха Анна Фёдоровна, видимо, тоже хватанулась за дверную ручку, не вытерев мокрые руки.

Дав крупную взятку в департаменте образования, можно было добиться того, чтобы в детдоме поменяли заведующую и повара или вообще весь персонал. Но где взять идеальных людей на их место? К тому же, идеально воспитанные идеальными воспитателями, как детдомовцы поведут себя затем в обычной жизни? Не уверен, что Лёха, выполнивший сложнейшие расчёты по проводимости, мог бы ответить, сколько стоит тюбик зубной пасты «Колгейт» и не ошибиться на порядок. Артурчик, лучший Алёшкин приятель, вызвал в гостях пожарников, так как никогда не видел газовой плиты — похоже, что у них с Казанкиным непреодолимая тяга только к электричеству. Правда, говорить Алёшке, что его действия носят хулиганский характер,

я тоже не собирался, тем более что он обещал демонтировать свою импровизированную казнь. «Уголовный кодекс» не по всем статьям походит нам, самураям. Самурай, самурай, кого хочешь, расчлени!»

— Ладно, Лёха, с аномальной зоной всё. Обсудим КВН. Домашнее задание у команды готово?

— Ты мне телекинез обещал продемонстрировать, — невольно сказал Алексей, отвернувшись к окну, за которым энергично выпадал первый снег. — Передвижение предметов в пространстве силой мысли. Мы вчера одного экстрасенса в «ящике» видели, так он монету двигал.

— По журнальному столику? — улыбнулся я. — Если стол можно раскатать, то его незаметно толкают, сокращая мышцы живота. Немного попрактиковался и двигаю вазочки и пепельницы, то есть стеклянные и металлические предметы с низким коэффициентом трения. Хит намба ван!

— А если стол тяжёлый?

— Хит намба «БФ-6»! Медицинским клеем монету приклеивают на таракана — безусловно, заготовка это домашняя... Но есть и классика: одна из самых первых экстрасенш в тогда ещё Советском Союзе, Нинель Кулагина, проносила на эксперименты прозрачную капроновую нитку с петелькой — и учёные потом просто в петлю лезли, пытаясь доказать, что она мошенница... Слушай, Лёха, а ты финальную песню сочинил?

— Сначала телекинез покажи! — закапризничал Алёшка.

— Уи, мон генераль! — я взял под козырёк, одновременно доставая баллон с минеральной водой, который не выложил дома из сумки после тренировок в спортзале. Так как для сеанса был необходим лёгкий предмет, я оторвал болтавшуюся на одной нитке пуговицу с тёплой фланелевой рубашки Алексея:

— Ничего личного!

Наливая минералку в грязный стакан, оставленный Алексеем на дисплее, немножко — с пол-литра — я плеснул ему на штаны:

— А это, наоборот, личное оскорбление, чтоб помнил: капля компота убивает компьютер!.. Сейчас наблюдаем телекинез — я провозжу над стаканом рукой и команду: «Пуговица, ко мне!»

Пуговица, которую я опустил в стакан, вздрогнула, «оживая», и поднялась вверх. Мой третий глаз смотрел на неё с умилением, с каким молодая мать любит спящим малышом, а старый байкер — мотоциклом «Харлей».

— Пуговица, на дно! — скомандовал я, и поскольку пузырьки углекислого газа, поднявшие её на поверхность, лопнули, под действием своего веса пуговица затонула.

Простенький фокус, основанный на очевидных законах физики, развеселил мрачного Алексея.

— Пуговица, к хозяину! — я кинул пуговицу в Лёху.

Он, лязгнув зубами, словно пудель, поймал её, сделал вид, что проглотил, и поскрёб «лапами» по линолеуму, зарывая добро, вывалившееся вместе с пуговицей из него, из @. Артист!

— Что у нас с финальной песней?.. На вечере одного стихотворения, когда в зале начали шуметь, из-за кулис появился поэт Николай Гладков. «Мы — умы! А вы — увы!» — сказал он и ушёл со сцены... Ну, нет финальной песни, так мы её сейчас придумаем. Чего киснуть,

Лёха?! Открывай текстовый редактор и сохрани файл с названием «Мы — умы». Назначаю тебя Омаром Хайямом, а сам буду его другом по интернету — ибн Шекспиром.

— На каком языке писал Хайям? — спросил Алёшка.

— Не знаю. На фарси, кажется.

— Не форси на фарси!

Главное, чего я добивался, вундеркинду Казанкину стало так же интересно сочинять стихи, как до этого изобретать аномальную зону.

— ...Допишете вместе с Марьей!.. Теперь поговорим о награждении победителей. Ты заказал торт?

Не тащить же мне на лимузине, обвешанному коробкой с тортом, когда вполне приличная кондитерская есть и в Кубичах. Оставив деньги в прошлый свой приезд, я договорился, что Алексей закажет «Сладкие грёзы», потому что сверху этот торт в два слоя вымошен плитками шоколада, а внутри у него — по слухам, непрерывно циркулирующим в детском доме, — был то ли чистый мед, то ли чистый сахар — данные расходились.

Учитель всех хунвейбинов, Великая Китайская стена, за которой сироты должны получить нормальное детство! Как же я раньше не просёк своим третьим Оком и четвёртой ноздрёй, что приезжал Казанкин папаня и поэтому деньги для покупки легендарных «Сладких грёз» Алёша отдал, чтобы он заплатил за квартиру. Если мне не изменяет память — может, рада была б, но не с кем, — то неделю назад папаня тоже наведалься в детдом, забрав у Алексея сумму, прикопленную на дроссель — опять-таки «для оплаты квартплаты». Поэтому торт Алёшка не купил...

— Ты на меня не сердись? — робко спросил Лёшич.

В его голосе прозвучала тоскливая нотка — значит, он тоже понял, что папаня тратит деньги на выпивку, но продолжал по-своему жалеть отца.

— Иди, отпросись с ночёвкой и скажи Галине Петровне, что торт мы привезём завтра... Да! В холле поролон из стула вырезан, величиной и форматом — как раз с кукольный матрасик. Пусть Машенька проверит, кто из девок сие учинил, и распорядится, чтоб заштопали. И чтобы без слёз у маленьких в седьмой комнате! Обещали торт — будет им торт! Даже если мне придётся печь его самому!

— Зачем ты хочешь меня забрать? — снова ожил Лёха после того, как я договорился по сотовому с хозяином кондитерской насчёт «Сладких грёз»: уточнив размеры торта, который нужно будет изготовить, и откашлявшись, тот пообещал мне 10 процентов скидки на квадратный километр.

— Найдём папаню, и я вылечу его от алкоголизма.

— Ты разве умеешь?! — впервые усомнился в моих возможностях Алексей Казанкин.

С тех пор, как он перепаял основную схему дешифратора алгоритмов мозга, то есть приставки для чтения мыслей, которая стоит у меня в кабинете, я в способностях Алёшки не сомневаюсь — дело в том, что до его ремонта ОНА! ВООБЩЕ! НИКОГДА! НЕ РАБОТАЛА!

А ведь звание Великого Экстрасенса я получил исключительно из-за дешифратора. То, как принимают информацию другие экстрасенсы — смехотворно. Вытянут руку вперед — и что? Много ты вручную мыслей насчитываешь?! Так что моя уникальная

аппаратура — предмет зависти многих ясновидцев. Её даже хотел присвоить сам К., но я, подключив приставку, прочитал мысли скандально знаменитого психотерапевта прямо в телевизоре и дал ему установку не красть.

— Ты, правда, можешь вылечить папаню?!! — переспросил Лёша.

— Конечно, — ответил я. — Мой метод принципиально отличается от всех других методов, принятых в наркологической практике. Вшивание под кожу капсулы «Эспераль», которой алкоголики не преминули назвать «спиралькой»; подмешивание в спирт микстуры, вызывающей рвоту, и даже лечение алкоголизма стрессотерапией по методу Довженко — ничто не сравнится с экстракодированием!

— А почему ты раньше не говорил?

— Ты не спрашивал.

— Не обманываешь? Тебе можно верить?

— Что случилось? — спросил я. — Папаня не в счёт, но кто-то тебе ещё наврал, да?

— Михаил Хрисанфович, из кино который, — сказал Алёшка, опуская голову. — Зачем было говорить, что в его рюкзаке всегда есть для меня место, а перед вашим отлётом на Домбай отказываться от своих обещаний?

— Он же пошутил! Там вертикальная стена пятой «Б» категории сложности! Не любой из взрослых альпинистов её пройдёт, а ты в восьмом классе учишься, а должен — в седьмом... Кстати, надо бы мне в школу зайти, чтобы тебя в девятый переводили.

— Всё равно Никитин — ублюдок.

— Строго!

— Справедливо.

— «Если ты хочешь, чтобы друг твой горбов у тебя не заметил, сам не смотри на его бородавки», — сказал Гораций... Как-то смутно я всё помню!.. Сначала мы обмывали машину времени на Капитолийском холме, а потом... Лёха! В каком году был разрушен Карфаген?!!

— Ладно, — уклончиво сказал Алексей, — пойду отпрашиваться...

Экстракодирование — ещё не опробованный метод, и лечить папаню на дому мне не хотелось, так как его соседи запросто могли вызвать милицию. А у меня соседей нет — я их растворил, в смысле, расселил. Вот так оговоришься нечаянно, а потом по городу ползут невероятные слухи, что Слава-экстрасенс расстрелял своих соседей из третьего глаза.

В гости к папане мы нагрянули вечером... Алексей показал мне своего отца с верхней лестничной площадки, и, спускаясь вниз, я попросил у старого алкоголика закурить, чтобы плавно перейти к дальнейшему разврату — к выпивке. Интересно, как я, некурящий, поступил бы, окажись у него сигареты? Н-да... Моё приглашение папаня оценил адекватно и как композитор — Хрен Тихонников — сразу же принялся исполнять какую-то финальную песню (наследственное от Лёхи?):

— ...Прихожу я вчера к хозяйке одной сантехнику поменять. Квитанция у её трубы, заплочено в конторе. Ну, я туда-сюда: «Где у вас цемент? А трубка резиновая от бачка куда девалась?! Работы на три дня!». И морду кривлю, ё-ка-ла-мэ-нэ. Она забегала сейчас же: «Вы уж мне, пожалуйста, сделайте!». Я на неё дальше жму: «В ванне

семьсот кило. Чё мне, грыжу наживать?» Она грит: «Если быстро закончите, то я расплачусь с вами отдельно бутылкой коньяка». И губочки крашенные кусает-кушает — нервная попалась. Но раз пузырь припасла, не совсем, знамо дело, ещё пропащая, ё-ка-ла-мэ-нэ. Я ножкой смущённо так, ножкой — согласен, мол, на ваши нечеловеческие условия!.. Вкалывал, как заведённый, а дамочка моя ушла в другую комнату. Я туда ненароком заглянул, ничего — богатенькие Буратины живут...

Чёрный, с тонированными стёклами, длиной в полквартиры, лимузин мог насторожить папаню, поэтому мы поплелись к метро. А где мой лучший ученик? На эскалаторе я поискал его по сторонам своим третьим глазом. Изобретательный Алексей стоял выше нас, прячась за бородатого дедушку, по виду академика. Папаня, некого не замечая, распевався дальше:

— ...Кантовал-кантовал я ванну, потом хозяйку кликнул: «Помогай!». Ну, чтоб лучше её проняло, как я жилы рву. Она, ё-ка-ла-мэ-нэ, пришла, пальцами длинными вцепилась в край. Я её спрашиваю: «Рожать больше не собираешься?» — ванна-то неподъёмная. А она посмотрела на меня, как в унитаз, и грит: «А вы?!»... Ванну я поставил и чую, внутренности аж печёт. Ништяк, я хозяйку звать: «Цемент мокрой тряпкой затирай, чтоб было гладко». Ну, она коньячок мне несёт с улыбкой...

«Догадалась интеллигенция, что ты сейчас уйдёшь», — подумал я. От папани несло таким перегаром, что мой третий глаз опять про-снулся и в панике начал вылезать на лоб.

— ...Вот мы вчера и зафестивалили. Бутылку ту приговорили с ребятами, а сегодня, ну, прямо высшая мера наказания! Опохмелиться охота — хоть плачь. Хорошо, что ты подвернулся!

Не испытывая никакого энтузиазма, я помалкивал — мы были уже рядом с моим домом.

— Только ты не подумай, что я алкаш какой, — продолжил папаня. — Да я в любую минуту пить бросить могу. Мне раз плюнуть! — он харкнул под ноги, и попал на свои стоптанные старые китайские кроссовки, в конце ноября выглядевшие как-то неубедительно. Папаня остановился и с немой укором посмотрел мне по очереди во все три глаза, как будто это я надругался над его модельной обувью.

Умолк он только в моей квартире, но, аккуратно вытряхнув пациента из чёрной куртки-алюски, я не оставил ему времени на размышления. И только, когда в незапертую мной дверь скользнул Лёшка, папаня очнулся и испуганно спросил:

— Ты откуда?

— От верблюда! — на редкость остроумно ответил Лёха. — Слава вылечит тебя гипнозом! Он — великий экстрасенс!

Услышав, что его будут лечить, папаня пришёл в неистовство, и ему вспомнились былые порядки в семье: он бросился на Алексея, и я еле успел перехватить занесённый кулак. Тогда свободной левой рукой он, встав на цыпочки, врезал в скулу мне. Я очень удивился — так небрежно со мной давно не обращались, — но не стал с горя пить укусную эссенцию, а потащил папаню в свой кабинет. Чтобы не разрушать экстракодированием хрупкую психику ребёнка, Лёхе было предложено идти на кухню и чего-нибудь там схватить на ужин.

Вместе с папаней мы оказались очень растопыренными и никак не могли вписаться в дверной косяк, потому что «старый мухомор» цеплялся за деревянную дубовую панель грязными ногтями, как будто покрашенными на концах чёрной тушью.

Потом он сломал зеркало. Стекланные осколки противно захрустели, когда я произвёл вбрасывание из-за боковой линии — папаня влетел в комнату. И хотя в мусорную корзину, стоящую у стола, попасть не удалось, зато очень кстати сгрудился антикварный ковёр, подаренный мне Горацием за то, что я перевёл на латынь стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный»: «Ehgei monumentum». Позже Квинт Гораций Флакк вставил его в свои оды под номером XXX. Хит намба соти.

Разложив на голом полу матерившегося алкоголика, я одним точным ударом вогнал его в гипнотический транс. Папаня закатил глаза и умок — захлебнулся своей похабщиной. Готово, можно приступать к лечению! Я медленно расстегнул свой брючный ремень и сложил его вдвое...

— «Кто скрипит матершиной смачной целый день, как намазанный воз, тот до будущего не дорос», — процитировал я позднего Горация и раннего Маяковского, сдёрнул папане брюки и расселся на спине. — Запомни, мразь, пить тебе — нельзя!

Я, что было сил, хлестанул по тошей папаниной заднице.

— Нельзя!! — я ударил снова. — Нельзя!!!

Сантехник слабо извивался подо мной, а я, насвистывая «Турецкий марш» из своего сотового телефона, отбивал ремнём такт в наиболее патетических местах:

— Нельзя! Не пей! Водка — дрянь!

Через гипнотический сон папаня вдруг внятно сказал:

— Я протест напишу.

— Правильно!.. Телеграмму дай. На фарси!

И тут я допустил тактический промах: моя нога, буксуя по паркету, оказалась перед лицом папани, и он впился в неё, аки лев рыкающий. Я заорал, схватил папаню за волосы и стал отдирать от своей шиколотки:

— Ты у меня не только пить перестанешь, но и по бабам бегать! Я тебя сейчас кастрирую!

Папаня сразу меня зауважал и ногу выплюнул, а я тащил его за сальные волосы, задирая голову, так что острый папанин кадык углом выпер из морщинистой шеи, и, когда алкоголик стал хрипеть, разжал пальцы... Некоторое время в комнате было тихо. Папаня спал в лужице крови, натёкшей из разбитого носа.

— Тпру, Сивка, приехали! — я медленно слез с его спины. — Нельзя пить! Иначе я тебя убью!

Одну попытку выпить он всё-таки сделает, но страх за свою жизнь и память о сильной боли, которые он испытал под гипнозом, остановят трясушуюся руку.

Ведь суть «экстремального кодирования» состоит не в побоях, а в том, что я — под гипнозом... хотя не уверен, может быть, и без... — внушил сантехнику Казанкину: если он, папаня, снова выпьет, то великий экстрасенс собственноручно забудёт его до смерти, — чтобы у старого алкоголика закрепились в сознании установка «водка — смерть».

Собственно, формирование страха смерти — основа любой разновидности «кодирования». Автор метода, доктор Довженко, брызгивал в рот пациента хлорэтил — препарат для местного обезболивания, «замораживающий» десна. Брызгая хлорэтилом в горло и надавливая на точки выхода глазного нерва, Довженко говорил пациенту, что теперь он «закодирован» и, если будет продолжать пить или употреблять наркотики, то с ним (не надейтесь — не с доктором) случится инфаркт или инсульт. Всё!

Вдевая ремень в джинсы, я на одной ноге поскакал на кухню, чтобы взять из аптечки раствор йода. Как бы мне самому не бросить пить — жуткое дело это экстракодирование!

...Наверное, таким, полным надежды, взглядом Лёха встречал врачей, выходящих из бокса, где умирала его мать — Алексей рассказывал, что до самой смерти она звала: «Лёша, сына, Лёшенька, сына...»

— Твой отец сейчас проснётся, — сказал я, устало опускаясь на кухонный табурет, — нужно привести его в порядок. И ни-ког-да — я тебе клянусь — никогда больше пить он не будет!

Сейчас Валерий Дмитриевич уже забрал Алёшку из Кубичей, потому что его восстановили в родительских правах. А экстремальное кодирование стало у меня самым модным и популярным методом излечения от алкогольной зависимости. Только перед сеансом я прошу показать медицинскую справку по форме, которую требуют в вузах — вдруг у кого-нибудь из моих пациентов окажется слабое сердце.

Кстати, двум бывшим алкоголикам эта справка пригодилась. Например, Сергей Акулов учится теперь в Московском химико-технологическом институте имени Менделеева, и у него есть задумка изобрести такой новый сорт вина, от которого человек трезвеет.

«ЛАВ СТОРИ». Песнь 11

— Десятый Уровень, посмотри в интернете, как распознать ведьму!

Алексей Казанкин, пятнадцатилетний капитан и ученик великого экстрасенса, усердно зашелестел клавишами...

Если б я иногда не отгаскивал Лёху от компьютера, то он бы и спал там же — на процессоре, положив под голову сканер.

— Пять признаков ведьм: ведьма заставляет скисать молоко; у ведьмы есть метка на левом ухе; ведьма, оседлав, может заездить мужчину до смерти; ведьма не тонет; ведьма боится, что её сожгут на костре.

— Пакет молока сюда! Быстро!

Лёшич побрёл на кухню, хлопнул дверцей холодильника и сказал в переносной микрофон:

— Молока нет!

— Даже птичьего?! — возмутился я по «громкой связи». — Сено не убрано, скотина не кормлена, пингвины не доены!.. Кто сегодня дежурит?

— Ты.

— Ко мне пациентка летит — мне некогда! — отрезал я. — Ладно, обойдёмся без молока! Но с метки на её левом ухе видеокамер не спускать!

— ...На метле прилетит? — спросил жующий кусок копчёной колбасы Лёха, снова появившись в моём кабинете.

— Из Лондона?!... Скачай расписание прилёта самолётов! И передай Машеньке мою просьбу: пусть она на время даст свой там-там. К почётному мамбо вуду африканской республики Буркина-Фасо обратилась за помощью Анастасия Сухотская.

— Настя Сухотская!!! — сказал ошеломлённый Алексей. — Самая богатая девушка нашего города...

— «Дон поражён в пятку!» — процитировал я братьев Стругацких.

От удивления Лёха выронил надкушенный кусок колбасы на ковёр, который презентовал мне древнеримский поэт Квинт Гораций Флакк за перевод «Памятника»... Так сказать, Флакк мне в руки!

Для красоты Насти Сухотской было решено сделать исключение хотя я давно уже перестал принимать страдалцев у себя в квартире, потому что, купив на корню один заваливший научно-исследовательский институт, открыл на его лыжной базе Центр экстрасенсорики — ЦЭ НИИ, як кажут хохлы. А учёные, физиологи и биохимики, как-нибудь обойдутся без зимних видов спорта — одними летними, для чего им подняли зарплату. Правда, кандидат наук Владимир Лисицын этим крайне возмущался:

— Я не могу получать в десять раз больше, когда остальным зарплату повысили только втрое!

— Знаю! И со временем накинута ещё... Каждый получит по заслугам!

— Кроме тебя, олигарх?!

— Кто как огрызается, тот так и называется! — подытожил я разговор. — Да не могу я им платить больше, Ли Си Цын! У меня за стройку кредит не выплачен. И вообще... «Настоящий бизнесмен должен бандитам, ментам, налоговой, пожарникам, санэпидстанции, водоканалу, газпрому, рыбнадзору и носить галстук».

Володька возмущённо фыркнул и пошёл поднимать восстание «Спартака» против киевского «Динамо».

Сейчас в ЦЭ НИИ работает несколько десятков врачей: психотерапевтов, гинекологов, эндокринологов, онкологов, ну, и, естественно, парочка гадалок. Здесь же находится аптека «Будь здоров!» и частное детективное агентство, которое возглавляет бывший лейтенант Шамиль Чагаев — пропавших людей должна разыскивать милиция, а не ясновидящий, пусть он и знает, кто сейчас переписывается с Алексеем в интернете...

Вместо того чтобы приступить к работе по составлению досье на Сухотскую, мой ученик опять присосался к «страницам» сайта знакомств.

— Имей ввиду, это не девчонка — это ребята из охранный предприятия! — предупредил я Лёху, мельком глянув через его плечо на монитор.

— Откуда ты знаешь?! — стал сопротивляться Алексей, не желая расставаться со своими иллюзиями.

— Через синий кристалл посмотрел.

— Синий кристалл — просто кусок прозрачной пластмассы!

— Ты бы ещё в хрустальном шарике усомнился, неопит! В прекрасном хрустальном шарике, выточенном из кварца... — сказал великий экстрасенс, поплевав на оный шар и протерев его носовым платком.

К визиту Сухотской требовалось основательно подготовиться.

— Хрустальный — из кварца?! — начал подозревать какой-то подвох Алексей.

— Да, йес, я, уи, си, кен, — подтвердил великий экстрасенс снова в третьем лице, потому что мы, то есть я, страдаем расщеплением личности на мутанта из Чернобыля, африканского мамбо вуду, старого шамана и адепта... Синий кристалл им всем в астрал!

— Горный хрусталь является разновидностью кварца, — объяснил я, — как, впрочем, и множество других минералов: жёлтый цитрин, подобный пчелиному мёду; зелёный, как молодая трава, хризопраз; фиолетовый аметист... «Сила сего камня такова: пьянство отгоняет... А ще воинских людей от недугов оберегает и ко одалению приводит, и к ловлению зверей диких добре есть помошен!»

Алёшка затряс головой, словно пловец, которому в ухо попала вода, — при гипнотическом внушении монотонная интонация зачистую бывает важнее формального текста:

— Хочешь меня загипнотизировать?

— Угу! Вымой «Роллс-Ройс»! Вымой «Роллс-Ройс»! Вымой «Роллс-Ройс»!.. Как на нём гонять — так ты первый, а как мыть...

— Слава, ты сказал, что я общаюсь не с девушкой, а с охранниками... — Десятый Уровень поспешил поменять тему разговора.

Вырос украинский парубок: стал горилкой и салом интересоваться, при имени Насти Сухотской выронил понадкушенную салями, чего раньше с ним не случалось!

Мёртвой хваткой вцеплялся Лёха в колбасу и в компьютер — сказывались отроческие годы в детском доме в Кубичах. Но, вместо того чтобы предаваться чистым радостям изобретательства, в последнее время мой нерадивый ученик постоянно «зависает» на сайтах знакомств и в чатах.

Если кто ещё не знает, люди сейчас знакомятся в интернете, проводят там всё своё свободное время и занимаются сексом. Только в почтовой службе mail.ru на сайте «Знакомства» зарегистрировано около десяти миллионов человек — совершенно нормальных, заметьте! Но вот они выходят в Сеть... Девушки считают, что их достойны только Супермен, Брэд Питт и Дональд Трамп — причём все сразу, так что ещё и драка из-за неё. 127 условий, которым должен соответствовать избранник: чтоб не бил, не пилил и унты всегда дарил. Да каждый второй, старше двадцати пяти лет, от жены ушёл и от тебя уйдёт, как колобок... Парни — вообще отдельный разговор! — «Давай займёмся виртуальным сексом». — «Хорошо. Дай команду на принтер: печать (Ctrl+P)». — «Ду-у-у-ура, мне полтуловища оторвало...»

На сайтах знакомств все врут всем: уменьшают возраст и количество детей; скрывают, что женаты или замужем; размещают чужие фотографии... Зачем? Ответ создателя одного из московских чатов: «Нельзя дать всем всё. Всех — много, а всего — мало».

Что есть обман, мошенничество, ложь? Как не ясно, но философски совершенно сформулировал ещё Блаженный Августин: «Ложь — это сказанное с желанием сказать ложь». Причём, психологи утверждают, что нет никакой связи между уровнем интеллекта или образованием и склонностью ко лжи. И, что уж совсем парадоксально, способность успешно лгать другим не связана с умением определять, когда лгут тебе.

— ...Поделитесь своей мудростью, сенсэй! — обратился ко мне, по-японски вежливо поклонясь, молодой ниндзя. «Может же, может, когда захочет!» — Почему вы считаете, что я общаюсь не с девчонкой?..

— Во-первых, заполняя анкету на сайте знакомств, девушка никогда не станет писать: «Верю в смерть после жизни и в крем после бритья». Жизнь и бритье — за пределами их понимания.

— Возможно, она бреет ноги, — пробормотал Алёшка.

— В восемнадцать лет? Даже светская львица Анастасия Сухотская не брила ног в столь молодые годы: эпиляция, эпиляция и ничего, кроме эпиляции!

— А во-вторых?

— Во-вторых... — я ткнул пальцем в монитор, — в 00:17 пришло сообщение: «Мне тут на работе сказали, что женщины любят не только ушами». Где она может работать ночью? То есть, в принципе, все это знают...

— Куртизанкой? — как маков цвет зарделся Алексей.

— Продавщицей в круглосуточном магазине, — сказал я. — Самая распространённая ночная женская профессия — продавщица или киоскёрша. А самая распространённая ночная мужская профессия...

Я взмахнул руками, как дирижёр, приглашая к хоровому пению.

— ...Охранник, — тоненько вывел ученик Казанкин.

— Верно! Табельное оружие и ПР-90 — палка резиновая с металлической рукояткой. И, согласись, трудно представить себе кассиршу в супермаркете с ноутбуком, подключённым к интернету. Зато на столе охраны он выглядит естественно...

— Шас, мол, свяжусь с Интерполом?

— ...А сам выходит на сайт знакомств.

— Допустим, это действительно не восемнадцатилетняя девушка, а тридцатилетний охранник. Но чем докажешь?!

— Пересмотри закладку «Автопортрет»! Часто люди пробалтываются, не догадываясь о том!

Алексей бойко защёлкал компьютерной мышью — на мониторе опять появилась анкета с сайта знакомств:

«ОБО МНЕ:

*Меня постоянно преследуют умные мысли,
но я быстрее.*

САМОЕ ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ ДЛЯ ВАС ОТКРЫТИЕ:

Я не это тело...

ВАШ ГЛАВНЫЙ НЕДОСТАТОК:

Работаю над им.

КАК ВЫ ХОТЕЛИ БЫ УМЕРЕТЬ?

В экспедиции на Марс.

КАКИЕ ОШИБКИ ВЫ СЧИТАЕТЕ ДОСТОЙНЫМИ
НАИБОЛЬШЕГО СНИСХОЖДЕНИЯ?

2x2=5

КАКУЮ ЦЕЛЬ СТАВИТЕ ПЕРЕД СОБОЙ СЕЙЧАС?

Фотографию начальства — и длинной очередью по ней: та! та! та! та! а потом ещё и гранатой...»

— Зачем люди обманывают? — тихо спросил Алёшка, убедившись, что весь последний месяц переписывался и посылал «чмоки» какому-то бывшему десантнику.

— Такова человеческая природа!.. Ты бы ещё справился у великого экстрасенса, почему они не летают?! «Дывлюсь я на нэбо тай думку гадаю, чому я нэ "Боинг", чому не лэтаю?»

— Но ты же никогда не обманываешь!

— Домо оригато — большое спасибо! — скромно потупился японский фокусник Кио-Кио-сын, достав из шляпы Братца Кролика, верещавшего: «Только не бросайте меня в терновый куст!». — Не обманываю... Я или отшучиваюсь, или отмалчиваюсь! К примеру, зачем гражданке Сухотской знать, что на неё сейчас соберут досье?..

— Что ищем? — с готовностью отозвался из-за компьютера Лёха.

— Как сказал иезуит Бальтасар Грасиан с присущим иезуитам иезуитством: «...ключ к страстям ближнего», — сказал я, рассказывая по кабинету.

Пока ученик выворачивал интернет наизнанку, я прочитал ему небольшую лекцию о «ключках»: жадности, глупости, тщеславии, сластолюбии и ещё десятке менее распространенных пороков. Все они в той или иной мере были присущи Насте Сухотской, но в одном из многочисленных интервью, которые раздавались ею направо и налево, красotka упомянула о том, чего боится... А страх — не «ключ», а универсальная «отмычка»!

— Как, например, поступают цыгане... Можете не конспектировать, ученик! — сказал я, рассказывая по кабинету. — ...К гражданке Н, жительнице небольшого посёлка в Орловской области, пришла молодая цыганка и сообщила, что на Н порча... Ладно, пусть для простоты Н будет Ниной... Итак. Для того, чтобы избавиться от порчи, цыганка посоветовала Нине «выкатать» постель куриным яйцом, то есть провести некие, требующие осторожности и напряжения, действия, приводящие к стрессу. Также цыганка предложила оставить это яйцо на ночь под кроватью... Ещё один кошмар — а вдруг бы порча под утро вылупилась! На другой день цыганка пришла снова и велела Нине принести ей яйцо с порчей, ложку и новое полотенце... Проверочный вопрос: зачем цыганке новое полотенце? Сама она мыться собралась или мыть Нину?

— Старое полотенце висит около умывальника в точке А — его Нина принесёт из точку Б в течение десяти секунд. Новое полотенце нужно разыскивать в комод, который стоит в другой комнате, — пяти минут цыганке хватит, чтобы заменить яйцо, — затараторил ученик Казанкин.

— Толковый из тебя экстрасенс получится, если ты, конечно, в цыгане не подашь... Далее цыганка разбивает яйцо, и тут Нину чуть ли не парализует от страха, потому что в яйце копошится...

— Дождевой червь, гусеница, паук! На выбор! Чего Нина больше боится, то и копошится! Закон Будудая, подправило два.

— Ну, самородок!!! — захохотал великий экстрасенс.

— Если червяка покрасить чёрной краской, эффект усиливается, — потупился от моих восторгов прилежный Лёха. — Подправило три.

— ...Цыганка говорит: «Если ты от червя не откупишься — он вернётся в тебя!» И конечно же Нина отдаст цыганке последние деньги. И предпоследние. И вообще все!

...К визиту Насти Сухотской мы подготовились основательно: задрапировали стены моего кабинета шкурами зебр, развесили маски из чёрного и красного дерева и поставили в угол несколько копий для охоты на мелких африканских слонов.

Центральное место в музейной экспозиции «В магию вуду верить я буду!» занял диплом почётного мамбо, который хакер Десятый Уровень, взломав сервер, «скапитализдил» для меня с сайта посольства республики Буркина-Фасо. Дивную первозданную африканскую красоту диплома оттенял Машкин там-там, который она отдала после долгих уговоров: «Маленкы русскы женища, тибье не по барабану для чего мамбе там-там?!» Компьютер маскировать было бессмысленно, потому что на приём к великому экстрасенсу Сухотская напрасилась как раз по поводу техногенной «инет-любффи». Но чтобы разбавить хорошо узнаваемый серый мышинный цвет офисной техники цветным пятном, я положил на процессор восковую, истыканную иглками, куклу.

Участвовавшую в нашей подготовке Марию, ровесницу и подружку Лёхи ещё со времён их счастливого детства в Кубичах, по-видимому, мучила дымящаяся с четырёх углов совесть. Поэтому, расставляя по всей комнате чёрные восковые свечи, она вдруг спросила:

— Слава, а почему сегодня ты — мамбо вуду?

— Ну, видишь ли... — протянул я, выливая в супницу донорскую кровь из пластикового медицинского пакета-пузыря.

— Вижу! — отрезала Машка. — Никакой ты не колдун, а обманщик...

— Ути-ути, какие мы правдолюбы выросли... — отозвался Лёха из интернета, где он искал компьютерную программу Adobe Photoshop CS. Разумеется, бесплатную.

— А, может, всё-таки отрубить ей голову?! — сказал я Алексею.

— Кому?! Мне или Насте Сухотской? — испугалась Маша.

— Не... Ты же у нас — сама доброта! Ты не сможешь... — стал провоцировать меня Алексей.

— Вы о чём это, маньяки?

— Топор у нас в хозяйстве есть... — продолжал размышлять вслух великий экстрасенс. — Ну, тот самый... Который Федя подарил...

— С дарственной надписью на топорике? — заинтересовался мой ученик. — «Фёдор Достоевский — первообразу Раскольников»?

— Хочешь сказать, Слава, что с тебя написан главный герой «Преступления и наказания»? — прищурилась Машка.

Как и полагается умникам, она-то Достоевского прочитала — в отличие от хакера Алексея Казанкина, не пожелавшего тратить сил на «толстую» книгу.

— А с кого ещё?! Отправляясь в Древний Рим на машине времени, не мог же я не завернуть в девятнадцатый век!

— Смяшно, — сказал Лёха на компьютерном сленге. — Ржунимагу.

— Это очень просто проверить! Найди в интернете роман Достоевского, а потом сравним, похож или не похож на меня студент Родион Раскольников...

Подготовка к визиту была уже закончена, и я хотел поработать в тишине: нужно было думать и думать, чем помочь Насте. «— ...Пошто ничего не делаешь? — Я делаю... — нехотя и сурово проговорил Раскольников. — Что делаешь? — Работу... — Каку работу? — Думаю, — серьёзно отвечал он, помолчав».

Мне никто не мешал: Машенька ушла на кухню приготовить нам что-нибудь к ужину, а мой ученик впился в роман Достоевского. Сначала Алексей читал через два-три абзаца, и поэтому конечно же пропустил описание внешности Раскольникова, а его наивная попытка с ходу найти нужный фрагмент текста при помощи «поисковика» Google — провалилась. Но неудачи всегда только подстёгивали упорного Алексея Казанкина. Так что к вечеру, исследуя «Наказание читать про преступление» во второй раз, опухший Лёха крикнул, как матрос, открывший для себя Америку:

— Земля!!!

— Прочитируй...

— «...Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными тёмными глазами, тёмно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен».

На Лёшкины вопли с кухни прибежала Мария, и мы втроём стали спорить, замечательно я хорош собою или просто хорош собою, пока в дверь не позвонили...

Настоящая леди не должна бандитам, ментам, налоговой, пожарникам, санэпидстанции, водоканалу, газпрому, рыбнадзору и носить шубы. Ведь все свои двадцать четыре норковые и пятнадцать «чернобурок» разом не наденешь! От обычной проститутки хамоватую блондинку Настю Сухотскую отличала только тщательная ухоженность: во рту светились неестественно белые и ровные зубы, а на длинные акриловые ногти было больно смотреть — я так и не понял, стразы на них сверкали или алмазы. Презрительно выпячивая подправленную пластическим хирургом нижнюю губу, Настя сразу же заявила, что не верит ни гадалкам, ни астрологам, ни экстрасенсам.

В моём кабинете царили африканские сумерки — «ойеун». Перед тем, как пойти на кухню за петухом, я зажёл чёрные свечи по всей саванне, сунул Анастасии брошюру об Африке и «загнал» в DVD-проигрыватель диск с ритуальными африканскими плясками...

«Вуду» на языке негров племени фони означает «дух». Духов задабривали жертвоприношениями под громкие ритмичные звуки барабанов, и так как от звучащего в течение пары часов там-тама любой сойдёт с ума (не только Буркина, но и Фасо), то племя массово впадало в трас. А пальмовая водка здесь ни при чём!.. Испанцы вместе с чернокожими рабами завезли колдовство вуду на Гаити, и, насильственно насаждая классический католицизм, добились того, что культ вуду стал тайным. В XX веке столицей вуду, как, впрочем, и джаза, стал Новый Орлеан. Если девушка хотела устранить соперницу, то она добывала прядь волос с её головы и шла к вудуистскому

колдуну-бокору или же к колдунье-мамбо. Мамбо делала куклу вуду, в сердце которой втыкались иглы. После этого соперница должна была умереть от инфаркта. И ещё как умирала!.. При условии, что до неё доходили слухи о кукле, и если она верила в колдовство вуду.

В американской армии провели серию психологических экспериментов. Пятерых солдат, среди которых оказался безответственный лентяй, попросили ознакомиться с памяткой о лучевой болезни. Через некоторое время солдатам сообщили, что они якобы случайно подверглись радиоактивному облучению. На другой день у четверых появились симптомы, характерные для «лучевки»: тошнота, рвота, понос и дерматит, а у пятого почему-то их не было. Стали разбираться, и выяснилось, что этот лодырь не изучил памятку, и, поэтому не знал, как протекает лучевая болезнь.

Отчего же умирали нью-орлеанские девицы и почему заболели американские солдаты? У них сформировалась, как говорят психологи, «установка» — навязанная, внушенная модель поведения. И такую же психологическую установку предстояло получить сейчас Анастасии Сухотской, чтобы с неё слетела спесь. А то ведь невозможно — не верит она, видите ли, в экстрасенсов! И правильно делает...

Чёрного петуха мы на рынке не нашли, поэтому пришлось довольствоваться деревенской курой, которую хитроумный Лёха выкрасил акварельной краской в требуемый чёрный цвет (закон Будудая, подправило три). Курица выглядела взволнованной, хотя никто не собирался делать ничего плохого, а, наоборот, Лёха придумал ей для интернета классный ник — Дурочка Ряба. Кстати, там же, в «инете», был найден способ быстрого усыпления кур: «Если курице сунуть голову под крыло и повернуть её вверх тормашкой, она заснёт». И, соответственно, если достать голову из-под крыла и повернуть её вниз тормашками — она проснётся.

«Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала...» В динамиках гроыхал там-там, и на его затейливые африканские ритмы великолепно ложился сильный и чистый Машин голос: «Папа Легба, отвори ворота! Папа Легба, отвори ворота и дай мне пройти...» Да, папа Легба — вудуистский дух дверей, отвори и отвали... Держа трепыхающуюся курицу за ноги, почётный мамбо вуду африканской республики Буркина-Фасо осенил свой кабинет крестом, размахивая Дурочкой Рябой справа налево и вперёд назад, а потом засунул голову курицы под её же крыло и повернула всю конструкцию «вверх тормашкой»... Затем, сорвав крышку с супницы, я зачерпнул ладонью донорской крови и плеснул её Насте Сухотской на платье от Труссарди...

Хорошо, что перед приходом нашей гостьи Машенька убрала ковёр и затянула кресло полиэтиленовой плёнкой...

— Нашатырный спирт в студию! — рявкнул я по «громкой связи». — И поменять памперсы!

Не существует абсолютно бесстрашных людей. Все чего-то боятся, но иногда страх приобретает иррациональную и навязчивую форму — и тогда его называют «фобией»: зоофобия — боязнь животных, андрофобия — боязнь мужчин, сидеродромофобия — боязнь железных дорог, скопофобия — боязнь чужого взгляда... Самые распространённые из фобий: клаустрофобия — боязнь замкнутого пространства, никтофобия — боязнь темноты, акрофобия — страх

высоты, и четвёртое место занимает гематофобия — боязнь крови.

О том, что при виде крови ей становится плохо, Настя Сухотская опрометчиво упомянула в интервью для одного глянцевого журнала, и тем самым дала мне «ключ» к управлению своими мыслями и поступками... Вид у лежащей в обмороке красотки был уже не такой заносчивый, как всегда. Поэтому работать с ней будет — одно удовольствие, а переспать — ещё одно. Ведь главное в практике почётного мамбо вуду Буркина-Фасо не умение рубить головы чёрным петухам, а умение заставить бояться и уважать себя. До беспамятства! Вот как сейчас — Настя. Потому что помочь можно лишь тогда, когда пациенты начинают верить в то, что ты поможешь.

Когда Сухотская очнулась, Маша отвела её в гостевую ванную комнату и помогла переодеться. В белом махровом длиннополом халате бледная, как поганка, леди На выглядела приведением, зато вела себя тихо и кротко и даже задала первый за сегодняшний день умный вопрос:

— Можно называть вас по имени и отчеству?

— Да, — разрешил я, потому что, хотя Настя и была моей ровесницей, нужно было, чтобы она признала великого экстрасенса старшим. — Меня зовут Ярославом Григорьевичем. Садись и рассказывай...

— П-показывай, — робко поправила Настя. — Это фотография с сайта знакомств...

«Привёл» тебе, болезнь XIX века — техногенная «инет-любофф»! На фоне зависимости от компьютера появляется тяга к некому виртуальному образу, состоящему из плохонькой фотографии и двух-трёх сотен более или менее остроумных электронных писем-сообщений. Остальное — настоящее глубокое человеческое чувство и в то же время биологическая потребность, имеющая больше сходства с голодом и жаждой, чем с сексуальным желанием. Виртуальная любофф, млин!

...В глазах у Насти стояли слёзы — так ей было больно. Ситуация оказалась типичной для интернета с его маскарадом и сменой масок: на довольно известном сайте знакомств «Лав стори» подруга Насти Сухотской разместила свою анкету и фотографию. Откликнулось примерно с десяток Иван-царевичей и принц по имени Глеб, живущий в нашем городе. Уезжая в отпуск в Лондон, подруга попросила Настю отвечать на письма Глеба, поклявшегося ей в вечной инет-любоффи: «...юзать долго и счастливо и зависнуть в один день». И Настя тоже влюбилась в обаятельного парня:

— Он приходит ко мне каждую ночь. Во сне... На пять лет младше... Я много чего передумала в своём стремлении понять, как же это произошло и зачем. Может, именно затем, чтобы я думала, думала, думала...

— Рассказывай!

— Да я всё рассказала. Что ещё рассказывать? — слабо усмехнулась Настя.

— Не молчи! В психологии есть закон «информационного равновесия»: чтобы освободиться от тяжести, необходимо переложить её в чужую душу, — сказал я.

Вообще-то великий экстрасенс не имеет обыкновения объяснять пациентам, какими психологическими приёмами он пользуется, но

рыжему бесстыжему почётному мамбе всегда было на это рыже и бесстыже:

— Говори! Сильные чувства «затираются», когда о них рассказываешь, и перестают прожигать мозг до самого бессознательного... На время. Но тебе и нужна лишь небольшая передышка... О чём ты мечтаешь?

— Чтобы мы были вдвоём, — просто ответила она. — И жили в маленькой палатке. И чтобы по утрам пели птицы, днём светило солнце, и парило грибным хвойным лесом.

«А я думал: “Канары, Канары, Канары и в промежутках Сейшелы”, — «прикололся» мой внутренний голос. — Как написано в “инете”: “Лучший повод для веселья — на Канарах новоселье!”»

«Заглохни! — оборвал я его. — Видишь, она превращается в человека...»

— Палатку я вам с Глебом свою отдам, — сказал вслух великий экстрасенс, включая компьютер. — Отличная альпинистская палатка! И путёвки в Канаду закажу, а вы их потом сами выкупите...

Как Настя взглянула!

На меня часто смотрят с благодарностью, но с такой отчаянной, по-детски наивной и чистой, надеждой смотрел на своего сенсэя только ученик Казанкин, когда я пообещал вылечить его папаню от алкоголизма электрокастрированием... э-э-э... то есть экстракодированием.

Есть в моём арсенале такая новаторская метода: систематические побои под гипнозом — на заднем дворе ЦЭ НИИ их, алкоголиков, порют ныне, аки крепостных... Крик стоит, будто в имении помещицы Салтычихи!

— Через месяц Глеб будет любить тебя также сильно, как ты его! — сказал я, дожидаясь окончания загрузки. — Теперь поговорим о деталях... С подругой вы уже договорились: она к Глебу никаких чувств не испытывает и согласна «уступить» парня...

«...За ту новенькую красную “Ламборджини”, которая припаркована у нашего подъезда», — мысленно подсказало мне Око, которое есть у всех экстрасенсов. Вместе с четвёртой ноздрей, пятым углом и шестым чувством.

«А ты сам глаз на неё положил! — задёргалась ноздря. — Здесь и не пахнет бескорыстной помощью...»

«Не за авто, а за розовую с перламутром сумочку, с которой Сухотская снималась на обложку “Гламура”, — уточнил мой внутренний голос. — Анекдот вам рассказать?... “Печень, почки и другие органы хотят сердечно поблагодарить головной мозг за предоставленный перерыв в принятии спиртных напитков и просят поставить какую-нибудь весёлую песню”».

— ...Ещё подеритесь! — шикнул я...

Вообще-то про договор с подругой — это было не утверждение, а вопрос со смазанной интонацией, ведь Сухотская прилетела не из африканской республики Буркина-Фасо, где поклонялась святыням на исторической родине почётного мамбо вуду, а из Лондона. Так что, когда Настя подтвердила, что ездила туда договариваться с подружкой, я промолчал. Значит, хлопот будет меньше — счастливая соперница всё бы усложнила...

Подключившись к интернету, я попросил Настю открыть

«страницу» Глеба на сайте знакомств. Во-первых, мне нужно было посмотреть на его фотографию, а, во-вторых, заполучить пароль к почтовому ящику подружки, через который шла переписка. Вряд ли Сухотская сообразит, что, если в опцию «Чужой компьютер» не поставить «галочку», имя и пароль автоматически сохраняются в браузере, и потом кое-кто сможет воспользоваться чужим электронным адресом-«мылом».

На фотографии Глеб действительно выглядел симпатичным, хоть тоже пиши с него образ Родиона Раскольникова: «...с прекрасными тёмными кругами под глазами... с образованием выше среднего...» Серьёзный умный взгляд из-под прямых бровей, квадратный мужской подбородок с неглубокой ложбинкой, на загорелом лице — ни одной родинки или веснушки. «Красавчег!» — как сказал бы Лёшка на своём варварском «подонковском языке»...

Я «скачал» снимок в папку «Мои фотографии и рисунки», чтобы потом на досуге рассмотреть, не пропустили ли его через графический редактор «Фотошоп». Незаменимая штука, особенно против морщин.

Анкета на сайте знакомств у Глеба также была выше всяческих похвал:

«ОБО МНЕ:

Материально озабочен, жильём озадачен, сексуально обеспечен.

САМЫЙ ЦЕННЫЙ СОВЕТ, КОТОРЫЙ ВЫ ПОЛУЧИЛИ
В ЖИЗНИ:

«Всех денег не заработаешь — часть придётся украсть».

ГДЕ БЫ ВЫ ХОТЕЛИ ЖИТЬ?

В небе.

ЧТО ВЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО ЦЕНИТЕ В ДРУЗЬЯХ?

То, что они есть — такие, какие они есть.

ВАШ ЛЮБИМЫЙ ГОРОД:

Он внутри меня.

ВАШ ГЛАВНЫЙ НЕДОСТАТОК:

Нравлюсь людям.

ЕСТЬ ЛИ У ВАС ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ?

Котёнок по кличке Боинг — летает по квартире.

САМОЕ БОЛЬШОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ВО ВРЕМЯ
ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЕЗДКИ:

В Турции — как я курил кальян. В Египте — как кальян курил меня.

КАК ВЫ ОБЫЧНО ЗНАКОМИТЕСЬ?

Подхожу и показываю свою чековую книжку.

ВАШ ЛЮБИМЫЙ ТОСТ:

...Ну, за то, чтобы не обделаться, когда будем в танке!

КНИГА, КОТОРУЮ ВЫ СЕЙЧАС ЧИТАЕТЕ:

Жизнь.

ВАШ ДЕВИЗ:

Все моё — и никаких Али-Бабов!»

В своих последних сообщениях на сайте знакомств Настя Сухотская предлагала Глебу встретиться, а он более или менее изобретательно отказывался: «А насчёт встречи — страшно. Побаиваюсь я этого. Чуть что не так, и прощай отношения. А терять их не хочется. Вот».

Прочитав мне это электронное письмо, Настя снова заплакала:

— Он не хочет со мной встречаться, Ярослав Григорьевич.

— Не с тобой, а с твоей подружкой, — сказал я. — С тобой он встретится как миленький!

«Как любименький!» — хитро прищурился мой третий глаз.

— ...Но — через месяц! Поверь, что сейчас ни к чему хорошему ваша встреча не приведёт. Выход из «инета» вообще процесс болезненный, потому что каждый из вас создал себе идеальный виртуальный образ партнёра, который имеет мало общего с реальным. Ты, например, говоришь, что Глеб младше тебя на пять лет...

— Ну да, — поморщилась Настя. — Не знаю, почему меня на «малолеток» вдруг потянуло...

— Не переживай! Первое, что юзеры изменяют в чатах и на сайтах знакомств — это возраст, и практически всегда в сторону уменьшения. Например, в почтовом чате mail.ru я только однажды столкнулся с глубокой старостью: если мне не изменяет склероз, ей было пятьсот пять лет.

— Ско-о-олько?!

— Пятьсот пять, — повторил я. — А ник был «Джоконда». И ведь никакого вранья: Леонардо да Винчи написал портрет Моны Лизы дель Джокондо в 1503 году. На редкость весёлая была картина — одним словом, шедевр! А в действительности оказался молодым художником из Санкт-Петербурга. То есть, второе, что чаще всего меняют — это пол.

— Глеб может оказаться девушкой?!

— Или догом! Как говорят сисадмины: «В интернете никто не знает, кто вы: человек или собака».

— И что же мне теперь делать?

— Да ничего! Как переписывалась — так и продолжай переписываться... А действовать будет почётный мамбо вуду Буркина-Фасо... Кстати, тебе нужно сфотографироваться с ним на память! Или с чёрным петухом... На выбор!

Сухотская привычным жестом вытащила из сумки косметичку и начала припудривать лицо, а я пошёл за цифровым фотоаппаратом — мне нужны были две-три Настиных «фотки», снятых точно в таком же ракурсе, в каком был сделан фотопортрет её подружки на сайте знакомств «Лав стори». Ведь не даром же мой ученик столько времени провёл на компьютерных курсах, постигая графическую полифонию Adobe Photoshop CS в переложении для там-тама?! Нет, не даром!!!

А за деньги, перечисленные из посольства Буркино-Фасо, которому Алексей взломал сервер. И, кстати, именно весёлому и находчивому хакеру Лёхе Десятому Уровню великий экстрасенс обязан тем, что он не унган и не бокор, колдуны-мужчины, а мамбо — знойная и мстами совсем дикая африканская женщина. Слово не попугай — из диплома не выкинешь! Но так как страдалыцы обычно не в курсе, и я не стал «запариваться» по этому поводу.

Проводив Настю, я позвонил Шамилю, исполнительному директору моего детективного агентства «Третий глаз»:

— Шама, привет, мне справки нужно навести про одного человека...

Когда лейтенант Чагаев увольнялся из милиции, он не преминул скопировать и прихватить с собой компьютерную милицейскую базу данных «Мегаполис». Печень, почки и другие... хотят сердечно поблагодарить... внутренние органы за отлично подготовленных профессионалов!

— Что ты о нём знаешь? — спросил Шамиль.

— Мужчина лет двадцати-тридцати, зовут Глебом, живёт в нашем городе. Логин на сайте знакомств — love_story.mail.ru/glebgsan: то есть отчество у парня на букву «гэ», а фамилия начинается с «эс»...

— Твоё счастье, Слава-джан, что у него имя такое редкое! — через некоторое время снова отозвался Шамиль. — Денисов и Антонов было бы в «компе» тысяч по пятьдесят, а Глебов оказалось всего четыре.

— Слушай, всё хотел спросить, а как переводится слово «джан»?

— Душа.

— Крясиво-о-о! — сказал я на инет-сленге.

— Плакаешь од шастя? — поддержал меня Шамиль. — Аффтар жжот нипадецки!

— Бугага. Валялсо паутулом.

— Ты про клиента больше ничего не знаешь? Мне бы дополнительный поиск провести, чтобы отсечь «лишних»!

— Яндыкс ево знает! Ну, он упоминал в переписке, что живёт в центре...

В телефонной трубке было слышно, как Шамиль стучит по клавиатуре своего ноутбука.

— Есть! Глеб Геннадьевич Санги, родился двадцать четвертого июня тысяча девятьсот семьдесят восьмого года, проживает: ул. Суворова, семьдесят три — сто сорок четыре.

— А я что говорил! «На пять лет младше...» А в реале — на два года старше!.. Большое спасибо тебе, джан!

— Да пошёл ты со своими нежностями! — тотчас же заверил господин исполнительный директор господина генерального директора в полном своём «респекте». — Убей себя с расбегу апстену!

«Мне не жаль, что я здесь не прижился, но так жаль, что неправильно жил... Попадись мне, кто всё так придумал, я бы сам его вмиг придушил!» Кто ж тебя придумал, интернет, килобайт твою двадцать?! Интернет-игра, интернет-вечеринка, интернет-фестиваль, интернет-карнавал! В виртуальных образах-масках — миллионы мужчин и женщин, достаточно состоятельных, чтобы иметь компьютер с интернетом, и достаточно состоявшихся, чтобы решить, что они готовы попробовать нечто новое... И интернет не оставляет им ни времени,

ни желания, ни сил на обычную жизнь, а их зависимость от компьютера становится похожей на наркотическую... Хотя конечно зависимость от телевизора ещё тяжелее. Не говоря уж про холодильник!

От теоретических раздумий об опасностях, грозящих человечеству в целом, мне пора было возвращаться к индивидуальной программе помощи богатой пациентке. Поэтому, вызвав в свой кабинет ученика Казанкина, сенсэй дал ему домашнее задание:

— В компьютере — портрет Настинной подруги, а в фотоаппарате — снимок самой Насти! Сделай тридцать — по количеству дней в месяце — промежуточных вариантов фотографий: на лице подруги сначала должен появиться кончик носа Сухотской, затем одна веснушка, потом ещё две, и так — по миллиметру — нос, рот, глаза... Безумствуй в «Фотошоп»е, Лёха! Создай! Твори! И каждую ночь меняй снимок на сайте знакомств «Лав стори» на новый! К концу месяца там должна быть размещена фотка Анастасии Сухотской...

— Твоя любимая? Где она в «леопардовых» трусиках?

— В платье своей подруги!

— А как ты объяснишь это Насте?!

— Зомбированием её фотографии! Разумеется, если Сухотской хватит духу расспрашивать мамбо, когда тот будет мазать дисковод кровью чёрного петуха, — объяснил я.

Ученик легонько прошёлся по клавишам — на мониторе компьютера появилась надпись: «дык эдык окварельной кразки на тя не напасёсси))))))))))».

— Знаешь, о чём она спросила? Уже в дверях, «на посошок», — сказал я, задумчиво глядя на восковую куклу вуду, лежавшую на процессоре.

«Скока \$ ей уфсе ето будит стоить?» — предположил прагматик Лёха.

— Нет! Она спросила: «Настоящая ли виртуальная любовь?»

«*вынимательно записюкиваю*» — появилось на мониторе.

— Записюкайте, учиниг! Настоящая. Потому что любовь ведь не там... — я показал на компьютер, а потом приложил руку к груди: — А здесь — в сердце!

...Всё устроилось наилучшим образом: через месяц моя пациентка и Глеб Санги встретились и вспыхнули друг к другу уже не романтической инет-любоффью, а реальной страстью. Постепенного замещения снимка Настинной подруги на фотографию Анастасии он не заметил. Ведь как писал Иосиф Бродский про блондинок: «Китаец так походит на китайца, как заяц на другого зайца...»

Альпинистскую палатку я преподнёс в подарок Сухотской в ответ на её презент великому экстрасенсу — новенькую красную «Ламборджини».

И, само собой разумеется, спорткар был передарен ученику Казанкину, чтобы он, наконец, перестал гонять по городу на лимузине. «Запарился» я каждое дежурство мыть свой, покрытый километром грязи, «Роллс-Ройс».

Василий КОЛБИН

БАДА-БУДЮМ. Рассказ

Лесник Андреич привычно намотал верёвку на маховик тридцатисильного «Вихря» и со второго рывка завёл проверенный мотор. Потом он вдавил рычаг реверса и, шагнув к носу лодки, схватился за руль дистанционного управления.

Полупустой старенький «Прогресс» легко набрал скорость и, как говорят водники «вышел на редан». Передвижение на моторной лодке, если она не была слишком перегружена, всегда доставляла Андреичу большое удовольствие. Вот и теперь он угнездился на лавке за фанерками, вставленными вместо ветровых стёкол, и ещё двинул вперёд рычаг газа. Ветровые стёкла Андреич разбил, врезавшись в нависшую над берегом лесину, когда выпал болт соединения мотора с тросиком дистанционного управления.

Теперь он скользя по глади реки Горин, которая последние 20 километров перед впадением в Амур, как будто притормаживает свой бег и неспешно течёт вдоль великой водной артерии Дальнего Востока. В большую воду почти каждый год Амур разливался, затапливал обширные пойменные острова, и левый берег Горина становился берегом Амура.

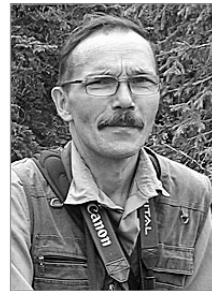
Андреич посматривал на мелькание по сторонам береговых ивняков, слушал шелест воды под днищем и ровный гул мотора. В воздухе кружили иглохвостые стрижи, которые ловили мелкую живность невысоко над водой. Было хорошо и покойно.

Вдруг возле небольшого островка с притопленными ивами вода как будто закипела, и в воздух выпрыгнули десятки крупных рыб. Андреич много раз проезжал в этом месте, но такое чудо увидел впервые. Он сбросил газ, развернул лодку и, подъехав к удивительному острову, заглушил мотор. Рыбы продолжали выпрыгивать из воды, но уже не десятками, а по одной — две. Казалось, они заглядывают в лодку и чуть ли не смотрят в глаза.

Андреич узнал толстолобиков. Он где-то слышал, что эти рыбы невероятно любопытны: они выпрыгивают в воздух только ради того, чтобы посмотреть, кто там сверху шумит. Иногда толстолобики могут так перестараться, что запрыгивают в лодку на радость рыбакам.

Лесника захватил рыбацкий азарт и вообще давно он толстолобиков не едал. Рыба совсем недурная на вкус. А толстолобики как будто дразнили его: они выпрыгивали в воздух то возле правого борта,

Василий Анфимович КОЛБИН родился 9 августа 1961 года в селе Красный Бор Елабужского района Татарской АССР. Окончил биологический факультет Пермского государственного университета. Орнитолог. Кандидат биологических наук. Член Союза журналистов России (2012). Работает в заповеднике «Вишерский»: ведущий научный сотрудник. Автор более 100 публикаций на научные и научно-популярные темы. Публиковался в различных журналах, альманахе «Литературная Пермь». Автор и соавтор нескольких книг, посвящённых природе и животному миру Пермского края. Лауреат премии фонда Ф. Р. Штильмарка в номинациях «Книги о природе для детей» и «Достижения в науке» (2010). Член Союза писателей России (2013). Живёт в городе Красновишерске Пермского края.



то возле левого. Андреич решил, что надо вернуться домой, взять сетку и поставить её прямо здесь, привязав к притопленной иве.

Он завёл мотор и через полчаса уже снова появился возле заветного островка. Пока он привязывал к иве сетку и вытягивал её из лодки, неуёмные рыбы продолжали свои весёлые кульбиты с обеих сторон от погружившейся в воду снасти. Когда конец сетки с грузиком скрылся под водой, Андреич пригрозил продолжавшим кутерью толстолобикам: «Смотрите сетку мне не унесите...».

План по поездке в соседнее село у нашего героя сорвался, так захватил его рыбацкий азарт. Он не сомневался, что на следующий день у него будет полная сеть удивительных рыб. Вернувшись домой, Андреич зашёл к своей соседке — восьмидесятилетней нанайской старухе — Фёдоровне.

Фёдоровна выслушала его рассказ про толстолобиков в семи километрах от села и сказала: «А, это бада-будюм».

— Что за бада-будюм? — не понял Андреич.

— Место так называется. По-русски значит — «вода играет».

Андреич понял, что местные аборигены давно знают про это место, и почему-то именно там толстолобики заглядываются на проезжающих. Вот только он никогда не слышал, чтобы нанайцы ставили там свои сети...

Прошёл вечер, миновала ночь. Утром Андреич отправился за толстолобиками, по дороге уже предвкушая, как будет их жарить...

Когда нос «Прогресса» ткнулся в знакомый островок и он отыскал на крайней иве верёвку от своей сети, толстолобики снова начали крутить сальто в честь его появления. Андреич понемногу выбирал сеть и вскоре вытянул её всю. Снасть была чистой — ни единой травинки не пристало — и пустой. Лишь на последнем поплавке сидела белёсая пресноводная креветка и смотрела на незадачливого рыбака микроскопическими глазами.

Андреич в растерянности опустился на лавку и стал отрешённо наблюдать, как возле бортов лодки изредка взлетают в воздух широколобые рыбы. Они явно не хотели к нему на сковородку.

Виталий БОГОМОЛОВ (об авторе см. с. 32)

ЭТО ЛЮБОВЬ МОЯ

* * *

Живут непуганные утки
 В заросшем ряскою пруду.
 С весны цвели тут незабудки
 На травянистом берегу...

И вот, в багровый час заката,
 Здесь, на исходе сентября,
 Я разглядел, чем жизнь богата,
 И то, за чем гонялся зря.

О СОРОКАХ

Моросит, грязна дорога...
 Стороной — травища в рост.
 На кусту сидит сорока —
 Опустила мокрый хвост.

Тучи рваные нависли
 Серой тряпкой половиой.
 Белобока что-то мыслит,
 Аж не крутит головой.

Стрекотуха явно в силе,
 Всё, кажись бы, нипочём...

.....
 И сорокам, знать, в России
 Есть задуматься о чём

* * *

Я сегодня, как лошадь,
 На которой уходят
 весь день от погони.
 И огромная площадь —
 Под копытами бьётся
 в агонии.

И на крупе моём
 Виснет клочьями белыми
 пена,
 Мы узнали вдвоём
 С седоком, что такое
 измена.

ПЕРМЬ

Я жду, когда настанет выходной,
Чтоб на природу поскорей уехать...
И всё же, Пермь, ты —
 город мой родной,
Которому обязан я успехом.

В тебе живу... Почти полсотни лет.
Давным-давно ты стал моей судьбою.
Вот лишь богатства
 не было и нет...
Так что — делить нам нечего с тобою.

У нас дома и площади одни,
И на двоих одна с тобою
Кама
Уносит незаметно наши дни...
Но даже в этом я не вижу драмы.

Влюблён в свой город я, мастеровой.
Пермь, занеси любовь
навеки в список твой!

* * *

Ставят дом многоэтажный –
Кран упёрся в небеса!
Машинист мужик отважный:
Вверх взбирался полчаса...

Строят дом, кипит работа,
Люди, будто муравьи,
Кто внизу, на вышке кто-то,
Нормы делают свои.
Ставят домик монолитный,
Лепят соты-этажи.
Обыватель, зная, элитный
В этом доме будет жить...

Как бы ни было, а всё же
Хорошеет город наш...
Может, будут строить тоже
И для вань, и для наташ...

КАРТИНКА

В небо упёрлись верхушками ели,
Мох под деревьями мягче постели.

Банька стоит в живописном местечке:
Зеркальце озера, рядышком — речка.

Женщина воду в баньку несёт...
Это любовь моя, в ней моё всё!

Она после бани заварит мне чай,
А я запелую её “невзначай”...

ФОТОГРАФ

Владимиру Бикмаеву

Когда б все кадры,
что ты в жизни сделал,
Могли быть соединены,
В единой плёнке,
цветной и чёрно-белой, —
Хватило б до Луны.

Когда б собрать людей,
тобой заснятых,
В толпу одну,
«Титаник» тоже бы,
вполне понятно,
Пошёл ко дну...

Конечно, «Никон» или «Кодак» —
не винтовка.
Но мысль моя проста:
Чтоб щёлкал твой затвор,
товарищ Вовка, —
Хотя б до ста!

* * *

Ты постепенно забываешь обо мне:
Всё реже, реже пишешь эсэмэски.
Я как ракушка на Байкальском дне:
И вижу свет сверху, но свет
не резкий.

А были дни — ты так меня слепила,
Как солнца луч, как молнии игла!
И в вспышке той была, такая сила,
Она меня со дна —
поднять могла...

Разряд прошёл и молния угасла...
Пусть свет уже не озаряет дна,

Но верю, вспышка не была напрасна,
Коль в сердце до сих пор
лишь ты одна!

* * *

Сочится под землёй
 таинственная влага,
Чтоб выпасть ручейком
 живым на дне оврага.
Не так ли в сердце
 копятся слова,
Что в строчках выдаёт
 нам голова.

* * *

Настанет час –
 всё потеряет смысл.
И содрогнётся
 душенька в печали,
И будет слишком
запоздалой мысль,
Что жизнь не та
 осталась за плечами.

ПОМИНАЛЬНЫЙ ЛИСТОК

Памяти брата
Николая Михайловича Габова

Держу я в руках листочек,
 сложенный пополам –
Слева имена тех, кто живы,
 а справа тех, кто «там».
«Отче, живых помилуй,
 усопшим даруй покой!» –
Молюсь, кто слева, о здравии,
 кто справа — за упокой.

И вот потрясён я открытием,
 что по прошествии дней –
Слева в списке просторнее,
 а справа он всё плотней...
Какую суровую истину
 таит поминальный листок:
И мне потесниться «вправо»
 однажды настанет срок.

* * *

Когда-то они были
в каждом дворе.

Затух железный стук колёс
Меня примчавшей электрички...
Здесь — только неба синий плёс,
А голосов не слышно птичьих.

И вдруг как запоёт петух
В саду на даче у кого-то!..
Деревни нашей русский дух
Хранит певун своей заботой!

Наверное, на весь район
Единственный петух остался?..
Хвала хозяину, что он
Сберечь Россию догадался!

* * *

Поэту —
суд на Небесах,
Где на всеобщем воскресенье
Душа на Божиих весах,
Как знать,
одним стихотвореньем,

Быть может, будет спасена,
И оправдается она:

Строкой поэта о России,
Что совестью не торговал,
Что — по возможности и силе —
Он людям
душу
отдавал!

* * *

Справа грядки, слева грядки,
Мы вдвоём играем в прятки...
И целу-у-емя с тобой,
Схороняся за избой.
Слаще, чище — мига

нет:

Нам всего по пять-шесть лет.

Век прошёл, глядим друг другу
Мы в глаза, но видим выюгу.
Нет в душе
 (такой нечистой) —
Детской свежести лучистой.
Справа грядки, слева грядки —
Мы с тобой
 сыграли в прятки...

* * *

Завали меня копной твоих волос!
Я зареюсь в них, от счастья не дыша.
Опьяни благоуханьем свежих роз...
Для тебя моя распахнута душа.

Мы не просто так,
 мы связаны судьбой.
Не страшны с тобой ни зной и ни мороз.
Моя прелесть, я живу одной тобой.
Завали меня копной твоих волос!

* * *

Замучили звонками

Придёт пора — никто не позвонит,
Не потревожит и не скажет слова,
На склоне лет останемся одни,
Как во степи отпавшая подкова.

Лежи, тоскуй, ржавей по прошлым дням,
Ах, как несла нас бешеная скачка...
Где мой рысак, он помнит ли меня?..
У пепельницы — вновь пустая пачка.

Наталья ГУМЕРОВА

ОГОНЬКИ РЯБИНЫ

НЕПОГОДА

Дожди... Дожди и непогода...
 Не благосклонна нынче осень...
 Обычно, в это время года,
 В огне рябиновые косы...

И в благородной позолоте –
 Листва раскидистого клёна,
 Краснеет клюква на болоте
 Как краснощёкая матрона

А ныне — хмарь и дождь унылый
 Стучит безрадостно по крыше...
 Ах, осень, где ж набраться силы
 Услышать слог, звенящий свыше?

Из-за дождя, да ветродуя
 Он тает где-то в поднебесье...
 А может, Осень, наколдуешь
 Хотя бы пару добрых песен?

МУЗЕ

Приди ко мне!.. Давай поговорим...
 Заварим чай с малиновым вареньем
 И станем от заката до зари,
 Без устали слагать стихотворенья...

Чтоб душу выворачивала грусть.
 Не та, что вяжет горестные пути,
 А та, что заставляет наизусть
 Припоминать счастливые минуты...

Наталья Евгеньевна ГУМЕРОВА родилась 30 января 1973 года. Окончила строительный факультет Пермского государственного технического университета (1994). Работала в управлении «Подземметаллзащита». Увлекается декоративно-прикладным искусством: мастер-кукольник. Занималась в литературной студии «Тропа» при Дворце детского (юношеского) творчества города Перми. Лауреат нескольких поэтических конкурсов, в т. ч. Пермского краевого — им. А. Решетова (2011). Публиковалась в различных сборниках и альманахах, в т. ч. «Литературная Пермь». Автор поэтических сборников «Когда приходит вдохновение» (2006), «Я нарисую бесконечность» (2008), «Туда, где царствует любовь» (2016). Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России (2016). Живёт в городе Перми.



Минуты, от которых, по весне, —
Сиренью волоокой зацветала...
Приди же, запоздалая, ко мне!..
Я так от прозы жизненной устала...

ЗИМА ИДЁТ

Ах, как, воистину, волшебнo!..
Как безупречен небосвод!
Под звуки светлого молебна
В Россию Зимушка идёт.
Легка, воздушна, словно пава —
Аж перехватывает дух...
Детишкам — шалость и забава —
Её кипенный, нежный пух.
Подолом нивы укрывает.
Подобно бабочке, легка,
Над полем трепетно порхает...
Взбивает в пену облака.
И драгоценные каменья
Бросает щедрою рукой
На неприглядные поленья,
Ивняк, склонённый над рекой...
Невестой выглядит усадьба —
Гуди, гуляй честной народ!..
Нас ждёт невиданная свадьба —
В Россию Зимушка идёт!

РЯБИНА

Спускаются снежинки
На кисти с высока...
Рябинушка, рябинка,
Ах, как же ты сладка!..
Не гроздья винограда,
Но — сладостней его...
В той горечи — улада, —
Вкус детства моего...
Когда зимой, бывало,
В январские деньки,
Мне бабушка срывала
С рябины огоньки...
Те ветви, словно прядки,
Лелеяла рукой.
Но было очень сладко
От горечи такой...

* * *

Сверкнуло солнце из-за туч,
 Как парашютный зонт,
 И, выдохнув последний луч,
 Ушло за горизонт...

А теплоход тихонько шёл
 По зеркалу реки,
 И украшали водный шёлк
 Ночные огоньки.

Возились чайки за кормой
 Оравой озорной
 До встречи, степь! Пора домой
 К сторонущке родной...

К таёжным камским берегам,
 Где рано поутру —
 Трава в росе и птичий гам
 В разбуженном бору...

Где я девчоночкой босой
 Бежала по волне
 И Кама тёплой слезой
 Ласкала пятки мне...

ЖИВИ

Я каждый день кричу себе — «Живи!»
 И даже если слёзы душу точат, —
 Живи для слёз! Предчувствия любви...
 Живи, когда и сердце жить не хочет!..

Живи для самых близких и друзей,
 Врагам назло — живи! Живи и здравствуй!..
 Представь, что жизнь — экскурсия в музей —
 Музей событий, встреч и дальних странствий.

Прими его, прими таким как есть —
 Свой путь земной, своё существование...
 Пока живёшь, пока ещё ты здесь,
 Ты — важная частица мироздания.

Всем бедам, всем обидам вопреки,
 Всем горестям, напастям и сомненьям —
 Живи! И, как вешают старики,
 Цени при жизни каждое мгновенье!..

ЗАПОЗДАЛАЯ ЛЮБОВЬ

Ты появилась ниоткуда...
Постой, душа! Не прекословь...
То не внезапная простуда.
То запоздалая любовь...
Ну, где ж ты, ветренная дива,
Бродила столько долгих лет?
Ведь я уже не так красива,
Не тот в глазах девичьих свет...
Не так наивна и беспечна,
Как в те «зелёные» года...
И понимаю — всё не вечно...
Вот, если б ты пришла тогда,
Когда звала... Когда мечтала
Невинной юною душой...
Когда голубкой трепетала
Лишь от улыбки небольшой,
Лишь от нечаянного взгляда
Его, таких желанных, глаз...
Что ж, проходи... Тебе я рада...
Не обмани на этот раз...
Не обмани!.. Так ведь обманешь...
А я поверю вопреки...
Ты так искусно душу ранишь,
Но, как же раны те сладки...

* * *

Куда улетают поэты,
Отжив на родимой Земле?..
Они не торопятся к свету, —
Их путь пролегает по мгле...
Над прежним оставленным миром, —
Чтоб светлой певучей строкой
Разлить незабвенную лиру
Над лесом, над бурной рекой,
Над полем, над древним погостом,
Над ветхой церквушкой села...
И прежде, чем ринуться к звёздам —
Земные венчают дела...
Над родиной облаком тают,
Отвесив последний поклон,
И только тогда улетают
В зовущий небесный полон...
Где в царстве вселенского света,
Под взором Творца, на виду,
Общаются мирно поэты
В цветущем эдемском саду...

СЧАСТЬЕ

Притаилось счастье за дорогой...
 На кого охотится теперь?
 Не просила милости у Бога,
 А оно само стучится в дверь...
 Не меня ли мирно поджидало
 На тернистом жизненном пути?
 Я, признаться, даже не мечтала
 Столько счастья разом обрести...
 В радость — и морозная погода,
 И шенок, виляющий хвостом,
 Звёздочка в глубинах небосвода,
 Пташка под рябиновым кустом...
 И вокруг, куда ни глянешь, — чудо...
 Не забыть бы только одного:
 Счастье ожидает нас повсюду...
 Главное — открыться для него!

ЗВЕЗДА ДЕТСТВА

Сколько песен о детстве написано
 Сколько сложено трепетных строф...
 И признаюсь, сама я зависима,
 От его шаловливых оков.
 Держат крепко, и силой не вырваться, —
 Ведь душа-то всегда молода...
 И, чем старше, тем явственней видится
 Отшумевшего детства звезда.
 Та звезда, что улыбкой нездешнею
 Озаряет и в радость, и в боль...
 Словно трель соловьиная, вешняя,
 Проникает в земную юдоль,
 Помогает, и в горестях выстоять,
 И на самом крутом вираже...
 Пробуждает святое и чистое
 Даже в самой заблудшей душе...

* * *

Я помню — в детстве — ёлку украшали...
 За окнами чудачила метель
 Часы спокойствием дышали,
 Стуча в предновогодней суете.
 Мы доставали старые игрушки,
 Хранящие далёкие мечты:
 Бумажные лошадки и хлопушки,
 Сосульки небывалой красоты,
 Поделки из стекляруса и ваты,
 И серпантин, и дождь из серебра,

И красовалась ёлочка богато
 От этого нехитрого добра...
 А после, возле ёлки новогодней,
 Устраивали маленький концерт...
 Ах, как же не хватает мне сегодня
 Задора тех далёких детских лет.
 Но будет день, — снега завьюжат тропки
 В преддверье новогодней суеты...
 И наши дети вынут из коробки
 Минувших дней забытые мечты...

* * *

Сердитый холод — гость непрощеный,
 Сковал дома и был таков...
 И выются рыхлые горошины, —
 Что сотни хрупких мотыльков...

Спокойно спят поля безгрешные...
 Им выужный ропот нипочём.
 А ветры гонят вихри снежные
 Крутым невидимым плечом.

Я тороплюсь по тропке узенькой
 Среди разбуженных снегов,
 А в голове небесной музыкой
 Звучит мелодия стихов...

БАБА-ЯГОДКА

Перед зеркалом я встала,
 Завила игриво прядь...
 Отраженью прошептала —
 Баба — ягодка опять...
 Баба — ягодка-малинка,
 Как же светятся глаза!..
 То ли солнца в них крупинка,
 То ли светлая слеза...
 Да... Не двадцать мне сегодня!
 Что ж об этом горевать?..
 Улыбнусь, оденусь модно,
 Буду праздник затевать...
 Испеку пирог воздушный,
 Стол богатый соберу,
 Созыву гостей радушно
 Отобедать на пиру.
 А когда наступит вечер,
 Глядя в зеркало, шепну:
 Что же, ягодка, до встречи!
 Курс — на новую волну...

* * *

Солнце в небе народилось,
Стала ярче глубина,
Синим шёлком расстелилась
Над землёй голубизна.

Глянешь — сердце встрепенётся
От вселенской красоты...
И нечаянно взгрустнётся —
Крыльев нет, но есть мечты!

Те мечты влекут и манят
В высь бездонную взлететь...
Ах... Слезинка взор туманит,
Так и хочется запеть!..

СНЕГИРИ

Февраль летит на саночках
В упряжке вороных!..
Рябина, словно в яблочках —
Румяных, наливных.

Ну, что за диво дивное?
Кто не увидит — ах! —
Семейство снегириное
Присело на ветвях!

Клюют рябину алую —
И стол им здесь, и дом!
И словно детки малые —
Щебечут о своём...

Но стоит ветку тонкую
Тихонечко задеть,
Как тут же стайка звонкая —
Взбодрится и лететь!

А кот спешит вразвалочку
Картине удивлён:
Была рябина в яблочках,
Теперь краснеет клён...

ТАЕТ СНЕГ...

Тает снег... Тает боль и обида...
Тает всё, что скопилось зимой.
И весна, с независимым видом
Прогоняет старуху домой:

Прочь, зима! Уходи восвояси!
 Пропусти! Дай дорогу теплу!
 День за окнами светел и ясен,
 Солнце ласково нежит ветлу...

На тропинке лихой воробышка
 Подбирает нехитрую снедь.
 Март листает объёмную книжку.
 Так душевно, что хочется петь...

Неба синь в раскудрявой оправе
 Зазывает в свою глубину...
 И зима, слава Богу, не в праве
 Не впустить молодую весну...

Скоро, скоро апрель заструится
 По дорогам родимой земли.
 Не забыть бы, друзья, повиниться,
 За грехи помолиться свои...

ВРЕМЯ ВОЙН

Время войн, бесчинств, терактов...
 Как же это пережить?
 Брат с ружьём идёт на брата,
 Зло над Родиной кружит.
 Ангел мечется в испуге, —
 Как бы крылья не обжечь?..
 Что ж вы делаете, други,
 Где же совесть ваша, честь?!
 Застят взор шальные деньги,
 Застит разум горе-власть...
 Со времён лихого Стеньки
 Цель правителей — украсть...
 Независимо от чина,
 Всем властителям с руки
 Ловко грабить люд невинный,
 Набивая кошельки...
 Отнимая даже крохи
 У больных и стариков...
 Где ж, вы, «рупоры эпохи»?
 Скрылись в омуте веков!..
 Нет... Желающих не видно
 Правдой ранить наглецов, —
 Что под маской благовидной
 Прячут злобное лицо...
 Звери!.. Звери, а не люди...
 Рвут страну на клочья, — в хлам!
 Время каждого рассудит,
 Каждый примет по делам...

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

И снова славный День Победы...
В рядах бессмертного полка
Парят над нами наши деды,
Как в небосводе облака...

И Александры, и Алёши,
Иваны, Коли, Васильки...
И неподъёмна эта ноша
Для человеческой руки...

Для человеческого сердца,
Что деды пробудили в нас,
Нам подарив и жизнь, и детство,
И мир чудесный без прикрас:

И неба просинь, и рассветы,
Весны цветущие сады,
Снега зимы, соцветья лета,
Нарядной осени плоды...

Ценою страшной заплатили
Чтоб свет России не потух,
Чтоб мы рождались и любили,
И продолжали русский дух!..

Михаил ДАВИДОВ

ЮНОСТЬ МОЯ БУЙНАЯ, ВОСКРЕСНИ!

ЗАВЕТНОЕ ИМЯ ЕЛЕНА

Красивая девушка Лена
На улице нашей живёт.
Заветное имя Елена
Мне спать по ночам не даёт.

Я с именем этим встречаю
Рассветы, по жизни иду,
Работаю, верю, мечтаю
И счастья с надеждою жду.

Глаза её ясные света,
Ума, благородства полны;
Блестают, как два изумруда.
В них — прелесть девичьей весны.

Не знаю студентки прилежней!
В зачётке — пятёрки одни.
Заботой о близких, ученьем
И спортом наполнены дни.

Изящные гибкие руки
По клавишам с чувством бегут.
Рояля чудесные звуки,
Чаруя, по залу плывут.

Скользит на байдарке Елена,
Трибуны восторга полны!
Она — наша гордость и смена,
Гребёт чемпионка страны!

Ты стала кумиром девчонок,
Богиней земной красоты,
Примером для юных спортсменок,
Звездой, воплощеньем мечты!



Михаил Иванович ДАВИДОВ родился в 1954 году в Пермском крае. Окончил Пермский медицинский университет (1977). Работал врачом военно-строительного отряда космодрома Байконур, хирургом, урологом. В настоящее время — доцент Пермской государственной медицинской академии. Кандидат медицинских наук. Писатель, историк литературы. Автор 9 литературно-художественных книг. Публиковался в журналах «Москва», «Великоросс», «Урал», «Литературная Пермь» и других. Член Союза писателей России. Кавалер ордена Достоевского II степени (2017). Живёт в городе Перми.

Прелестная Лена, как роза,
В предчувствии первой любви.
Мой друг! Красотою любуйся,
Но юную розу не рви!

Душа её нежная просит
Высокой и чистой любви.
И губы однажды прошепчут:
«С собой в светлый мир позови!»

Красивая девушка Лена
На улице нашей живёт.
Заветное имя Елена
Мне спать по ночам не даёт.

НОЧНАЯ ГОСТЬЯ

Молча красный шар
За реку упал.
Я на берегу
Гостью повстречал.

В паутине снов
Мой прибрежный сад.
Я с тобой, любовь,
Повстречаться рад.

Сидя в поздний час,
Смотрим на луну.
Гостье я сейчас
Душу распахну.

Сладок в тишине
Грустный шёпот волн.
Я, как в полусне,
Дум о прошлом полн.

Помнишь, как тебе
Подарил букет?
Ту охапку роз?
Аромат их, цвет?

Каждый лепесток
Прелестью дышал
И любовный сок
В воздух источал.

О моей любви
Тот букет шептал.
Я заветных слов
От любимой ждал.

Но услышал: «Нет!»
С горечью в ответ.
От обид завял
Тот любви букет.

Жёлтая луна
Освещает сад.
Полночь. Тишина.
Сад тоской объят.

«Помню твой букет
И любви слова, —
Исповедь в ответ
Гостья начала.

— Ты был лучший друг,
И любил меня.
Но тебе, мой друг,
Изменила я.

Он хорош собой
И богат, красив.
Парень он крутой,
И честолюбив.

Что успешен он —
Видно за версту.
Пусть и не люблю —
С ним я жить хочу!

Что — любовь твоя,
Если не сметлив?
У тебя, мой друг,
Нет перспектив!»

Женский силуэт
Растворила ночь.
Не грусти, поэт!
Все печали — прочь!

Видишь, встав с колен,
Жёлтый лунный свет?
Жёлтый — знак измен?
Нет! Прощенья цвет!

Ты её прости!
Пусть с другим живёт.
Дух свой обрети!
Рана заживёт.

И печаль уйдёт —
Вечен жизни зов!
Сердце обретёт
Новую любовь!

**И УЖЕ НИКОГДА
ТЫ НЕ БУДЕШЬ МОЕЮ...**

Дождь стучит по зонту,
Отбивая прощально фокстроты.
Приговор я прочту
Серых глаз. Ты свела со мной счёты.

Ты не любишь меня!
Сердце сжало тоскою и болью.
И любовь хороня,
Зло обсыпала рану мне солью.

Мы с тобою вдвоём
Ликовали, встречая рассветы.
Мы пылали огнём
И летели, обнявшись, по свету.

Жёлтый дождь смыл любовь
И залил город серостью мутной,
С лабиринтом дворов,
Их мелодией нежной и грустной.

Навсегда! Навсегда!
Ты ушла той дорогой своею.
Никогда! Никогда!
Ты не будешь отныне моею!

Тихо воды несёт
Моя Кама, как сына жалея.
Не горюй! Боль уйдёт!
Но уже никогда ты не будешь моею.

Владимир ПАНТЕЛЕЕВ

ЖЕНСКИЙ ПОДВИГ В ЛЮБВИ – ЭТО ДЕТИ

ВРАГИ УЖ НЕ В БЕРЛИНЕ – НА ПОРОГЕ!

Был коммунистом — стал, увы, Иудой,
 Предавшим веру, как и поп Гапон.
 За что ему — могильщику «Союза»
 Воздвигли на Урале «Пантеон»?
 Не знают о предательстве солдаты.
 О сколько их в земле лежит — не счесть!
 На грудь Иуде фюрер бесноватый
 Повесил бы сейчас железный крест
 О, как бы он обрадовался ныне:
 Бандера на знамёнах в Украине.
 Как в рейхе, сеют страх боевики,
 В Донбассе гибнут дети, старики.
 В Прибалтике, вдруг, по велению янки
 Пришли — не в гости — «натовские» танки.
 И смотрит НАТО алчно на восток,
 Как в сорок первом Лееб фон и Бок.

И что же стало с Родиной в итоге:
 Враги уж не в Берлине — на пороге!

ВАМ, ЖЕНЩИНЫ!

Сколько женщин в Перми! И каких!
 Почти каждая просится в стих.
 И таких здесь не сотня, не три.
 Приезжай погостить, посмотри.
 Но учти — могут быть и проблемы,
 Наши женщины, словно сирены.
 Стоит только однажды взглянуть
 То покой уж душе не вернуть.
 Ведь, они, как заморские дивы,
 Элегантны и очень красивы.



Владимир Михайлович ПАНТЕЛЕЕВ родился 8 апреля 1936 года в деревне Телеговшине Даровского района Кировской области. Окончил Пермский авиационный техникум, Пермский государственный политехнический институт. Трудовую жизнь посвятил Пермскому моторному заводу. Почётный авиастроитель. В творчестве тяготеет к поэзии. Публиковался в альманахе «Литературная Пермь», газете «Пермский писатель». Является литературным сотрудником Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России с 2013 года. Автор трёх поэтических сборников — некоторые произведения положены на музыку. Живёт в городе Перми.

Этот дар вдохновляет поэтов,
 Всех талантливых в мире людей.
 «Красота мир спасёт» — всю Планету,
 Красота — не Атлант и Антей!
 Педагоги, врачи, балерины —
 Сколько ярких и стройных — не счесть!
 Был б я Шилов — писал с вас картины.
 Это чистая правда, не лесть.
 Но порою без всякой причины
 Обижаем мы жён и подруг.
 А пора бы ценить вас мужчинам
 Словно жемчуг, рубин, изумруд.
 Женский подвиг в любви — это дети,
 Жизнь за них вы готовы отдать.
 Среди женщин красивых на свете
 Всех прекраснее — женщина-мать!

МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Рим гордится своим Колизеем
 За былую его красоту.
 Пермь — открытым под небом музеем
 И длиною, пожалуй, с версту.

Он стал чудом девятым на свете,
 Днём и ночью открыт, круглый год.
 Нет дверей, стен и пол без паркета,
 Крышей служит ему небосвод.

И на этом музейном заборе
 От депо до самой проходной—
 Самолёты, ракеты, моторы
 Разукрашены кистью одной

Да, сюрприз для Перми и для края!
 А «виновник» — Моторный завод.
 Я смотрю из окошка трамвая,
 Из меня прямо гордость и прёт

Как красиво оформить сумели,
 Хотя знаем, писал не Крамской.
 Стал единственным в мире музеем —
 Да, музеем — забор заводской!

Сняв свои головные уборы,
 Как в Москве у Кремлевской стены
 Мы стоим перед этим забором.
 Здесь в тяжёлые дни для страны
 Вот за этим за самым забором
 Создавали для фронта моторы —
 Тридцать тысяч во время войны!

Велики у России просторы
И сейчас мы добиться должны,
Чтобы новые наши моторы
Стали гордостью целой страны!

ЗЕМЛЯ — ЭТО РАЙ ВО ВСЕЛЕННОЙ

Только звери, пожалуй, и птицы
Нарушают у стран рубежи.
Войска охраняют границы:
Посерьёзней, чем дачник — межи.

Между ними, порой, перебранки
И не в моде сейчас кулаки.
Самолёты, ракеты и танки —
Как у страшного зверя — клыки.

Машут, даже, и атомной бомбой,
Словно пьяный мужик в кураже.
Риск войны постоянно огромный —
И страшнее, чем спор на меже.

Жить бы нам без конфликтов военных,
Чтоб смертельный не сыпался град.
Ведь, Земля — это рай во Вселенной,
Как легко превратить её в ад!

Анастасия ГИРШ

МНЕ УЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ВИДНА

* * *

Гляжу в окно, и из окна
 мне уличная жизнь видна —
 собаки бродят по двору,
 и радостно мне поутру.
 Ведь новый день сулит добро —
 Адам мне дал своё ребро,
 и я как женщина прекрасна
 и для мужчин слегка опасна.

* * *

Есть драгоценность, что нельзя измерить —
 ей имя время, ему надо верить.
 И тратить на достойные дела,
 чтоб не была жизнь немила.
 Наполнить смыслом каждое мгновенье
 и вырастить прекрасное творенье.
 Преумножать талант как Божий дар
 и людям подарить его. Удар
 перенести, забыв о зле.
 Не поддаваться настроению и мгле.
 Благодарить за всё Творца
 и оптимистом быть до самого конца.

Анастасия Анатольевна ГИРШ (МАКАРОВА) родилась в 1971 году. Окончила филологический факультет Пермского госуниверситета, работала преподавателем английского языка в вузе, переводчиком. В настоящее время переводит тексты по буддизму и индуизму. Публиковалась в альманахе «Литературная Пермь» (2010, 2011). Живёт в городе Перми.



Владимир ГЛАДЫШЕВ

МОЛИТВА В ГОРАХ. Рассказ

...Проснулся он спозаранку, слишком рано, от странного ощущения, как что-то влажное и прохладное прикасается к его носу. Открыл глаза — и вздрогнул: оказалось, одна из овечек, гулявших под окном их бунгало, пробралась к приоткрытому окну, дотянулась и лизнула спящего в лицо!

«За кого она меня приняла? — мелькнула у него ошалелая мысль. — Н-да, вот тебе, господин историк, чудесные плоды огораживания, с доставкой на дом...» Белое руно стада за окном на черном фоне пашни смотрелось красиво и кинематографично.

Почувствовав, что подруга его тоже почему-то не спит, он бодро воскликнул:

— Вставайте, сударыня, овечий сыр уж подан к чаю!

— Я уже давно не сплю, — ответила она.

Действительно, его красавица лежала под одной простыней, но одетая в светло-серую кофточку, которая ему так нравилась.

— Р-р-р!... Я голоден! Сейчас я буду тебя ж-ж-жамкать! — он одним броском перебрался на её ложе.

— Прекрати!.. — засмеялась она своим чудным смехом-колокольчиком.

— Жамкать-шамкать — два полярных состояния, какая рифма, а! Слушай, мне сегодня голос мешал спать, — попытался он вспомнить свой сон, — «мне голос был» — знакомый голос актёра, который давно уехал из страны в Израиль, так что остался только в киноклассике за кадром, в озвучке.

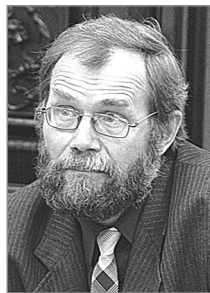
Он замолчал, прокручивая в памяти сновидение. Тот хрипловатый баритон... он сопровождал всю его советскую пору взросления. Голос детства и ...

— ...Голос нашего отрочества, — продолжила она вслух его невысказанную мысль.

— Точно! — изумился он её проницательности. — Перестань подслушивать, — повторил он любимую шутку подруги.

— Да я тоже помню этого артиста, Валентин Никулин. А голос был сверху, со второго этажа, там семья телик допоздна смотрела, — просто пояснила Она.

Он шлёпнул себя по лбу и нежно-благодарно поцеловал в губы свою мудрую спутницу жизни. В столь ранний час она лежала, как царица Тамара, нет, она возлежала на своём ложе, прикрыв глаза,



Владимир Фёдорович ГЛАДЫШЕВ родился 4 октября 1951 года в городе Молотове/ Перми. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1979). Трудовую жизнь посвятил журналистике и краеведению. Публиковался в различных сборниках, альманахах, журналах и газетах, в т. ч. «Литературная Пермь», «Пермский писатель». Первая книга вышла в городе Перми в 1985 году: «И нам его беречь». Автор более десятка книг в основном краеведческой направленности. Член Союза журналистов СССР/ России (1980). Член Союза писателей России (2009). Лауреат нескольких премий, в т. ч. им. А. Гайдара. Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

в элегантной кофточке, черты лица — лик! — разгладились, словно хранили ещё умиротворение тех блаженных ночных минут любви.

— Перестань подглядывать, — пошутила она. — Лучше поспи ещё, времени мало.

— Нет, ты лучше послушай, что я ещё сегодня пережил, — заторопился он, чтобы вспомнить, выговорить и задержать таким способом в памяти ускользающее своё сновидение. — Мне приснилось сегодня, что кто-то молится, мерно постукивает по деревянному полу лбом — бум-бум! — а затем странный шорох, словно увлекательный шелест страниц. Под эти звуки я увидел мою тетюшку-долгожительницу, царство ей небесное. Так она спозаранку молилась в красном углу избы, под божницей. В детстве мы каждое лето у них проводили. Представь, каждое утро около часа молилась, била поклоны челом об пол, шепча молитву за молитвой, она ведь старообрядка была. Стук и шелест, бум — и ш-ш-ш...

Со стороны ложа царицы Тамары вдруг опять донеслись колокольчики смеха. Облокотившись на здоровую руку, он с недоумением воззрился на смеющуюся подругу.

— Это же Рамзитдин ходил по саду и постукивал по стволу тутювицы! Вот откуда твоя бабка явилась, — сквозь смех пояснила она.

Действительно, в саду уже побывал Рамзитдин или Роман, как он представился, — «охранщик» дома отдыха, владелец маленькой чайханы и подвозчик лечебной грязи в одном лице. А стучал он для того, чтобы обеспечить десерт отдыхающим. Расстелив под деревом полиэтиленовую плёнку — синюю-синюю, как небеса над горами, — он палкой постукивал по дереву и — ш-ш-ш... — плоды шелковицы мягким дождём осыпались на плёнку цвета чистой небесной голубизны.

— «Над небом голубым есть город золотой»... О царица души моей, да здесь райский сад просто. Посмотрите, что я вам принёс, сударыня... — и он протянул подруге банку молока (сам с вечера договорился с Романом).

— Это ж молоко! — воскликнула она. — Тёплое ещё, Боже, как я соскучилась по молоку!

— «Тёплое»! Тоже мне, деревня, это парное называется, — балагурил он, с удовольствием отпивая молочко прямо из банки, из рук подруги. — Да, качественный народ — горцы, держат своё слово.

Когда подруга ушла чистить зубы, ему снова вспомнился сон. «Почему мне привиделась тетя Шура? Зовёт, что ли?...» И, невольно усмехнувшись своим мыслям, быстро переключился на слушание тишины, богатой природы горного края. А вот и бил-бил, соловей дагестанский... Ему вспомнилось, что в первое утро в горном селении здешняя словоохотливая кукушка накуковала ему более ста лет, он сбился со счёта.

В утренней тишине со стороны мечети доносились печальные звуки молитвы, они плыли над чёрной пашней, улетая в сторону гор. Горная гряда в снежных шапках величественно и маняще возвышалась на горизонте. Заканчивался рамадан.

Алексей МАЛЫЦЕВ

ОДНОГЛАЗКА. Рассказ

Посидели, помянули. Бабы вытирали глаза, мужики опрокидывали рюмку за рюмкой. Николай сидел и глядел на жену в траурной рамке, словно спрашивая: «Анют, как же так?»

Патологоанатом в морге огорошил его внезапным диагнозом: умершая страдала эпилепсией. Припадок случился глубокой ночью, женщина уткнулась лицом в подушку и умерла от нехватки кислорода.

Поскольку стали они раздельно — по причине нестерпимого мужниного храпа, то и обнаружил Николай мёртвую жену только утром.

Расходились долго, словно чуяли — нельзя новоиспечённого вдовца оставлять наедине со всем этим... Женщины хотели помочь — полы помыть, бельё постирать...

От всего отказался. Зачем? Он уже решил для себя. Как понял, что Анны больше нет, так и решил — без неё не останется, уйдёт следом.

Едва стихли в сумерках голоса, направился в сарай, нашёл веревку. Привязав один конец к приколоченной скобе, прикинул длину. Потом притащил лестницу, кое-как протиснул петлю через стропилину.

Провёл по бревну ладонью, оценил: крепкое, должно выдержать. Стоя на лестнице, едва не потерял равновесие. Подумал, что просто оттолкнется, лестница и упадёт.

И — всё, никаких мучений.

Когда оставалось всего-то — оттолкнуть лестницу, почувствовал, что кто-то на него смотрит. Обернувшись, увидел в проёме дверей одноглазую псину. Её все в деревне знали — так и звали: Одноглазка. То ли выклевал кто, то ли камнем прилетело — никто не помнил, по какой причине собака глаза лишилась.

Николай крикнул, чтобы убиралась восвояси, махнул рукой.

Одноглазка осталась на месте, глухо зарычав.

Не дело это, вешаться, когда на тебя смотрят, пусть и одним глазом. Пришлось вынуть голову из петли, спуститься.

Он помнил, что в поминальную куриную лапшу израсходовали не всё мясо, пара окорочков осталась. Их он и дал понюхать собаке. Потом размахнулся и бросил в огород что было силы. Когда Одноглазка припустила за окорочками, быстро залез на лестницу, надел петлю и, недолго думая, оттолкнулся...



Алексей Васильевич МАЛЫЦЕВ родился 20 октября 1961 года в городе Усолье Пермской области, ныне Пермского края. Окончил Пермский государственный медицинский институт (1985). Работал по специальности. В настоящее время трудится в ЗАО «Новомет-Пермь». Первая творческая публикация относится к 1986 году. Первый поэтический сборник вышел в 1995 году в Перми: «Траектория». Издавался в Москве, Перми. Автор более десятка книг — поэзии, детективов, мистики. В качестве сценариста сотрудничает с центральными телеканалами. Член Союза писателей России (1999). Лауреат литературной премии правительства Кировской области им. Н. Заболоцкого (2013). Кавалер ордена Достоевского II степени (2012). Живёт в городе Перми.

В себя пришёл от того, что кто-то усиленно лизал его глаза и нос. Удушье, тошнота, резкая боль в шее — всё обрушилось разом, лёгкие обожгло первым вдохом. Во рту была кровь, голова кружилась, в ушах гудело.

Стоя на четвереньках, долго кашлял, прежде чем понял, что надо ослабить петлю на шее.

Когда продышался, и стал что-то различать вокруг себя, разглядел одноглазую морду. Понял, что собаке каким-то странным образом удалось развязать узел, который хоть и был двойным морским, но...

— Додумалась, сучка! — рявкнул он в сердцах и пошёл искать топор.

Вернувшись, Одноглазки не обнаружил. От злости чуть не рубанул себя по колену. Возвращаться в дом не захотел, побросав несколько пучков сена под голову, так в сарае и заночевал.

Утром разглядел кровавые пятна на досках. Под верстаком обнаружил Одноглазку. Собаке было не по себе — подняв кое-как голову, она тут же уронила её.

Николай осторожно взял её на руки и понёс к Семёнычу, ветеринару, про себя то и дело повторяя: «Господи, спаси душу грешную, Господи...»

— Кесарить срочно надо, — «обрадовал» тот его после осмотра. — Ночью начала шениться... Плод почему-то застрял в родовых путях.

— Так кесари, мать твою! — заорал на него Николай.

— Разоряешься из-за одноглазой дворняги?

— Ты у меня сейчас будешь одноглазым, если она умрёт! — рявкнул Николай и резко замахнулся на него.

Спустя неделю Семёныч навестил прооперированную. В сарае под верстаком на старом матрасе лежала Одноглазка. Рядом барахталось три беспомощных смешных создания, пытаясь присосаться к матери.

Взглянув случайно на шею Николая, ветеринар усмехнулся и раздумчиво произнёс:

— А я догадываюсь, почему она так неудачно начала шениться. И почему нижний клык у неё шатается. Надеюсь, теперь без глупостей?

Николай перехватил его взгляд, поднял ворот свитера и буркнул:

— Я бы себе никогда не простил.

Олег ЧЕРНЯК

ГОСПОДИ, ПОМОГИ! Рассказ

Нервотрёпка началась полгода назад, когда Лена решила отправить резюме в австрийскую компанию, искавшую директора в новый, московский филиал.

Перебраться в столицу Лена мечтала давно, ей наскучил городок, в котором она прожила тридцать лет. Родители умерли, с мужем разошлась, детей не было, так что дома её ничего не удерживало.

Полгода она боролась за место: писала эссе, проходила тесты, общалась по Скайпу с психологами, сотрудниками служб персонала и безопасности. И наконец, получила официальное приглашение приехать в московский офис для подписания контракта. Сообщение пришло в конце рабочего дня. Лена застыла в оцепенении и перечитала приглашение несколько раз. «Всё правильно, я не ошиблась, — подумала она и зажала рот рукой, чтобы не закричать от радости. — Послезавтра в 9:00... Для подписания контракта... Дата и время согласованы и переносу не подлежат...»

— Меня взяли, я лучшая! — шептала она в ладошку. — Я лучшая!

Накопленная за полгода нервозность выплеснулась слезами радости.

С работы ехала в переполненном автобусе. Лену не раздражала толча: ей наступали на ноги, упирались в живот локтями, дышали в лицо, а она счастливо улыбалась.

Придя домой, она включила ноутбук и заказала билет на завтрашний рейс в бизнес-классе и номер люкс в отеле неподалёку от офиса. «А что? Могу себе позволить! — подумала Лена. — Теперь могу».

Она набрала номер салона красоты, расположенного в соседнем доме:

— Раечка, здравствуйте! Это Лена. Запишите меня на завтра на девять утра: массаж, маникюр, педикюр, укладка. Как нет? А-а, вы с десяти... Конечно, конечно. Записываете. Спасибо. До встречи!

Она положила телефон, вытащила из шкафа небольшой чемодан и засуетилась по квартире, складывая в него всё то, что собиралась взять с собой.

— Ну, вот я и готова! — сказала Лена, застегнула молнию на чемодане и села в кресло. Лёгкая внутренняя дрожь, охватившая после получения приглашения, не унималась.

Лена приняла душ, выпила чай с поджаренным в тостере кусочком хлеба и легла в кровать.



Олег Аронович ЧЕРНЯК родился 18 июня 1961 года в городе Перми. В 1976 году окончил восемь классов физико-математической школы № 9, поступил в Пермский строительный техникум на специальность «Промышленное и гражданское строительство». В 1980 году принят по распределению на работу инженером технического отдела в Пермское отделение Стройбанка СССР. В 1989 году завершил обучение в Пермском политехническом институте. Работал на промышленных предприятиях города Перми. С 2004 года перешёл на работу в систему образования, в настоящее время — директор МАОУ «Центр образования Индустриального района города Перми». Автор пяти книг вышедших в издательстве «ОТ и ДО». Член Пермской краевой общественной (профессиональной) организации Союза писателей России. Живёт в городе Перми.

— Всё, дорогая, пора спать! Выплюсь, и трясушка эта пройдёт! Женщина выключила свет, закрыла глаза и прошептала: «Господи, помоги!»

Заснуть Лена не могла. Сон накатывал, увлекая за собой, она поддавалась, проваливалась, словно в пропасть, но тут же какая-то неведомая сила выталкивала из забытья тревожными мыслями.

Лена поднялась с кровати, накинула халат и пошла на кухню.

«Кошмар, — подумала она, глядя на часы. — Шесть утра. Я же хотела выспаться! И чего психую? Всё же идёт по плану: в салоне часов до двух просижу, потом домой — перекушу, такси закажу на три, за час до аэропорта в любом случае доеду. Самолет в 17:00, так что всё нормально, даже с запасом».

Лена подошла к окну. Мутный фонарь у подъезда блёклым лучом вырезал в темноте жёлтый треугольник. Сильный ветер гнал острые мерцающие снежинки, которые моментально покрывали корочкой льда всё, что попадалось у них на пути: машины, провода и ветки деревьев. Дворник большим скребком разгребал снежные завалы. Он остановился, снял рукавицу, вытер пот с лица и, высоко задрав голову, чертыхаясь, погрозил небу кулаком.

— Какая красота! Как в сказке! — прошептала Лена и включила чайник.

«Стоп! А самолёты в такую погоду летают?» — подумала она, схватила телефон и зашла на сайт аэропорта.

Все вылеты были по расписанию.

— Ну вот и славненько! — обрадовалась Лена. — Господи, помоги! И всё у меня будет хорошо!

Без пяти десять она была у салона красоты. Света в окнах не было, да и засыпанные искрящимся нетронутым снегом ступеньки показывали, что салон закрыт.

«Ну что? Подожду. Всё успею», — подумала Лена и сунула поглубже руки в карманы пуховика. — Вот дура, перчатки не взяла! Так кто же знал, что на улице придётся торчать!»

Ветер свирепел. Казалось, что весь февраль он копил злобу, а в конце месяца решил показать, на что способен. Ветер с лёгкостью жонглировал снежинками, закручивал их в безумной пляске и с яростью швырял в лица прохожих, потом брал минутную передышку, а набравшись сил вновь принимался за своё.

«А может, плюнуть на всё и уйти? — подумала Лена.

Вынула из кармана замёрзшую руку и посмотрела на часы: «Кошмар! Уже половина одиннадцатого!»

Она резко повернулась и чуть не столкнулась с бежавшей навстречу администратором Раей.

— Извините, Леночка, опоздала, и мастера ещё в дороге! — начала оправдываться она. — Видите, какая погода! Пробки! Дороги все солью посыпали. Каша. Авария одна за другой. Простите!

Хотелось заорать, но Лена так замёрзла, что не смогла открыть рта, только махнула рукой и пошла за Раей.

Администратор открыла двери, пропустила Лену вперёд, включила свет и сказала:

— Я девочкам звонила — будут с минуты на минуту. А мы пока кофе выпьем.

— Рая! Какой кофе! У меня самолёт скоро. Я ничего не успею!

— Не волнуйтесь! Всё успеем! Вам с мороза всё равно отойти надо. Как личико такое холодное массажировать будем, а? Давайте пуховик. Я в шкаф уберу.

Рая включила чайник и посмотрела в окно.

— Вот видите, — сказала она, — уже и девчонки бегут.

Впервые Лена не испытала ни малейшего удовольствия от похода в салон красоты. Теперь её трясло не только от волнения, но и от холода. Согреться не получалось. Ноги в тонких сапожках ломило, руки и лицо покрылись красными пятнами. Пока мастера колдовали над ней, она молча сидела, не сводя глаз с настенных часов. Ей казалось, что сегодня их стрелки крутятся гораздо быстрее.

В зал зашла Рая.

— Ну вот, Леночка, а вы волновались! Такой уж у нас ускоренный вариант сегодня получился: педикюр без парафина, и личико без массажа осталось. Но хочу сказать, что у вас и без него прекрасная кожа. Сейчас Галочка вам локоны накрутит, и всё. Полетите красоткой!

Парикмахер Галя привычным движением подхватила прядь Лениных волос, зажала её между двумя пальцами и вставила в машинку для завивки. Машина бесшумно всосала в себя волосы, и тут погас свет.

— Что это? — осипшим голосом спросила Лена. Она с ужасом поняла, что если электричество не включат, то освободиться от машинки придётся с помощью ножниц.

— Сейчас позвоню в аварийную и всё узнаю, — ответила Рая. — Не волнуйтесь, Леночка, всё будет хорошо!

— Не волнуйтесь?! — вскрикнула Лена. — Вы понимаете, что я опоздаю на самолёт?!

Из салона она выбежала без пятнадцати три.

— Всё нормально, всё нормально! — успокаивала себя Лена. — Успее! Времени ещё полно. Перекусить можно и в аэропорту, да и в самолёте кормить будут. От голода не помру!

Она подняла голову к небу, прикрыла ладонью от ветра лицо и прошептала:

— Господи, помоги!

Лена поднялась в квартиру, достала телефон и вызвала такси. Наскоро переоделась, взяла сумочку, подхватила чемодан и вышла на улицу. Машина подъехала ровно в три.

Пожилой водитель положил багаж на заднее сидение и помог Лене сесть в такси.

— В аэропорт? — спросил он.

— Да, — ответила Лена. — А как вы думаете, мы быстро доедем?

— Я предполагаю, что за час управимся, — сказал водитель. — Но, что по этому поводу думает Господь, сказать не могу. Сами видите, какая погода.

На улице происходило что-то невероятное. Снежинки уже летели не мелкими колючими осколками, они сплетались между собой, превращались в крупные пушистые хлопья и стремительно валились липкими белыми комками. По лобовому стеклу машины натужно, со скрипом елозили дворники, разгребая подтаявший снег, похожий на густую манную кашу с крупными сгустками.

Транспорт начал притормаживать, казалось, что ещё пару минут и город замрёт в многочасовой пробке.

Лена поглядывала на часы.

— Во сколько нужно быть в аэропорту? — спросил водитель, заметив её волнение.

— Самолёт вылетает в пять. Зарегистрировалась ещё вчера, так что крайний срок — в четыре тридцать.

— Не волнуйтесь! Успеем!

«И правда, что я волнуюсь? Едем и едем тихонько, времени ещё достаточно», — подумала Лена.

Она откинула голову на спинку сиденья и закрыла глаза.

«Выйду на новую работу, осмотрюсь, обживусь. Потом куплю машину, квартиру. Выйду замуж, рожу, и всё у меня будет прекрасно. А с первой зарплаты куплю десятый Айфон. Золотистый, с кожаным чехлом. Мой-то старенький, вот-вот помрёт».

Лену словно пробила молния: «Телефон! Где телефон?»

— Остановитесь! — закричала она. — Немедленно остановитесь!

Водитель испуганно взглянул на неё, медленно съехал на обочину и включил «аварийку».

Лена трясущимися руками открыла сумку и вытряхнула содержимое на колени. Телефона не было.

Она закрыла лицо руками: «Ну, конечно же! Вызвала такси, бросила телефон в кресло, стала раздеваться, закидала его одеждой, переоделась и выскочила из дома! Дура, дура, дура! Что теперь делать? В нём все московские контакты: адреса, имена, номера телефонов. Там всё! Это конец!»

Лена схватила водителя за рукав и закричала:

— Понимаете? Там всё! Это конец!

Она трясла таксиста, а с её колен на пол летели косметика, расчёска, салфетки и всё, что ещё недавно лежало в сумке.

Водитель непонимающе смотрел на неё, потом вырвал руку, с силой хлопнул по приборной панели и заорал:

— Цыц! Кому сказал!

Лена всхлипнула и замолчала.

— Что случилось? Рассказывайте!

— Едем домой! — взвизгнула Лена. — Я телефон забыла!

— А потом в аэропорт?

— Да!

— Не успеем.

— Я сказала домой!

Таксист хмыкнул, укоризненно покачал головой и начал разворачивать машину.

В аэропорт они приехали без десяти пять.

Лена кинула деньги на сидение, схватила чемодан и побежала в здание аэровокзала.

— Господи, помоги! Господи, помоги! — шептала она.

Лена прошмыгнула через рамку металлоискателя, схватила багаж и помчалась к стойке с надписью «Информация».

— У меня рейс 14-233 на Москву! — быстро заговорила она. — Я опаздываю! Куда мне идти?

Девушка в форме приветливо улыбнулась и защёлкала длинными пальцами по клавиатуре, набирая текст.

— К сожалению, вы опоздали. Посадка закончилась.

— А следующий, когда летит?

Девушка вновь посмотрела на монитор.

— Завтра утром. В 10:55.

Лена зажмурилась, но слёзы пробирались сквозь сомкнутые ресницы, пропитывались тушью и стекали по щекам.

— Пожалуйста, посадите меня на 14-233! Мне очень надо в Москву! Пожалуйста! — простонала Лена.

— Поймите, я ничем не могу помочь! Вон, ваш самолёт на полосу вырывает, — ответила девушка и, изобразив на лице сочувствие, махнула рукой в сторону огромного окна.

Лена подошла ближе, бросила чемодан на пол, опустила на него сумочку и упёрлась ладонями в стекло.

Боинг-737, пробираясь через пелену густого падающего снега, медленно катился по взлётной полосе, издевательски помигивая цветными бортовыми огнями. Гул нарастал, становился громче и громче. Самолёт, набирая скорость, устремился вперёд, а вскоре и вообще исчез, лишь яркие вспышки стробоскопов светились в мутном темнеющем небе.

Лена ударила ладонями по стеклу. Пальцы судорожно царапали его, словно хотели впиться в толщу преграды, отделяющей её и от улетевшего Боинга, и от исчезающей в сумерках мечты.

Лена, опустив голову, медленно пошла к выходу.

Из оцепенения вырвал громкий мужской голос:

— Женщина, вы багаж оставили!

Она оглянулась. Мужчина в растрёпанной шапке-ушанке бежал за ней. В одной руке он держал её чемодан, в другой сумочку.

— Спасибо, — сказала Лена, взяла вещи и вышла на улицу.

Она села в первое попавшееся такси и назвала адрес. Снег беспощадно засыпал дорогу. Машины, буксуя, с трудом преодолевая заносы, двигались в сторону города.

— Часа три будем добираться. Город встал, — сказал водитель.

Лена не ответила.

«Вот как так? — думала она. — Господи! Я весь день просила у тебя помощи. А ты? Ты просто плюнул на меня. Разрушил мою мечту и испортил жизнь. Уничтожил и растоптал. За что, Господи? Что я тебе плохого сделала? А может, тебя и вовсе нет? Всё! Нет у меня больше веры! И пошло всё к чёрту!»

— Женщина, проснитесь, мы приехали, — водитель тихонько тронул Лёну за плечо.

Она открыла глаза и посмотрела в окно. Такси стояло у её подъезда.

— Который час?

— Половина восьмого, — ответил водитель.

— Да, — вздохнула Лена. — Сейчас бы я уже была в Москве.

Она зашла в квартиру. Бросила вещи, скинула пуховик и прошла на кухню. Достала из шкафчика початую бутылку вермута, фужер и пришла в комнату. Свет от тусклого полумесяца вяло пробивался через тюль.

Лена, не зажигая свет, села на диван, наполнила фужер и включила телевизор. Политические дебаты шли полным ходом.

— Нет, только не это! — сказала она и собралась переключить канал.

Передача внезапно прервалась. На экране появился диктор в чёрном пиджаке.

— Срочная новость, — трагическим голосом начал он. — При заходе на посадку в аэропорту потерпел крушение самолёт Боинг-737, выполняющий рейс 14-233. На борту находились шестьдесят восемь человек: шестьдесят один пассажир и семь членов экипажа. По предварительным данным все погибли. Причиной катастрофы могли послужить неблагоприятные погодные условия...

Дальше Лена не слушала, сердце бешено заколотилось, фужер выпал из рук и с треском раскололся. Ей показалось, что колючие снежинки ворвались с улицы, забрались под кожу и начали раздирать её изнутри. Она с трудом поднялась и пошла к окну. Словно пронизанные холодом, ноги не сгибались, руки тряслись, лицо полыхало жаром.

— Господи! — закричала Лена, держась за подоконник. — Господи!

На улице зажглись фонари. Прохожие, перебираясь через сугробы, спешили по своим делам. Многие сетовали на то, что сегодня всё шло не так, как хотелось. Они даже не предполагают, что, возможно, это Господь уводил их от большей беды.

Валерий ВЯТКИН

ПЕТЕРБУРГ НАЧИНАЕТСЯ В ПРОВИНЦИИ. Записки на ходу

Ничто не ново среди людей. (Пермские зарисовки)

Четыре встречи

На низкой берёзе, среди университетского городка, расположился дрозд-белобровик. Вольно разносилась в округе его двухчастная песня: прозрачные флейтовые свисты, а затем счастливая болтовня. Чтобы увидеть певца, пришлось обойти дерево — совершить круг почёта. И вот, на безлистной ветке, он весь открылся взору.

Мой интерес не остался не замеченным. «Смотрите: какая-то птица!» — раздалось в компании идущих студенток. «Это дрозд-белобровик», — не преминул я отозваться. «Дро-озд! Здорово!» — прозвучал радостный голос. А белобровик снялся, чтобы скрыться в парке. Берёза же словно осиротела...

Во встречах наших и расставаниях — насколько легки мы!

«На круги своя»

Получил письмо из налоговой инспекции: в нём сообщалось, что я обвинён в делах, которыми не занимаюсь давно — в делах последних месяцев. Возмущённый несуразностью, тут же помчался к налоговикам, и вскоре предстал пред чиновником, кому поручалось «казнить». Тот посмотрел на меня, и я с удивлением заметил, как холодная официальность сошла с его лица — он по-доброму улыбнулся. «Помнишь... вместе учились?..» — начал чиновник, и вспомнилось...

«Ты был ходячей энциклопедией, — льстил сокурсник, — знал столицы всех стран. Никарагуа? — спрашивал я, и слышал: Манагуа». Ещё ряд фактов из молодости, и можно было забыть про налоговую.

Сокурсник объяснил: письмо не стоит беспокойства, и мне ничего не грозит. Тут же рассыпался в комплиментах, пожелав общаться особо. И трудно было усомниться, что я приобретаю. При прощании дал листовку, прося прочесть.

Выйдя из инспекции, я прочитал: то была агитка «Свидетелей Иеговы» — известной религиозной организации. Пришлось глубоко разочароваться. Сомнений не было, что влип: ведь теперь, в знак



Валерий Викторович ВЯТКИН родился в 1956 году. Окончил Пермский госуниверситет (1978). Кандидат исторических наук. Автор девяти книг. Член Союза писателей России с 2003 года. Живёт в Перми.

благодарности, хотя бы на время, придётся терпеть «свидетеля» (назойливость таковых известна) — он найдёт меня и в Манагуа.

Жизнь — как качели. Но сколько скрежета в их движенье!

Предостережения

Зимнее утро. Масса автомашин. Их красные огни предупреждают во мраке: осторожно — дорога. Немало и курильщиков с зажжёнными сигаретами, концы которых тоже красны: не подходи некурящий — надышишься дымом.

Обледенелая дорожка ярко блестит: точно предупреждает — скользко.

Крутом предостережения. Если хочешь — любовь. Но слишком тошно от этой «любви».

* * *

«Какое высокое у вас сиденье!» — сказал я киоскёрше.

«Как у Машеньки в сказке о медведе», — ответила та, улыбаясь.

Делиться частью души, дышавшей детством, — это и есть настоящая доверительность.

* * *

Не бойся прикуривать от чьей-либо радости: ведь у него не убудет.

* * *

Законом волчьей стаи объясняют и отношения людей. Но суть его не в том, что опоздавшему — кость, а в том, что жертву убивают сообща, для чего в стаю сбиваются и люди.

* * *

Раннее зимнее утро. Темнота томит взор, свинцовой тяжестью ложится на плечи. Вот рассвело, холодея. Показалось солнце — и тема волчьей стаи приблизилась вдруг. Обречённо и безысходно зазвучала она.

* * *

Желающий конфликта не затрудняется в поводах, находя их в каждом вдохе.

* * *

Чтобы коса нашла на камень, почве не нужно быть каменистой.

* * *

Нас провоцируют — бываем не воздержанны. Стоит ли винить окружающих: чувства не под контролем не затруднятся с выходом.

Остаётся одно — устроить засаду себе самому.

* * *

В душе есть запасы взрывчатки. Взорви её подальше от людей.

* * *

Люди негибаемы в той мере, насколько слабы их окружающие.

* * *

Хорошие отношения могут взрываться: у человека есть тротиловый эквивалент.

* * *

Добро в тебе иль зло — врагу безразлично: он всё обратит против тебя.

* * *

О бочке мёда судят не по мёду, а по ложке дёгтя, что к мёду примешается.

* * *

Обзываясь змеями подколодными, люди всё ж отличаются от змей — травятся собственным ядом, имя которому — злоба.

* * *

В разгар зимы ударила ростепель. Снег всё таял и таял — и вот его почти нет.

Завернув за угол серой пятиэтажки, я испытал любопытство: что же вытаяло из-под снега. Глянул на землю — и получил ответ: водочные бутылки да пустые пачки (из-под сигарет и презервативов) — улеглись на небольшом пятачке; в стороне валялся использованный шприц.

И, нарисованный на стене, потешался «Весёлый Роджер»: не он один был безглазый.

* * *

Ни что так не напоминает о вечности, как битое стекло на асфальте.

Картинка с постылой Перми

Прогуливаюсь у своего подъезда. Середина марта, и всюду вытаивает мусор; под окнами нашейдесятиэтажки его особенно много. В одном месте сплошные бутылки — все из-под водки. Стал считать — насчитал одиннадцать. (Сколько ещё вытаит?) И вот примечательная деталь — каждая бутылка с закрученной пробкой. Пытаюсь реконструировать происшедшее. Паскудный выпивоха пил исподтишка. Выбрасывая в фортку бутылки, заметал следы — чтоб не узнали домочадцы. Пьяница всё заранее просчитал: закручивая пробки, избегал лишних метаний. И, несмотря на хмель в голове, ни разу не отступил от намеченного плана.

Технология зла работает, как часы, у которых нет и не было стрелок.

Принцип талиона

Случайно наступив мужчине на ногу, тут же стал извиниться. Ещё не смолк мой голос, как пострадавший тоже наступил, спокойно глядя мне в лицо. «Ты отомстил?» — спросил я, ободрив его улыбкой, где было больше сарказма. «Да», — был спокойный ответ. И вот разошлись, будто удовлетворённые.

Нет постхристианства — есть возврат в ветхозаветные времена.

* * *

Не умно ждать чуткости от людей. Принимай её за сверхдолжное, как подарок или сюрприз. Оставаясь сам чутким, считай, что это плата за жизнь.

* * *

Изнывать под чьим-либо взглядом, как под палящим солнцем.

* * *

В оскорблении взглядом не меньше вреда, чем в оскорблении словом: в обоих случаях оскорбляет мысль.

* * *

Я посмотрел на неё — она моргнула, будто стёрла веками след моего взгляда.

* * *

У ног моих опустились голуби, но корма здесь не было. Нерезким движением я поднял руку, чтоб причесаться, — птицы разом взлетели, словно из-за меня.

Когда есть причина, за поводом для действий дело не встанет.

Они подобрели

Прибегнув к неправде, завистники выжили Н. с работы — их общего дела, задуманного Н. не для корысти. «Давайте сделаем ему подарок», — решили завистники для чести мундира. «Сожрав тебя, они подобрели — у них приятное пищеварение», — внушал пострадавшему коллега, что был не заодно с завистниками.

Хоть Н. не принял подарка, они всё ж подобрели...

Вызов

Ящик для пожертвований поставили в магазине. Надпись гласит: Благотворительный фонд «Надежда». На ящике кармашек с визитками: предлагается помощь нарколога. Таким образом, два предложения — два способа реабилитации души. Ящик из оргстекла, и можно узнать об улове благотворителей: монеты, покрывшие дно, и с десяток тех самых визиток. Три десятирублёвых купюры смотрелись в ящике весьма сиротливо. Тон задало большинство: кто-то сгружал ненужные деньги, что мешают удобству — тяжелят карман, кто-то глумился над надеждой. Получился вызов — мы не хотим перемен для себя.

Не пренебрегли, однако, любезные.

Он был утешен

Став безработным и нищим, он обратился к бывшим сокурсникам — авось помогут с трудоустройством. Обуржуазившиеся сокурсники высоко поднялись, но обращаться на «вы» не позволили. Мило протекали беседы с ними — но работу он так и не получил, несмотря на хорошую квалификацию. Двусмысленности отношений они не хотели: «хлебцем вместе, а табачком врозь»... Они были на другом берегу.

И всё же он был по-своему утешен: один раз перед ним извинились. «Нет»... «нет»... и «нет»... — слышал он раз за разом, и постоянством

этим тоже утешался. И теперь, после помпезных кабинетов, ему легче дышится.

Общение накоротке

Наталье Петровой, бывшей сокурснице и бухгалтеру, —
Валентин Егоров, «человек с улицы»

Студенческие годы давно позади. Дружбу покрывает пелена забвения. Былые радости — точно сон. Но, впад в нужду, он вспомнил о ней, уже откровенно богатой, — попросил денег займы. «Сейчас не могу, — ответила та, — сижу на нуле». И он подумал: «Красивы цифры пред тем нулём», и тяжело вздохнул его собственный ноль.

Ближе к полуночи зазвонил телефон. С лёгкой надеждой он снял трубку, хотя надежде пора было спать. «Борис!..» — раздался её встревоженный голос: странным образом перепутав номер, она звала мужа. «Да-да...» — сказал он одновременно, ещё не понимая, что к чему. Но короткие гудки прострочили тишину...

«Не всё, впрочем, сберегаешь, — пожалел он её, — тепло твоего очага греет и улицу».

Терять, сберегать — насколько сложная бухгалтерия.

* * *

Забывая о том, кто рядом, мы заживо его хороним.

В магазине

Вошли в обыкновение дисконтные карты. Вопросы об их наличии изрядно надоели — но кассирша в супермаркете обязательно спросит. Порой отшучиваюсь: «В карты не играю — азарт». Кассирша улыбается — но не улыбкой-маской, к чему призвана по инструкции. Как будто комфортнее становится тебе — и думаешь: лишь натурального надо...

Сегодня кассирше вообще не отвечаю: она красива и молода. Но чувствую себя уверенно, будучи безупречно одет. На кассиршу не смотрю — и всё ж замечаю недовольно-прищуренный взгляд... За покупку не благодарю... но вдруг говорю: «Вежливость по приказу не впечатляет». — «Что делать: вся торговля на том построена», — продолжает она, заметно воодушевляясь, — но не находит отклика... И тут, совсем неожиданно, выдаёт: «Может, я Вам действительно рада...» — «Стоп! — осаживаю себя. — Пора перезагружать компьютер».

* * *

Причастные к коммерции обычно вежливы: привлекают клиентов, рассчитывая на их деньги. Особая статья — вежливость кондуктора: она не связана с конкуренцией и не приносит корысти. Автобус не выбирают, а едут на любом своего маршрута — всё равно едут, какими бы не были кондукторы.

Вежливость кондуктора — большое сокровище, благородный вызов хамскому миру. Но грусть в глазах «диссидента», какая-то обречённость читается в них.

* * *

Унизить ближнего, чтобы потешаться над ним, — экстремум человеческого паденья. Он коррелируется всеми пороками.

* * *

Перехожу дорогу не в установленном месте. Вдруг останавливается машина; водитель вежливо кивает — и... пропускает меня... Аванс был получен сполна.

* * *

Поздний ноябрьский вечер. Со двора выезжает машина: дальний свет фар невыносимо слепит. Поблизости копошится сосед — склонившись, что-то ищет у себя под ногами: помогает скудный свет телефона. Оба света мертвы и мертвящие, как свет фонаря, отражённый в лужах. И хочется живого света.

Вот сосед идёт навстречу: приветствует — улыбка загорается на лице. Желанье моё исполняется. Светяся красным, догорает окурочок на земле. Мысленно согреваюсь этим «угольком».

* * *

Пуская человека в душу, оставь открытой дверь в неё.

* * *

Открой храм своей души — и его, наверняка, осквернят. Так оскверняют трамвайный салон. Спеша тогда, вожатый, на запасный путь.

* * *

Она вытерла об него ноги — и он болел от заражения души.

* * *

Печально, если не удаётся брать — брать необходимое. Куда печальнее неспособность давать: здесь блокируются высшие потребности. Но подлинная трагедия, когда не можешь дать, имея.

* * *

Неприятно не получать желаемое, но ещё хуже невозможность дарить.

* * *

Говоря «нет» просящему о помощи, мы произносим ему приговор.

* * *

Питаюсь с информационных помоек, большинство — бомжи душой своей.

* * *

Я шёл по узкому тротуару. Навстречу — она с тортом в руках. Желание моё уступить ей дорогу она поняла издали — и когда мы сошлись, мило мне улыбнулась. Улыбка разгорелась в её душе — и наконец высветилась на лице. Душа душу с любовью целует — в те мгновения, когда люди легки.

* * *

Если понимание друг друга — путь к гармонии, то требуется диффузия душ.

* * *

Игнорируя ближнего, мы говорим ему: умри.

* * *

«Где я нахожусь?» — спросил старик-бродяга с очумелым выражением на лице. «Около кладбища», — съязвил я. Кладбище действительно было рядом, но пришлось раскаться, ибо ответ мой имел намёк.

Бродяги живее нас, заключённых в определённую схему. Хотя бродяжничество — тоже схема.

* * *

На лужайке у нашего дома вольготно улеглась ничейная собака. И вспомнилось о бродячих людях. Для них весь мир — как жилище. Мешанства ни на йоту; и своеобразная — лубочная философия...

После обеда встретил старика-бродягу (год назад я видел его на том же месте): он не спеша брёл в гору. Замечаю: бедолага ещё больше постарел. Открытое крестьянское лицо с печатью великого терпения. И, незаметно, я поклонился ему — за все его страдания.

* * *

Отправляюсь в путь будничным утром. Бредут бомжи — и мчатся машины. Вырастет число бродяг — и мир станет менее хищным.

* * *

Стыдиться своей бедности так же глупо, как стыдно беднеть умом.

* * *

Не знающий меры в любви и ненависти опасен, как машина без тормозов. Берегись автомобиля!

* * *

Нет больше того равнодушия, чем забывать свои обещания: здесь не видна страсть, как-то оправдывающая, ведь страсть — это несвобода.

* * *

«Закон волчьей стаи» молчаливо принят. Никто не зарычит, пока не вырвут клочок из его шкуры. Своя шкура ближе к «делу».

* * *

Бывает, довольно улыбки-искорки, чтобы зажечь другого. Танцуй тогда у «костра», не бросая тех, кого зажигаешь.

* * *

Радость — как птица: зачем держать её в клетке души? Выпусти радость в мир, как голубя из голубятни.

* * *

Общение с другими доказывает, что существуешь, — и можно вкусить упоение жизнью.

На петербургских ветрах

Предполётные страдания. (В аэропорту Большое Савино)

Аэропорт накрыло густым туманом. Идёт час за часом, но ни прилёта, ни вылета. Тоскливо тебе, пассажир. Фантазируешь о бабочке, накрытой чёрной шляпой.

Вот глянул в окно — огромна площадь, покрытая асфальтом: уходит в туман и кажется бесконечной.

По асфальту бегают одинокая трясгузка. И стало грустно вдруг и за птицу, за её очевидное одиночество. Точно прёт тоска из-под шляпы.

* * *

Сверху, с самолёта, видны и облака и тени, которые облака отбрасывают. Стало быть, нет непогоды — одни лишь тени.

Так и в нашей душе: не мрак, а тени.

* * *

Петербург.

На пакете прохожей значилось: «Счастье». Рядом со словом — изображение бабочек. И верно. Ведь счастье легко, как крылья бабочек. Попробуй, измерь его тяжесть. Затрудняясь в этом, усомнишься и в счастье. Полёт его порхающ — оно неуловимо.

* * *

Рабство уважено архитектурой. Атланты и кариатиды — «мужчины» и «женщины» подставлены «под тяжёлую ношу».

А во дворце Белосельских приневолили «мальчиков»: четверо «ребятишек» тоже горбчатся. Но когда они вырастут, дом развалится, ведь рабство изживает само себя.

* * *

Ах, вывески петербургские — они влияют на тебя. Насытившись «комбообедом» где-нибудь, в «рестобаре», вдруг начнёшь переиначивать Пушкина: Поговорить о Ювенале, в конце письма поставить sale. Словесная белиберда.

Культура массовая подтачивает классическую.

* * *

На месте гибели Александра II поставили церковь. «На крови» прозвали её. Казалось бы, место скорби. Но нет. Окрест процветает коммерция. Уличные музыканты, «коробейники» и лоточники — все ждут прибытка.

Прав пророк Исаия: «Где будет труп, там соберутся и орлы».

Петербургские причуды

Раннее утро. Литейный проспект. С рюкзаком, в шортах движется на самокате старик. Такие самокаты задумывались для детей. Похожий на мешок, цвета хаки, рюкзак напоминает о советской поре, начиная, пожалуй, с Гражданской войны. Но шорты в СССР носили лишь дети...

Представляешь себе советского мальчика. Разогнавшись на самокате, он едет сквозь толщу эпох, сам, конечно, старея.

Историки вешают о хронологической последовательности. Но эпохи не подчиняются им. И вольно смешиваются друг с другом, как краски на палитре художника. Причудливые бывают картины...

Старик тем временем скрылся.

Пушкин с нами

Памятник Пушкину на Пушкинской улице. В сквере, возле него, немало разныхханыжек. Вот, нетвёрдой походкой, приближается «чувак» в белой шляпе. Большая, с загнутой по бокам тульей, она не вторит несвежей одежде, всему поношенному виду «чувака». Ему под тридцать, но на лице значится: забулдыга с опытом.

На выступе пьедестала пушкинский том — «на мирскую потребу». Подмоченный дождём, он не имеет товарного вида. Но красный переплёт привлекает внимание.

Подойдя к памятнику, «чувак» вдруг остановился, заметно качнул снятой шляпой, слегка кланяясь Пушкину. Затем, с явным удивлением, взял том и погрузился в чтение. Вспомнилось слово «благоговение». Прошло минут пять, прежде чем том был положен обратно. «Чувак» двинулся дальше, а походка его будто изменилась.

Ухожу и я, вспоминая начертанное на пьедестале: «И долго буду тем полезен я народу...»

Пушкин и менеджеры

Музей-квартира Пушкина на Мойке — музей особенный. Здесь не удержишься ни в одной комнате: тебя вытолкнет поток туристов, идущих только организованными группами — одна за другой. Двери между комнатами закрывают. Но слышен голос следующего экскурсовода.

Всё начинается с полуподвала, где надеваешь несвежие бахилы. В ожидании экскурсии бросаю салфетку в ящик для использованных бахил. «Нельзя!» — встрепенулась контролёрша. И стало ясно, что в ящике не мусор — бахилы используются не раз: экономия ради прибыли. Вот тронулись. Но в моей группе случился казус. В душном полуподвале гид проговорила минут десять, и девочке лет двенадцати стало дурно. «Скорей на свежий воздух!» — волновалась мать, и девочку вывели под руки. Гид при этом и бровью не повела, денёнской вещая всё то же, точно заведённая кукла.

А за окном, по Мойке, шло одно судно за другим. Теснота и тут: вот-вот забурлит Мойка. Как и в музее, голоса гидов перекликаются. С берега слышно: говорят о Пушкине. Всюду зазывалы: «По рекам и каналам...» Вооружённые громкоговорителями, они несносны. Активность понятна: поток туристов — поток денежный.

Нет покоя и умершему Пушкину: трудится сердечный в туристическом бизнесе, словно отрабатывая посмертные долги. Может, простит ему Министерство культуры?

* * *

Хожу по пушкинским местам. И вдруг замечаю: за месяц, как я не дома и живу без ножниц, ногти мои отросли, как у Пушкина.

Продолжаю приобщаться к великой культуре.

* * *

Жарко. Но на крыше дома, где «Невский палас», идёт из трубы дым. К гостинице припаркован автобус, на нём значится: Ventoniemi. Можно пофантазировать: финнам готовят сауну.

В фантазиях своих мы свободны, как дым. Лишь бы не коптить небо.

Радуюсь дыму над «Невским паласом». Подхваченный петербургским ветром, он не ест мне глаза. Однако, не совсем свободен.

* * *

Дождливо. Аничков мост. Скульптурный «Укротитель коня» в дождинках — словно в капельках пота. Оттого кажется ещё живее. Говорите после этого, что оживляет лишь солнце.

* * *

Эстетическую радость убивает привычка. В обладании прекрасным таится опасность.

* * *

Иду по Невскому проспекту. Впереди молодая в брюках — столь длинных, что штанины собирают уличную грязь. Увидев это, подтянул собственные брюки, хотя знал, что они нормальной длины.

Смеясь над собой, придумал тему: «Диффузия человека в человека». Именно так: втиснутый в толпу, человек скудеет как личность.

* * *

Спешат, планируют по Невскому люди. Большинство в европейскомприкиде. А вот старуха, по-русски одета. Но на коленях, с протянутой рукой. Во всём облике какая-то безнадежность. Будто готов вырваться вопль — вопль погибших при строительстве Петербурга.

* * *

Фасады на Невском — неопишуемы.

Сегодня захожу в один из домов. Поднимаюсь по лестнице. Через окна вижу стены, образующие внутренний двор: они мрачны и непритязательны. Ступени лестницы поизносились настолько, что, спускаясь по ней, можно оступиться и грохнуться.

Вспоминаю маркиза де Кюстина: Россия — страна фасадов.

* * *

Невский изобилует прекрасными зданиями: попробуй, выбери, какое лучше. Но уровень их владельцев может весьма разниться. Подчеркивают то и современные вывески.

Одна уныла — «Столовая Тарелка», другая каламбурна — «Карловы пивовары». Каждый владелец раскрывает себя, какие бы фасады его не скрывали.

* * *

Многие дома в Петербурге указывают на их владельцев, чему служат барельефы с монограммами. Горделиво смотрятся те монограммы. Но память о домовладельцах погибла с шумом — совершенно заглохла в шуме проспектов.

* * *

К дому на Невском прислонён массивный якорь. Моряк навсегда списался на берег.

Но сны снятся морские. И якорь незаменим.

* * *

На многих улицах Петербурга ни деревца, ни травинки. Как в каменной клетке (к счастью, открытой). И уже не рад архитектурным деликатесам — будто химерам иль тяжёлому сну.

Так и на Гороховой, по которой иду. Вот дом 64, где жил Распутин... И тут осенило: скорей, скорей из этого города!

Встреча трёх цивилизаций

«Укротителя коня» на Аничковом мосту превратили в посмешище. На бронзовом задку красуется стикер. Круглый, сантиметров 15 в диаметре, он изображает человека: фуражка с якорем и линии цветные, абстрактно идущие от лица. Ниже — интернет-адрес с именем и фамилией. Начинаю догадываться... Кого-то соблазнила и бронзовая нагота.

Пьедестал скульптуры тоже приметен: он с выбоинами. Рядом надпись, напоминающая о Великой Отечественной.

Через день вновь глянул на «Укротителя»: стикер сохранился. Встреча цивилизаций действительно состоялась.

Большая перемена

Памятник Петру I у Михайловского замка: высится громадиной, впечатляет. По сторонам пьедестала бронзовые горельефы, посвящённые петровским баталиям.

Гонясь за удачей, иные подходят к Петру, ухватываются за выступающие части горельефов, глядят их. «Гангутская битва» манит взяться за пятаку моряка.

И год за годом брались.

А теперь глядят и задницу моряка. И та, отполированная, желтеет на чёрном фоне. Большая перемена.

Подходят туристы, улыбаются: наша взяла!

* * *

Голубь поднял пёрышко, лежащее на асфальте: не моё ли? Современный, видимо, голубь. В других местах не видел такого.

Россия в шопе

Иду по Шпалерной улице. Впереди собор Смольного монастыря. Вбираю в себя образ собора — и точно ширюсь изнутри: таково барочное чудо Растрелли.

Был субботний вечер, время всеношной, и я решил послушать пение в храме. Захожу в собор — но там музей.

Притвор был отделён от главной части храма: огромное полотнище ниспадало до пола — с самой головокружительной высоты: ни одной шелки — лишь бы не увидели красоту бесплатно. Замысел зиждителей был напрочь забыт.

Огромное полотнище — какая тщета! Каменноголовый Меркурий не выдумал бы такое.

Чуждый церковным интересам всё же ухожу раздражён. Направляюсь к зданию Смольного института: оно рядом. Может, пожалуюсь скульптурному Ленину — расскажу про Россию, что оказалась в шопе.

Гоголем попользовались

В конце 1990-х на Малой Конюшенной поставили памятник Гоголю. Скульптор явил талант. Гоголь его многолик: слегка ироничен, задумчив, загадочен, и даже стыдлив.

Четыре фонаря под старину, точно часовые, фланкируют памятник, творя тесный квадрат размером с тюремную камеру. Стёкла в фонарях невообразимо грязны. И место быть противоречивым чувствам.

На тыльной части пьедестала таким же золотом, что и «Николаю Васильевичу Гоголю» указаны спонсоры: администрация и бизнес-герои. Маниловская страсть известности привела к тому, что Гоголем попользовались. Один скульптор указан не золотом.

Но радуюсь за Гоголя на памятнике. Подобно скульптурному Крылову в Летнем саду, он со своими героями. Они рядом: ноздрёвы, коробочки, собакевичи...

Через десять дней я вновь оказался у памятника. Фонари были вымыты. Но так же прятал лицо своё Гоголь...

Через год вновь пошёл к Гоголю. Те же грязные фонари, тот же бронзовый метр, погружённый в свою меланхолию. В переплёты ограды кто-то насовал окурков. За оградой, на булыжнике, валялось несколько пересохших цветов. А меж камней привилось растение — горькая полынь-чернобыльник. Стебли её полегли, но листья оставались живы и дрожали на ветру. Полынь была одна-одинёшенька.

Бренд-Петербург

Рядом с Кузнечным переулком, где жил Достоевский, действует гостиница, названная его именем. Зазывают иностранцев, способных платить за бренд.

Мадонна Леонардо да Винчи — бренд Эрмитажа. Туристы лоят к ней толпами, передавая друг другу в восторге: «Да Винчи!»

Ресторан «Талон» — уже для сублильных: рассчитан на читавших «Евгения Онегина».

А вот бренд для широких народных масс — мужчина, ряженный и гримированный под Петра I: с ним можно сфотографироваться.

Бьётся деловая жилка — идут денежные потоки. Но бренд — как монополия, убивающая конкурентов. И горе не брендовым вещам, обречённым меркнуть и разрушаться. Как той библиотеке на захлавленной улице.

Немилосердный Эрмитаж

Заходя в Эрмитаж как приезжий, желаешь увидеть чуть ли не всё: и Леонардо, и Рембрандта, и Матисса. И мчишься от Фальконе к Ренуару, разгоняя эрмитажный воздух. Попутно думаешь: «Болван! Ты пропускаешь массу шедевров. Но и поспешного, роскошь музея быстро подавляет. «Чувствуешь себя клопом», — сказал один турист в «Ложях Рафаэля».

Наконец ты на выходе. Наполненный, замотанный, виноватый. И приговариваешь себя: «Тебе бы ходить от Понтия к Пилату».

* * *

Стою во дворе Зимнего дворца — в очереди в Эрмитаж. Вдруг охватила дурнота. «Пойду, сяду на скамью, умру возле Зимнего», — подумал я.

Но на скамьях были капли воды, и стало ещё хуже.

И теперь, став здоровым, думаю: «Разве нельзя умереть без комфорта?»

* * *

У кассы в Русском музее принялся считать: 250 за вход плюс 250 за право фотографировать — итого 500 рублей. Многовато для провинциального доцента.

Ухожу, надеясь вернуться после покупки билета на поезд. «Бурлаки на Волге», «Косцы» Мясоедова должны подождать. Но есть опасение, что нищий «бурлак» не увидит своё изображение.

Разбогатели!

В Александро-Невской лавре есть что заметить: безупречные стены, богатые цветники, неоскудевающий фонтан, дорожные колокола, холеные монахи... Всё это стало привычным.

Сегодня нахожу новое — фонари. Чугунные, под старину, они пронумерованы. Вот вижу номер 100, и меня берёт оторопь. Разбогатели! Ведь каждый фонарь дороже всего моего достояния.

* * *

Александро-Невская лавра. Неспешно шествуют двое в подрясниках: один в чёрном, другой — в сером. К тому, кто в чёрном, обращается женщина: «Батюшка!» — Чернец повернул голову. — «Если вы священник, благословите». — «Нет, я монах», — был ответ.

Двое удаляются. «Чувствуют: источаешь святость», — ухмыльнулся лукаво клевет чернеца. Наверное, и он оденется в чёрное.

* * *

Было ветрено. Шёл монах, и мантия его надувалась как парус. Вот пролетела чайка.

Что ни говори, а море рядом.

* * *

Из метро пахло теплом, как из волчьего логова. Но зоология в Петербурге впечатляет и без фантазий.

На Итальянской улице встретил пожилую женщину: в руке поводок, на котором собака, а на плече сусветная ворона. Торжественно неся ворону, женщина по-королевски зашла в подъезд. Хотелось кинуть вдогонку: привет, но дверь подъезда захлопнулась.

Иду в «волчье логово».

Разврат-миссионерки

Четыре мамзели лет по 17 дули по Невскому впереди меня: на каждой фата красного цвета. Идущая первой вздымала вещь — муляж мужского «инструмента» из магазина «интимных шалостей». Процессия двигалась быстро: не то боялись ответственности, не то действовала остаточная стыдливость. Впереди виднелся монастырь,

и в глазах моих была мешанина: золотели кресты, розовел муляж. Совершенно дикая мешанина.

За три квартала до монастыря встали, и я поравнялся с ними. Лица были свежи. «А теперь совещание...» — говорила предводительница процессии. Цель мамзелей прояснялась: высмеять обывателя и обыденность, что опостылела. Альтернативой предлагался разврат. Но опоздали ля фамочки: панель была расписана проститутками, их номерами телефонов.

Общественное мнение будто бы оскорблялось. Но дело оставалось без последствий. Ныне уважают лишь «чувства верующих».

* * *

«Что такое гладиолус?» — спросила девочка на Невском проспекте, слегка смутив свою мать. И я огорчился за всех девочек, занятых нынче марками автомобилей. Что-то упадническое заговорило во мне...

Иду по невавскому мосту в направлении Александрo-Невской лавры. Поток машин непрерывный. Но выхлопа не чувствую. Слышится сильный запах хлеба. До хлебозавода не менее километра, но аромат от него всё равно побеждает благодаря петербургским ветрам. Слышал его и на Невском проспекте. В городе, где был страшный голод, теперь царит запах хлеба.

Жизнь продолжается! И девочка та увидит гладиолус.

Две гармонии

Мост через Фонтанку. Скульптурный укротитель коня напряжён. Донельза натягивает повод. На нём дождевые капли, словно выступил пот. В проводах, что выше, — напряжение тока. Угрожающе-мрачное небо и толчея волн на реке.

Но вот пролетели скворцы: синхронно и дружно. Стремительные их повороты — как выступление в цирке.

И будто бы успокоились волны.

Вспоминая пуантилистов

Конец августа. Листья кленовые разложены на асфальте: кому-то напомнят о тетрадных листах.

Но пахмурно как! Небо заволокло в несколько слоёв. Смольный собор уж не белеет, а сереет. И души людей темны, как ночь.

Вот посветлело. Голубые островки отразились в Оккервиле*. Слегка парит. Почти что тепло. И вновь запах печёного хлеба.

* * *

В скромности огромная правда. Величественная, она царствует, княжит, королевствует... Её величество скромность.

* * *

Навстречу мне группа иностранцев. У всех на одежде наклейка «Vip». Каждый выражает уверенность, как «Укротитель коня» на Аничковом мосту. Провожая их взглядом, расплываясь в улыбке: «Виповцы, випчане...» Будто народ нашенский.

*Оккервиль — река в черте Петербурга.

* * *

Сажусь в троллейбус. Еду. Пассажир рядом спросил молодого кондуктора: «Доеду ли до вокзала?» Кондуктор смущённо опустил голову, застенчиво коснувшись носа. Не знает бедолага: научили лишь брать деньги.

Ох, эти деньги! Кругом страшная обдираловка.

Троллейбус идёт по Невскому проспекту.

* * *

Редакция литературно-художественного журнала во дворе, за железными воротами. Может впустить консьерж. Пробую — пропускают.

Редакция оказалась в неказистом доме за железными бедными дверями. Простая вывеска поизносилась. Звоню по домофону — предлагаю рукопись. Но нет, не берут: называют дни приёма. Вспоминаю о жалком тираже журнала и ухожу.

Разные они бывают, искусства.

Могила Александра Блока

Васильевский остров, Смоленское кладбище. Ищу могилу Александра Спицына, отца российской археологии. В администрации кладбища признались в незнании. Да и книг о захоронениях, оказалось, нет. Стоит ли удивляться. Ведь чаще хоронят по большому счёту: не только прах, но и память о покойном. Может, ошибся Бродский: «На Васильевский остров я пойду умирать...»?

Иду искать наугад, наудачу. Но вот неожиданность. На одной из дорожек останавливаюсь, как вкопанный: у ног моих значилось: Александр Блок. Точно окрикнули громко: «Стой!»

Смотрю не отрываясь. У самой дорожки маленькое надгробие: из простейшего материала, покатое, точно вырастает из земли. Булыжные камни обрамляют его. Мраморная вставка тоже неказиста: чей-то неуверенной рукой выведен крест и имя с фамилией поэта. Ни дат, ни эпитафий — суровая простота. Словно бедняки похоронили младенца. Дохнуло началом 1920-х — голодным и холодным временем, когда, тяжело больной, поэт умирал.

Вблизи же блистают мрамором и гранитом могилы тех, кто был в современной «элите»...

Вплотную с надгробием свежий крест: деревянный, снабжённый иконкой. (Оставалось вспомнить из «Двенадцати»: «В белом венчике из роз...») Рядом неживые цветы — известный знак душноватого мирка. Потрудились православные активисты, неудержимые, уверенные в себе. Блока посмертно «воцерковили», совсем не считаясь с его взглядами.

Невольно пришло чувство стыда. Но четыре гвоздики, возложенные чьей-то трепетной рукой, утешали, как утешало четырёхбуквенное «Блок».

Через две недели я вновь пришёл к Блоку. Гвоздик на могиле было уже 14. Цветы много радовали, как голос зарянки, что позвенкивала на дереве...

Позже узнал, что череп поэта перезахоронили на Литераторских мостках. Прах разделили. Но большая часть осталась ведь на Смоленском...

* * *

В Петербурге есть улицы, напоминающие о былой занятости: Кузнечный и Тележный переулки, Гончарная улица... Но сейчас на них лишь магазины да кабаки.

Города вырастают из эпох, как дети вырастают из одежды. В исторических кварталах мы несомненные чужаки.

* * *

Квартал за кварталом иду по Васильевскому острову, по маршруту 47 автобуса, о котором рассказывал Бродский. Начинаю от Смоленского кладбища, вспоминая поэта: «На Васильевский остров я пойду умирать...»

И вот докварталил: вижу вывеску «Бар Бутер-Бродский».

А маршрут продолжается — дойдёт до дома, где жил поэт. Можно пойти, не подкрепляясь в баре.

* * *

В Кузнечном переулке остановился у дома Достоевского: поразмышлять о жизни писателя. Но иммигрант с телефоном так и не дал сосредоточиться: зычной, непонятной речи, казалось, не будет конца.

На другой день, идя по Невскому, подумал: если на ближайших ста метрах не встретится ни один иммигрант, то за город можно не беспокоиться. Но таковых насчитал до 30. Последние пятеро шли группой — уверенной поступью, точно маршировали.

Петербург Достоевского

Многое напоминает в Петербурге о Достоевском: есть памятник, музей-квартира. Имя писателя увековечено разнообразно: станция метро, отель, ресторан...

Большой своей частью Петербург остался миром Достоевского. Всё те же реки и каналы, вобравшие тоску литературных героев. Всё те же линии Васильевского острова, где будто бы бродит Азорка*...

Но вот вздрагиваю, оторопел: на асфальте надпись «Соня...» — предложение проститутки. Неужели Мармеладова?

Москва в Петербурге

С Невского проспекта виднелась стена, завершая выходящий из проспекта переулок. Стена начиналась от башни: и то и другое напоминало Московский кремль. Рядом была колокольня. Не преминул пойти туда. И увидел Феодоровский собор во всём его блеске. В архитектуре читалось московское барокко.

Вспомнил о Спасе-на-крови, тоже видном с Невского, похожем на собор Василия Блаженного. Сам же проспект разделяет площадь Московского вокзала.

Пётр I не любил Москву. Но явно не учёл: в какой комфортабельной Европе не живи, русскому человеку не обойтись без Москвы.

Петербургские собаки и их хозяева

Центр Петербурга — царство камня. Собак здесь редко выгуливают. Но нет-нет да и встретишь парочку — собаку и её хозяина.

* Собака из «Униженных и оскорблённых» Ф. М. Достоевского.

На Владимирском проспекте увидел овчарку. Подвыпивший её хозяин, присев на корточки, жался лицом к собачьей морде. Овчарка между тем почесалась задней лапой. Было ясно: к излияниям нежности она привыкла.

В Александровском саду дали свободу таксе. Лиловый поводок волочился по ярко-коричневой дорожке. Вместе с зеленью газона это веселило глаз. Вдруг такса залаяла, изъясняя радость жить. Невольно заулыбался. Хозяйка-старушка выражала те же чувства. Радовались за собаку вдвоём, и никаких слов нам не требовалось.

Вечером того же дня была ещё одна встреча. На Конную улицу вышел красавец спаниель. Любуясь им, я даже остановился. Поняв меня, благодарно заулыбалась хозяйка, одарив во взгляде сокровищами души. Здесь тоже не требовалось слов.

В Петербурге умеют красноречиво молчать. Тому учит величественная архитектура. Но в молчаливом её покое едва ли не холодная надменность. Требуются знаки человеческой любви. И счастлив тот, кто их замечает.

* * *

Петербург. Жду своего часа в сквере. Идёт некто с собакой: не сомневаюсь, что петербуржец. Решаюсь вступить в разговор: «Извините: я приезжий. Но кажется мне: половина здешних — это иммигранты». «Что?» — спрашивает он недовольно, извлекая из уха наушник. Вглядываюсь в его лицо — на нём тоже печать Востока. Что ж, быстро выхожу из ситуации, точно отмахиваюсь рукой: «Метро Ломоносовская там?»

* * *

Вижу на Неве «Метеор» — теплоход на подводных крыльях. Понимаю, что советского производства. Но маркирован триколором. Стало быть, трофейный.

В душе людей была Гражданская война. Для многих она ещё не закончилась.

Беспамятство

Ищу Колонну Славы — памятник героям Русско-турецкой войны 1877—1878 годов. Прошлым летом я видел его. Но вот беда: забыл ориентировку.

На Владимирской площади спросил таксиста о памятнике. Ему под 50, но на вопрос он не ответил. Желая помочь, обратился к мобильному интернету. Видно было, что заинтересовался. Пять минут поиска ничего не дали, и я стал прощаться. «Буду искать», — сказал он, продолжая орудовать телефоном.

У Гостиного двора подошёл к офицеру ДПС, опять спросил о памятнике. Ответ был: «В Центральном районе такого точно нет».

Беспамятство оказывалось двойным: забыли не только славную войну, но и памятники её героям.

Иду дальше, шепча, как молитву: «Скобелев, Столетов, Гурко...»

На другой день, выбрав направление с Невского, я самостоятельно достиг цели: потребовалось всего полчаса.

На Измайловском проспекте, рядом с Троицко-Измайловским собором, чьи синие купола видны издалека, высился величественный

обелиск, снабжённый текстом по четырём сторонам. Помнить следовало о многом. Рядом артиллерийские орудия тех лет. До мест, где я спрашивал, было недалеко.

«Молитва» стала ещё горячее: «Скобелев, Столетов, Гурко...» И верилось: таксист найдёт обелиск.

Жестокий Невский проспект

Десятки раз прошёлся по Невскому. Изящество домов не перестаёт изумлять. Но мера явно превышена: очень многое невозможно усвоить. Здесь даже жестокость — внушать человеку его ограниченность.

Душе, бывает, некомфортно на Невском. Каждый домовладелец хотел выделиться. Получился парад тщеславия, если хотите — пир честолюбия.

Невский действительно жесток: на всём протяжении ни травинки, ни дерева. Точно каменный мешок.

И жаль голубей, что ищут здесь пищу. Кажется безнадежной их затея. День-деньской проспект убирают — выметают до последней соринки. А утром ещё и моют.

А вот бездомная собака: впервые вижу такую на Невском. На морде её значится: скорей, скорее отсюда!

* * *

Начался сезон дождей. Но сток с крыш плохо устроен, даже на Невском проспекте.

Вода получила свободу: ломится вниз водопадами, хлещет по панели ради множества брызг, лупит по камерам наружного наблюдения, ставшими средством ограничить свободу.

И чудится клич: гуляй, Россия!

* * *

Невский проспект — как андронный коллайдер: тот, что разгоняет элементарные частицы. Мчишься по проспекту, точно нейтрино. И всё тебе нейтрально: и шедевры зодчих, и творения скульпторов.

Но сверни в сторону на пару шагов, и увидишь, как плещутся волны в канале, и тени великих предков, будто мелькнул пред тобой на асфальте.

Нашествие

Занимаюсь в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Работа тяжёлая: разбираю старинные трудночитаемые тексты. Жарко и душно. Окна в читальном зале открыты. Но вот незадача: на прилегающей площади фестиваль так называемых байкеров — уже не первый день.

Всю площадь оцепили, поставили арки Welcomebikers, растянули огромный тент, включили музыку через мощный усилитель. И теперь эстрадные ритмы дополняют тарахтенье мотоциклов, столь оглушительное, что трудно терпеть. Екатерининский сквер закрыли: там памятник мудрой императрице. (На той же площади Александринский театр.)

Уже устал от этих байкеров. День и ночь гоняют по Невскому: чем больше шума, тем больше форса. И нет на них управы. Попробуй, возрази: с байкерами заигрывает Путин.

Не закончив дела, бегу из библиотеки: подальше, на тихую улицу. Выхожу на берег Фонтанки. Но вот новое горе: по улице движется колонна: сотня мотоциклов, другая, третья... Вонючий шумный парад, демонстрация мальчишеских доблестей, дешёвая самореклама, граничащая с хулиганством.

Наконец колонна прошла. Разрешили движение автомашин. Милыми тихими игрушками катятся они. Но чувство униженности не прошло. Точно вытолкали из библиотеки.

Сцена в архиве

Занимаюсь в архиве. Напротив садится дама, тоже для работы. Но много шума производит она: кашляет, ни чем не прикрываясь.

Раздражаясь, ёрзая на стуле, гневно смотрю на даму. Вот даже крикнул сердито.

«Вы тоже заболаете», — заявляет она, глядя испытующе, инквизиторски, будто желая меня заразить.

Прошу и это заархивировать.

* * *

Дорожку предо мной вдруг резко пересекла машина. Вскинул брови от удивления.

Прохожая сочувственно улыбнулась. Ни одного слова — но много было сказано.

Стояла осенняя тишина, которая и без того была многоречива.

Вооружён и очень опасен

С купюрой наизготовку уверенно шёл человек.

В гостях у Анны Ахматовой

Живя в Петербурге, нет-нет да и вспоминал о музее Ахматовой в Фонтанном доме, собираясь туда сходить. Но сегодня будто меня толкнули: «Иди!»

Что ж, иду, прокручивая в памяти ахматовские строчки. Слегка волнуясь, словно меня ждут.

И вот подворотня, через которую проходят к Фонтанному дому. Сначала попадаешь в сквер перед ним. Видишь памятник Прасковье Жемчуговой, известной крепостной певице — ещё одной служительнице муз. Памятник мал, но изящен. Надпись гласит: Прасковья жила лишь 35 лет. Изображена и нотная строчка, подвигая слушать грустную мелодию. Строчка же из Псалтири вешает о вечности: «Смерти же не предаема...» (Пс. 117, 18). Вот увертюра к теме «Ахматова».

У входа в Фонтанный невиданной величины двухметровый иванчай, обильно плодоносящий. Уже увядающий, он прилегал. Был август с его предосенней грустью.

Прогуливаюсь по скверу. Благословенная тишина, столь дорогая после шумных проспектов. Едва слышно общается парочка. Молчат вековые деревья, величественно покоится дворец Шереметева, чьей женой и стала Жемчугова.

Появляется рыжая зеленоглазая кошка: пушистая и спокойная, вся дышит довольством. Ей, как иванчаю, здесь хорошо. Хотя самой Ахматовой здесь было трудно. Но должны же страдания удобрять мир, делая благоносной священную жертву.

Кошка проходит мимо меня, касается ноги, словно приветствуя. Музей уже закрыт, и я отправляюсь домой. Вспоминаю из Ахматовой: «Я возвращаюсь. Лижет мне ладонь пушистый кот...» Иду утешен и мирен, будто погостил у Анны Андреевны.

Желаньям вопреки, наперекор рассудку

Путь от архива до библиотеки на Невском стал мне привычным. Сегодня, разнообразя жизнь, решаюсь пройти иной дорогой — по другому мосту через Неву. «Идите через Больше-Охтинский», — советует мне прохожий. Что ж, иду.

Вот ступаю на мост — стальную махину. «Мост императора Петра Великого» — значит на его фермах, чего и не ожидал. Ну и ладно: мне всё равно. Смушают лишь иммигранты из Азии: идут в одиночку и группами, точно коренные петербуржцы. Север уступает Югу: всё смешалось в доме Российском.

Преодолев мост, поворачиваю направо. Вот Смольный: перед ним памятник Ленину — сверху развевается триколор — символ капиталистической России. Одно противоречит другому.

На Шпалерной улице то же самое: памятник Дзержинскому — напротив Бизнес-центра.

Вскоре обозначился Таврический дворец. Во дворе флаштоки с флагами: рядом с российским — неожиданно украинский, что и радует и удивляет.

С той же Шпалерной вижу Ахматову, её современный памятник. Тоненькая, хрупкая фигура, точно тростинка. Но непривычный излом привносит в фигуру напряжённость. Тема противоречий уже пленяет меня. Вспоминаю, что на излёте жизни Ахматова отличалась полнотой. Порой просто лежала, дожидаясь доброхотов, приносящих нужное.

На Литейном проспекте не пропускаю дом Бродского. Как и в прошлые годы, окна его этажа мрачнее мрачного. Закопчённые, запылённые стёкла почти не пропускают света. А быть бы музеем. Но мерзость запустения. Частник, купивший дом, готов продавать его, но лишь за огромные деньги: чувствует, что ради музея ему должно отломиться. Бродский не вернулся в Россию — не пожелал того, хотя и дожил до новой эпохи.

Перехожу на другую сторону Литейного, где вход во двор Фонтанного дома, известного как дом Ахматовой...

Линия Бродского и линия Ахматовой: обе вливаются в Невский проспект, растворяясь там без остатка. Толпа поглощает и меня.

Наконец достигаю цели, и с темой противоречий на время расстаюсь.

Жалею тишину

Павильон метро на площади Восстания. К нему тяготеют уличные музыканты.

Сегодня у павильона особенно шумно: музыка звучит в трёх местах. Мучают микрофоны горе-солисты. Казнят твой слух инструменты. И это в придачу к уличному шуму. Жуткая какофония.

А утром на Невском кричали китайцы. Кого-то из них обидел грабитель: что-то схватил и дал стрелкача. Наконец чинно и дружно китайцы идут к Неве. Но не даёт покоя зазывала с рупором. «По рекам и каналам, по рекам и каналам...» — несётся над городом,

будто вдогонку загнанной тишине. Она ведь ничья, и ей достаётся. Даже не думают с ней церемониться.

* * *

Конец августа. С дуба летят жёлуди: барабанят по машине, стоящей под дубом. По асфальту цокают жёлтые листья, точно какой-то прохожий. Палой листвы пока что мало, но её нельзя не заметить.

Подступы ветра всё тревожнее. На днях улетели стрижи. Тронемся и мы потихоньку в осень, ведь грусть предосенняя берedit душу.

Живи, Петербург!

Изо дня в день прохожу по Заневскому проспекту, и всё так же лежит мёртвый голубь: на газоне он хорошо заметен. Место бойкое, и казалось бы...

И пуста квартира Бродского на Литейном: узнаётся по чёрным окнам. И сидят выпивохи на Пушкина, у памятника поэту. Всё как в прошлые годы. Но прочь печальные мысли!

По-прежнему приводят детей в Летний сад — к «дедушке Крылову». И по-прежнему распахнуты двери Эрмитажа.

А вот, в связи с ремонтом, на Заневском положили тротуар. Идешь — поскрипывают доски. И веселит ретро-стиль.

Живи в веках, Петербург!



Пермская БУКА

Андрей ЗЕЛЕНИН

ЧТО ТАКОЕ ВОЙНА. Рассказ

В «Толковом словаре русского языка» известных знатоков мира слов Сергея Ивановича Ожегова и Наталии Юльевны Шведовой у войны имеется два значения. Первое: война — «вооружённая борьба между государствами или народами, между классами внутри государства». И второе: война — «борьба, враждебные отношения с кем-нибудь или чем-нибудь».

На самом деле у войны очень много значений. Наверное, у каждого человека — своё.

Я вспоминаю одну историю.

У одной пожилой, очень почтенного возраста женщины, когда-то учителя, спросили: «Как вы считаете, что такое война?»

Вместо ответа женщина привела человека, задавшего ей вопрос, к себе домой. Там она нашла толстый фотоальбом и достала из него очень старую фотографию. На фотографии была она, эта пожилая женщина, только очень молодая, совсем юная — девушка. Она стояла в окружении детей — взрослых детей: девчонок и мальчишек с серьёзными, важными лицами.

— Это мой класс, который я выпустила из школы, — сказала женщина. — Седьмой класс. В том году он был единственным в школе и самым маленьким. Выпуск тысяча девятьсот сорокового года. Тогда ещё много было школ с семилетним образованием. Тогда люди с семью классами образования считались очень образованными людьми — они начинали взрослую жизнь. Моим выпускникам было немного лет по нынешним меркам: четырнадцать-пятнадцать. Двоим — шестнадцать.

Выпускников-семиклассников на фотографии было двенадцать человек: семь мальчишек и пять девчонок. Изображение каждого — лицо, волосы — женщина гладила сухими желтоватыми пальцами, будто не снимок задевала, а настоящих, живых людей, и говорила. Говорила тихо, но отчётливо:

— Миша. Он мечтал идти учиться дальше, со временем окончить институт и стать астрономом — открывать новые звёзды и планеты, прокладывать космические маршруты для первопроходцев Вселенной. Ещё в пятом классе он собрал настоящий телескоп и читал лекции по астрономии для всей школы, не хуже учителя. Когда началась Великая Отечественная война, он оказался под Москвой — вместе



Андрей Сергеевич ЗЕЛЕНИН родился 21 января 1969 года в городе Перми. Был главным редактором книжных издательств «Пушка», «Открытие-Пермь», «Пермский край». С 2008-го — руководитель Клуба юных сказочников при Пермской краевой детской библиотеке имени Л. И. Кузьмина. Детский писатель, драматург. Член Союза писателей России (1999). Член Союза театральных деятелей РФ (2007). Автор более 34 книг и нескольких пьес, поставленных в различных театрах страны. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка (2015), Пермской краевой премии в сфере культуры и искусства (2015), первый лауреат Пермской городской литературной премии им. А. Ф. Мерзлякова (2001). Кавалер орденов Достоевского II и III степени (2014, 2012). Живёт в ЗАТО Звёздный Пермского края.

со многими жителями города рыл противотанковые рвы на подступах к столице. Налетели фашистские самолёты... Миша погиб во время бомбёжки.

Катя. Её бабушка была швейей. Ей мама была швейей. Две её старшие сёстры были швеями. Катя с самого детства сама шила себе платья, подругам — на день рождения — дарила сарафаны; таких сарафанов не было ни у кого. После семилетки она пошла на фабрику. После начала войны смогла эвакуироваться в тыл — на Урал. В тылу ей не пришлось шить. Нужно было строить завод. Завод, без которого нашим солдатам на фронте было бы очень тяжело. А зима была холодная. И завод строили в чистом поле. Не было жилья. Многие люди не могли обсушиться, согреться... Катя промёрзла, заболела. Говорят, в ту ночь вместе с ней умерло ещё несколько человек.

Баня. Его звали не по имени и не по фамилии. По кличке, которая прижилась и в школе — Широколобый. Лоб у него, действительно, был выдающимся. Вот только учиться Ваня не любил. Два года просидел в шестом классе. И седьмой класс закончил с трудом. Если бы не его мать, он бы и раньше бросил школу. Но Ванина мама хотела, чтобы Ваня учился. И он учился — с двойки на тройку. А после школы стал грузчиком на станции. Тоже, кстати, нужная профессия. Когда узнал про войну, подделал документы — приписал себе лишние года, пришёл в военкомат: возьмите. Его взяли в армию — большого, сильного. После войны мы узнали, что в августе сорок первого он попал в плен. Раненым. Пытался бежать. Убил охранника-фашиста... Ваню застрелили другие фашисты.

Иван Иванович. Его все звали по имени-отчеству. Активист. Комсомолец. Заводила. Душа всего класса. В седьмом классе стал членом райкома комсомола. Про него говорили: далеко пойдёт. В хорошем смысле слова говорили. А он и, вправду, далеко дошёл. Год до войны трудился на заводе — не только комсомольцами цеха руководил, но и токарем хорошим стал. Затем год, когда уже фашисты пришли, был подпольщиком. Два года — в партизанах. Медалью был награждён, орденом. И дошёл до Берлина. А потом на Дальнем Востоке бил японцев. В последний день войны под машину, на которой ехал он и его солдаты, бросился какой-то самурай, обвязанный гранатами... Иван Ивановича не стало.

Женя. С виду мальчишка, а на самом деле девочка. Отец хотел мальчика, а родилась девочка. Вот она и старалась делать так, чтобы отец не огорчался: прыгала с парашютной вышки, бегала на лыжах — спортсменкой была, научилась водить мотоцикл и автомобиль. Хотела стать лётчицей, как Раскова, как Осипенко... Перед войной вместе с семьёй уехала в Ленинград. Сейчас это Санкт-Петербург, а тогда город был городом Ленина. Гитлер хотел стереть его с лица земли. Разве может быть нормальным человек, который желает подобного? Нет. Но Женя... Она была настоящим человеком. Когда в их большой многоэтажный дом попала бомба, и дом загорелся, она кинулась спасать тех, кто остался в доме. Скольких-то спасла. А сама навсегда осталась там, в огне.

Юзеф. Кто-то говорил, что он еврей. Его родные считали себя поляками. Сам Юзеф говорил, что он просто советский человек. Он был очень умным мальчиком. Хотел стать врачом. Мечтал изобрести

лекарство от всех болезней. Читал всё, что хоть как-то было связано с медициной. Но у него было очень плохое зрение. Очень плохое. После выпуска он остался в школе. Работал сторожем и библиотечарем. Уехать от войны не успел. А когда в город пришли фашисты, в первый же день его остановил на улице какой-то немец и спросил: «Еврей?» «Нет», — ответил Юзеф. «Еврей», — сказал немец и застрелил Юзефа. Просто застрелил, и всё.

Октябрина. Красавица. В неё были влюблены все. Даже Юзеф писал ей стихи. А она говорила, что выйдет замуж только за военного — за командира. И родит ему трёх сыновей и дочь. И все сыновья тоже станут командирами, а дочь... Дочь выйдет замуж за военного. После школы Октябрина окончила медицинские курсы, устроилась в детский дом — ходила за самыми маленькими, они звали её мамой. У какой пятнадцатилетней девочки может быть сорок семь детей?! А потом её детьми стали взрослые люди — тяжелораненные солдаты и командиры: безрукие, безногие, невидящие, неслышащие — самые тяжелораненные. Она отдавала им всю себя — только бы жили они: лечила, кормила, мыла, носила на руках... В мае сорок пятого по радио передали, что война закончилась. Какая это была радость! Октябрина умерла в этот самый день. Говорят, у неё не выдержало сердце.

Павел. Тоже красавец. Он пел. Пел замечательно, и многие говорили, что он будет выступать в Большом театре — станет солистом, народным артистом Советского Союза. Он на самом деле устроился в театр. Сначала рабочим сцены. Играл в массовке. Перед самой войной ему дали первую роль. В июне театр отправился на гастроли. В Белоруссию... Никто из артистов не вернулся назад. Никто не знает, что стало с Павлом.

Маруся. Такая болтушка, что дай волю, говорила бы сутками. Наизусть знала всего Маяковского, Горького цитировала страницами. Говорила, что сначала будет учительницей, а потом директором школы. После седьмого класса окончила учительские курсы, уехала на Украину, на запад... Её убили не фашисты. Нелюди-полицаи. За то, что учила детей. За то, что помогала партизанам.

Гриша. После школы хотел учиться дальше. Надеялся стать агрономом — растить хлеб, кормить людей. Но в семье он был старшим, а младших братьев и сестёр — восемь душ. Отец умер. И Гриша, чтобы помочь семье, матери, пошёл работать в пекарню — не растить хлеб, но кормить хлебом. Первый испечённый каравай принёс в школу. В учительской разрезал на куски — угостил каждого учителя. Как вкусен был этот хлеб, как чуден! Оставшись под фашистами, Гриша продолжал печь хлеб, и как ненавидели его люди за то, что он кормит проклятых захватчиков! И никто не догадывался, что в некоторых душистых каравах, что Гриша носил с одного конца города на другой, вроде бы фашистам, таились шифровки, которые Иван Иванович, Гришин однокашник, переправлял нужным людям, а те доставляли информацию дальше: партизанам, в Москву. И каждая та шифровка стоила дорогого, потому что сообщалось в них и о фашистских частях, и о складах с горючим и боеприпасами, и ещё много-много важного... Случилось так, что фашисты заслали в ряды подпольщиков своего человека. Гриша узнал об этом и успел предупредить всех своих, и Ивана Ивановича, и все смогли уйти к партизанам. А Гриша — не успел.

Прежде чем убить, фашисты долго пытали Гришу, но он ничего не сказал им о своих товарищах.

Вера. Ей нравилось считать. И она замечательно это делала — в уме, без всяких там счётов умножала сотни на тысячи и делила миллионы на десятки тысяч. Все думали, что она станет бухгалтером, а она мечтала стать конструктором и делать... автомобили — самые быстрые, самые надёжные, или... танки. После седьмого класса она уехала в Сталинград — город, который сейчас зовётся Волгоградом, поступила в техникум. А потом пришла война и пошла по Белоруссии, по Украине, дошла до Волги... Веру, а с ней ещё других женщин и детей отправили на другой берег реки — подальше от войны. Но война всё равно настигла этот катер — самолёты с крестами на крыльях — один за другим — много — расстреляли небольшое судёнышко, хотя каждый фашист, сидящий в своём самолёте, видел: нет на катере военных людей, нет оружия — только женщины и дети, целая палуба детей и женщин.

Егор. Как и Миша, он мечтал о звёздах. Не смотреть на них через телескоп, не прокладывать к ним маршруты, а оказаться на них. Самому. Он занимался, как мог: учился, читал, наращивал мышцы, тренировал вестибулярный аппарат. После седьмого класса продолжил учёбу в спецшколе. В ней готовили будущих лётчиков. Затем была военная школа и... не космическая ракета, не межзвёздный корабль, а самый настоящий самолёт — штурмовик Ил-2. Егор успел сделать на нём пятьдесят вылетов. На пятьдесят первом, прикрывая товарищей, свою подбитую боевую машину он направил на вражеские зенитки.

Пожилая женщина, подняла руку над фотографией и вновь опустила её, коснувшись своего юного изображения.

— В конце июня тысяча девятьсот сорок первого года я родила сына — Алёшу. Алёшеньку. Ему шёл второй день. Мы лежали в больнице, когда фашисты начали обстреливать всё из своих пушек. Я кормила сына, он лежал рядом со мной. Осколок снаряда, разбив окно, попал Алёше в спину — прямо напротив сердца, прошёл насквозь и задел меня.

Что такое война? Война — это неоткрытые звёзды, несшитые платья, неперенесённые грузы, непройденные дороги, невзлетевшие самолёты, неизобретённые лекарства, нерастраченная любовь, неспетые песни, недоученные дети, испечённый хлеб, несозданные машины, непокорённый космос и... нерождённые внуки и правнуки. Будь проклята война! Будь проклято слово «война»! Будь проклят каждый, кто желает войны!

Николай БАШМАКОВ

ЩЕБЕТУХИН. Рассказ

Народная мудрость гласит:
счастлив тот дом, на котором поселились ласточки.
Обижать доверчивых птиц нельзя
не только по совести, но и по закону.

Однажды во дворе нашего дома разыгралась трагедия. Ласточки под крышей дровяника начали лепить гнездо. Глава молодой семьи сел на землю, чтобы взять в клювик строительный материал, и попал в беду. Видно, совсем ещё молод был и неопытен. Лениво дремавший в траве кот Маркиз мгновенно преобразился, совершил резкий прыжок, схватил птичку в зубы и понёс добычу под навес. Увидевшая беду подружка принялась летать над котом. Она носилась над ним, почти задевая его крылышками, привлекала к беде внимание и как бы упрашивала: «Отпусти!» Но котяра не обращал на неё никакого внимания. Он был сыт, ленив, но охотничий инстинкт не позволял выпустить из зубов жертву.

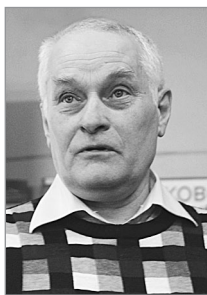
Пришлось вмешаться мне. Кот полностью доверял хозяину и подпустил к себе. Я отобрал у него птичку. К счастью, он не сильно помял ласточку, но, видимо, от испуга и шока она не могла взлететь. Маленькая, лёгонькая лежала в ладонях и испуганно глядела на меня глазками бусинками, как на новую, ещё более крупную, чем кот, опасность.

Это была мужская особь, относящаяся к разновидности деревенских ласточек, с красно-коричневой грудкой. Я посадил его в небольшой ящик, прикрыл стеклом и поместил в притемнённое место в подвале. Он вёл себя тихо. Сидел без движения в уголке ящика, постепенно успокаивался и приходил в чувство.

На другое утро я взял его в руки и вынес на улицу. Едва разжал ладонь, как он громко пискнул и улетел.

Ласточки — птички ласковые и доверчивые. В отличие от чёрного стрижа к человеку расположены. Не прошло и полчаса, как он вернулся вдвоём с подружкой. Парочка села в двух метрах от меня на проволоку, натянутую для пса по кличке Малыш. Подружка просто смотрела, а спасённый без умолку что-то щебетал. Наверное, благодарил за помощь. После того как высказал на своём языке всё, что хотел сказать, улетели по своим делам.

С тех пор он каждый день прилетал ко мне, садился поблизости на проволоку или уголок крыши и, щебеча без умолку, рассказывал



Николай Борисович БАШМАКОВ родился 13 января 1949 года в селе Красная Слобода Слободо-Туринского района Свердловской области. Окончил Тюменское высшее военно-инженерное командное училище (1972), Военно-инженерную академию (1982). Военный инженер: полковник в отставке. Литературной деятельностью занимается с 1991 года. Автор 5 книг. Член Союза писателей России (2014). Кавалер ордена «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» III степени, ряда медалей, в т. ч. юбилейных, медали Польской Народной Республики. Кавалер ордена Достоевского II степени (2017). Живёт в городе Чайковском Пермского края.

свои птичьи новости. За это ласковое щебетание мы с женой прозвали его Щебетухин.

Ласточки слепили под навесом дровяника гнездо, подружка села на яйца, но высидеть потомство не получилось. Как-то утром я увидел их вдвоём, печально сидевших на проводе. Зашёл в дровяник. Растерзанное гнездо валялось на земле. Разорить недоступное для кошек гнездо могла только сорока-воровка. Воровать у птичьей мелкоты яйца и даже птенцов в этот период — у сорок любимое занятие. Они тоже выкармливают потомство.

Мы думали: пара улетит подальше от нашего дома и от опасности, но оказались неправы. Ласточки погоревали день и принялись искать для гнезда новое место. Нашли открытую форточку, залетели на чердак и начали строить под самым коньком крыши новое гнёздышко. Там было тепло и безопасно. Сороки туда не залетали. Форточку при сильном ветре мы обычно закрывали, теперь пришлось пойти Щебетухину навстречу и держать её открытой постоянно.

Под крышей все планы у ласточек сбылись. Слепили гнездо, высидели птенцов и принялись их выкармливать. Теперь Щебетухин прилетал «поговорить» гораздо реже. Занят был сильно.

Прошло некоторое время, и однажды я увидел усевшихся на нижнем краю форточки пятерых птенцов. Ластята сидели неподвижно, как истуканчики, лишь маленькие глазки резво бегали, реагируя на пролетающих мимо мух. Но хватать мух они пока не решались. Предпочитали ждать родителей, а, как только те подлетали, открывали рты и начинали слегка помахивать крылышками:

— Вот он, я! Меня кормите, меня!

Прошло ещё несколько дней, и мне довелось увидеть их первый облёт. Молодые ластята облетели вокруг дома. Те, которые были послабее, быстро устали, сели на провод отдохнуть. Более сильные сделали несколько кругов. После первой тренировки залетели обратно на чердак.

С этого дня их полёты стали повторяться, и скоро семья вылетела на облёт дружно всем выводком. Ах, как резво и бестолково кружили в хороводе они вокруг дома! Как переживали за них и носились в этом птичьем рое родители! Как громко, истошно и тревожно пищал Щебетухин, предупреждая детей о любой опасности!

Когда птенцы немного окрепли, родители стали увлекать их подальше от дома, заманивая ввысь и в даль. Пришло время учить потомство ловить мошек и спастись от внезапной опасности в виде ястребка или другой хищной птицы.

Учёба продолжалась до конца августа. К сентябрю выводок улетел в общую деревенскую стаю, а потом все вместе они подались на юг вслед за уходящим из родных краёв теплом.

Пришла новая весна. Я работал во дворе и вдруг увидел первых ласточек. Две птички пролетели мимо, сделали облёт вокруг дома и сели возле меня всё на тот же трос. Одна под села совсем рядом и очень знакомо защебетала.

— Щебетухин, ты вернулся! Как я рад тебя видеть! Прилетел самым первым, чтобы никто не занял твоё место?

В ответ — ещё более бурное щебетание. Он был рад, что вернулся на родину, рад встрече и, захлёбываясь от этой радости, восторженно рассказывал о тяжёлом перелёте, о трудной зимовке на

чужбине и ещё более трудном возвращении к месту, где родился и где вырастил своих первых птенцов.

Но прошёл день, и настроение Щебетухина резко изменилось. Он прилетел на пасеку, где мы с женой работали, и начал атаковать, едва не задевая нас крыльями. При этом время от времени издавал писк, не резкий тревожный, а требовательный и повелительный. Я не мог понять, отчего у ласковой доброй птички такая агрессивность.

— Что ты от меня хочешь, Щебетухин?

Он полетел в сторону дома, облетел его и снова подлетел к нам, мельтеша перед глазами и издавая громкий повелительный писк.

— Да он же требует открыть форточку на чердак! — осенило жену. — Помнит, где у него гнездо! Целый час нападал на меня, пока ты ходил в деревню, а я только сейчас сообразила, что ему надо.

Форточка и в самом деле была закрыта. Пришлось лезть на чердак. Щебетухин с подружкой всё моментально поняли. Едва я открыл створку, как птички стремительно влетели с улицы, уселись на жёрдочку под старым гнездом, и Щебетухин, разливаясь в благодарностях, умиротворённо зашебетал:

— Ну, вот! Совсем другое дело. А то закрыл, понимаешь, доступ к гнезду, горе-хозяин. Не бойся, долг за аренду чердака верну с лихвой. Июньскую мошкарку вам тут поубавлю.

И всё повторилось, как и год назад. Ласточки слепили гнездо. Высидели и вырастили птенцов, а после того как дети облетались, улетели в общую стаю, поближе к деревенскому пруду.

В начале осени, когда пришла пора холодных ночей, вся деревенская стая прилетела к дому. Почти полсотни птичек парадным строем расселись на проводах, а одна отделилась от них, подлетела ко мне и уселась на расстоянии вытянутой руки. Это был Щебетухин. Он прилетел попрощаться. Шебетал, делаясь своими птичьими планами, и обещал обязательно вернуться.

В добрый путь, Щебетухин! Счастливого перелёта! Возвращайся весной вместе с детьми! Мы будем ждать!

Но он не вернулся. Наверное, погиб где-то, защищая свою стаю от ястреба. Прилетели его дети. Жизнь продолжалась, но никто больше не прилетал ко мне поделиться радостью и птичьими новостями...

Светлана ЭСТ (об авторе см. с. 54)

ПРЕДАНИЯ И СКАЗАНИЯ О ЗНАКАХ ПРЕПИНАНИЯ. Цикл сказок и стихов

Книга 1. ГОРОДОК МЕЖДУ СТРОК. МЫШКА СУШКИНА И СКАЗКИ ПУШКИНА. Книжка-малышка 2

В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Царство Русского Языка занимало много страниц. На севере расстиралось Белое Бумажное море. По нему плавали льдины из картона голубого цвета. На юге стояла чернильница Чернильного моря с чёрными чернилами. Поэтому Чернильное море называли иногда Чёрным морем. Рядом находились Горы Шашлыков. Их самой высокой вершиной считался пик Нерусского Эльбрусского Языка.

Столицей Царства Русского Языка был шумный мегаполис Морфология. Города Пунктуация и Синтаксис находились примерно там, где на географической карте России — Пермь и Екатеринбург.

Кроме Слов, в Пунктуации жили умница Точка, красотка Запятая, учёный Вопросительный Знак, ди-джей Восклицательный Знак и их друзья. Все десять Знаков Препинания были почётными гражданами тихой зелёной Пунктуации, которая раскинулась западнее Гор Словарей.

Словарей действительно были целые горы. Здесь часто отыскивали золотые высказывания великих писателей. И тогда кричали: «Ура!!!» Поэтому местные жители называли эти горы Уральскими.

Через город Пунктуация протекали река Мама и речки Красная Строка и Висячая Строка. Городской пруд Пунктуации плескался на правом книжном поле и почти весь зарос белыми водяными лилиями. Тут же работала лодочная станция «Дюймовочка». В ней Слова и Знаки Препинания брали на прокат лодки из лепестков водяной лилии и вёсла из тычинок тигровой. Для этого у пруда посадили оранжевые тигровые лилии. В общем, всяких лилий там было — ПРУД ПРУДИ.

Речушки Красная Строка и Висячая Строка впадали в реку Мама. А Мама, в свою очередь, впадала в великую Долго — самую большую реку в индо-европейских языках. Сначала Долго называли Волгой, но поскольку волжане ОКАЛИ, то Волга превратилась в Волго, а потом и в Долго. Плыть от её истоков до устья нужно было долго-долго. Хотя, конечно, учить русский язык — ещё дольше.

*Долго-Долго, мать родная,
Долго — русская река,
Не видала ты подарка
От простого рыбака!..*

*Мошным взмахом вынимает
Он из лунки судака
И опять бросает в воду:
«Подрастай, малыш... Пока!»*

ЦАРЬ-БАТЮШКА

В Царстве Русского Языка жили Знаки Препинания и сотни тысяч русских Слов. Правил страной царь-батюшка Русский Язык. Жил он в столице Морфологии в Кремле. Кремль был обставлен ПО-ЦАРСКИ: там были царь-пушка и царь-колокол. И в большой бочке плескалась царь-рыба — гигантский осётр. Но потом его выпустили в книгу «Царь-рыба» известного русского писателя Виктора Астафьева.

*На золотом крыльце сидели
(И «Золотым кольцом»¹ владели)
Царь, царевич...*

В Царстве Русского Языка у книжных обложек было ещё одно назначение. Они давали возможность быстро переходить из книги в книгу. Ведь, например, открыв томик сказок Пушкина, вы сразу же оказываетесь на Лукоморье. Вот стоит дуб зелёный, а вот по золотой цепи ходит кот учёный — ни в дуб ногой. Что-что?! Нужно говорить: НИ В ЗУБ НОГОЙ?! Да уж, Русский Язык Ошибок не прощает! А высылает их жить в деревню Ошибайку...

В древние времена в Царстве Русского Языка весна сменяла зиму и лето сменяло весну. Но однажды в гололёд царь-батюшка поскользнулся и упал с золотого крыльца. От удара на голове Русского Языка появилась большая ШИШКА. Она мешала царю надевать корону. Так что вскоре был издан указ: «Мы, царь-батюшка Всего Русского Языка, повелеваем: зиму боярам рубить и вместо неё лето объявить». И во всех учебниках русского языка с тех пор стало по-летнему тепло.

Ну и правильно! Замёрзшими пальцами ничего не напишешь. Только Ошибок наделаешь! А они или глупые, или грубые... С такими Ошибками лучше не связываться!

*В гололёд достанем санки,
Пронесёмся по дороге,
Пронесёмся по дороге,
Упадём мы маме в ноги².*

*.....
Мама тоже упадёт —
На дворе ведь гололёд, —
А совсем не потому, что
Брат Артём её собьёт...*

СЫРНЫЙ ДОМИК

Мышонок Норкин жил в Пунктуации на улице Богатырской. Его дом был вырезан из цельного куска голландского сыра. В домике тояли письменный стол и стул из плавленых сырков. За столом Норкин писал свои книги. Ведь в Пунктуации его знали как писателя — Князя Мышкина. Широкие подоконники в доме занимали комнатные цветы. Мышиный горошек соседствовал с мышиным гиацинтом.

¹ «Золотое кольцо» — туристический маршрут по древним городам России.

² Пародия на стихотворение Агнии Барто «Самолёт».

В невысоких плоских горшках вокруг сырного домика рос камыш...

Князь Мышкин дружил с Точкой Таней. Она была не обыкновенной девочкой, а Знаком Препинания. Хотя выглядела Точка как обычная первоклассница с большими умными глазами и короткими кудряшками. Мышонок и Точка познакомились, когда он впервые появился в Пунктуации. Сырный домик был подарком Точки Тани ему на новоселье. С тех пор Князь Мышкин пристроил к дому открытую веранду из сыра «Костромской». На ней стояла лёгкая дачная мебель — коробочки из-под плавленого сыра «Янтарь».

Точка Таня и Князь Мышкин сидели на веранде. Писатель угощал Точку спелой клубникой. Он нарезал ягоду ломтями, как нарезают арбузы. Ведь все Знаки Препинания в Пунктуации были маленького роста — примерно с куклу Барби...

— Почему вы так любите камыш? — спросила Точка Таня, разглядывая растения в горшках.

— Потому что в слове КАМЫШ есть слово МЫШЬ!

Как Знак Препинания Точка не любила Ошибки. В Царстве Русского Языка постоянно с ними воевали...

— Слово КАМЫШ пишется без мягкого знака, а слово МЫШЬ — с мягким знаком, — сказала Точка Таня.

— Это неважно! — сказал Князь Мышкин. — Я пригласил вас, чтобы жениться!..

— На мне?! — удивилась Точка.

— На вас?! — ещё больше удивился Мышкин. — Нет-нет, не беспокойтесь! Моей женой станет какая-нибудь СЕРЕНЬКАЯ МЫШКА!

*Мышкин-князь решил жениться
На прелестнейшей девице:
Чтоб была не из дыры —
Из порядочной норы,
С остренькими зубками,
С пухленькими губками,
Косы — двухаршинные,
Не ХВОСТЫ МЫШИНЫЕ!*

СКАЗКИ ПУШКИНА

Вокруг открытой веранды росла клубника. Часть ягод уже созрела. Как громадные фонари, они свешивались над перилами веранды. Князю Мышкину оставалось только вымыть самую тугую, сочную и красную ягоду из садовой лейки и подать к столу...

Точка Таня съела ещё ломоть клубники и спросила Князя Мышкина:

— А зачем вам жениться?

— Ну, как же?! — заволовался Князь Мышкин. — У всех больших пи-пи-писателей были жёны!

— У Светланы Эст нет жены, — сказала Точка. — А она точно большой писатель! У неё рост сто семьдесят один сантиметр. И каблук — двенадцать!

— Где-то я уже встречал это имя: Светлана Эст... — задумался Князь Мышкин.

— На обложке, — подсказала Точка Таня.

— Точно! На обложке нашей книги!
 Жизнь и творчество других писателей очень интересовали Князя Мышкина:
 — Что ещё напи-пи-писала Светлана Эст?
 — Шутку: «Глухонемой мальчик Герасим выпросил у физрука тройку по плаванию: “Му-му... Му-му... Му-му”».
 — А ещё?
 — Первой книгой писательницы был сборник рассказов для юношества «Совриголова».
 — Совриголова! — на сей раз Князь Мышкин поправил Точку. — Нет в русском языке такого слова — СОВРИГОЛОВА!
 — Раньше не было — теперь есть! — возразила Точка. — Оно появилось после вот этой рекламы: «Новинка книжного рынка: “Совриголова” — самоучитель по вранью». Разумеется, её автор тоже Светлана Эст!..
 — Пи-писатели часто придумывают новые слова, — согласился Князь Мышкин. — Николай Михайлович Карамзин ввёл слово СЦЕНА. Ломоносов предложил слово ГРАДУСНИК, Василий Каменский — САМОЛЁТ.
 — Ещё одно новое слово, которое обещает ввести Светлана Эст — глагол ВРЕДНЮЛЬКАТЬСЯ!

*Ветер залетел в окошко,
 В кресле спит мурлыка-кошка.
 Я главу пишу про Точку —
 Возится в кровати дочка.
 Полночь, а она — упрямо:
 — Почитай пло лыбку¹, мама!..
 Отклонён каприз девчушкин:
 — А писать кто будет — Пушкин?!*

*Налились слезами глазки:
 НЕ РАССКАЗЫВАЙ мне СКАЗКИ!*

ДЛИННЫЕ СЛОВА

Князь Мышкин пригласил Точку для того, чтобы она помогла ему найти невесту.

Сам Мышонок не умел проходить через обложки. В компьютерных играх такую обложку назвали бы ПОРТАЛОМ. Что в переводе с английского языка означает ВОРОТА, ВХОД. Для того чтобы оказаться в какой-нибудь книге, надо было сказать волшебную считалку. Считалка была простенькой: «Госпожа Обложка, книгу потревожь-ка! Дверь, пожалуйста, открой, чтоб попасть мне в мир другой!» Но пользоваться ею могли лишь Слова и Знаки Препинания.

— А в каких книгах вы хотели бы побывать? — спросила Точка Таня, выслушав Князя Мышкина.

— Может быть, вы что-нибудь посоветуете?

— Давайте начнём с самого древнего произведения про мышей...

— Давайте!

¹ Лыбка (искаж.) — золотая рыбка, персонаж «Сказки о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина.

- С древнегреческой поэмы «Батрахомиамахия».
- Как переводится это странное название?!
- «Лягушко-мышинная борьба».
- О! — Князь Мышкин был поражён.

...Как писатель он знал немало длинных Слов. Лично. Князю Мышкину нравилось жившее с ним по соседству Слово ОДИННАДЦАТИКЛАССНИЦА. А со Словом ФИЗКУЛЬТ-ПРИВЕТ Мышонок играл в футбол по воскресеньям. И ещё он любил разглядывать вывеску одного магазинчика: МОЛОКОЛБАСЫР. Очарованный, Князь Мышкин подолгу стоял у его витрины...

- А чей перевод? — поинтересовался Князь Мышкин.
- Мой, — призналась Точка.
- Есть и другие варианты?
- Немецкий поэт Ролленхаген перевёл название поэмы как «Лягушкомышатник».
- Час от часу не легче!
- Украинский поэт Думитрашко — как «Жабомышедраковка».
- М-да!
- Нужно разделить название на три части... «Батрахос» — по-гречески ЛЯГУШКА... Потом идут МЫШЬ и БОРЬБА, — пояснила Точка.
- А есть более короткое слово?
- Вот, вам должно понравиться! Польский поэт Красицкий написал поэму «Мышеида»¹.
- Какой перевод употребляют чаще всего?
- «Война мышей и лягушек».
- Как скучно!
- Моя подруга, Запятая Тая, предложила название «Война и сыр»².
- «Война и сыр»! — обрадовался Князь Мышкин. — У вашей подруги отличный вкус!

*Название мудрёное
Читала я полдня:
«Ля-ля гу-гу
Ля-ля ко-ко
Мышинная возня».*

ЧЕМ ВОЕВАЛИ МЫШИ И ЛЯГУШКИ

Солнце зелёным пятном просвечивало сквозь густые листья. В жилом комплексе «Виктория» было не жарко, так как заросли клубники давали хорошую тень...

- Точка Таня поднялась из-за стола:
- Мы должны подготовиться!
- Что вы имеете в виду? — спросил Князь Мышкин.
- Надо сменить одежду. Иначе нас могут убить!
- Убить?!
- Да.

¹ «Мышеида» — пародия на название поэмы «Илиада» древнегреческого поэта Гомера.

² «Война и сыр» — пародия на название романа Льва Толстого «Война и мир».

— Но я ещё так молод!.. — беспокоился Князь Мышкин. — А чем были вооружены лягушки?

— Копьями-грозинками и круглыми щитами из капустного листа.

— Какие на них были доспехи?

— Панцири из свёклы, шлемы из раковин улиток.

— Типи-пи-пично для лягушек! — пискнул Мышонок. — Слизь! Грязь! Мразь!

— Князь! — одёрнула его Точка. — Не «заводитесь»! Мы же не собираемся воевать с лягушками! Нам нужно найти для вас невесту!

— Я не хочу носить этот гадкий лягушечий шлем!

— Мыши в поэме одеты по-другому. Вместо лат у них были бобовые и гороховые стручки. А вместо шлемов — половинки грецких орехов...

— Прекрасно! У меня как раз есть два десятка орехов.

— Значит, будет из чего выбрать.

— Чуть не забыл... А чем воевали мыши?

— Пиками!

— ...Пи-пиками!!! — восхитился Князь Мышкин.

— Они сделали их из швейных игл.

Точка и Князь Мышкин договорились о встрече у южного портала. Таня обещала принести щиты и пики. А писатель должен был изготовить доспехи.

«Шлемом надёжным для них оказалась скорлупка ореха»¹.

Древние греки писали поэмы не в рифму и длинно...

КРОХОБОР И ВЗДУЛОМОРДА

Обложки, ведущих в другие книги, в Пунктуации было пять. Центральный портал располагался около мэрии. Одна обложка работала у моста через реку Маму. Другая — в южной части города. Самая большая обложка (от романа Льва Толстого «Анна Каренина») действовала на железнодорожном вокзале. И ещё один портал находился в конце улицы Знаков Завершения.

Когда Князь Мышкин приехал к южному portalу, Точка Таня стояла у обложки. Писатель не узнал её сначала, потому что Точка была ростом... с мышь. Для этого она воспользовалась волшебной считалкой: «Добрый дядюшка Курсив, поменяй сейчас же шрифт!»

Точка и Князь Мышкин надели доспехи из высохших гороховых стручков. Их костюмы дополняли шлемы с высокими гребнями, которые Мышонок вырезал из колючего репья. Путешественники были вооружены мечами и пиками.

Перед тем, как открыть обложку, Точка Таня озабоченно сказала:

— Я познакомлю вас с кратким содержанием поэмы «Война лягушек с мышами»... Так, на всякий случай!

— Охотно послушаю, — сказал писатель.

— Однажды мышенок Крохобор, сын царя Хлебогрыза, решил напиться из большой лужи. Там он повстречался со Вздуломордой...

— Неужели в поэме нет ни одного человеческого имени?! — поморщился Князь Мышкин.

— Человеческого? — переспросила Точка. — Есть мышиные

¹ Строка из поэмы «Батрахомиомахия» в переводе М. Альтмана.

имена: Салогрыз, Кускохват. И есть лягушечьи: Громоквак, Траволуб, Корнеед.

— Мне не нравится имя Вздумоморда!

— Может, лучше назвать его Щёкодувом?..

— Большое спасибо! — раздражённо сказал писатель.

Герои мыши ему нравились, но он сразу же возненавидел лягушек. Особенно противным был СКОЛЬЗКИЙ ТИП Вздумоморда. Ведь у него не было усов, не говоря уж о красивом голом хвосте.

— Продолжим?.. — спросила Точка.

— Да!

— Мышонок Крохобор повстречался с царём лягушек Вздумомордой. Вздумоморда пригласил Крохобора к себе в гости. Царевич Крохобор взобрался на его спину, и они поплыли. Тут Вздумоморда испугался змеи...

— По имени Ядобрызга.

— По имени Неперебивайтеменя.

— Не буду! — наконец-то притих Князь Мышкин.

— ...И Крохобор утонул по вине Вздумоморды... — закончила свой рассказ Таня.

На обложке уже появилась надпись «Батрахомиамахия». Русские буквы напоминали греческие. Они были изломанными и с острыми углами. Название поэмы обрамлял древнегреческий орнамент. Он походил на морские волны. Каждая «волна» заканчивалась закрученным «барашком».

*Жил царевич Крохобор,
Не красавец и не вор,
Меж ушей прямой пробор
И за поясом — топор...
Вздумоморда мимо плыл,
Пучеглаз и толсторыл, —
Если кто уже забыл —
Царь лягушек это был!
В гости он позвал мышонка,
Льстя ему довольно тонко,
Но, трусливая душонка,
Утопил в речной воронке.
Мыши начали грызню
И МЫШИНУЮ ВОЗНЮ,
А потом ещё резню
(Их за месть я не виню).
Не уплачены налоги! —
Древнегреческие боги
Посылают раков рать
Те налоги собирать...
А лягушек, жаб и мышек
Просто взять и разогнать!!!*

СРАЖЕНИЕ

Через открывшуюся обложку виднелся зелёный луг. Он заканчивался обрывистым берегом. На поле битвы сражались

мыши и лягушки. Точка Таня решительно шагнула вперёд...

В древнегреческой поэме стоял невообразимый шум. Низко летали комары и, будто в трубы, дудели в хоботки. Их крылья издавали пронзительный писк. С грохотом падали камни из катапульт. Кричали бойцы. Громко стонали раненые. Рвались с поводков кузнечики, которых лягушки приручали как собак.

Большая жаба в шлеме из раковины виноградной улитки увидела Точку и Князя Мышкина и громко заквакала:

— Фаланга «Тыква»-ква! Расква-ква-квасим носы проклятым мышам!

Один из боевых отрядов лягушек медленно развернулся и пошёл в сторону чужаков. Из фаланги грозно торчали копьестрелки.

— Это же сам Блюдоцап! — пискнула юркая мышь, выскочившая из-за закрывшейся обложки. Видимо, Князь Мышкин ей кого-то напоминал своими великолепными усами.

— «Славный герой Блюдоцап, знаменитого сын Хлебоскрёба!» — прочла строку из поэмы Точка Таня.

Но мышь посчитала, что Точка подтверждает, будто перед ней герой Блюдоцап.

— Все сюда! Торопи-пи-питесь! — пронзительно завершала мышка.

И, словно из сухого стручка мышиного горошка, на поле сыпнулись грызуны.

Писатель и Точка тоже устремились в атаку на лягушек. Фаланга «Тыква» побросала копыя и в панике начала прыгать в болото...

Увидев, что мыши почти разгромили лягушек, забеспокоились древнегреческие боги. Они жили на самой высокой горе Древней Греции — на Олимпе. И, значит, отличались ОЛИМПЕЙСКИМ СПОКОЙСТВИЕМ. Но мыши досаждали им больше лягушек. И боги послали раков ПОКАЗАТЬ всем, ГДЕ РАКИ ЗИМУЮТ. Возглавлял полчища раков персидский поэт ОМАР ХАЙЯМ.

— Танки! — крикнула Точка. — То есть раки!

Она схватила Мышонка за лапку и потащила обратно к обложке.

— Раки! Раки! Раки! — причитали разбегающиеся во все стороны герои: Зерногрыз, Сыролюб и Плесковод.

— Спасайтесь! — закричали бойцы и кинулись враспынную.

Так бесславно была закончена битва мышей и лягушек. А в программу летних Олимпийских игр — включена греко-римская борьба. Их девизом стал слоган «Быстрее. Выше. Сильнее». И как не требовали юмористы, слово СМЕШНЕЕ в девиз так и не внесли.

*Ехал грека через реку,
Видит грека — чемпион!
Грека сам себе не верит:
— Ба, Карелин!!! Это он?!*

*Чемпиону руку сунул,
А борец его — в захват! —
Бросил греку прямо в реку —
Как тот вылезет назад?..*

МЫШИНАЯ СВАДЬБА

Спасаясь от раков, Точка и Князь Мышкин покинули древнегреческую поэму.

Но из обложки-портала они вышли не в Пунктуации...

— До чего же здесь хорошо! — воскликнул Князь Мышкин.

— Правда?... — спросила Точка.

— Неопи-пи-писуемо!

— Я так и думала, что вам понравится...

На поле битвы Точка решила не тратить время отступления ВХОЛОСТУЮ, поэтому выбрала книгу Андерсена «Сказки» с великолепными иллюстрациями пермского художника Станислава Ковалёва. Так друзья оказались в кладовке, на мышиной свадьбе.

Свадьба проводилась на книжном развороте: на одной странице был нарисован коридорчик, на другой — кирпичный подвал. В правом углу висела связка колбас и свежий розовый окорок. Девять мышей восседали на большом куске сыра: жених с невестой, родители и свидетели, а также тамада. Мышки-дамы и мышки-кавалеры толпились на полу...

— Ослепи-пи-пительно красиво! — в восторге запищал Мышонок.

— Ну, ещё бы! «Коридор был ярко освещён гнилушками». Точка. Конец цитаты, — улыбнулась Таня.

— А запах! Запах!!! ...Не надышишься!

— «Весь коридор смазан салом!» — снова процитировала Точка. — Так написано у Ханса Кристиана Андерсена в сказке «Оле-Лукойе. Четверг».

— И, может быть, местами натёрт сыром! — с видом знатока сказал Князь Мышкин. — Пи-пи-пикантное сочетание...

— Нет, — сказала Точка. — Только салом! Андерсен писал: «...Другого угощения не было. А на десерт гостей обносили горошиной, на которой одна родственница новобрачных выгрызла их имена...»

Князь Мышкин НАДУЛСЯ КАК МЫШЬ НА КРУПУ. Но возражать не посмел. Ведь ТОЧКА — Татьяна Олеговна Черных — была главным библиотекарем Пунктуации. Она заведовала самой крупной городской библиотекой имени Чиполлино. Лук был горьким, поэтому горожане называли библиотеку «Горьковкой». Или это название было дано в честь русского писателя Максима Горького?..

Кладовка просто кишела мышами! Свадьба была в самом разгаре. Тамада отпускал САЛЬНЫЕ ШУТОЧКИ. Три мыши играли на трубах, и одна — бойко стучала по барабану.

— А на каком языке они разговаривают? — вдруг спросил Князь Мышкин.

— На мышином, — ответила Точка.

— Но я ничего не понимаю! — пожаловался Мышонок.

— Знаменитый сказочник Андерсен жил в Дании, — объяснила Точка. — И все мыши на этой свадьбе — тоже из Дании. И говорят они с датским акцентом.

— Мы с женой должны хорошо понимать друг друга!

— Тогда давайте перейдём в русские народные сказки, — предложила Точка.

— Да! — согласился с ней Князь Мышкин и пошёл обратно к порталу...

Принцессинск-на-Горошине —
 Столица сказок детских,
 Как Жарко-Древне-Греция —
 Страна орехов грешких.
 Под пальмами в Верзилии
 Живут баскетболисты,
 А в город Филадельфию
 Спешат филателисты:
 Поляки, турки, финны —
 Ну, и плывут дельфины!

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Обложка-портал перенесла Точку и Князя Мышкина ещё в одну книгу...

Плавно изгибалась лента реки. На её берегах росли ивы. На лугах цвели ромашки. Сливались в тёмную полосу леса. В голубом небе светило улыбающееся солнце. Оно было похоже на желтобокий подсолнух. Видно было на много-много страниц вдаль.

— Где мы?! — спросил писатель.

Он и не представлял, что бывают та-а-кие просторы.

— В заповеднике РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ, — ответила Точка Таня.

У неё тоже невольно захватило дух от открывшейся картины. А ведь Точка уже была в этих сказках. Справа от дороги стеной стоял Дремучий лес. Под мохнатыми еловыми лапами прятались розовые Волнушки и оранжевые Рыжики. А Грузди, наоборот, примеряли белые мундиры перед сражением. Все они были из сказки ГРИБЫ: в ней царь Горох воевал с царём Боровиком.

Точка Таня осуждающе покачала головой:

— Больше никаких войн!!! Столько времени потратили впустую! Так вы никогда не женитесь, Князь! !.. Да, а какую невесту вы хотели бы себе выбрать? Красивую или умную? Худенькую или пышечку? СКАЗОЧНО богатую или БЕДНУЮ КАК ЦЕРКОВНАЯ МЫШЬ?

— А здесь есть невесты? — оживился писатель.

— Конечно.

— И где же они?..

— В сказках КУРОЧКА РЯБА, РУКАВИЧКА, ТЕРЕМОК и РЕПКА.

— Прекрасно!

— Пожалуй, с РЕПКИ и начнём!..

Сказка РЕПКА находилась рядом со сказкой ВЕРШКИ И КОРЕШКИ. Репа на поле уже поспела, и Мужик как раз торговался с Медведем.

— Мужик, мою долю подавай! — ревел Медведь.

— Ладно, Медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки!

Медведь усердно отрывал зелёные листья репы — ВЕРШКИ. Мужик ходил за ним по полю и подбирал жёлтую, будто медовую, репу — КОРЕШКИ. Он хитро улыбался в бороду. Мужик ещё не знал, что Медведь собирался прийти к нему и на следующий год. Разумеется, со своими КОРЕШКАМИ — другими медведями из Дремучего леса...

*Обманул Мужик Медведя —
Отыгрался на соседе,
Ведь Медведь, лесной сосед,
Приносил немало бед:
Мёд из ульев воровал
И овсы порой топтал,
Ну, а главное, малину
Собирать он не давал.*

РЕПА

Фермерское хозяйство Деда находилось за кафе-закусочной «Репка». В нём обычно обедали писатели-СКАЗОЧНИКИ и художники. Особенно любил это кафе русский живописец Илья РЕПИН. Точка и Мышонок по тропинке дошли туда за десять минут.

— Ну и ре-пи-ша!!! — пискнул Князь Мышкин, увидев репку.

— Нельзя класть столько удобрений! — покачала головой Точка Таня.

Репка в сказке выглядела просто гигантской. Её вызолоченный солнцем бок закрывал полнеба. Высоко-высоко, как у пальмы, торчала лохматая зелёная крона. Она вздрагивала, потому что великан Дед тянул репу из земли за самый большой лист.

— Тянем! — командовала сзади Мышка.

— Потянем! — отзывались Кошка и Собака.

— А! Вытянуть! Не можем! — вразнобой кричали Внучка, Бабка и Дед.

— Давайте, Князь, подождём... — предложила Точка.

Она боялась, что выдернутая репа раздавит и её, и писателя.

Путешественники уселись под лопухом. Древнегреческие шлемы и доспехи они сняли ещё у обложки. Мышонок принёс родниковой воды в отцветающих колокольчиках. Точка достала из походного рюкзака бутерброды с сыром. Один бутерброд лежал отдельно в коробочке. Его Таня почему-то не разрешила есть, а положила обратно в рюкзак.

На поле шла битва за урожай. Дед решил вытащить репу ЖУЧКОЙ¹. Он привязал буксировочный трос к листьям. Бабка и Внучка отошли — на тот случай, если трос лопнет. Дед сел за руль своего старенького автомобиля и нажал на педаль «газ»...

Репка сидела в земле КАК ВКОПАННАЯ.

Наконец Точка решила, что ей нужно вмешаться. Она произнесла волшебную считалку:

— Добрый дядюшка Курсив, поменяй сейчас же шрифт!

И сейчас же маленькая Точка Таня стала ростом с Гулливера из книги «Гулливер в стране лилипутов». Точка наклонилась и аккуратно — кончиками пальцев — выдернула репку...

А потом снова уменьшила себя до размеров мыши.

*Почему-то в сказках
Очень много репы,
А картофель в тексте
Выглядит нелепо.*

¹ «Жучка» — народное название автомобиля «Жигули».

*Чтоб узнать, в чём дело,
В интернет мы выйдем
И на сайте «Репка»
Вмиг ответ увидим.*

*В старину седую —
Господи, меня спаси! —
Не было «картошки»,
Гой еси, да на Руси!*

МЫШКА СУШКИНА

Дед, Бабка и Внучка хлопотали около репки. Вмешательства Точки они не заметили.

Но это не имело уже никакого значения.

Главное, Князя Мышкина наконец-то увидела Мышь из сказки о РЕПЕ. У Мышки была РЕПутация труженицы. Она лучше всех в деревне полола сорняки: суРЕПКУ и РЕПейник.

Мышка была одета в белую рубаху и кумачовый сарафан. Её шею в три ряда обвивали бусы из сухого гороха. Расшитый зёрнами пшеницы кокошник дополнял наряд.

Любовь с первого взгляда поразила обоих — и Мышку, и Князя Мышкина.

— Кто ты, красавица?!

— Девица Сушкина! — ответила Мышка.

Она вдруг застеснялась пригожего молодого барина — Князя Мышкина — и закрылась пыльным рукавом рубахи.

— Пойдёшь за меня замуж? — приосанился Князь.

— Пойду, — прошептала Сушкина и закрыла мордочку ещё и вторым рукавом.

— Свадьбу сыграем в Пунктуации, — предложил Мышонок. — Уж замуж за рубеж!

— УЖ, ЗАМУЖ, НЕВТЕРПЁЖ, — сейчас же поправила его Точка Таня. — Эти слова пишутся без мягкого знака!

Точка любила свою родину — Русский Язык. И поэтому она всегда боролась с любыми Ошибками.

— За рубеж?! — ахнула Мышка Сушкина. — А кто будет помогать Деду с Бабкой?..

— Она не может бросить свою работу, — объяснила Точка писателю.

— И как же нам быть?!

— Оставайтесь здесь, в сказке РЕПКА.

— Правильно, буду писать деревенскую прозу.

— А ещё можно стать РЕПортёром, чтобы писать статьи о РЕПЕ.

— Жаль только моего чудесного сырного домика!

— И мне жаль! — засмеялась Точка. — Поэтому я и не дала его съесть!

Точка Таня достала из рюкзака прозрачную коробочку с бутербродом. На кусочке хлеба стоял крошечный сырный домик писателя. Для того чтобы сделать его большим, оставалось лишь сказать волшебную считалку...

Кстати, свою первую книгу Князь Мышкин назвал «Сырный дом

и тот, кто в нём». И критики отметили, С КАКИМ ВКУСОМ она была написана!

Мышка Сушкина вышла замуж за Князя. Угощение на свадьбе было ПРОЩЕ ПАРЕНОЙ РЕПЫ. А к чаю подали сахарную свёклу.

Через год за молодой мамой ХВОСТИКОМ ХОДИЛ очаровательный Мышка-сынишка. И Мышка Сушкина тоже стала писателем — только детским. Супруги жили долго и счастливо и писали по одному тому в день...

*Много сказок о мышах¹
Есть на белом свете,
У меня их, у самой,
Тридцать на примете.*

*Полевой мышонок Кай
Хайку там слагает,
Полководец Храброхвост
В битве побеждает.*

*«С уха», «с лапки» злой Кус-Кус
Ввёл мышам налоги,
И бедняга Пик дрожит
В ямке у дороги.*

*Гости сало на стене
Пробуют с опаской,
А Шелкунчик и Мари
Женятся на Пасху.*

*Много сказок о мышах
Сочинили люди,
И пускай ещё одна —
В этой книжке будет!*

¹ Далее упоминаются мыши — герои сказок Т. Кандзава «Как бабушка была паровозом», К. С. Льюис «Принц Каспиан», Н. Г. Поливин «Солнечный мальчик», В. В. Бианки «Мышонок Пик», Г. Х. Андерсен «Оле-Лукойе. Четверг», Э. Т. А. Гофман «Шелкунчик и мышинный король».

Владимир ЯКУШЕВ

ЛЕДИ

Маленькая леди
На велосипеде
Давит на педали,
Чтобы не догнали.

И звенит у леди
На руле звоночек,
И ласкает леди
Кудри ветерочек.

Даже у автобуса
Дрогнула душа
Оттого, что леди
Больно хороша.

Прыгают от леди
Взрослые и дети,
Потому что леди
Очень быстро едет.

И рыжее меди
Волосы у леди,
У прекрасной леди
На велосипеде.

Кто она? Откуда?!
Маленькая леди...
Ездит это чудо
На велосипеде.



Владимир Викторович ЯКУШЕВ окончил Чердынский лесотехнический техникум, филологический факультет Пермского государственного педагогического института, гуманитарный факультет Пермского государственного технического университета. Работал на заводах Перми, преподавал. Член Союза писателей России (2001). С 2010 года — председатель Пермской краевой организации Союза писателей России. Живёт в городе Перми



Парнас
без границ

Николай БАШМАКОВ (об авторе см. с. 138)

В ОДНУ ВОРОНКУ. Иронический рассказ

Домушник со стажем Гоша Шкворнев по кличке Шкворень не имел никакого отношения к власти и большим деньгам, потому к тридцати пяти годам имел уже три ходки. Он числился в разряде домушников, воришек, которых полиция ловит и сажит без большого напряжения и с превеликим удовольствием, оттого что дело это для правоохранительных органов абсолютно не хлопотное, хотя и вовсе не прибыльное.

Гоша шёл по разморённой жарой улице на конкретное дело, но того азарта и душевного трепета в предвкушении хорошей добычи, что сопровождали его в былые годы, не было. Он с отвращением вдыхал пропитанный разогретым асфальтом и содержимым мусорных баков воздух, и от этой городской вони его невесёлые мысли становились совсем сумрачными. Шкворень размышлял о несправедливости жизни. Воровать обычными способами становится всё труднее. Славные времена, когда в деревнях на домах не было замков, ушли в прошлое. Правда, красть в тех домах было нечего, но сегодня даже те, у кого в кармане вошь на аркане, ставят металлические двери. Если так пойдёт дальше, то традиционное воровство и обычный гоп-стоп напрочь себя изживут...

О гоп-стопе Гоша знал не понаслышке. Опробовал это дело на практике, после чего три месяца у него полностью выпали из жизни. Не мог работать по состоянию здоровья. Историю приключившейся с ним «болезни» вспоминал с большим стыдом. Так позорно проколоться мог какой-нибудь начинающий гопник, но никак не профессионал, имеющий солидный воровской опыт. До этого Шкворень не верил в Бога, хотя и вспоминал о нём, когда надо было что-то попросить. Но в тот раз, он уверен, его наказал Бог. За то, что не по понятиям поступил и предал любимое дело.

Тогда в его жизни случилась чёрная полоса. Демократия и технический прогресс смешали все правила. Работать приходится в жутких условиях. Потенциальные жертвы укрыли квартиры бронированными дверями, в подъездах поставили домофонов, повесили на каждом углу камеры. Из-за них одно за другим сорвались три дела. Дошло до того, что хлеба не на что стало купить. Тут-то Лукавый и попутал. Гоша решил подзаработать непривычным для себя способом. Попросту говоря, слегка пограбить запуганных преступностью женщин.

Два раза всё прошло гладко. Родители наградили неплохими артистическими данными: изобразить свирепое выражение лица для него не составляло труда. Женщины, увидев физиономию грабителя, готовы были безропотно отдать всё. Шкворень обходился с ними по-джентльменски. Всё не брал, не маньяк ведь какой-нибудь... Забирал только деньги, серёжки и кольца. За что женщины были ему искренне благодарны. Насмотревшись российских сериалов, где подобные им героини гибнут штабелями, они справедливо полагали, что отделались весьма легко.

Гоша уже начал подумывать: не переквалифицироваться ли на это новое для него ремесло, но случилась беда. В тёмном скверике

попалась совсем невзрачная пигалица. Не подозревая о том, что над ней нависла гроза, она шла и беспечно разговаривала с кем-то по телефону. Шкворень сработал по опробованной схеме: изобразил свирепого монстра, показал дамочке маленький ножичек и попросил у неё серёжки да сотовый телефон. Она непритворно удивилась и скромно ответила: «Сейчас дам». И дала... Ногой в пах! Удар был крепким... Ей-то что, она от мужика защищалась, а мужику-то каково? Видно, не в добрый час попался он ей, и не в славном она пребывала настроении. Гоша, после того как разогнулся, попытался помахать ножичком, но этим только раззадорил пигалицу. Она выбила из его рук нож и врезала ногой по рёбрам так, что и без того слабый свет в скверике окончательно померк. Но женщина оказалась человеком и пожалела его. В полицию не сдала и «скорую» вызвала. Пока лежал в больнице, он придумал себе заклинание, которое, как молитву, повторяет с тех пор ежедневно: «Лучше с голоду буду травку кушать, но женщин грабить не стану никогда!»

Болезненный эпизод заставил его отказаться от авантур и вернуться к любимому делу. Обворовывать квартиры в отсутствие хозяев безопаснее.

Гоша любил работать днём. Что бы там ни говорили, но люди днём беспечны и не любопытны. Им совершенно не интересно, к кому идёт мужик в робе сантехника с инструментальным ящиком. И бдительные старушки на скамеечке перед подъездом не сидят. В самый разгар жары предпочитают смотреть сериалы. Сегодня он шёл на досмотр квартиры, хозяева которой улетели отдыхать в Турцию. Отдых в райских отелях — занятие замечательное, но и делиться богатством с теми, кто этого лишён — дело святое. Если хозяева оставили в квартире хороший куш, Гоша от всей души благодарил своих «меценатов», оставляя заранее приготовленные благодарственные записки...

Шкворень нашёл нужный дом, убедился в отсутствии видеокамеры и дождавшись, когда запищал домофон и из двери выскочили двое пацанов, вошёл в подъезд. Лифт не работал. В нос ударил запах мочи и гниющего мусора. Обшарпанные, изрисованные надписями, давно не видевшие ремонта стены, указывали на то, что здесь, очередная компания ЖКХ обанкротилась. Вместе с руководителями компании уплыли и собранные с жильцов на ремонт деньги.

Шкворень медленно поднимался по лестнице, но дойти до нужной квартиры помешали обстоятельства. Услышал наверху топот детских ног и любопытный диалог.

- Ты куда это так летишь, Ленка?
- Тётя Фая, у меня попугай Селивёрст улетел! Бегу ловить!
- Дверь-то закрыть не забыла? А то уворуют всё мамкино золото!
- Не забыла, тёть Фая!..

При слове «золото» Шкворень наострил уши. Его охватило лёгкое волнение. Ленка пролетела мимо, едва не сбив домушника с ног. Когда внизу хлопнула дверь, Гоша поднялся на площадку и осторожно глянул в окно. Он ожидал увидеть солидного попугая, Селивёрст всё-таки, а обнаружил, что ребятня, во главе с Ленкой, гоняется за обыкновенным волнистым попугайчиком жёлтого цвета. Сбежавший из клетки Селивёрст возвращаться обратно не думал. Попугай упивался свободой, резво перелетал с дерева на дерево и с удовольствием играл с детворой в догонялки.

«Играют в полицейских и вора, — философски оценил баталию Шкворень. — Даже птица из тюрьмы на волю стремится!»

Домушник понял: девчонка увязла надолго — и решил осмотреть квартиру. «Мамкино золото» заинтриговало.

Шкворень осторожно подошёл к двери. Отмычки не понадобились. Как и предполагала соседка, Ленка впопыхах не захлопнула дверь. Он неслышно вошёл в прихожую. Тишина... Опасливо заглянул в комнату и обомлел. В стенке под стеклом стояли блестящие, отливающие серебром и золотом кубки и висели спортивные медали разных форм и достоинств.

«Как же удачно я зашёл! — обрадовался Гоша. — Сегодня Господь Бог ко мне явно расположен. Надо поторопиться, пока девчонка не вернулась!»

Домушник торопливо начал складывать медали и кубки в сумку, но лёгкий стук позади отвлёк его от приятного занятия. Он обернулся и увидел стоящую около двери невысокую молодую женщину. Она спокойно, с лёгкой усмешкой смотрела на него. Оторопевший домушник машинально сунул руку в карман, но грозный окрик остановил его.

— Даже не думай достать нож или спастись бегством! Будет только хуже!

Шкворень окаменел и мгновенно вспомнил своё заклинание. Лицо женщины было ему незнакомо, но голос он узнал бы из тысячи... У него заныли суставы и мышцы. Не в приятной истоме, как после тяжёлой работы на лесоповале, а мучительной ноющей болью, как болят они, когда побиты бока и рёбра. Рёбра узнали женщину раньше, чем испуганная голова: «Снова она!»

А женщина уже спокойно и вполне доброжелательно спросила:

— Читать умеешь?

— Угу, — утвердительно кивнул сильно побледневший домушник.

— Подойди к диплому и прочитай вслух, что написано!

Шкворень подошёл к висевшему на стене диплому, с трудом разлепил губы и, заикаясь, начал читать:

«Наг-г-г... награждается чемпионка по ру-к-к... рукопашному бою... капитан полиции Свет-т-т... Светлана Кулакова...»

«Какая точная у неё фамилия!» — вспомнив её кулаки, восхитился воришка. — Но ногами она бьёт гораздо больнее!»

— Молодец! — похвалила его женщина. — Теперь, если не хочешь оставшиеся годы мотаться по больницам, бери трубочку и звони. Думаю, сам знаешь куда...

Она подала вору телефонную трубку и, сложив на груди руки, встала в дверном проёме, отрезая путь к бегству.

Гоша покорно набрал ноль два.

— Полиция, в квартире двадцать пять, дома номер восемь по улице Воровского совершена попытка ограбления. Выезжайте, грабитель задержан...

Дежурный задал стандартные вопросы:

— Кто это говорит? Фамилия, имя и отчество?

— Это говорит Шкворнев Георгий Васильевич...

— Вы хозяин квартиры?

— Нет, я грабитель...

В милицейской машине Гоша снова размышлял о превратностях

судьбы. Его взяли с поличным на краже... с отмычками и загруженными в сумку кубками. Зря люди говорят, что Бог любит троицу. Предвидится четвёртая ходка. Но сегодня Гоша не досадовал, а благодарил судьбу. Тюрьмы он не боялся, а вот попасть на кулаки чемпионки Кулаковой категорически не желало всё его существо, всё его тело. Телу с лихвой хватило первого раза...

В тюрьме Гоша попал в изолятор. За грандиозную драку с сокамерником, посмевающим утверждать, что снаряд дважды в одну воронку не попадает. Гоша на собственном опыте убедился в ложности этой истины! Он-то знал точно, что-то в мире людей сбилось, и проверенные не раз законы и понятия не работают.

В изоляторе было много времени, чтобы хорошо подумать. В ходе мучительных раздумий Георгий Шкворнев пришёл к выводу: воровать и грабить действительно нехорошо. Высокое звание «домушник» в этом нестабильном мире прокормить не способно. Можно, конечно, переквалифицироваться в мошенники. Великие комбинаторы не вступают в открытое противостояние с уголовным кодексом, и сейчас именно они правят бал. Но учитывая пошатнувшееся от «свидания» с Кулаковой здоровье, самый подходящий вариант будет только один — завязать совсем. Одному Господу Богу известно, сколько ещё этих «неправильных снарядов» может прилететь в одну воронку. А второе предупреждение от Бога, через капитана Кулакову, Гоша уже получил...

Николай ГЛУМОВ

БАЛЛАДА О ПЕРВОМАЕ

Начало питерского дня,
Как первомайский стяг, блистало.
Начало мучило меня,
Но ничего не предвешало.

И град громаднейший блистал
Флотилией, заводом, храмом...
О прошлом град напоминал
Своим блистанием упрямым!

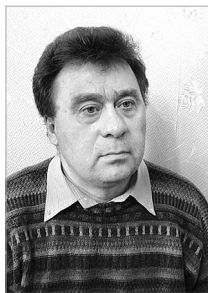
А солнце с седеньких небес
О ярких русских днях блистало!
А Православье всё окрест
Гудящим звоном занимало!

И строй колонн наискосок
Пересекла толпа девичья,
Как будто юности намёк
На пролетарское величье!

И было нечто от богинь
В молодых сияющих девицах!
Раз в их глазах сияла синь,
Привычная на русских лицах!

И это было как урок,
Противоядие от фальши!
Как комсомольский их намёк
На то, что с Русью будет дальше.

И долго я смотрел вокруг
На русских дев такую стаю,
Что даже испытал испуг,
Перекрестясь от Первомая!



Николай Николаевич ГЛУМОВ родился 9 сентября 1957 года в городе Перми. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1979). Работал следователем. Трудился на железной дороге начальником почтового вагона. В настоящее время – рабочий. Занимался в литературной студии при Пермской краевой организации Союза писателей России. Публиковался в различных периодических изданиях, в альманахе «Литературная Пермь». Автор нескольких поэтических сборников «Городская аркадия» (2006), «Полёт птицы счастья» (2007), «Пролетарский февраль» (2009), «Красная осень» (2012), «Пролетарские дворы» (2014). Член Союза писателей России (2008). Кавалер ордена Достоевского III степени (2012). Лауреат премии имени А. Л. Решетова (2015), Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка (2016). Живёт в городе Перми.



Часть 3

Нина БОЙКО

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ.**ТОСКА НЕБЫВАЛОЙ ВЕСНЫ.** Жизнеописание**Окончание. Начало в альманахе «Литературная Пермь» N 22, 2018.*

XXIV

Что представлял собой лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, можно узнать из воспоминаний сослуживца Лермонтова — Александра Ивановича Арнольди:

«Семнадцатого августа 1837 года, тёмным вечером, въехал я в 1-й Округ пехотных солдат Аракчеевского поселения, где расположен был тогда лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Многочисленные огоньки в окнах больших каменных домов и чёрные силуэты огромнейшего манежа, гауптвахты с превысокой каланчой, большого плаца с бульваром, на первый раз и впотьмах очень живописно представились моему воображению, и я мнил, что вся моя будущая жизнь будет хоть и провинциальная, но городская. Я узнал, что Н. А. Краснокутский, товарищ по Пажескому корпусу, вышедший за год до меня в Гродненский гусарский полк, живёт в сумасшедшем доме, куда ямщик меня и привёз.

Надобно знать, что сумасшедшим домом назывался правый крайний дом офицерских флигелей, потому что вмещал в себе до двадцати человек холостых офицеров, большею частью юных корнетов и поручиков, которые и вправду проводили время как лишённые рассудка и в число которых, само собою попадал неволью всякий новопривывший.

Легко себе представить, что творилось в двадцати квартирах двадцати юношей, недавно вырвавшихся на свободу и черпающих разнообразные утехы жизни человеческой полными пригоршнями, и я полагаю, что Лесаж, автор «Хромононого беса», имел бы более материала, ежели б потрудились снять крышу с нашего жилища и описать те занятия, которым предавались мы по своим кельям. Были комнаты, где простая закуска не снималась со стола и ломберные столы не закрывались. В одних помещениях беспрестанно раздавались звуки или гитары или фортепьяно, или слышались целые хоры офицерских голосов, в других — гремели пистолетные выстрелы



Нина Павловна БОЙКО родилась 23 октября 1950 года в городе Губахе ныне Пермского края. Окончила Пермское музыкальное училище по классу фортепиано. Жила и преподавала на Урале, Алтае и в Грузии. В творческой деятельности тяготеет к прозе. Публиковалась в различных периодических изданиях, в т. ч. альманахе «Литературная Пермь». Автор нескольких книг. Член Союза писателей России (1998). Дипломант Международного фонда славянской письменности и культуры (номинация «Рассказ», 2005), обладатель звания «Серебряное перо Руси» (номинация «Очерк», 2010), лауреат литературной премии им. А. Платонова (номинация «Рассказ», 2011). Кавалер ордена Достоевского II степени (2014). Живёт в городе Губахе Пермского края.

* Публикуется в авторской редакции.

упражняющихся в этом искусстве, вой и писк дрессируемых собак, которые у нас в полку никогда не переводились, так как было много хороших охотников. Были между нами и люди-домоседы, много читавшие, и я положительно не понимаю, как они умудрялись заниматься этим делом среди такого содома.

Я не застал Краснокутского дома, но услужливый слуга его Пётр вскоре его отыскал, и я тотчас же без дальних церемоний был введён им в одну из квартир товарища, штабс-ротмистра Поливанова, где застал почти весь контингент однополчан в страшном табачном дыму, так как редко кто тогда не курил из длинных чубуков табак Жукова.

Было далеко за полночь, когда я, радушно принятый товарищами, после скромного ужина заснул на железной кровати посреди узкой комнаты квартиры Краснокутского... Вообще в нашем полку был сброд порядочный, так как полк, состоя в гвардии цесаревича в Варшаве, всегда комплектовался самым великим князем Константином Павловичем, и никто не знает, что руководило им при этой вербовке офицеров. Разные авантюристы изобиловали в полку, и бог знает, каких только национальностей у нас не встречалось: кроме польских фамилий попадались французы, немцы, англичане, польские татары, и даже был один с мыса Доброй Надежды. С прибытием полка в Россию и с зачислением его в состав гвардейского корпуса он стал пополняться молодёжью из юнкерской школы и Пажеского корпуса.

Надобно сказать, что Гродненский полк, да и вообще 2-я гвардейская кавалерийская дивизия, вдали от столицы и всех её прелестей, считалась как бы местом ссылки или какого-то чистилища, так что Лермонтов — не единственное лицо из гвардейских офицеров, прощённых за разные проступки. Несмотря на то, что они сажались (в отношении старшинства) на голову многим из нас, все они, будучи предобрými малыми, немало способствовали к украшению нашего общества. Так, у нас был прикомандирован князь Сергей Трубецкой, который попал из кавалергардов за какую-то шалость, выкинутую целым полком во время стоянки в Новой деревне. (Говорили тогда, что кавалергарды устроили на Неве какие-то великолепные похороны мнимоумершему графу Александру Михайловичу Борху.) За ним последовал Лермонтов.

Лермонтов в то время не имел ещё репутации увенчанного лаврами поэта, которую приобрёл впоследствии и которая сложилась за ним благодаря достоинству его стиха и тем обстоятельствам, которыми жизнь его была окружена, и мы, не предвидя в нём будущей славы России, смотрели на него совершенно равнодушно. Впоследствии мы жили с Лермонтовым в двух смежных больших комнатах, разделённых общею переднею, и с ним коротко сошлись. В свободное от службы время, а его было много, Лермонтов очень хорошо писал масляными красками по воспоминанию разные кавказские виды, и у меня хранится до сих пор вид его работы на долину Кубани, с цепью снеговых гор на горизонте, при заходящем солнце и двумя конными фигурами черкесов, а также голова горца, которую он сделал в один присест. Лермонтов писал картины гораздо быстрее, чем стихи; нередко он брался за палитру, сам ещё не зная, что явится на полотно, и потом, пустив густой клуб табачного дыма, принимался за кисть, и в какой-нибудь час картина была готова.

Кажется мне, что в это время с подстрочного перевода, сделанного Краснокутским стансов Мишкевича, Лермонтов тогда же облёк их в стихотворную форму, а равно дописывал своего "Мцыри". Я часто заставлял его за работой и живо помню его грызущим перо с досады, что мысли и стих не гладко ложатся на бумагу.

Как и все мы, грешные, Лермонтов вёл жизнь свою, участвуя во всех наших кутежах и шалостях. Он пробыл у нас недолго, кажется, несколько месяцев, и по просьбе бабки своей Арсеньевой вскоре переведён был в свой прежний лейб-гусарский полк. Мы с ним встречались впоследствии, и мне довелось даже видеться с ним в 1841 году в Пятигорске.

На картине, подаренной Лермонтовым Александру Арнольди, был изображён черкес с красивыми печальными глазами. Михаил Юрьевич сочувствовал горцам, но, как и Пушкин, как впоследствии Лев Толстой, понимал историческую необходимость присоединения Кавказа к России: у горцев не было надежды на сохранение полной независимости.

В апреле Михаил Юрьевич получил высочайший приказ о переводе в лейб-гвардии Гусарский полк, и с мая уже находился там вместе с Монго, возвратившемся с Кавказа. Снова жили в одной квартире, ставшей сборищем офицеров полка, что раздражало великого князя Михаила Павловича, грозившего «разорить это гнездо». Странно читать Евдокию Ростопчину: «На Кавказе юношеская весёлость уступила место у Лермонтова припадкам чёрной меланхолии, которая глубоко проникла в его мысли и наложила особый отпечаток на его поэтические произведения». Абсолютно никто не наблюдал меланхолии в Лермонтове, а тем более не было её в произведениях Лермонтова. «Тамбовская казначейша», написанная на Кавказе — поэма улыбкающая, все остальные произведения — драматичны, глубоки и страстны. О «Купце Калашникове» декабрист Николай Бестужев сказал: «Вот так должно передавать народность и её историю!» Произведение вышло не под фамилией Лермонтова, а только под буквой «-в», и Бестужев хотел узнать, кто скрывается под этим знаком, и кто такой Лермонтов, написавший «Бородино»?

Нехорошо получилось с публикацией «Тамбовской казначейши», — Жуковский перестраховался и вырезал из неё несколько стихов. Лермонтов был взбешён, обложку журнала изрисовал карикатурами, и написал Раевскому: «Печатать хлопотно, да и пробовал, но неудачно». И добавлял, что роман «Княгиня Лиговская», который они начали вместе, вряд ли будет закончен, «ибо обстоятельства, которые составляли его основу, переменялись, а я не могу в этом случае отступить от истины».

Раевский был болен, просил олонецкого губернатора отпустить его на воды в Пятигорск, просьба была направлена военному министру, но пока что ответа не было. Лермонтов очень переживал за него: «Если ты поедешь на Кавказ, то это, я уверен, принесёт тебе много пользы физически и нравственно: ты вернёшься поэтом, а не экономо-политическим мечтателем, что для души и для тела здоровее. Не знаю, как у вас, а здесь мне после Кавказа всё холодно, когда другим жарко, а уж здоровее того, как я теперь, кажется, быть невозможно... Я здесь по-прежнему скучаю; как быть? покойная жизнь для меня хуже. Я говорю покойная, потому что ученье и маневры производят только усталость».

Железная дорога, связавшая Петербург с Царским Селом много облегчила жизнь Лермонтова. Её торжественное открытие состоялось семь месяцев назад, и поезд имел три вагона: первый — «каретный», второй — «дилижанс», третий «для простого народа». Газеты с восторгом писали о необыкновенной скорости поезда, о клубах дыма над паровозом, о видневшемся пламени в его топках. Но поначалу народ опасался, и Елизавета Алексеевна взяла с внука слово, что он никогда не воспользуется железной дорогой! Он, конечно, ей обещал, но выполнял обещание не всегда: поездом время пути сокращалось до 35 минут, тогда как на лошадях ехали больше двух часов.

В своей петербургской квартире Михаил Юрьевич дописывал поэму «Мцыри» — о мальчике, воспитанном в грузинском монастыре. Рождённый на воле и не забывший её, он не смог примириться с замкнутым миром. Жизнь без воли была невысказана для Мцыри, как невысказана была и для Лермонтова. Пронзительные слова вложил он в уста своего героя, обращенные к доброму монаху:

*Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?..*

Поэма «Мцыри» страшная по своей глубине. Мальчик вырос, стал послушником монастыря, т. е. мцыри, но не справился с собой, пошёл в «родимую страну». В три дня, что провёл он на воле, он столько видел и испытал, что с гордостью мог сказать: «Я жил!» Он вспомнил и родную речь, и свой аул, отца, сестёр и братьев... но долгое пребывание в монастыре погасило в нём безошибочно верное чутьё своей тропы, и он оказался там, откуда ушёл... Это и стало причиной его смерти. Не рваные раны, нанесённые в битве с барсом, а то, что забыл родную тропу!

«Какая же прелесть. Нет, это определённо гениально...» — воскликнул цесаревич Александр, будущий император Александр II, прочитав «Мцыри» в декабре 1840 года в сборнике стихов Лермонтова. Он так никогда и не узнает, что за каждое из этих семи слов Господь в будущем семь раз отведёт от него пулю или осколок гранаты террориста, и только на восьмой раз он будет убит.

В конце июня, проездом за границу, прибыла в Петербург вместе с мужем и маленькой дочерью, Варенька Лопухина.

«Лермонтов был в Царском, я послал к нему нарочного, а сам поскакал к ней. Боже мой, как болезненно жалось мое сердце при её виде! Бледная, худая, и тени не было прежней Вареньки, только глаза сохранили свой блеск и были такие же ласковые, как и прежде.

— Ну, как вы здесь живёте? — спросила она.

— Почему же это вы?

— Потому, что я спрашиваю про двоих.

— Живём, как Бог послал, а думаем и чувствуем, как в старину.

Впрочем, другой ответ будет из Царского через два часа.

Это была наша последняя встреча; ни ему, ни мне не суждено было её больше видеть» (Аким Шан-Гирей).

Встреча Лермонтова и Вареньки длилась недолго. Внешняя порядочность и внутренняя ничтожность Бахметева бесили

Лермонтова, он не выносил его возле Вареньки, новой её фамилии не признавал, — она навсегда для него осталась Лопухиной. Варенька подвела к нему свою двухлетнюю дочь Олю, и — что Михаил Юрьевич пережил в тот момент, что перечувствовал, он, ничего не утаив, рассказал в стихотворении «Ребёнку».

*....Когда в вечерний час
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала
И в знаменья креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого ещё молиться не учила?..*

Лермонтов подарил Вареньке свой автопортрет, написанный на Кавказе, и она увезла его в Германию.

Вернувшись в Царское, он столкнулся с художником Моисеем Меликовым, когда тот вставал со скамьи, чтобы сделать эскиз статуи в парке. Встреча была радостной для обоих. С семьёй Меликовых Лермонтова связывала юность. Дядя Моисея — Павел Моисеевич (Меликянц Погос Мовсесович) участвовал во французской компании, в русско-турецкой войне, в Отечественной войне 1812 года. Выйдя в отставку, поселился в Москве, воспитывая племянника Моисея, в раннем возрасте потерявшего родителей. Лермонтов учился с Моисеем в благородном пансионе, бывал у него дома, куда приходил легендарный Алексей Петрович Ермолов и собирались боевые друзья хозяина. Конечно, они говорили о важных вопросах, конечно, Лермонтов кое-что слышал, но даже простое общение с ними было для него счастьем. Лермонтов знал, что на одной из царских ассамблей, где разговор шёл сугубо по-французски, Ермолов выкрикнул в сердцах: «Здесь кто-нибудь говорит по-русски?!» Ермолову и Меликову первым прочёл он своё стихотворение «Поле Бородина». С тех пор прошло более шести лет.

«Лермонтов был одет в гусарскую форму. В наружности его я нашёл значительную перемену. Я видел уже перед собой не ребёнка и юношу, а мужчину во цвете лет, с пламенными, но грустными по выражению глазами, смотрящими на меня приветливо, с душевной теплотой. Казалось мне в тот миг, что ирония, скользившая в прежнее время на губах поэта, исчезла. Михаил Юрьевич сейчас же узнал меня, обменялся со мною несколькими вопросами, бегло рассмотрел мои рисунки, с особенной торопливостью пожал мне руку и сказал последнее прости...»

XXV

На лето петербургская знать съезжалась в Царское Село: кто жил в своих домах, кто на квартирах, а была ещё Китайская Деревня, построенная в конце XVIII века. Архитектор Камерон, отдавая дань модному тогда увлечению, создал проект восемнадцати домиков в китайском стиле. Но построили только восемь, да и те не успели отделать так, как задумал их Камерон, — домики стали использовать под квартиры и придворные службы. На месте круглого храма, который

по проекту Камерона должен был находиться в центре деревни, поставили восьмигранный павильон — ротонду; в ней давались балы для избранного общества. Малейшее нарушение бальной офицерской формы строжайшим образом пресекалось самим императором. Так было заведено при Павле I, и с тех пор соблюдалось неукоснительно. Офицерам категорически запрещалось танцевать без перчаток и многие генералы, вспоминая свою молодость, добродушно смеялись тому, что за отсутствие перчаток сидели на гауптвахте. Лермонтов был плохим исполнителем мелочных подробностей в обмундировании, поэтому с одного из балов был отправлен под арест за неформенное шитьё на воротнике и обшлагах мундира.

Но именно здесь, в ротонде, его представили Софье Николаевне Карамзиной — дочери Николая Михайловича Карамзина, крупного литератора, создателя «Истории государства Российского». Умая, образованная, знавшая и ценившая русскую и иностранную литературу, Софья Николаевна горячо приветствовала поэзию Лермонтова. «В ней так много правды!» — говорила она. Михаил Юрьевич стал постоянным гостем салона Карамзиных, где постепенно сближался с избранным литературным обществом Петербурга.

У Карамзиных устраивались танцевальные вечера, домашние спектакли, — здесь была та среда, в которой Лермонтов так нуждался! Здесь он был прост и доступен, и, как вспоминала Панаева-Головачева, «он удивил меня своей живостью и весёлостью и нисколько не походил на тех литераторов, с которыми я познакомилась».

Бессмысленные строевые занятия опостытели Михаилу Юрьевичу; он демонстративно стал нарушать установленную форму: треугольную шляпу носил боком, и однажды пришёл на развод караула с коротенькой саблей, вызвав гнев великого князя. Тотчас последовало 15 суток ареста! А на другой день у Карамзиных собрались друзья на последнюю репетицию двух французских водевилей, где у Лермонтова были главные роли...

На День рождения Мишеньки Арсеньева поспешила устроить вечер, — тем более что приехали брат Афанасий с семьёй и Елизавета Верещагина. Сначала причину отсутствия внука от бабушки скрыли: Афанасий сказал, что Миша задержан по службе. Верещагина написала дочери в Штутгарт: «Третьего дня был вечер у Арсеньевой — Мишино рождение. Но его не было, он в Царском Селе, не мог приехать. Нашей почтенной Елизавете Алексеевне сокрушение — всё думает, что Мишу женят, все ловят. Он ездил в каруселе с Карамзиными. Но это не Катенька Сушкова, эта компания ловит или богатых или чиновных, а Миша для них беден. Что такое 20 тысяч его дохода? Здесь толкуют: сто тысяч — мало. А старуха сокрушается, боится этого бомонда».

Афанасию все же пришлось открыть правду, — Арсеньевой стало дурно. Теперь она уже беспокоилась не о женитьбе любимого внука, а о его здоровье. Поездом поспешила в Царское, дрожа всеми жилками, так как очень боялась железной дороги.

11 октября, пробыв под арестом 21 день вместо пятнадцати, Михаил Юрьевич был освобождён. Кузины уже раздули историю, сообщая кузинам в Москву: «Лермонтов совершенно зарвался! Был под арестом!» И Верещагина написала дочери: «Миша Лермонтов сидел под арестом очень долго. Сам виноват. Как ни таили от

Елизаветы Алексеевны — должны были сказать. И очень было занемогла, пиявки ставили. Философов довёл до сведения великого князя, и его к бабушке выпустили. Шалость непростительная, детская... Зато нарисовал прекрасную картину масляными красками для тебя — вид Кавказских гор и река Терек, и черкесы — очень мила. Отдал для тебя, говоря мне, чтоб я теперь взяла к себе, а то кто-нибудь выпросит и не сберётся нарисовать еще для тебя. Итак, она у меня, довольно большая».

Сидения на гауптвахте никогда не проходили для Лермонтова впустую: он писал, рисовал, поправлял старые рукописи и обдумывал планы новых произведений. Наброски к «Демону», сделанные на Кавказе, огромное впечатление, вынесенное оттуда, проникновение в жизнь и обычаи горских народов, вносились в поэму, преображая её. Это была уже восьмая по счёту редакция «Демона».

Для завершения поэмы необходим был отпуск по службе. Лермонтов попросил на полгода — ему отказали; на 28 дней — отказали; на 14 дней — великий князь и тут отказал. Михаил Юрьевич уже ненавидел службу, решив, во что бы то ни стало выйти в отставку. Но вмешалась бабушка: её устраивало, что Миша военный, — у военных быстрый карьерный рост. Противиться ей он не смел, слишком сильно она любила его, слишком многим он был ей обязан. Пришлось работать ночами.

С наступлением зимнего сезона, в Петербурге опять начались вечера и балы. На вечере князя В. Ф. Одоевского молодой автор сентиментальных романов Панаев впервые увидел Лермонтова, оставив о нём свой отзыв:

«Наружность Лермонтова была очень замечательна. Он был небольшого роста, плотного сложения, имел большую голову, крупные черты лица, широкий и большой лоб, глубокие, умные и пронзительные чёрные глаза, невольно приводившие в смущение того, на кого он смотрел долго. Лермонтов знал силу своих глаз и любил смущать и мучить людей робких и нервических. Однажды он встретил у Краевского моего приятеля М. А. Языкова... Языков сидел против Лермонтова. Они не были знакомы друг с другом. Лермонтов несколько минут не спускал с него глаз. Языков почувствовал сильное нервное раздражение и вышел в другую комнату, не будучи в состоянии вынести этого взгляда. Он и до сих пор не забыл его. Я много слышал о Лермонтове от его школьных и полковых товарищей. По их словам, он был любим очень немногими, только теми, с которыми был близок, но и с близкими людьми он не был общителен. У него была страсть отыскивать в каждом своём знакомом какую-нибудь комическую сторону, какую-нибудь слабость, и, отыскав её, он упорно и постоянно преследовал такого человека, подтрунивал над ним и выводил его наконец из терпения. Когда он достигал этого, он был очень доволен».

Из тех же «Воспоминаний» Панаева:

«Весь литературный вечер прошёл в том, что хозяин дома Глинка, Дельвиг и Кречетов подстрекали Колмакова и Огинского на разные нелепые выходки и подтрунивали над ними».

Значит, подтрунивать было не ново. За что тогда обижаться на Лермонтова? Странно и то, что Панаев не испытал пронзительных глаз поэта, но испытывали другие и жаловались ему. Что касается Михаила Языкова, замечательного остряка, сыпавшего каламбурами и

экспромтами, нет ничего удивительного, что Лермонтов им заинтересовался, остановив свой взгляд.

В декабре Михаил Юрьевич написал Марии Лопухиной: «Уже давно, дорогой и добрый друг, вы мне не подавали никаких вестей ни о своей собственной дорогой особе, ни о всех ваших. Поэтому я питаю надежду, что ваш ответ на это письмо не заставит себя долго ждать. Вы скажете, что эта фраза звучит самоуверенно, но вы ошибаетесь. Вот доказательство: просил годичный отпуск — отказано, на месяц — отказано, на две недели — великий князь также отказал. Всё это время я пребывал в надежде, что увижу вас. Я сделаю ещё попытку — дай Бог, чтобы она удалась. Надо вам сказать, что я самый несчастный из людей, и вы мне поверите, узнав, что я ежедневно посещаю балы. Я кинулся в большой свет. Целый месяц я был в моде, меня разрывали на части. Это, по крайней мере, откровенно. Весь этот свет, который я оскорблял в своих стихах, с наслаждением окружает меня лестью; самые красивые женщины выпрашивают у меня стихи и хвалятся ими как величайшей победой. — Тем не менее, я скучаю. Я просился на Кавказ — отказали. Не желают даже, чтобы меня убили. Может быть, дорогой друг, эти жалобы не покажутся вам искренними? Может быть, вам покажется странным, что ищут удовольствий ради скуки, что бегают по гостиним, когда там не находят ничего интересного? Ну, хорошо, я открою вам свои соображения. — Вы знаете мой самый главный недостаток — тщеславие и самолюбие. Было время, когда я стремился быть принятым в это общество в качестве новобранца. Это мне не удалось, аристократические двери для меня закрылись. А теперь в это же самое общество я вхож уже не как проситель, а как человек, который завоевал свои права. Я возбуждаю любопытство, меня домогаются, меня всюду приглашают, а я и виду не подаю, что этого желаю; дамы, которые обязательно хотят иметь из ряда выдающийся салон, желают, чтобы я бывал у них, потому что я тоже лев, да, я, ваш Мишель, добрый малый, у которого вы никогда не подозревали гривы. Согласитесь, что всё это может вскружить голову. К счастью, моя природная лень берёт верх — и мало-помалу я начинаю находить всё это крайне несносным. Но этот новый опыт принёс мне пользу, потому что дал мне в руки оружие против общества, и, если когда-либо оно будет преследовать меня своей клеветой (а это случится), у меня будут, по крайней мере, средства мщения; несомненно, нигде нет столько подлостей и смешного. Я убеждён, что вы никому не расскажете про моё хвастовство, ибо меня сочтут более смешным, чем кого-либо; с вами же я говорю как с своей совестью и потом — это приятно посмеяться исподтишка над тем, к чему стремятся и чему завидуют дураки — с человеком, о котором знаешь, что он всегда готов разделить твои чувства. Это я говорю о вас, дорогой друг, я повторяю это, потому что всё это место моего письма несколько неясно.

Но вы мне напишете, не правда ли? — Я уверен, что вы мне не писали по какой-то серьёзной причине. Не больны ли вы? Может быть, болен кто-нибудь в вашей семье? Боюсь, что это так. Мне передавали что-то в этом роде. Прощайте, дорогой друг, если Богу угодно меня вознаграждать — я добьюсь отпуска и тогда, я уверен, получу ответ, какой бы он ни был. Передайте от меня привет тем, кто меня не забыл. Весь ваш М. Лермонтов».

Задавая вопрос: не болен ли кто, Михаил Юрьевич уже знал, что Вареньке не помогла заграница и чувствует она себя плохо. Её болезнь была нервного свойства: жить с человеком, которого не любишь и даже не уважаешь, было невыносимо, она казнила себя за поспешность согласия выйти замуж, и за то, что, поверив кузинам, заподозрила Лермонтова в измене!

Михаил Юрьевич написал её портрет — какую видел её в последнюю встречу: подурневшую, грустную и всё равно бесконечно любимую.

Несмотря на балы, вечера и театры, он оттачивал поэму «Демон». «Ум Лермонтова занимали великие проблемы добра и зла, борющихся между собой и в сердце человека, и во Вселенной» (П. А. Кропоткин).

В главную линию «Демона», как и в поэме «Мцыри», поэт вплетал дополнительные, создавая очень глубокое и красивое полотно. По теософскому толкованию Демон был любимым и самым близким ангелом Создателя, но возроптал против Него, и Господь изгнал его из рая. Поначалу Демон сожалел о потерянном блаженстве, затем начал сеять зло на земле, но зло не встречало сопротивления, и это ему наскучило.

*Ни новых чувств, ни новых сил;
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.*

Он познал многое, отвергнул ещё больше, — но для чего ему это?

*Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута
Однообразной чередой.*

Но вот случилось, что Демон полюбил! Грузинскую княжну Тамару. Его душе открылось новое, неведомое ещё, он почувствовал, что сумеет соединить земное несовершенство с многоцветностью и полнотой мира! Чудные песни поёт он Тамаре; девушка слышит его, видит во сне его образ и глубоко очарована им.

*То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!..*

Испугавшись своего чувства, Тамара упросила отца отвезти её в монастырь. Но и там чудный образ Демона не покидал её. Впервые познав любовь, Тамара попала под её неограниченную власть. Да и Демон ничего не сумел поделать с собой, — любовь и ему была неподвластна.

*Тоску любви, её волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!..*

*И, чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...*

*.
И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.*

Тамара и Демон соединились в любви. Увы, это принесло Тамаре смерть, и когда Демон попытался овладеть её душой, его опередил посланец рая.

По мощи звучания, выпуклости, полифонии, космическому окрасу эту поэму можно сравнить только с Токкатой и Фугой ре-минор Баха.

Михаил Юрьевич прочитал «Демона» в салоне Карамзиных. Поэма произвела большое впечатление. После этого её захотели прочесть в царской семье. Лермонтов нанял переписчика, и тот переписал «Демона» каллиграфическим почерком. Лермонтов сам удалил из неё несколько вольных строк, но сохранил их в своём экземпляре.

«Её стали читать в салонах великосветских дам и в кабинетах сановных меценатов, где она до высылки поэта на Кавказ и пользовалась большим фавором. У журналиста Краевского «Демона» читал поэт сам, но не всю поэму, а только некоторые эпизоды. При чтении присутствовало несколько литераторов, и поэму приняли восторженно. Но относительно напечатания её поэт и журналист высказались противоположно. Лермонтов требовал напечатать всю поэму сразу, а Краевский советовал напечатать эпизодами в нескольких книжках. Лермонтов говорил, что поэма, разбитая на отрывки, надлежащего впечатления не произведёт, а Краевский возражал, что она зато пройдёт полнее. Решили послать в цензуру всю поэму, которая при посредстве разных влияний, хотя и с большими поправками, но была к печати дозволена» (Д. А. Столыпин).

Михаил Юрьевич не пожелал портить поэму в угоду цензуре, и при жизни его она не была напечатана. Из тогдашних разговоров и отзывов о ней Дмитрий Аркадьевич Столыпин припомнил ещё несколько эпизодов.

«— Скажите, Михаил Юрьевич, — спросил поэта князь В. Ф. Одоевский, — с кого вы списали вашего Демона?

— С самого себя, князь, — отвечал шутливо поэт, — неужели вы не узнали?

— Но вы не похожи на такого страшного протестанта и мрачного соблазнителя, — возразил князь недоверчиво.

— Поверьте, князь, — рассмеялся поэт, — я ещё хуже моего Демона. — И таким ответом поставил князя в недоумение: верить ли его словам или же смеяться его ироническому ответу. Шутка эта кончилась, однако, всеобщим смехом. Но она дала повод говорить впоследствии, что поэма «Демон» имеет автобиографический характер.

Княгиня М. А. Щербатова после чтения у ней поэмы сказала Лермонтову:

— Мне ваш Демон нравится: я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака.

А красавица М. П. Соломирская, танцующая с поэтом на одном из балов, говорила:

— Знаете ли, Лермонтов, я вашим Демоном увлекаюсь... Его клятвы обаятельны до восторга... Мне кажется, я бы могла полюбить такое могучее, властное и гордое существо, веря от души, что в любви, как в злобе, он был бы действительно неизменен и велик.

Вот как встречал свет не кающегося “грешника”, а протестанта и соблазнителя Демона. Но при дворе “Демон” не стяжал особой благосклонности. По словам А. И. Философова, высокие особы, которые удостоили поэму прочтения, отозвались так: “Поэма — слов нет, хороша, но сюжет её не особенно приятен. Отчего Лермонтов не пишет в стиле “Бородина” или “Песни о купце Калашникове”?

Великий же князь Михаил Павлович, отличавшийся, как известно, остроумием, возвращая поэму, сказал:

— Были у нас итальянский Вельзевул, английский Люцифер, немецкий Мефистофель, теперь явился русский Демон, значит, нечистой силы прибыло. Я только никак не пойму, кто кого создал: Лермонтов ли — духа зла или же дух зла — Лермонтова?»

Шестнадцатилетним юношей в драме «Люди и страсти» Лермонтов написал: «По какому-то машинальному побуждению я протянул руку — и услышал насмешливый хохот — и никто не принял руки моей — и она обратно упала на сердце».

...И всё же к нему протянется долгожданная рука — это художник Михаил Александрович Врубель, так же как Лермонтов, сгоравший в пламени своего гения. Врубель был одержим той же страстью гармонии мира и невозможностью достичь этой цели. Тема Христа, которой он занимался пять лет, работая в Кирилловской церкви в Киеве, была исчерпана, открылась тема причинности явления Христа народу, то есть тема противоборства. На своей знаменитой картине «Демон сидящий» художник изобразил далёкую золотую зарю за ключими скалами. В багрово-сизом небе расцветают чудо кристаллы неведомых цветов. Сражение мглы и сияния, зла и добра отражается в блике зрачка юного титана. Демон сидит, задумавшись. Одиноким, в себе, и некуда приткнуть голову.

...И ещё один человек протянет руку Михаилу Юрьевичу и одновременно Врубелю — это Александр Александрович Блок. Он понимал, что образ Демона — это реальный, несомый с незапамятных времён опыт души, для которой это являлось живым переживанием, а не фантазией. Постоянно пробивавшиеся сквозь житейское сознание воспоминания о прошлых существованиях и встречах, заставляли и Лермонтова, и Врубеля вновь и вновь переписывать своих «Демонов».

«Тех миров, которые видели они, мы ещё не видели в целом, и потому удел наш — одним — смеяться, другим — трепетать, произнося бледное слово: “гений”».

Лермонтов не только видел, но и слышал эти миры: «Какие звуки! они поразили мою душу... кто их произвёл... не с неба ли, не из ада ли... нет... но вот опять... опять... Всесильный Бог!..»

XXVI

Вскоре Михаил Юрьевич закончил работу над повестью «Бэла». В марте 1839 года она появилась в журнале «Отечественные записки»,

впервые за подлинным именем автора — М. Лермонтов. Этот журнал издавался с 1818 года, но с перерывами, и только теперь, когда его возглавил Андрей Александрович Краевский, стал выходить регулярно, оказывая значительное влияние на движение литературной жизни. Краевский был истинным другом Лермонтова, постарался открыть его читающей России, из номера в номер стали появляться его стихи и проза.

Увы, петербургское общество приняло «Бэлу» прохладно, и только Белинский сказал, что она спрыснута живой водой поэзии. Лермонтов снова заговорил с бабушкой об отставке. Напрасно: она втемяшила себе в голову, что он будет адъютантом великого князя. Попросил отпуск в полку, — не дали. Написал Алексею Лопухину: «Я три раза зимой просился в отпуск в Москву к вам, хоть на 14 дней — не пустили! Что, брат, делать! Вышел бы в отставку, да бабушка не хочет — надо же ей чем-нибудь пожертвовать. Признаюсь тебе, я с некоторого времени ужасно упал духом».

К письму Михаил Юрьевич приложил стихотворение родившемуся у Лопухина сыну.

К Арсеньевой приехала мать Святослава Раевского, со дня на день ожидая сына в Петербург. Он в ноябре уже был свободен, но задержали дела. В ссылке Святослав Афанасьевич занимался изучением крестьянского быта, условий труда, объехал множество деревень, его статьи публиковались в Олонецкой губернии и в Петербурге.

Лермонтов находился в Царском, когда приехал Святослав Афанасьевич. Бабушка тотчас отправила к внуку посыльного, и через несколько часов Лермонтов, вбежав в дом, кинулся на шею Раевскому:

— Прости меня, прости меня, милый! — глаза его были в слезах Раевский был тоже сильно растроган.

В этот приезд они о многом переговорили. Раевский читал новые произведения Лермонтова, давал, как всегда, дельные советы, к которым он чутко прислушивался. Бывали у Андрея Краевского, и он заезжал, беседы затягивались порой за полночь.

Пока Святослав Раевский находился в Петербурге, Арсеньева написала Павлу Ивановичу Петрову, прося помочь устроить Раевского на Кавказе, так как у крестника ревматизм. Петров выхлопотал для него место в канцелярии Ставропольского губернатора. Должность позволяла бывать в Пятигорске по несколько месяцев, и Святослав Афанасьевич мог спокойно лечиться. Через несколько дней он выехал к месту службы.

В Петербурге молодые офицеры, побывавшие в экспедициях, организовали что-то вроде кружка. Собрания проходили попеременно в доме того или иного участника. Возвращаясь из театра или с бала, после скромного ужина рассказывали друг другу о событиях дня, острые вопросы обсуждались откровенно, и не было сомнений друг в друге. В кружок входили братья Долгорукие, Браницкий, Лермонтов, Монго, Голицын, Гагарин, и почему-то Васильчиков, студент университета; всего 16 человек.

«Большинство его /Лермонтова/ знакомых состояло или из людей светских, смотрящих на всё с легкомысленной, узкой и поверхностной точки зрения, или из тех мелко плавающих мудрецов-моралистов, которые схватывают только одни внешние явления и по этим внешним явлениям и поступкам произносят о человеке решительные

и окончательные приговоры. Есть какое-то наслаждение (это очень понятно) казаться самым пустым человеком, даже мальчишкой и школьником перед такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, действительным наслаждением. Он не отыскивал людей, равных себе по уму и по мысли вне своего круга» (И. И. Панаев).

Таких приговоров Лермонтову, можно прочесть десятки. В реальности он очень ценил серьёзных людей, особенно тех, с кем мог говорить откровенно. Не только ценил, но и нуждался в них. Примером тому Святослав Раевский, Андрей Краевский, Александр Одоевский и другие.

О Монго современники тоже позаботились, в частности, князь Лобанов-Ростовский: «В сущности, это был красивый манекен мужчины с безжизненным лицом и глупым выражением глаз и уст, которые к тому же были косноязычны и нередко заикались. Он был глуп, сознавал это и скрывал свою глупость под маской пустоты и хвастовства».

А между тем, «глупый» Монго был в конфронтации с императором, и не ограничивался в «кружке 16-ти» словесными выпадами против него: даме, которой помогался Николай Павлович, он помог незаметно бежать за границу. Очень не поздоровилось бы ему, узнай император, что летом Столыпин долгое время не был в полку. За своё прегрешение Монго подвергся тогда двухмесячной гауптвахте, срок немалый, предполагавший последующий перевод в Гродненский полк. Чтобы избежать этого, Столыпин подал прошение об отставке, которое было удовлетворено. В отношении плохого французского — Монго первым перевел «Героя нашего времени» на французский язык. Человек глупый никак не смог бы этого сделать, поскольку «Герой нашего времени» — произведение сложное для перевода. Роман был опубликован во Франции, и перевод найден французами превосходным.

6 декабря высочайшим приказом Михаил Юрьевич был произведён в поручики, а чуть позже первый секретарь французского посольства Андрэ от имени посла де Баранта обратился к Александру Тургеневу с вопросом: «Правда ли, что Лермонтов в стихотворении “Смерть поэта” бранит французов вообще или только одного убийцу Пушкина?» «Через день или два, — писал Тургенев Вяземскому, — кажется на вечеринке или на бале у самого Баранта, я хотел показать эту строфу Андрэ, но он прежде сам подошёл ко мне и сказал, что дело уже сделано, что Барант позвал на бал Лермонтова, убедившись, что он не думал поносить французскую нацию».

Как в случае с Пушкиным, когда голландский посол Геккерн действовал в интересах своего приёмного сына Дантеса, так де Барант действовал в интересах своего сына Эрнеста. Папаша мечтал сделать из него дипломата, но тот интересовался только женщинами. «Салонный Хлестаков», — называл его Лермонтов.

Учась в юнкерской школе, Михаил Юрьевич написал шутовское четверостишие сокурснику Шаховскому, увлечённому гувернанткой какой-то фрейлины. Юнкерские стихи Лермонтова знали многие офицеры, и кто-то прочёл их Баранту, причём преподнёс это так, будто экспромт — о нём. Как и ожидалось, Барант потребовал объяснений от Лермонтова, но Михаил Юрьевич объявил, что всё это клевета, и обозвал сплетнями. В ту пору у Лермонтова был серьёзный роман с Марией Шербатовой, французик тоже увлекся этой приятной

женщиной, однако Мария предпочла Лермонтова. Дочь украинского помещика Штерича, она после смерти матери жила в Петербурге у бабушки, вышла замуж за князя Щербатова, а через год после свадьбы муж её умер — к счастью, как говорила её родственница, поскольку Щербатов был «злым и распушенным». Девятнадцатилетняя вдова окунулась в светскую жизнь, бывала в доме Карамзиных, где и познакомилась с Лермонтовым.

Он предвидел будущее Марии:

*За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.*

Первого января на маскараде во французском посольстве Лермонтову не давали покоя, «беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества» (И. С. Тургенев).

Особым почтением в тот вечер пользовались две дамы: одна в голубом, другая в розовом домино. Несмотря на маски, все знали, что это особы царской семьи. Проходя мимо Лермонтова, дамы что-то пропищали ему, и Михаил Юрьевич, недолго думая, подхватил обеих под руки и прошёлся по залу, ошеломив своей дерзостью всех, кто это видел.

Светские пустота и бездушие вознаграждались любовью Марии Щербатовой. Их отношения с Лермонтовым стали самыми близкими, но де Барант тоже лелеял надежду. Известна реакция Лермонтова: «Эти Дантесы и де Баранты заносчивы сукины дети!»

16 февраля в доме графини Лаваль в разгар бала, словно бы невзначай вспыхнула ссора между Лермонтовым и де Барантом, который вызвал поэта на дуэль.

Стрелялись на Чёрной речке, почти на том же месте, где французский хлыщ Дантес убил Пушкина. Теперь перед Лермонтовым стоял такой же хлыщ. Француз промахнулся, Лермонтов выстрелил в воздух.

«Нас распустили из училища утром, и я, придя домой часов в девять, очень удивился, когда человек сказал мне, что Михаил Юрьевич изволили выехать в семь часов; погода была прескверная, шел мокрый снег с мелким дождем. Часа через два Лермонтов вернулся, весь мокрый, как мышь. “Откуда ты эдак?” — “Стрелялся”. — “Как, что, зачем, с кем?” — “С французиком”. — “Расскажи”. Он стал переодеваться и рассказывать: “Отправился я к Монго, он взял отточенные рапиры и пару кухенройтеров, и поехали мы за Чёрную Речку. Они были на месте. Монго подал оружие, француз выбрал рапиры, мы стали по колено в мокром снегу и начали; дело не клеилось, француз нападал вяло, я не нападал, но и не поддавался. Монго продрог и бесился, так продолжалось минут десять. Наконец он оцарапал мне руку ниже локтя, я хотел проколоть ему руку, но попал в самую рукоятку, и моя рапира лопнула. Секунданты подошли и остановили нас; Монго подал пистолеты, тот выстрелил и дал промах, я выстрелил в воздух, мы помирились и разъехались, вот и всё» (Аким Шан-Гирей).

Лермонтов, конечно же, упростил, на самом деле было сложнее. Барант бы убил его, если бы не поскользнулся, нанося решительный удар шпагой. А Щербатова даже не знала, что Лермонтов и де Барант дрались из-за неё.

«История эта оставалась довольно долго без последствий, Лермонтов по-прежнему продолжал выезжать в свет и ухаживать за своей княгиней; наконец одна неосторожная барышня Б***, вероятно безо всякого умысла, придала происшествию достаточную гласность в очень высоком месте, вследствие чего приказом по гвардейскому корпусу поручик лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтов за поединок был предан военному суду с содержанием под арестом, и в понедельник на страстной неделе получил казённую квартиру в третьем этаже Санкт-Петербургского ордонанс-гауза, где и пробыл недели две, а оттуда был перемещён на арсенальную гауптвахту, что на Литейной» (Аким Шан-Гирей).

У Елизаветы Алексеевны с горя отнялась нога. Как только старушка поправилась, она выхлопотала для себя разрешение навестить внука; а чтобы иметь о нём ежедневные сведения, упросила коменданта пускать к Мише её внучатого племянника Акима. Мария Щербатова ещё до ареста Лермонтова уехала в Москву, оставив маленького сына у своей бабушки. Спустя две недели на неё свалились два страшных горя: умер её сын, а Лермонтов стрелялся с Барантом! Между тем военно-судное дело шло своим порядком и начинало принимать благоприятный для Лермонтова оборот. Он пояснил командиру полка Плаутину, сменившему Хомутова, что не считал себя вправе отказать французу, так как тот выразил мысль, будто в России невозможно получить удовлетворения, но вовсе не собирался убивать Баранта и потому выстрелил в воздух.

Тот факт, что секундантом Лермонтова был Монго при его безукоризненной репутации, способствовало ограждению поэта от недоброжелательных на него наветов. По городу прошёл слух, что даже сам император отнёсся к Лермонтову снисходительно: «Государь сказал, что если бы Лермонтов подрался с русским, он знал бы, что с ним сделать, но когда с французом, то три четверти вины слагается». Все выражали сочувствие Лермонтову: «Это совершенная противоположность истории Дантеса. Здесь действует патриотизм!»

Узнав о том, Эрнест де Барант начал повсюду твердить, что Лермонтов хвастает, будто бы подарил ему жизнь, что он ещё строго накажет поэта за хвастовство!

«Я узнал эти слова француза, они меня взбесили, и я пошёл на гауптвахту. “Ты сидишь здесь, — сказал я Лермонтову, — взаперти и никого не видишь, а француз вот что про тебя везде трезвонит громче всяких труб”. Лермонтов написал тотчас записку, приехали два гусарских офицера, и я ушел от него. На другой день он рассказал мне, что один из офицеров привозил к нему на гауптвахту Баранта, которому Лермонтов предложил, если он, Барант, недоволен, новую встречу по окончании своего ареста, на что Барант при двух свидетелях отвечал так: “Monsieur, les bruits qui sont parvenus jusqu’à vous sont inexacts, et je m’empresse de vous dire que je me tiens pour parfaitement satisfait” /Сударь, слухи, которые дошли до вас, неверны, и я спешу вам сказать, что я был полностью удовлетворён/. После чего его посадили в карету и отвезли домой. Нам казалось,

что тем дело и кончилось; напротив, оно только начиналось. Мать Баранта поехала к командиру гвардейского корпуса с жалобой на Лермонтова за то, что он, будучи на гауптвахте, требовал к себе её сына и вызывал его снова на дуэль» (Аким Шан-Гирей).

Елизавета Верещагина написала дочери Саше: «Миша Лермонтов ещё сидит под арестом, и так досадно — всё дело испортил. Шло хорошо, а теперь Господь знает, как кончится. Его характер несносный — с большого ума делает глупости. Жалко бабушку — он её ни во что не жалеет. Несчастливая, многострадальная. При свидании все расскажу. И ежели бы не бабушка, давно бы пропал. И что ещё несосно — что в его делах замешает других, ни об чём не думает, только об себе, и об себе неблагоприятно. Никого к нему не пускают, только одну бабушку позволили, и она таскается к нему, и он кричит на неё, а она всегда скажет — желчь у Миши в волнении».

Говоря о «других», Верещагина имела в виду Алексея Столыпина, который был секундантом. Как человек чести, Столыпин признался в этом сам, хоть кара ему грозила немалая. В результате император объявил Столыпину, что «в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным». Монго должен был снова надеть офицерский мундир. А на бабушку внук накричал потому, что умоляла его извиниться перед Барантом, тем самым смягчив свою участь. Баранты усиленно этого добивались; даже после решения суда, когда Михаил Юрьевич был переведён на Кавказ, старший Барант обратился к шефу жандармов с просьбой вмешаться, принудить Лермонтова извиниться перед его сыном, ибо «светской репутации Эрнеста нанесён серьёзный ущерб».

На гауптвахту к Михаилу Юрьевичу пускали; приходили друзья, знакомые, побывал Виссарион Григорьевич Белинский. Он был покорён поэзией Лермонтова. «Каков его “Терек”? — делился с Василием Боткиным. — Чёрт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт и что Пушкин умер не без наследника. Как безумный, твердил я дни и ночи его “Молитву”, — но теперь я твержу, как безумный, другую молитву:

*И скучно, и грустно!.. И некому руку подать
В минуту душевной невзгоды!..
Желанья!.. Что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — всё лучшие годы!*

*Любить... но кого же?.. На время не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и мука, и всё там ничтожно...*

*Что страсти? — Ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...*

Эту молитву твержу я теперь потому, что она есть полное выражение моего моментального состояния. Поверишь ли, друг Василий, — все желанья уснули, ничто не манит, не интересует, даже чувственность молчит и ничего не просит».

На этот раз Лермонтов не дичился Белинского, и разговор, начавшийся сухо, стал доверительным. Белинский пробыл у него четыре часа, сразу от Лермонтова придя к Панаеву.

«Я взглянул на Белинского и тотчас увидел, что он в необыкновенно приятном настроении духа. Белинский, как я замечал уже, не мог скрывать своих ощущений и впечатлений и никогда не драпировался. В этом отношении он был совершенный контраст Лермонтову.

— Знаете ли, откуда я? — спросил Белинский.

— Откуда?

— Я был у Лермонтова, и попал очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, в первый раз я видел этого человека настоящим человеком!!! Вы знаете мою светскость и ловкость: я вошёл к нему и сконфузился по обыкновению. Думаю себе: ну, зачем меня принесла к нему нелёгкая? Мы едва знакомы, общих интересов у нас никаких, я буду его стеснять, он меня... Что ещё связывает нас немного — так это любовь к искусству, но он не поддаётся на серьёзные разговоры... Я, признаюсь, досадовал на себя и решился пробыть у него не больше четверти часа. Первые минуты мне было неловко, но потом у нас завязался как-то разговор об английской литературе и Вальтер Скотте... «Я не люблю Вальтер Скотта, — сказал мне Лермонтов, — в нём мало поэзии. Он сух». И начал развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрел на него — и не верил ни глазам, ни ушам своим. Лицо его приняло натуральное выражение, он был в эту минуту самим собою... В словах его было столько истины, глубины и простоты! Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть. Он перешёл от Вальтер Скотта к Куперу и говорил о Купере с жаром, доказывал, что в нём несравненно более поэзии, чем в Вальтер Скотте, и доказывал это с тонкостью, с умом и — что удивило меня — даже с увлечением.

Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая поэтическая душа в нём!.. Недаром же меня так тянуло к нему. Мне наконец удалось-таки его видеть в настоящем свете. А ведь чудак! Он, я думаю, раскаивается, что допустил себя хотя на минуту быть самим собою, — я уверен в этом...»

Из Москвы прибыла Мария Шербатова, и Михаил Юрьевич упросил караульного отлучиться на полчаса, чтобы повидаться с ней. Как рассказал потом караульный: «Были приняты необходимые предосторожности. Лермонтов вернулся минута в минуту, и едва успел он раздеться, как на гауптвахту приехало одно из начальствующих лиц справиться, всё ли в порядке. Я знал, с кем виделся Лермонтов, и могу поручиться, что благорасположением дамы пользовался не де Барант, а Лермонтов».

13 апреля суд огласил решение: Лермонтов направляется на Кавказ в Тенгинский пехотный полк. Самый отдалённый полк и в самом опасном пункте Кавказской линии. Но история этим не кончилась. Старший Барант прибегнул к помощи шефа жандармов Бенкендорфа, который после суда вызвал к себе Лермонтова, потребовав в письменной форме признать своё показание о «выстреле на воздух» ложным и принести Эрнесту де Баранту извинения. Лермонтов вынужден был обратиться за помощью к великому князю Михаилу Павловичу:

«Граф Бенкендорф изволил предложить мне написать письмо господину Баранту, в котором я бы просил у него извинения в ложном

моём показании насчёт моего выстрела. Я не мог на то согласиться, ибо это было против моей совести».

Михаил Павлович ознакомил с этим императора; о реакции Николая I прямых свидетельств нет, но Эрнест де Барант был выслан из России.

За несколько дней до отъезда Лермонтова, вышел в печати его роман «Герой нашего времени», в котором Михаил Юрьевич композиционно объединил отдельные кавказские повести. Благодаря такому писательскому ходу, он создал совершенно новый для русской и европейской литературы жанр социально-психологического романа. Это было явление, из которого впоследствии выросли Толстой, Достоевский и Чехов, подняв русскую литературу на высочайший мировой уровень.

«Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! — делился Белинский с Боткиным. — Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговаривал с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура! Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: “Дай Бог!”»

XXVII

В начале мая, прощаясь с друзьями в квартире Карамзиных, где были и полковые товарищи Лермонтова, поэт, стоя у окна и глядя на Неву, экспромтом написал стихотворение «Тучки небесные».

*Тучки небесные, вечные странники!
 Степью лазурною, цепью жемчужною
 Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
 С милого севера в сторону южную.*

Приезд Лермонтова в Москву совпал с именинным обедом в честь Николая Васильевича Гоголя, устроенный историком Погодиным. Погодин пригласил и Лермонтова. Было весело, шумно, смеялись, и только Гоголь плохо скрывал какую-то озабоченность. После обеда все разбрелись по саду, и Лермонтова попросили прочитать «Мцыри».

На другой день, на вечере у Свербеевой, Лермонтов снова увидел Гоголя, завязался разговор, и проговорили до двух часов ночи.

В Москве Михаил Юрьевич встретил Василия Боборыкина. Расставшись во Владикавказе, когда Боборыкин с изумлением смотрел, как Лермонтов и француз рисовали и пели во все горло, они больше не виделись. Боборыкин теперь был в длительном отпуске, тратя время, как сам признавался, на обеды, поездки к цыганам, загородные гулянья и почти ежедневные посещения Английского клуба, где играл в лото по 50 руб. ассигнациями ставку и почти постоянно выигрывал.

«Грустно вспомнить об этом времени, тем более что меня преследовала скука и бессознательная тоска. Товарищами этого беспутного прожигания жизни и мотовства были молодые люди лучшего общества

и так же скучавшие, как я. Между ними назову: князя А. Барятинского, барона Д. Розена, Монго-Столыпина и некоторых других.

И вот в их-то компании я встретил Лермонтова... Мы друг другу не сказали ни слова, но устремленного на меня взора Михаила Юрьевича я и до сих пор забыть не могу: так и виделся в этом взоре впоследствии читанные мною его слова:

*Печально я гляжу на наше поколение, —
Грядущее его иль пусто, иль темно...*

Нужно было особое покровительство providения, чтобы выйти из этого маразма. Не скрою, что глубокий, проникающий в душу и презрительный взгляд Лермонтова, брошенный им на меня при последней нашей встрече, имел немалое влияние на переворот в моей жизни, заставивший меня идти совершенно другой дорогой, с горькими воспоминаниями о прошедшем.

(Василий Боборыкин подал в отставку, уехал учиться за границу, потом вернулся на родину, женился и, поселившись в селе Лыскове Нижегородской губернии, занялся сельским хозяйством. Вскоре окрестные помещики заговорили о нём с изумлением: Боборыкин учит мужиков разным ремёслам и открыл в селе школу для крестьянских детей. Как вспоминал племянник Боборыкина, «дядя был в то время эдаким Львом Толстым, с таким же неутомимым исканием правды».)

Монго Столыпин тоже не знал, куда себя деть в Москве: друзей у него почти не было, визиты к родным надоели, и он проводил время в Английском клубе, ожидая, когда соберутся товарищи «кружка 16-ти» едущие вместе с ним на Кавказ.

Из письма Ю. Ф. Самарина князю И. С. Гагарину: «Вскоре после вашего отъезда я видел, как через Москву проследовала вся группа 16-ти, направляющаяся на юг. Я часто видел Лермонтова за всё время его пребывания в Москве. Это в высшей степени артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию благодаря своей неутомимой наблюдательности и большой глубине индифферентизма. Мне жаль, что я его не видел более долгое время. Я думаю, что между ним и мною могли бы установиться отношения, которые помогли бы мне постичь многое».

Довольно часто Лермонтов бывал у Мартыновых, и девицам Мартыновым это нравилось. Отца у них уже не было, умер; брат Николай служил на Кавказе. Он после первой командировки был награждён орденом святой Анны 3-ей степени с бантом, вернулся в Петербург, встречался с Лермонтовым, но никогда об этом не упоминал и вообще умалчивал, что два года находился в своём полку. В 1839 году по каким-то причинам был переведён на Кавказ — ротмистром в Гребенский казачий полк. Мать за него очень боялась, писала: «Где ты, мой дорогой Николай? Я страшно волнуюсь за тебя, здесь только и говорят о неудачах на Кавказе. Я стала более чем когда-либо суеверна: каждый вечер гадаю на трёфового короля и прихожу в отчаяние, когда он окружен пиками». Рассказала о Лермонтове: «Он у нас чуть ли не каждый день. По правде сказать, я его не особенно люблю; у него слишком злой язык и, хотя он выказывает полную дружбу к твоим сёстрам, я уверена, что при первом случае он не пощадит и их; эти

дамы находят большое удовольствие в его обществе. Слава Богу, он скоро уезжает; для меня его посещения неприятны».

История с пропажей писем была, очевидно, забыта или разъяснилась всё той же простой причиной: отец, перед тем как вручить пакет, мог сказать: «Не возьмётесь ли, Мишель, передать Николаю 300 рублей и письма?»

Вместе с Лермонтовым бывали у Мартыновых Александр Тургенев и Лев Гагарин, — шутили, пили чай, гуляли с девицами. Но это случалось днём, а вечерами Михаил Юрьевич ездил к цыганам. Любил цыганские песни.

Приехала Мария Щербатова. Прощание её с Лермонтовым происходило на глазах у Тургенева, и, как он рассказывал, она и плакала, и смеялась, и без конца повторяла: «Люблю! Люблю!»

В последних числах мая Лермонтов выехал на Кавказ. Ехал по Большому московскому тракту, который пересекал с севера на юг обширные земли донского казачества. Тракт проходил через станицу Казанскую на Верхнем Дону, станицу Каменскую на Северском Донце и город Новочеркасск, в котором с недавнего времени служил генерал Хомутов.

Михаил Юрьевич не мог не навестить бывшего своего командира, который теперь был начальником штаба войска Донского. Он прогостил у него трое суток. Хомутов рассказал, что первого мая начался Чеченский поход, войска двинулись в Аух и Салатавию, затем через Кумыкское плоскогорье на правый берег Сунжи и, наконец, перенесли военные действия в Малую Чечню, где встречи с неприятелем сделались чаще, и битвы упорнее и кровопролитнее. Перекрестил на дорогу своего питомца.

В Ставрополь Лермонтов прибыл 10 июня. Святослава Раевского там уже не было, он перешёл к хану Букеевской орды и кочевал с ним в Астраханских степях; для этнографа и учёного это было очень полезно.

Михаил Юрьевич доложил о себе командующему войсками генерал-адъютанту Граббе, который уже получил приказ императора не отпускать опального поэта с передовой и задействовать его во всех военных операциях! Граббе приписал его к чеченскому полку генерала Галафеева — в самое пекло, где недавно совсем русские войска потерпели ряд неудач: горцами были взяты три русские крепости, остальные крепости горцы держали в осаде.

В свой полк Михаил Юрьевич прибыл в разгар подготовки к походу. Познакомился с братом Пушкина, Львом Сергеевичем, бесстрашным в боях офицером, и в то же время способным на детские выходки. Декабрист Лорер с юмором вспоминал, как «в один прекрасный вечер, возвратясь от друзей часов в 11, я лёг в постель и стал читать по обыкновению. Вдруг слышу стук колёс подъехавшей телеги и голос, называющий мою фамилию. Я узнал, что это был Лев Пушкин, и не успел я вскочить с постели, как он лежал уже на мне и целовал меня.

— Куда тебя бог несёт? — спросил я.

— За Кубань, в экспедицию.

Я чрезвычайно рад был видеть милого Льва Сергеевича. Всегда, а особенно в скучной станице, это невыразимое счастье и находка. В такие минуты забываешь всю горечь жизни. После первых

расспросов и рассказов, сидевши у меня на кровати, Пушкин громко приказал позвать своего камердинера, и в самом деле вошёл человек в бархатном чекмене, обшитом галунами, опоясанный черкесским ножом, с серебряными пуговицами и кинжалом, богато оправленным в серебро. Зная прежнюю диогеновскую жизнь Пушкина, я невольно улыбнулся, но он преспокойно отдавал свои приказания: «Здесь поставь мне железную кровать, вынь батистовое бельё и шелковое одеяло да подай мою красную шкатулку».

— Скажи, пожалуйста, откуда взял ты эту роскошную барскую обстановку, Лев? Верно, выиграл у кого-либо из гвардейских офицеров?

— Совсем нет. Ко мне в Ставрополь приехал дальний родственник, флигель-адъютант N, его отправили курьером в Тифлис, и он оставил мне своего человека и вещи на сохранение, а так как меня самого отправили в экспедицию совершенно неожиданно, то я и взял все это с собой.

— Помилуй, любезный, да ведь это всё — чужое, — возразил я.

— А что ж за беда? — отвечал, смеючись, Пушкин.

Когда мы улеглись, и я увидел Льва Сергеевича в батистовой рубашке, покрытого шёлковым одеялом, на двух сафьяновых красных подушках, я не мог удержаться от гомерического смеха, и мы оба хохотали, как дети».

Ещё с одним человеком в отряде, хотя и не сразу, сблизился Михаил Юрьевич — с Руфином Дороховым, командиром летучей сотни. С тем самым отчаянным Дороховым, которого Лев Толстой в романе «Война и мир» вывел Долоховым.

«Лермонтов принадлежал к людям, которые не только не нравятся с первого взгляда, но даже поселяют против себя довольно сильное предубеждение. Было много причин, по которым и мне он не понравился с первого разу. Сочинений его я не читал, потому что до стихов, да и вообще до книг, не охотник, его холодное обращение казалось мне надменностью, а связи его с начальствующими лицами и со всеми, что терлось около штабов, чуть не заставили меня считать его за столичную выскочку. Да и физиономия его мне не была по вкусу, — впоследствии сам Лермонтов иногда смеялся над нею и говорил, что судьба будто на смех послала ему общую армейскую наружность. На каком-то увеселительном вечере мы чуть с ним не посчитались очень крупно, — мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьёт и смотрит на меня насмешливо. То, что он был трезвее меня, — совершенная правда, но он вовсе не глядел на меня косо и пил, сколько следует, только, как впоследствии оказалось, на его натуру, совсем не богатырскую, вино почти не производило никакого действия. Этим качеством Лермонтов много гордился, потому что и по годам, и по многому другому он был порядочным ребёнком. Мало-помалу моё неприятное впечатление стало изглаживаться. Я узнал события его прежней жизни, узнал, что он по старым связям имеет много знакомых и даже родных на Кавказе, а так как эти люди знали его ещё дитятей, то и естественно, что они оказывались старше его по служебному положению» (Р. И. Дорохов).

С 6 июля по 2 августа Лермонтов принимал участие в целом ряде стычек и сражений. Насколько было опасно, рассказал декабрист Николай Лорер: «Владимир Николаевич Лихарев был замечательнейший человек своего времени, он знал четыре языка и говорил и писал на

них одинаково свободно, так что мог занять место первого секретаря при любом посольстве. Доброта души его была несравненна. Он всегда готов был не только делиться, но, что труднее, отдавать своё последнее. Был в стрелках с Лермонтовым, тогда высланным из гвардии. Сражение приходило к концу, и оба приятеля шли рука об руку, споря о Канте и Гегеле, и часто, в жару спора, неосторожно останавливались. Но горская пуля метка, и винтовка редко дает промахи. В одну из таких остановок вражеская пуля поразила Лихарева в спину навывлет, и он упал навзничь».

Самое значительное сражение произошло 11 июля на реке Валерик. Плоскогорная Чечня, присоединившись весной к горным чеченцам, непрерывно воюющим против русских, обратила все взоры на имама Шамиля как на освободителя. В июне подняли восстание надтеречные чеченцы: в нескольких аулах разгромили мирных князей, забрали всё имущество и ушли вглубь Чечни. Генерал-лейтенант Галафеев поставил целью остановить их движение, помешать соединению с Шамилем, который собрал уже огромное ополчение.

Четырёхтысячный отряд Галафеева вышел из крепости Грозной 6 июля и с боем прошёл до селения Гехи. Тем временем чеченцы собрали крупные силы под командованием наиба Мухаммеда. Утром 11 июля отряд Галафеева двинулся к Гехинскому лесу. Чеченцы, скрывавшиеся в лесной чаще, не выдавали себя, заманивая противника в глубь лесных дебрей. Лишь дым костров (маяков), с помощью которых горцы сообщались друг с другом, передавая сигналы о движении вражеских войск, говорил о присутствии в лесу чеченских разведчиков. Войдя в лес, русский отряд двинулся вперёд по узкой армянской дороге, подошёл к чеченским завалам, перекрывавшим её, и чеченцы открыли яростный огонь! Пули летели со всех сторон, чеченцы забирались на деревья и, привязывая себя к стволам, стреляли сверху. Командиры бросали свои роты в штыковые атаки на штурм завалов, теряя людей, но чеченцы исчезали как привидения.

Наконец, оттеснив их и разобрав завалы, отряд двинулся к лесной поляне. По опушке протекала речка Валерик (Валарг-хи), пересекавшая дорогу. Берега её были отвесны: по левому тянулся лес, правый, обращённый к русским, был открыт лишь в некоторых местах. Выехав на поляну, русская артиллерия открыла картечный огонь в сторону леса. В ответ не было ни звука. Был отдан приказ сделать привал. Артиллеристы уже снимала орудия с конных передков, как в этот момент чеченцы открыли убийственный огонь. Стреляли из-за завалов, с вершин деревьев, из-за кустов, били на выбор. Скоро заряды кончились, и тогда они кинулись вперед, выхватив шашки и кинжалы. Начался упорный рукопашный бой прямо в воде! Кровь опьяняла чеченцев, теряли рассудок; глаза загорались свирепым огнём, движения становились ловчее, быстрее, из горла летели звериные рыки.

«Выйдя из леса со своими орудиями, я увидел огромный завал, обогнул его с фланга и принялся засыпать гранатами. Возле меня не было никакого прикрытия. Оглядевшись, увидел, однако, Лермонтова, который, заметив моё опасное положение, подоспел со своими охотниками. Но едва начался штурм, как он уже бросил орудия и верхом на белом коне, ринувшись вперёд, исчез за завалами. После двухчасовой страшной резни грудь с грудью неприятель бежал.

Я преследовал его со своими орудиями — и, увлѣкшись стрельбой, поздно заметил засаду, устроенную в высокой кукурузе. Один миг раздумья — и из наших лихих артиллеристов ни один не ушѣл бы живым. Быстро приказал я зарядить все четыре орудия картечью, и встретил нападающих таким огнѣм, что они рассеялись, оставив кукурузное поле буквально заваленное своими трупами» (К. Х. Мамацев).

С тех пор имя Константина Христофоровича Мамацева приобрело в отряде большое уважение. Лермонтов тоже показал на реке Валерик образцовую доблесть. В официальных военных сводках о нём говорилось: «Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов во время штурма неприятельских завалов на реке Валерик, имел поручение наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять начальника отряда об её успехах, что было сопряжено с величайшею для него опасностью от неприятеля, скрывавшегося в лесу за деревьями и кустами. Но офицер этот, несмотря ни на какие опасности, исполнил возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрѣйших солдат ворвался в неприятельские завалы».

За доблесть, проявленную в сражении на речке Валерик, Михаил Юрьевич был представлен к ордену Святого Владимира с бантом.

«Вообще говоря, начальство нашего края хорошо ведѣт себя с молодѣжью, попадающей на Кавказ за какую-нибудь историю, и даже снисходительно обращается с виновными более важными. Лермонтова берегли по возможности и давали ему все случаи отличиться; ему стоило попроситься куда угодно, и его желание исполнялось, — но ни несправедливости, ни обиды другим через это не делалось. В одной из экспедиций, куда пошли мы с ним вместе, случай сблизил нас окончательно: обоих нас татары чуть не изрубили, и только неожиданная выручка спасла нас. В походе Лермонтов был совсем другим человеком против того, чем казался в крепости» (Р. И. Дорохов).

Кровопролитный бой на реке Валерик Михаил Юрьевич описал в стихотворении «Валерик». В нём нет ни единого слова в осуждение «врага» или чванливого превосходства над ним, как нет и порицания русских. Народы Кавказа пережили трѣхвековое владычество Османской империи, приняли мусульманство, — теперь имамы Кавказа, имея хозяев в Турции, получая оттуда оружие, пугали людей русским крепостным правом. «Уйти под защиту халифа» принималось ими, как единственный выход.

В крепость Грозную отряд возвращался с перестрелками, а через несколько дней началась экспедиция в Северный Дагестан. По пути, в палатке у Миатлинской переправы, барон Пален нарисовал карандашом профильный портрет Лермонтова. У поэта усталый вид, он, очевидно, давно не брился, и вообще ему было не до себя: фуражка помята, сюртук без эполет, ворот расстѣгнут... Существует мнение, что на этом портрете Лермонтов единственно схож с оригиналом.

В Дагестане отряд пробыл две недели; крупных боевых действий не происходило, и люди смогли отдохнуть. «Хорошо помню Лермонтова, — вспоминал Константин Христофорович Мамацев, — и как сейчас вижу его перед собою, то в красной канаусовой рубашке, то в офицерском сюртуке без эполет, с откинутым назад воротником и переброшенною через плечо черкесскою шашкой. Натуру его постичь было трудно. В кругу гвардейских офицеров он был всегда весел,

любил острить, но его остроты часто переходили в меткие и злые сарказмы, не доставлявшие особого удовольствия тем, на кого были направлены. Когда он оставался с людьми, которых любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьёзное и даже грустное выражение. Но стоило появиться хоть одному гвардейцу, как он тотчас же возвращался к своей банальной весёлости. Он имел склонность и к музыке, и к живописи, но рисовал одни карикатуры, и если чем интересовался — так это шахматною игрою, которой предавался с увлечением. Он искал, однако, сильных игроков, и часто устраивались состязания между ним и молодым артиллерийским поручиком Москалевым. Последний был действительно отличный игрок, но ему только в редких случаях удавалось выиграть партию у Пермонтова. Он /Пермонтов/ был отчаянно храбр, удивлял своею удалью даже старых кавказских джигитов, но это не было его призванием. Даже в этом походе он никогда не подчинялся никакому режиму, и его команда, как блуждающая комета, бродила всюду, появляясь там, где ей вздумается. В бою она искала самых опасных мест».

Тяжелораненый Руфин Дорохов был отправлен в Пятигорск, передав командование своей летучей сотней Пермонтову. «К делу, я теперь в Пятигорске, — писал он приятелю, — лечусь от ран под крылышком у жены — лечусь и жду погоды! Когда-то проветрит? В последнюю экспедицию я командовал летучею сотнею казаков, и по силе моих ран сдал моих удалых налётов Пермонтову. Славный малый — честная, прямая душа. Мы с ним подружились и расстались со слезами на глазах. Командовать летучею командою легко, но не малина. Жаль, очень жаль Пермонтова, он пылок и храбр, — не сносить ему головы».

Бесстрашие Пермонтова, его тактическая разумность, отсутствие неоправданной жестокости по отношению к чеченцам снискали ему уважение воинского руководства и даже самих чеченцев. Девять раз его отряд ходил за линию фронта, Пермонтов дважды был ранен, но никогда его летучая сотня не действовала исподтишка — сражались честно. Михаилу Юрьевичу доставляло удовольствие скакать с врагами наперегонки, увёртываться от них, избегать тех, кто пытался идти ему наперерез. Его натура, сильная и подвижная не выносила обыденности.

«Он любил бешеную скачку и предавался ей на воле с какою-то необузданностью. Ничто ему не доставляло большего удовольствия, как головоломная джигитовка по необозримой степи, где он, забывая весь мир, носился как ветер, перескакивая с ловкостью горца через встречавшиеся на пути рвы, канавы и плетни» (П. К. Мартыанов).

Но вот как вспоминал о Пермонтове барон Россильон:

«Пермонтов был неприятный, насмешливый человек и хотел казаться чем-то особенным. Он хвастал своею храбростью, как будто на Кавказе, где все были храбры, можно было кого-либо удивить ею. Он мне был противен необычайною своею неопрятностью. Он носил красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядела почерневшею из-под вечно расстегнутого скюртука. Гарцевал на белом, как снег, коне, на котором молодецки заломив хошшовую шапку, бросался на чеченские завалы. Собрал какую-то шайку грязных головорезов. Совершенно входя в их образ жизни, спал на голой земле и ел с ними из одного котла».

Своей походной одеждой и шашкой через плечо Лермонтов был ненавистен не только Россильону. Был случай, когда прибыл в отряд какой-то важный чин из Петербурга, и Лермонтов предстал перед ним потный, расхристанный после стычки с чеченцами, — и сабля через плечо. Это вместо безукоризненного офицерского вида!

До глубокой осени оставались войска в Чечне, сражаясь почти ежедневно. По состоянию здоровья Лермонтов на короткое время отправлен был в Пятигорск, откуда написал Алексею Лопухину:

«Мой милый Алёша. С тех пор как я на Кавказе, я не получал ни от кого писем, даже из дому не имею известий. Может быть, они пропадают, потому что я не был нигде на месте, а шатался всё время по горам с отрядом. У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч, и всё время дрались штыками. У нас было 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте... вообрази себе, что в овраге... час после дела ещё пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности, — только бог знает, когда мы увидимся. Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в отряд, в Чечню. Если ты будешь мне писать, то вот адрес: на Кавказскую линию, в действующий отряд генерал-лейтенанта Галофеева, на левый фланг».

Самый жаркий и продолжительный бой, в котором участвовал Лермонтов, случился 27 октября:

«В Автуринских лесах войскам пришлось проходить по узкой лесной тропе под адским перекрёстным огнём неприятеля; пули летели со всех сторон, потери русских росли с каждым шагом, и порядок невольно расстраивался. Последний арьергардный батальон, при котором находились орудия Мамацева, слишком поспешно вышел из леса, и артиллерия осталась без прикрытия. Чеченцы разом изрубили боковую цепь и кинулись на пушки. В этот миг Мамацев увидел возле себя Лермонтова, который точно из земли вырос со своею командой. И как он был хорош в красной шёлковой рубашке с косым расстёгнутым воротом; рука сжимала рукоять кинжала. И он, и его охотники, как тигры, сторожили момент, чтобы кинуться на горцев, если б они добрались до орудий. Но этого не случилось. Мамацев подпустил неприятеля почти в упор и ударил картечью. Чеченцы отхлынули, но тотчас собрались вновь, и начался бой, не поддающийся никакому описанию. Чеченцы через груды тел ломились на пушки; пушки, не умолкая, гремели картечью и валили тела на тела. Артиллеристы превзошли в этот день всё, что можно было от них требовать; они уже не банили орудий — для этого у них недоставало времени, а только посылали снаряд за снарядом. Наконец эту страшную канонаду услышали в отряде, и высланная помощь дала возможность орудиям выйти из леса. По выходе из него попала небольшая площадка, на которой Мамацев поставил четыре орудия, обстреливая дорогу, чтобы облегчить отступление арьергарду. Вся тяжесть боя легла на артиллерию. К счастью, скоро показалась другая колонна, спешившая на помощь с левого берега Сунжи. Раньше всех явился к орудиям Мамацева Лермонтов со своей командой, но помощь его оказалась излишней: чеченцы прекратили преследование. Пользуясь плоскостью местоположения, Лермонтов бросился с горстью людей на превосходящего числом неприятеля и неоднократно отбивал его нападения

на цепь наших стрелков и поражал неоднократно собственною рукою хищников. Затем с командою первый перешёл шалинский лес, обращая на себя все усилия хищников, покушавшихся препятствовать нашему движению, и занял позицию в расстоянии ружейного выстрела от пушки. При переправе через Аргун он действовал отлично... и, пользуясь выстрелами наших орудий, внезапно кинулся на партию неприятеля, которая тотчас же ускакала в ближайший лес, оставив в руках наших два тела» (В. А. Потто).

30 октября, опять при речке Валерик, Михаил Юрьевич явил новый пример хладнокровного мужества, отрезав дорогу от леса сильной партии неприятеля, из которой только малая часть спаслась благодаря быстроте лошадей, а остальные были уничтожены.

24 декабря командующий кавалерией действующего отряда на левом фланге Кавказской линии Голицын подал рапорт командующему войсками Кавказской линии и Черномории генерал-адъютанту Граббе представить к награждению Михаила Лермонтова золотой саблей с надписью «За храбрость». Свой рапорт Голицын сопроводил запиской генерала Галафеева: «...я поручил начальству Лермонтова команду из охотников состоящую. Невозможно было сделать выбора удачнее: всюду поручик Лермонтов первым подвергался выстрелам хищников и во всех делах оказывал самоотвержение и распоряжительность выше всякой похвалы».

Наградной список, отправленный в Петербург, был рассмотрен императором в конце февраля следующего года; Николай Павлович вычеркнул из него Лермонтова, объявив: «Поручик Лермонтов при своём полку не находился, но был употреблен в экспедиции с особо порученною ему казачьею командою; поручик Лермонтов непременно должен состоять налицо во фронте, и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своём полку!»

XXVIII

Елизавета Алексеевна, после отъезда внука на Кавказ, немедленно сдала большую петербургскую квартиру, за которую приходилось платить две тысячи в год, и перебралась на Шпалерную улицу в одноэтажный деревянный дом. Из всех сил она хлопотала о внуке, писала родным и знакомым, полковому начальству Лермонтова, — писала кому только можно, прося замолвить за него словечко перед отпуском. Жаловалась, что не доживет до возвращения внука. В декабре Михаилу Юрьевичу дали двухмесячный отпуск для свидания с ней.

Лермонтов до последнего ничего не знал, частные письма не доходили. Денег, кроме офицерского жалования, не было, и он чувствовал себя стесненно. Не знал и того, что в журнале «Отечественные записки» постоянно печатались его произведения, а по ходатайству Андрея Краевского Цензурный комитет разрешил к изданию первый томик его стихов. 25 октября сборник вышел в свет в количестве тысячи экземпляров.

Перед Новым годом он получил разрешение на поездку до Ставрополя, где должен был взять отпускное свидетельство. Был извещён, что военный министр сделал запрос в Штаб командующего войсками о его поведении. В Ставрополе зашёл в канцелярию, узнать, что же

ответили? Старшим адъютантом оказался университетский товарищ Костенецкий, сказал Лермонтову, что ответ подготовлен, но ещё не отправлен. Велел писарю отыскать бумаги. Оказалось, что писарь собственноручно подготовил характеристику: «Поручик Лермонтов служит исправно, ведёт жизнь трезвую и добропорядочную и ни в каких злокачественных поступках не замечен». Михаил Юрьевич расхохотался и велел, ничего не меняя, так и отправить министру.

Остановился он у Павла Ивановича Петрова, и, как всегда, начались радостные встречи с друзьями, среди которых было немало декабристов, отбывавших кавказскую ссылку рядовыми солдатами. Помянули Александра Одоевского, умершего в августе 1839 года от малярийной лихорадки, похороненного в форте Лазаревском.

В те дни в Ставрополе было много офицеров, отличившихся в Чеченском походе и поощрённых отпусками. Приехал Монго Столыпин. Летом он участвовал в экспедиции Галафеева и вместе с Лермонтовым сражался на речке Валерик. Участвовал и в осенних боях, за что был представлен к ордену св. Владимира 4-й степени с бантом.

Среди офицеров был молоденький Александр Есаков, оставив свои воспоминания:

«Я ещё совсем молодым человеком был в осенней экспедиции в Чечне и провёл потом зиму в Ставрополе. Редкий день мы не встречались в обществе. Чаше всего сходились у барона Вревского, тогда капитана генерального штаба. Как с младшим в этой избранной среде, ещё безусым, Лермонтов школьничал со мной до пределов возможного; а когда замечал, что теряю терпение (что, впрочем, недолго заставляло себя ждать), он, бывало, ласковым словом, добрым взглядом или поцелуем тотчас уймёт мой пыл».

Более официальная обстановка соблюдалась на обедах у командующего войсками генерала Граббе. Павел Христофорович Граббе высоко ценил Лермонтова как человека талантливого, дельного и храброго офицера. Но, как вспоминал Николай Дельвиг, обедали чопорно, молча; Лев Пушкин и Лермонтов называли молчаливников картинной галереей. 14 января, получив отпускной билет на два месяца, Михаил Юрьевич выехал в Петербург через Новочеркасск, Воронеж и Москву.

В Воронеже он задержался у вышедшего в отставку поручика лейб-гвардии Гусарского полка Александра Потапова. В мае он уже побывал у него. Тогда, проездом на Кавказ, к Потапову пригласил его однополчанин Александр Реми, вместе с Лермонтовым ехавший в Ставрополь. По дороге узнали, что у Потапова гостит его дядя — генерал Алексей Николаевич Потапов, известный в армейских кругах как «свирепый генерал». Лермонтов наотрез отказался встречаться с ним, зная свою несдержанность; однако Реми его уговорил. Потапов отвёл им отдельный флигель, но когда за обедом Лермонтов встретился со «свирепым генералом», на нём лица не было, аппетит пропал. К удивлению, генерал был любезен, а к концу обеда любезность его с Лермонтовым дошла до дружески-товарищеского обращения. Лермонтов развернулся! После обеда Реми и Потапов пошли зачем-то во флигель, и, возвращаясь, увидели, что Лермонтов сидит на шее согнувшегося генерала! Оказалось, «зверь» и поэт играли в чехарду. После чего Реми в присутствии Лермонтова рассказал о его

опасениях, рассказал, как Лермонтов собирался даже остаться и ждать его на почтовой станции. Генерал рассмеялся, заметив молодым людям: «На службе никого не шажу — всех поем, а в частной жизни я человек, как человек».

В этот раз у Потапова Михаил Юрьевич написал музыку к своей «Казачьей колыбельной». К сожалению, ноты не сохранились. Отсюда, уже без остановок, доехал до Москвы, и первое, что узнал, это то, что в «Герое нашего времени» он вывел Наталью Мартынову княжной Мэри! Он восемь месяцев не получал писем, не представлял, что происходит в обеих столицах, а между тем, происходило много интересного и в том числе свадьба одной из сестёр Мартынова с князем Гагариным.

Лев Гагарин переехал в Москву из Петербурга в начале 1840 года после шумного скандала, в котором сыграл низкую роль. При одобрительном смехе приятелей он угрожал графине Воронцовой-Дашковой швырнуть в партер театра любовные письма к нему и публично её ославить, если она не вернёт ему своей благосклонности. Князь Лобанов-Ростовский вызвал его на дуэль, но при покровительстве Третьего отделения и родного дяди, известного николаевского фаворита князя Меншикова, Лев Гагарин от дуэли увиливал. Всё это смаковалось в петербургских великосветских гостиных, скандал разрастался по мере того, как развивалась история с вызовом Лобанова и уклонением Гагарина. Графиня Воронцова-Дашкова не смела несколько недель показываться из дому.

Переехав в Москву, Гагарин и здесь продолжал её компрометировать, зная, как любит Москва всякие сплетни и толки, особенно если касаются Петербурга. Встретив на улице простолюдинку, похожую на Воронцову-Дашкову, Гагарин заказал ей самую модную шляпку, одежду для прогулки и отправился, взяв её под руку, на Тверской бульвар. Быстро разнесся слух, что Воронцова-Дашкова в Москве и продолжает любовную связь с Гагариным! Дошло до Петербурга — со всевозможными прибавлениями и комментариями. Когда маскарад разъяснился, московское высшее общество приняло Гагарина с распростёртыми объятьями: шутка его передавалась из уст в уста, из гостиной в гостиную.

Вот этого-то молодого человека и принимала в своём доме госпожа Мартынова в мае минувшего года. Но в то время как она писала сыну на Кавказ, что опасается злого языка Лермонтова, предвидя, что он не пощадит её дочерей, она оказалась менее щепетильной в отношении Гагарина. Крупное состояние князя, высокий титул и дядюшка — фаворит императора, парализовали её материнскую предусмотрительность.

Через два месяца после отъезда Лермонтова на Кавказ состоялась помолвка Льва Андреевича Гагарина и Юлии Соломоновны Мартыновой. Александр Тургенев писал Вяземскому по поводу ожидаемой свадьбы: «Все ваши в Петербурге и Москве женятся. Здесь говорят о браке Льва Гагарина, который стал москвичом, с одной из Мартыновых, которая прелестна; они составят прекрасную парочку, на несколько недель по крайней мере».

У Мартыновой было три дочери: младшей, Марии, 12 лет, Юлии — 19, Наталье — 21 год.

Наталья оставалась в старых девах, и чтобы как-то оправдать

свое положение, пустила слух, что в неё был влюблен Лермонтов, и потому вывел её княжной Мэри в «Герое нашего времени»! Наталья гордилась этим и находила в Мэри сходство с собой. В доказательство показывала подругам красную шаль, говоря, что Лермонтов эту шаль очень любил. Не было ничего легче и заманчивее, как опозитизировать своё положение, сопоставив себя с княжной Мери, тем самым связав своё имя с именем Лермонтова, которое после выхода в свет «Героя нашего времени» приобрело прочную известность во всех московских гостиных.

Кто-то ещё нашел сходство с собой в «Герое нашего времени», кто-то успел приписать образ Грушницкого Николаю Мартынову, — и все говорили одно: Печорин — это сам Лермонтов. Уже в Петербурге, готовя второе издание романа, Михаилу Юрьевичу пришлось объяснять в предисловии: «Эта книга испытала на себе ещё недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии».

В Москве Михаил Юрьевич задержался на две недели, но у Мартыновых не был, иначе глупые слухи о «княжне Мэри» ещё бы усилились. А мог бы прийти, рассказать, что в чеченском походе был с Николаем Мартыновым.

О походе в Малую Чечню и о битве на реке Валерик Мартынов написал стихи, но его взгляд на войну был иным, чем у Лермонтова. Михаил Юрьевич воспринимал происходящее на Кавказе как трагедию, ему было больно видеть казака, сраженного пулей черкеса, и больно смотреть на черкеса, сраженного саблей казака.

*И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?*

Мартынову эти сомнения были неведомы. В верноподданническом восторге он рисовал иную картину:

*Горит аул невдалеке...
Там наша конница гуляет,
В чужих владеньях суд творит,
Детей погреться приглашает,
Хозяйкам кашицу варит.*

*На всем пути, где мы проходим,
Пылают сакли беглецов.*

*Застанем скот — его уводим,
 Пожива есть для казаков.
 Поля засеянные топчем,
 Уничтожаем все у них...*

В Ставрополе Михаил Юрьевич узнал от сослуживцев Мартынова, что Николай пережил большие неприятности в полку, нарочно или нечаянно попав в историю с мошенничеством в карточной игре. Мартынов подал в отставку, по всей вероятности, желая прекратить разговоры вокруг него, но дело приняло серьёзный оборот и дошло до государя. (2 июля 1841 года Николай I лично отказал Мартынову в награде — ордена св. Владимира 4-й степени с бантом, к которой он был представлен за участие в осенней чеченской экспедиции.)

Кавказские товарищи отзывались о Мартынове с неприязнью: «Всё мечтал о чинах, орденах и думал не иначе как дослужиться на Кавказе до генеральского чина».

Находясь в Москве, Михаил Юрьевич не изменил своим привычкам: посещал балы, театры, цыган, встречался с друзьями. В Петербург прибыл в разгар Масленицы, и на другой же день отправился на бал к графине Воронцовой-Дашковой — самый блестящий бал после придворных. Его армейский мундир выделялся среди гвардейских мундиров, великий князь Михаил Павлович косо смотрел на Лермонтова, но Михаил Юрьевич танцевал то с одной, то с другой дамой и, казалось, не замечал его взглядов. Наконец Воронцовой-Дашковой шепнули, что великий князь недоволен. Она увела Лермонтова во внутренние покои, откуда он смог выйти из дома. Едва удалось ей выгородить его перед князем, взяв всю вину на себя. Но князь всё равно был сердит: не явившись ещё «по начальству», опальный поэт примчался на бал, где присутствуют члены царской фамилии!

Этот промах Лермонтова повлёк за собой распоряжение о скорейшем его возвращении в полк.

Больше чем когда-либо хотел он теперь выйти в отставку, отдаться литературной деятельности. Мечтал основать новый журнал и говорил об этом с Краевским, не одобряя направления «Отечественных записок»:

— Мы должны жить своей, самостоятельной, жизнью, внести своё, самобытное в общечеловеческое. Зачем нам тянуться за Европой и за французским? Мы в своём журнале не будем предлагать обществу ничего переводного, а своё собственное. Я берусь к каждой книжке доставлять что-нибудь оригинальное, не так, как Жуковский, который всё кормит переводами, да ещё не говорит, откуда берёт их.

Любовь, которую Лермонтов встречал в кругу друзей, отнюдь не питали к нему официальные сферы. Годом раньше по заказу великой княгини Владимир Соллогуб написал роман «Большой свет», выказав Лермонтова ничтожным человеком, рвущимся правдами и неправдами в круг петербургской знати. В пасквиле Соллогуба не хватало только известной сплетни о Лермонтове: «отец его был пьяница, спившийся с кругу, а история матери — это целый роман!»

Усилиями Елизаветы Алексеевны удалось смягчить гнев великого князя: поэт получил разрешение остаться в Петербурге ещё на некоторое время. В «Отечественных записках» вышло его стихотворение

«Родина». Белинский пришёл в восторг: «Аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских!»

В этом номере «Отечественных записок» Краевский извещал читателей: «Герой нашего времени», соч. М. Ю. Лермонтова, принятый с таким энтузиазмом публикою, теперь уже не существует в книжных лавках: первое издание его всё раскуплено; готовится второе издание, которое скоро должно показаться в свет; первая часть уже отпечатана. Кстати, о самом Лермонтове: он теперь в Петербурге и привёз с Кавказа несколько новых прелестных стихотворений, которые будут напечатаны в «Отечественных записках». Тревоги военной жизни не позволили ему спокойно и вполне предаваться искусству, которое назвало его одним из главнейших жрецов своих; но замыслено им много и всё замышленное превосходно. Русской литературе готовятся от него драгоценные подарки».

Михаилу Юрьевичу снова продлили отпуск, он уже начал питать надежду на увольнение, так как бабушка не противилась больше, но внезапно Клейнмихель приказал ему покинуть столицу в 48 часов! Дело это вышло по настоянию графа Бенкендорфа, который не желал иметь в столице «беспокойного» молодого человека, становившегося любимцем публики.

«Мир боится новой жизни этих людей, особенного склада их ума и чувства; характеры эти уклоняются от обычного пути: что страшно другим, им не страшно; они иначе любят и иначе ненавидят» (П. А. Висковатов).

Перед отъездом Михаил Юрьевич зашёл к двоюродному брату Александра Одоевского — Владимиру Одоевскому. Подарил ему свою картину. Одоевский написал на её обороте: «Картина рисована поэтом Лермонтовым и подарена им мне при последнем его отъезде на Кавказ. Она представляет Крестовую гору...». Владимир Фёдорович, в свою очередь, подарил ему свою записную книжку: «Поэту Лермонтову даётся сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне её сам и всю исписанную. Князь В. Одоевский, 1841, Апреля 13-е, СПбург».

«Мы с ним сделали подробный пересмотр всем бумагам, выбрали несколько как напечатанных уже, так и ещё не изданных и составили связку. “Когда, Бог даст, вернусь, — говорил он, — может, ещё что-нибудь прибавится сюда, и мы хорошенько разберёмся и посмотрим, что надо будет поместить в томик и что выбросить”. Бумаги эти я оставил у себя, остальные же, как ненужный хлам, мы бросили в ящик. Если бы знал, где упадёшь, говорит пословица, соломки бы подостлал; так и в этом случае: никогда не прошу себе, что весь этот хлам не отправил тогда же на кухню под плиту» (Аким Шан-Гирей).

Пушкин тоже говорил: «Многое желал бы я уничтожить, как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет как упрёк на совести моей... По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче за чужие проказы. Стихи, преданные мною забвению, или написанные не для печати или которое простительно мне было написать на девятнадцатом году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом». Он сетовал, что неизвестно откуда берут его юношеские стихотворения, публикуют их, публикуют чужие проказы под его именем, и нет управы на этих господ.

В квартире Карамзиных ещё раз собрались друзья, как за год перед тем, проститься с Михаилом Юрьевичем. По свидетельству многих, Лермонтов был чрезвычайно грустен и говорил о близкой смерти. Недели за две до отъезда он с товарищем посетил вору жею Александру Филипповну, которая предсказала Пушкину смерть от «белого человека». Михаил Юрьевич выслушал то, что гадалка сказала его товарищу, затем спросил о себе: «Буду ли выпущен в отставку и останусь ли в Петербурге?» В ответ услышал, что в Петербурге ему вообще больше не бывать, и что ожидает его отставка «после коей уж ни о чём просить не станешь». Лермонтов засмеялся, тем более, что вечером того же дня получил отсрочку отпуска: «Уж если дают отсрочку за отсрочкой, то и совсем выпустят». Но когда получил приказ, был поражён предсказанием гадалки!

Его печальное настроение стало ещё заметней, когда после прощального ужина он уронил кольцо, взятое у Софьи Николаевны Карамзиной, и, несмотря на поиски всех собравшихся, кольцо найти не удалось.

Михаил Юрьевич тронулся в путь, успев буквально в последний момент отправить записку Андрею Краевскому: «Сделай одолжение, отдай подателю сего письма для меня два билета на «Отечественные записки». Это для бабушки моей. Будь здоров и счастлив. Твой Лермонтов».

Провожал его только Аким Шан-Гирей.

С мальпосты Михаил Юрьевич последний раз с ним расцеловался и передал поклон бабушке. Наружно был весел, шутил, «у меня не было никакого предчувствия, но очень было тяжело на душе. Пока закладывали лошадей, Мишель давал мне различные поручения, но я ничего не слышал. «Извини, Мишель, я ничего не понял». — «Какой ты ещё дитя, — отвечал он. — Прощай, поцелуй ручки у бабушки». Это были в жизни его последние слова ко мне».

XXIX

«17 апреля 1841 г. в 7 часов пополудни, — как значилось в Московских ведомостях прибытия и убытия, — прибыл из Петербурга при почтовой карете отставной полковник Мосолов, отставной поручик Панышин и Тенгинского пехотного полка поручик Лермонтов».

Чуть раньше прибыл капитан Нижегородского полка Алексей Столыпин-Монго, которому предписывалось сопровождать Лермонтова в отряд.

Тем часом Елизавета Алексеевна умоляла Софью Карамзину: «Вы милостивы к Мишеньке... попросите Василия Андреевича /Жуковского/ напомнить государыне, что вчерашний день прощены: Исаков, Лихачёв, граф Апраксин и Челишев; уверена, что и Василий Андреевич извинит меня, что я его беспокою, но сердце моё растерзано...»

В Москве Михаил Юрьевич встретился с Василием Красовым, который, по словам Чернышевского, был «едва ли не лучшим из наших второстепенных поэтов в эпоху Кольцова и Лермонтова». Стихи его читались с увлечением, цитировались в статьях, ставились эпиграфами к повестям, перепечатывались в хрестоматиях. Сын протоиерея, семинарист, поступивший затем в Московский университет, Красов притягивал к себе образованностью и тёплым сердцем.

«Я не видал Лермонтова десять лет — и как он изменился! Целый вечер я не сводил с него глаз. Какое энергическое, простое, львиное лицо. Он был грустен, и когда уходил из собрания в своём армейском мундире и с кавказским кивером, у меня сжалось сердце — так мне жаль его было».

Последний, с кем прощался в Москве Михаил Юрьевич, был Юрий Самарин: «Я никогда не забуду нашего последнего свидания, за полчаса до его отъезда. Прощаясь со мной, он оставил мне стихи, его последнее творение... Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах, и среди всего этого он проронил о своей скорой кончине несколько слов, которые я принял за обычную шутку с его стороны. Я был последний, который пожал ему руку в Москве».

Лермонтов нагнал Монго возле Тулы, их путь был на левый фланг Кавказской линии. Рассудительный Монго сдерживал безоглядные порывы Лермонтова, и Михаил Юрьевич ворчал: «Ты — вторая бабушка!» В Туле встретились с Александром Меринским, товарищем по юнкерской школе, отобедали у него, Лермонтов был весел, и после обеда поехал в Кропотово — попрощаться с тётками.

Монго дождался его, двинулись в Мценск, завернули к однополчанину Михаилу Глебову, который, узнав, что они едут на Кавказ, выхлопотал для них негласное разрешение погостить у него несколько дней. На реке Валерик Михаил Глебов был ранен в ключицу, долго лечился, и теперь собирался на воды.

Добравшись до Ставрополя, Лермонтов сразу написал бабушке: «Я, слава богу, здоров и спокоен, лишь бы вы были так спокойны, как я: одного только и желаю; пожалуйста, оставайтесь в Петербурге: и для вас и для меня будет лучше во всех отношениях. Я всё надеюсь, милая бабушка, что мне всё-таки выйдет прощенье, и я могу выйти в отставку».

Второе письмо было Софье Карамзиной:

«Я только что приехал в Ставрополь, дорогая m-lle Sophie, и в тот же день уезжаю в экспедицию с Столыпиным-Монго. Пожелайте мне счастья и лёгкого ранения, это всё, что только можно мне пожелать».

Перед отъездом Лермонтов неожиданно встретил корнета Петра Магденко. Затем, уже вместе с Монго, встретились с ним на одной из почтовых станций, когда ожидали тройку лошадей. В результате все вместе отправились в Пятигорск.

Вот как пишет об этом Магденко:

«Приехав на станцию, я вошёл в комнату для проезжающих и увидел Лермонтова в офицерской шинели с отогнутым воротником; — после я заметил, что он и на сюртуке своём имел обыкновение отгибать воротник. И другого офицера чрезвычайно представительной наружности, высокого роста, хорошо сложенного, с низкоостриженной прекрасною головой и выразительным лицом. Это был — тогда, кажется, уже капитан гвардейской артиллерии — Столыпин. Через несколько минут вошёл только что прискакавший фельдъегерь с кожаной сумой на груди. Едва переступил он за порог, как Лермонтов с кликом: “А, фельдъегерь, фельдъегерь!” — подскочил к нему и начал снимать с него суму. Фельдъегерь сначала было заупрямился. Столыпин стал говорить, что они едут в действующий отряд и что, может быть, к ним есть письма из Петербурга. Фельдъегерь утверждал, что он послан “в армию к начальникам”; но Лермонтов сунул

ему что-то в руку, выхватил суму и выложил хранившееся в ней на стол. Она, впрочем, не была ни запечатана, ни заперта. Оказались только запечатанные казённые пакеты; писем не было.

Солнце уже закатилось, когда я приехал в крепость Георгиевскую. Смотритель сказал мне, что ночью ехать дальше не совсем безопасно. Я решился остаться ночевать и в ожидании самовара пошёл прогуляться. Вернувшись, я только что принялся пить чай, как в комнату вошли Лермонтов и Столыпин. Они поздоровались со мною, как со старым знакомым, и приняли приглашение выпить чаю. Вошедший смотритель на приказание Лермонтова запрягать лошадей отвечал предостережением в опасности ночного пути. Лермонтов ответил, что он старый кавказец, бывал в экспедициях и его не запугаешь. Решение продолжать путь не изменилось и от смотрительского рассказа, что позавчера в семи верстах от крепости зарезан был черкесами проезжий унтер-офицер. Я с своей стороны тоже стал уговаривать подождать завтрашнего дня, утверждая, что лучше приберечь храбрость на время какой-либо экспедиции, чем рисковать жизнью в борьбе с ночными разбойниками. К тому же разразился страшный дождь, и он-то, кажется, сильнее доводов наших подействовал на Лермонтова, который решился-таки заночевать.

Принесли, что у кого было съестного, явилось на стол кахетинское вино, и мы разговорились. Я утверждал, что не понимаю их влечения к трудностям боевой жизни и противопоставлял ей удовольствия, которые ожидаю от кратковременного пребывания в Пятигорске, в хорошей квартире, с удобствами жизни и разными затеями, которые им в отряде, конечно, доступны не будут...

На другое утро Лермонтов, входя в комнату, в которой я со Столыпиным сидели уже за самоваром, обратился к последнему, сказал: "Послушай, Столыпин, а ведь теперь в Пятигорске хорошо, там Верзилины (он назвал ещё несколько имен); поедem в Пятигорск". Столыпин отвечал, что это невозможно. "Почему? — быстро спросил Лермонтов, — Там комендант старый Ильяшенков, и являться к нему нечего, ничто нам не мешает. Решайся, Столыпин, едем в Пятигорск". С этими словами Лермонтов вышел из комнаты. На дворе лил проливной дождь. Надо заметить, что Пятигорск стоял от Георгиевского на расстоянии сорока верст, по тогдашнему — один перегон. Из Георгиевска мне приходилось ехать в одну сторону, им — в другую.

Столыпин сидел, задумавшись. "Ну, что, — спросил я его, — решаетесь, капитан?" — "Помилуйте, как нам ехать в Пятигорск, ведь мне поручено везти его в отряд. Вон, — говорил он, указывая на стол, — наша подорожная, а там инструкция — посмотрите". Я глядел на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцию посовестился и, признаться, очень о том сожалею.

Дверь отворилась, быстро вошёл Лермонтов, сел к столу и, обратясь к Столыпину, произнёс повелительным тоном: "Столыпин, едем в Пятигорск! — С этими словами вынул он из кармана кошелек с деньгами, взял из него монету и сказал: — Вот, послушай, бросаю полтинник, если упадёт кверху орлом — едем в отряд; если решёткой — едем в Пятигорск. Согласен?"

Столыпин молча кивнул. Полтинник был брошен, и к нашим ногам упал решёткою вверх. Лермонтов вскочил и радостно закричал:

“В Пятигорск, в Пятигорск! Позвать людей, нам уже запрягли!” Лошади были поданы. Я пригласил спутников в свою коляску. Лермонтов и я сидели на задней скамье, Столыпин на передней. Нас обдавало целым потоком дождя.

Промокшие до костей, приехали мы в Пятигорск и вместе остановились на бульваре в гостинице, которую содержал армянин Найтаки. Минут через двадцать в мой номер явились Столыпин и Лермонтов, уже переодетыми, в белом как снег белье и халатах. Лермонтов был в шёлковом тёмно-зелёном с узорами халате, опоясанный толстым шнурком с золотыми желудями на концах. Потирая руки от удовольствия, Лермонтов сказал Столыпину: “Ведь и Мартышка, Мартышка здесь. Я сказал Найтаки, чтобы послали за ним”».

XXX

Верзилины, о которых говорил Лермонтов Алексею Столыпину, имели собственный дом в Пятигорске, а во дворе дома небольшой флигель, куда пускали приезжих. Сейчас во флигеле жил Николай Мартынов. «Он носил азиатский костюм, за поясом пистолет, через плечо на земле плетъ, причёску а la мужик и французские бакенбарды с козлиным подбородком» (К. К. Любомиров).

Можно представить изумление Лермонтова и Столыпина, когда Мартынов пришёл к ним в гостиницу. Лермонтов, вероятно, хохотал до слёз, и наверно, спросил, с чего вдруг Мартынов так вырядился? Мартынов же чувствовал перед ним своё превосходство: Лермонтов всего лишь пехотный поручик, а он, Мартынов, вышел в отставку майором линейного казачьего полка. Поэтический дар Лермонтова в счёт не шёл: Мартынов тоже писал стихи, и уже написал повесть. (Как не вспомнить Пушкина: «Вчера было литературное совещание у Греча, было человек со сто, большею частию неизвестных мне русских великих людей».) И всё-таки друзья были рады встрече.

На другой день Лермонтов и Столыпин призвали писаря комендантского управления, который составил необходимые рапорты. Комендант велел им пройти медицинскую комиссию, врачи обнаружили у них лихорадку и ревматизм — обычные болезни кавказских военных, а так как госпиталь был переполнен, то предложили им ехать в Георгиевск. Столыпин и Лермонтов тут же наврали, что выпили уже по 29 стаканов минеральной воды и не намерены прекращать начатое лечение. Комендант разрешил им остаться.

Что представлял собой Пятигорск в ту пору, рассказывает в своих «Записках декабриста» Н. И. Лорер:

«В то время съезды на Кавказские воды были многочисленны. Кого, бывало, не встретишь на водах! Какая смесь одежд, лиц, состояний! Со всех концов огромной России собираются больные к источникам в надежде — и большею частью справедливой — исцеления. Тут же толпятся и здоровые, приехавшие развлечься и поиграть в картишки».

Чиновник Пятигорской военной прокуратуры Василий Иванович Чилиев, узнав, что Лермонтов и Столыпин подыскивают жильё, предложил им свой флигель, объяснив, что дом уже занят князем Александром Васильчиковым и Сергеем Трубецким. Поехали, посмотрели. Обыкновенная мазанка под соломенной крышей, четыре

небольшие комнаты и открытая веранда, которую здесь называли балконом. Лермонтов встал на веранде; через забор — дворик Верзилиных, где квартировал Мартынов.

Соседство Мартынова, Васильчикова и Трубецкого вполне устраивало, и молодые люди дали Чиляеву задаток. В домовую книгу Чиляева сохранилась запись: «С коллежского секретаря Александра Илларионовича князя Васильчикова из С-Петербурга получено за три комнаты в старом доме 62 руб. 50 коп. серебром, с капитана Алексея Аркадьевича Столыпина и поручика Михаила Юрьевича Лермонтова из С-Петербурга получено за весь средний дом 100 руб. серебром».

В доме Михаил Юрьевич выбрал для себя две комнаты, оклеенные простой бумагой, окрашенной домашним способом. Обстановка тоже была простая, но зато из окна кабинета был виден цветущий сад. Две другие комнаты занял Монго.

Как оказалось, в соседстве жили товарищи по лейб-гвардии Гусарскому и Гродненскому полку, и среди них Александр Арнольди, с которым Лермонтов подружился в «сумасшедшем доме»:

«На дворе дома, нами занимаемого, во флигеле поселился Тиран, по фасу к Машуку подле нас жил Лермонтов со Столыпиным, а за ними Глебов с Мартыновым. Лермонтов, который при возникающей уже своей славе рисовался — и сначала сделал вид, будто меня не узнает, но потом сам первый бросился ко мне на грудь и нежно меня обнял и облобызал. Раз или два в неделю мы собирались в залу ресторации Найтаки и плясали до упаду часов до двенадцати ночи, что, однако, было исключением из обычной водяной жизни, потому что обыкновенно с наступлением свежих сумерек весь Пятигорск замирал и запирался по домам.

Я часто забегал к соседу моему Лермонтову. Однажды, войдя неожиданно к нему в комнату, я застал его лежащим на постели и что-то рассматривающим в сообществе Сергея Трубецкого и что они хотели, видимо, от меня скрыть. Поздно заметив, что я пришёл не вовремя, я хотел было уйти, но так как Лермонтов тогда же сказал: «Ну, этот ничего», — то и остался. Шалуны товарищи показали мне целую тетрадь карикатур на Мартынова, которые сообщая начертали и раскрасили. Это была целая история в лицах, вроде французских карикатур, где красавец, бывший когда-то кавалергард, Мартынов был изображён в самом смешном виде».

Лермонтов, кроме того что весело проводил время и принимал ванны, занимался литературным трудом. Окно его кабинета выходило в сад, и он работал при открытом окне. Он замыслил трилогию — три романа из трех эпох жизни русского общества. Первый — о Пугачеве и суворовских походах, второй — период Отечественной войны 1812 года: показать в нём «действие в сердце России и под Парижем» с развязкой в Вене. Третий мыслился как изображение эпохи после восстания декабристов. В нём Лермонтов хотел описать события из кавказской жизни, с Тифлисом при Ермолове, его усмирении Кавказа, персидской войной, среди которой погиб в Тегеране Грибоедов. На осуществление такого грандиозного замысла необходима была отставка, сведения Государственного архива и многочисленные поездки.

«Образ жизни Михаила Юрьевича в Пятигорске был самый обыкновенный и простой. На конюшне он держал двух собственных верховых лошадей. Штат прислуги его состоял из привезённых

с собой из Петербурга четырёх человек, из коих двое было крепостных: камердинер Иван Абрамович Соколов, конюх Иван Вертюков, и двое наёмных — помощник камердинера и повар. Дом его был открыт для друзей и знакомых, и если кто к нему обращался с просьбой о помощи или одолжении, никогда и никому не отказывал, стараясь сделать всё, что только мог. Заведовал хозяйством, людьми и лошадьми Столыпин. Чаше всего у Лермонтова и Монго бывали Мартынов, Глебов и князь Васильчиков. Остроты, шутки смех не прекращались. Вставал Лермонтов неодинаково, иногда рано, иногда спал часов до 9-ти и даже более. Но это случалось редко. В первом случае, тотчас, как встанет, уходил пить воды или брать ванны, и после пил чай; во втором же — прямо с постели садился за чай, а потом уходил из дому. Около двух часов возвращался домой обедать, и почти всегда в обществе друзей-приятелей. Поестъ любил хорошо, но стол был не роскошный, а русский, простой. На обед готовилось четыре-пять блюд по заказу Столыпина, мороженое же, до которого Лермонтов был большой охотник, ягоды или фрукты подавались каждодневно. Вин, водок и закусок всегда имелся хороший запас. Около шести часов подавался чай, и затем все уходили. Вечер, по обыкновению, посвящался прогулкам, танцам, любезничанью с дамами или игре в карты» (В. И. Чилиев).

Лермонтов называл Пятигорск кавказским Монако.

«Лермонтов тоже играл, но редко, с соблюдением известного расчёта и выше определенной для проигрыша нормы не зарывался. Иногда по утрам он уезжал на своём лихом Черкесе за город, уезжал рано и большей частью вдруг, не предупредив заблаговременно никого: встанет, велит оседлать лошадь и умчится один. Он любил бешеную скачку, но при этом им руководила не одна только любительская страсть к езде, он хотел выработать из себя лихого наездника, в чём неоспоримо и преуспел, так как все товарищи его, кавалеристы, знатоки верховой езды, признавали и высоко ценили в нём столь необходимые по тогдашнему времени качества. Знакомые дамы приходили в восторг от его удалости и неустрашимости, когда он, сопровождая их на прогулках в кавалькадах, показывал им “высшую школу” наездничества, а верзилинские грации (дочери П. С. Верзилина, наказного атамана Кавказского линейного войска в Пятигорске) не раз даже рукоплескали, когда он, проезжая мимо перед их окнами, ставил на дыбы своего Черкеса и заставлял его чуть ли не плясать “лезгинку”» (П. К. Мартынов).

«Характер Лермонтова, — вспоминал Василий Иванович Чилиев, — был характер джентльмена, сознающего своё умственное превосходство; он был эгоистичен, сух, гибок и блестящ, как полоса полированной стали, подчас весел, непринуждён и остроумен, подчас антипатичен, холоден и едок. Но все эти достоинства, или, скорее, недостатки, облекались в национальную русскую форму и поражали своей блестящей своеобразностью».

Вечерами армейская молодёжь часто собиралась в доме Верзилиных, где устраивались танцы. Лермонтов пользовался успехом у дам, хоть и не был красавцем. «Но и не был так безобразен, каким рисуют его и каков он на памятнике, — говорил Аким Шан-Гирей. — Скулы там слишком уж велики, нос слишком неправилён; волосы он носил летом коротко остриженными, роста был среднего, говорил

приятным грудным голосом, но самым привлекательным в нём были глаза — большие, прекрасные, выразительные».

Глава семьи, генерал Верзилин, имел от первого брака дочь Аграфену; вторая его жена имела от первого брака дочь Эмилию Клингенберг — «бело-розовую куклу», как называли её в Пятигорске. В 1841 году Эмилии было 25 лет. Совместная дочь Верзилиных — Надежда — была ещё юной.

Хлебосольность, радушие и три красивые, весёлые дочери привлекали в верзилинский дом молодых людей. Николай Мартынов ухаживал за пятнадцатилетней Надей, и Лермонтов, дурачась, дразнил юную Наденьку, приписывая ей кокетство с приехавшим на лечение Глебовым:

*Милый Глебов,
Сродник Фебов,
Улыбнись,
Но на Наде,
Христа ради,
Не женись!*

Михаил Глебов жил во флигеле Верзилиных вместе с Мартыновым, так что друзья, отделённые друг от друга только забором, постоянно встречались у Лермонтова и Столыпина. Мартынов всё так же носил свой бешмет и кинжал, а порой два кинжала, за что Лермонтов прозвал его «Два горца».

Михаил Юрьевич отправил для альманаха «Наши: списанные с натуры русскими», — статью «Кавказец», в которой дал точное определение настоящему кавказцу, то есть человеку, прослужившему на Кавказе много лет. «Кавказец есть существо полурусское-полуазиатское; склонность к обычаям восточным берёт над ним перевес, но он стыдится её при посторонних, то есть при заезжих из России. Настоящих кавказцев вы находите на Линии; статские кавказцы редки; они большею частию неловкое подражание, и если вы между ними встретите настоящего, то разве только между полковых медиков».

Монго-Столыпин не бывал у Верзилиных, он волочился за аристократками. Но Лермонтов, Лев Пушкин и большинство офицеров гораздо свободнее чувствовали себя в доме Верзилиных. Молодёжь наперебой ухаживала за Эмилией. Поклонниками Нади были Мартынов и Лисаневич, а Груша собиралась замуж за пристава Дикова. По этому поводу Лермонтов написал шуточное шестистишие:

*Пред девицей Эмили
Молодёжь лежит в пыли,
У девицы же Надин
Был поклонник не один;
А у Груши целый век
Был лишь дикий человек.*

«Как сейчас вижу его, — вспоминала Эмилия, — среднего роста, коротко остриженный, большие красивые глаза; любил повеселиться, посмеяться, поострить, затевал кавалькады, распоряжался на пикниках, дирижировал танцами и сам очень много танцевал. А бывало,

сестра заиграет на пианино, он подсядет к ней, опустит голову и сидит неподвижно. Зато как разойдётся да пустится бегать в кошкымышки, так бывало нет удержу... Бегали в горелки, играли в серсо; потом всё это им изображалось в карикатурах, что нас смешило. Поймает меня во дворе за кучей камней (они и сейчас лежат там) и ведёт торжественно сюда. Характера он был неровного, капризного: то услужлив и любезен, то рассеян и невнимателен».

Василий Иванович Чилев с большим интересом следивший за жизнью своих постояльцев, впоследствии на вопрос биографа Лермонтова, ухаживал ли Михаил Юрьевич за Эмилией, отвечал: «Серьёзно или так, от нечего делать, но ухаживал. В каком положении находились его сердечные дела — покрыто мраком неизвестности».

Кроме Верзилиных, ещё один дом привлекал молодёжь: дом генеральши Мерлини, защитницы Кисловодска от черкесского набега, случившегося в отсутствие её мужа, коменданта кисловодской крепости. Ей пришлось самой распорядиться действиями артиллерии, и она повела дело так, что горцы рассеялись прежде, чем прибыла казачья помощь. За этот подвиг государь прислал ей бриллиантовый браслет и георгиевский крест. Когда молодёжь устраивала кавалькады, Катерина Ивановна садилась на казачью лошадь с мужским седлом и гарцевала, как подобает георгиевскому кавалеру. Обыкновенно отправлялись в Шотландку, немецкую колонию в семи верстах от Пятигорска, где немка Анна Ивановна встречала гостей с распростёртыми объятьями. У неё был небольшой ресторан и две симпатичные прислужницы — Милле и Гретхен, составлявшие погреб для офицеров.

Своим похождениям Лермонтов, Трубецкой, Раевский, Лев Пушкин и другие вели отчёт. Выдающиеся эпизоды вносились в «альбом приключений», где можно было увидеть всё: и кавалькады, и пикники, и всех действующих лиц. Об этом альбоме, находившемся потом в бумагах Глебова и пропавшем из поля зрения после его гибели, вспоминали многие. На одном из рисунков Васильчиков был изображён тощим и длинным, Лермонтов — маленьким и сутулым, как кошка вцепившимся в огромного коня Монго-Столыпина, а впереди всех красовался Мартынов в черкеске, с длинным кинжалом. Всё это гарцевало перед открытым окном, вероятно дома Верзилиных, так как в окне были нарисованы три женские головки.

Мартынову в этом альбоме доставалось больше всех. На одном из рисунков изображалась стычка с горцами, где Мартынов, размахивая кинжалом, восседал на лошади, повернувшей вспять. На другом — целая эпопея: Мартынов гордо въезжает в Пятигорск, а затем присев перед красавицей так, как садятся на очко, держась обеими руками за ручку кинжала, изъясняется ей в любви.

Лермонтов не раз по-приятельски советовал Мартынову снять свой шутовской наряд. В «Герое нашего времени» Печорин — сильный, глубокий человек, не прощает Грушницкому несовершенства и слабости и даже стремится поставить его в такое положение, где бы эти качества выявились до конца, но... делает это с надеждой, что человек одумается, перестанет быть посмешищем, повернёт в лучшую сторону.

Увы, Мартынов не понял Лермонтова, он гордился своим одеянием, показывая тем самым, что он настоящий кавказец. Он словно

не замечал насмешливых взглядов, какими окидывали его боевые офицеры, но замечал восхищенные взгляды дам — им он казался красавцем: осиная талия, чекмень с побрякушками... Он заказал художнику князю Гагарину свой портрет в полный рост, и Григорий Григорьевич изобразил его в лаковых штиблетах, безупречных брюках, в черкесском бешмете с газырями и украшениями, на поясе сабля, кинжал, а на голове огромная баранья шапка.

С. Н. Филиппов в статье «Лермонтов на Кавказских водах» (журнал «Русская мысль», декабрь 1890 г.), так описывает Мартынова: «Тогда у нас на водах он был первым франтом. Каждый день носил переменные черкески из самого дорогого сукна и все разных цветов: белая, чёрная, серая и к ним шёлковые архалуки такие же или ещё синие. Папаха самого лучшего каракуля, чёрная или белая. И всегда всё это было разное, — сегодня не надевал того, что носил вчера. К такому костюму он привешивал на серебряном поясе длинный чеченский кинжал без всяких украшений, опускавшийся ниже колен, а рукава черкески засучивал выше локтя. Это настолько казалось оригинальным, что обращало на себя общее внимание: точно он готовился каждую минуту схватиться с кем-нибудь. Мартынов пользовался большим вниманием женского пола. Про Лермонтова я этого не скажу. Его скорее боялись, т. е. его острого языка, насмешек, каламбуров».

Любуясь собой, Мартынов добился того, что над ним уже чуть не в открытую стали смеяться. Он что-то почувствовал, и, будучи мнительным, как его мать, решил, что общество, вероятно, прознало о полковой неприятности, из-за которой вышел в отставку. Ещё год назад он заявлял, что дослужиться до генерала, и вдруг такой поворот! А тут ещё Лермонтов со своими насмешками.

В юнкерской школе Мартынов имел, кроме клички «Мартышка», прозвище «Свирепый человек». Не потому, что был свирепого нрава, а от стремления быть лучше всех, чего не скрывал и упорно добивался. Если верить А. Ф. Тирану, то было так: «Явится кто из отпуска поздно ночью: “Ух, как холодно!..” — “Очень холодно?” — “Ужасно”. Мартынов в одной рубашке идет на плац, потом, конечно, болен. Или говорят: “А здоров такой-то! Какая у него грудь славная”. — “А разве у меня не хороша?” — “Всё ж не так”. — “Да ты попробуй, ты ударь меня по груди”. — “Вот ещё, полно”. — “Нет, попробуй, я прошу тебя, ну ударь!..” — Его и хватят так, что опять болен на целый месяц».

Высказать Лермонтову своё недовольство Мартынов, очевидно, боялся: с Лермонтовым что-то происходило, он иногда за весь день не говорил двух слов, взгляд его стал тяжёлым, его присутствие на вечерах у Верзилиных сковывало людей, никто не смел смотреть ему в глаза, словно сквозь них, изнутри, смотрел не Лермонтов, а кто-то — всевластный и страшный для человека. Он стал по ночам гулять в одиночку, и однажды сказал присоединившемуся к нему товарищу по юнкерской школе Павлу Гвоздеву: «Чувствую, что мне очень мало осталось жить...» Ночь была тихая, тёплая. Они шли по бульвару, Лермонтов был грустен.

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.*

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?*

А в это время В. И. Красов писал Андрею Краевскому:

«Не возвращён ли он?

Вы бы засмеялись, если б узнали, отчего я особенно спрашиваю про его возвращение. Назад тому месяц с небольшим я две ночи сряду видел его во сне — в первый раз в жизни. В первый раз он отдал мне свой шлафрок какого-то огненного цвета, и я в нём целую ночь расхаживал по незнакомым огромным покоем; в другой раз я что-то болтал ему про свои любовные шашни, и он с грустной улыбкой и бледный как смерть, качал головой. Проснувшись, я был уверен, что он возвращён. И я почти был уверен, что он проехал уже мимо нас, потому что я живу на большой дороге от юга».

Товарищ Лермонтова Александр Чарыков, встретившись с ним по пути в Железноводск, заметил, что с ним что-то неладно: «Я шёл в гору по улице совсем ещё тогда глухой, которая вела к Железноводску, а он в то же время спускался по противоположной стороне с толстой суковатой палкой... Лицо его показалось мне чрезвычайно мрачным; быть может, он предчувствовал тогда свой близкий жребий».

Приступы мрачности Лермонтов всё же преодолел: из Тифлиса приехал Михаил Дмитриевский, знакомый с семьёй Чавчавадзе; слушая его, Лермонтов как бы заново переживал встречи с дорогими ему людьми. Дмитриевский воспевал какие-то карие глаза, и Лермонтов говорил: «После твоих стихов разлюбишь поневоле чёрные и голубые очи, и полюбишь карие глаза».

Гвардейская молодёжь задумала дать бал пятигорской публике. Составилась подписка, и затея приняла громадные размеры. Праздник состоялся 8 июля на площадке у грота. Стены его обтянули персидскими коврами, свод — разноцветными шальями, соединив их в центральный узел, прикрытый зеркалом, повесили импровизированные люстры из обручей и верёвок, обвитых живыми цветами и зеленью; снаружи, на деревьях, развесили свыше двух тысяч разноцветных фонариков; музыканты разместились над гротом на специальной площадке.

К восьми часам приглашённые собрались, и танцы быстро следовали один за другим. Лермонтов необыкновенно много танцевал, да и всё общество было особенно весело. После бешеного тура вальса Михаил Юрьевич, запыхавшись, подошёл к декабристу Николаю Лореру:

— Видите даму Дмитриевского?.. Это его «карие глаза»... Не правда ли, как она хороша?

Лорер пригляделся и согласно кивнул.

Красное сукно длинной лентой стелилось до палатки, назначенной служить уборной для дам. Уборную обставили настолько роскошно, что дамы ходили туда просто полюбоваться. Погода стояла чудесная, тихая, с тёмно-синего неба светили звёзды.

Александр Арнольди пришёл вместе с мачехой и сестрой. Был очень доволен, что он и друзья так замечательно всё устроили. «Наш

бал сошёл великолепно, все веселились от чистого сердца, и Лермонтов много ухаживал за Идой Мусиной-Пушкиной».

Бал продолжался до утра. Семейство Арнольди удалилось раньше, а остальные расходились уже при утреннем свете. Лермонтов провожал Екатерину Быховец, которая всё восклицала: «Как же я весело провела время! Лавочки в чудесных коврах, грот весь в цветах, прелестная музыка!.. Я танцевала до упаду! А как вы, Мишель, были веселы!..»

Екатерина приходилась ему дальней родственницей, и он называл её прекрасной кузиной. Она только на днях приехала в Пятигорск, и через Лермонтова познакомилась с его компанией. Он и Мартынова ей представил, рекомендуя как товарища и друга. Екатерина имела внешнюю схожесть с Варенькой Попухиной, поэтому Михаил Юрьевич не скрыл от неё:

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.*

Михаил Юрьевич был рад, что пикник удался, ведь это он был инициатором и руководителем затеи. Ни с одним из балов нельзя было это сравнить, ни с одним маскарадом. Живая природа, южное небо со звёздным богатством, тысячи разноцветных огней и море цветов.

XXXI

10 июля заканчивался для Лермонтова и Столыпина срок лечения на водах. Комендант вызвал к себе Монго, велел ему вместе с Лермонтовым отправляться в отряд. Столыпин стал уверять, что они и сами того желают, но по совету врачей купили билеты на пользование железными ваннами. Разрешение остаться было получено.

В тот день приехал профессор Московского университета, известный врач и мудрец Иустин Евдокимович Дядьковский, привёз Лермонтову гостинцы от бабушки. Незадолго до этого Михаил Юрьевич получил сразу три письма от неё, отправленные на Ставрополь. Ответил, что находится в Пятигорске, попросил купить и прислать полное собрание сочинений Шекспира, и выразил надежду на возможность отставки: «То, что вы мне пишете о словах господина Клейнмихеля, я полагаю, ещё не значит, что мне откажут отставку, если я подам; он только просто не советует; а чего мне здесь ещё ждать?»

«Иустин Евдокимович, — вспоминал Николай Молчанов, — сам пошёл к Лермонтову и, не застав его дома, передал слуге его о себе и чтоб Михаил Юрьевич пришёл к нему в дом Христофоровых. В тот вечер мы видели Лермонтова. Он пришёл к нам и всё просил прощения, что не брит. Человек молодой, бойкий, умом остёр. Беседа его с Иустином Евдокимовичем зашла далеко за полночь. Долго беседовали они о Байроне, Англии, о Беконе. Лермонтов с жадностью расспрашивал о московских знакомых. По уходу его Иустин Евдокимович много раз повторял: “Что за умища!” На другой день поутру Лермонтов пришёл звать на вечер Иустина Евдокимовича

в дом Верзилиных: жена генерала Петра Семёновича Верзилина велела звать его к себе на чай. /Сам Пётр Семёнович был в Варшаве/. Иустин Евдокимович отговаривался болезнью, но вечером Лермонтов его увёз и поздно вечером привёз обратно. Опять он восторгался Лермонтовым: "Что за человек! Экий умница, а стихи его — музыка, но тоскующая".

(Дуэль и смерть Лермонтова так потрясли И. Е. Дядьковского, что он прожил только шесть дней).

По воскресеньям в Пятигорске бывали собрания в ресторане гостиницы Найтаки, где молодёжь танцевала и оживлённо проводила время. 13 июля компания Лермонтова решила не ходить в ресторан, а провести вечер у Верзилиных. Мартынов уже оставил юную Наденьку, переключившись на Эмилию, и она отдавала ему предпочтение перед другими. «Он хоть и глуп, но красавец, — говорила она. — Хоть он и фат, и льстив в разговоре, но очень красив». Лермонтов не понимал, какой «красотой» мог привлекать её Мартынов, дразнил Эмилию и называл Мартынова горцем с большим кинжалом.

Некоторые лермонтоведы утверждают, что Михаил Юрьевич ревновал Эмилию, но, судя по тому, что приехала Ида Мусина-Пушкина, петербургская его пассия, предпочтение Эмили не могло его задевать. Жениться на ней он не собирался, да и вообще не думал жениться, так как не знал, дадут ли отставку или придётся несколько лет служить на Кавказе. Уверения, что он из мести написал:

*За девицей Emilie
Молодёжь как кобели.
У девицы же Nadine
Был их тоже не один;*

— совершенно напрасны, поскольку девице Надин только-только исполнилось пятнадцать лет, а сочинять клевету Лермонтов не был способен.

Но то, что подтрунивал над Эмилией за её благосклонность к Мартынову, это так. «Он находил особенное удовольствие дразнить меня. Я отделялась, как могла, то шуткою, то молчанием, ему же крепко хотелось меня рассердить; я долго не поддавалась, наконец мне это надоело, и я однажды сказала Лермонтову, что не буду с ним говорить и прошу его оставить меня в покое».

Надо сказать, что впервые Лермонтов повстречался с ней ещё в детстве, когда бабушка привезла его на воды. «Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне мне неловко как-то спросить об этом... Белокурые волосы, голубые глаза... нет; с тех пор я ничего подобного не видел или это мне кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз... И так рано! В десять лет!» Это была Эмилия, но Лермонтов так и не узнал об этом. Да и она бы не вспомнила, если бы через несколько лет не прочитала его дневниковые записи: муж её, Аким Шан-Гирей, бережно хранил литературное наследство Лермонтова. Уже в XX веке дочь Эмили, Евгения Акимовна, призналась лермонтоведам: «Эта девочка была моя мать, она помнит, как бабушка ходила в дом Хастатовых и водила её играть с девочками, и мальчик-брюнет вбегал в комнату, конфузился и опять убегал, и девочки называли его Мишель».

13 июля, как намечалось, молодёжь собралась в доме Верзилиных.

«Я не говорила и не танцевала с Лермонтовым, потому что в этот вечер он продолжал свои поддразнивания. Тогда, переменяя тон насмешки, он сказал мне:

— Мадемуазель Эмилия, прошу вас на один только тур вальса, последний раз в моей жизни.

— Ну уж так и быть, в последний раз пойдёмте.

Михаил Юрьевич дал слово не сердить меня больше, и мы, провальсировав, усадились мирно разговаривать. К нам присоединился Л. С. Пушкин, который тоже отличался злоязычием, и принялись они вдвоём острить свой язык наперебой. Несмотря на мои предостережения, удержать их было трудно. Ничего злого особенно не говорили, но смешного много; но вот увидели Мартынова, разговаривающего очень любезно с младшей сестрой моей Надеждой, стоя у рояля, на котором играл князь Сергей Трубецкой. Не выдержал Лермонтов и начал острить на его счёт, называя его “горец с большим кинжалом”. Надо же было так случиться, что когда Трубецкой ударил последний аккорд, слово “кинжал” раздалось по всей зале. Мартынов побледнел, закусил губы, глаза его сверкнули гневом; он подошёл к нам и голосом весьма сдержанным сказал Лермонтову:

— Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах! — и так быстро отвернулся и отошёл прочь, что не дал и опомниться Лермонтову, а на моё замечание: “Язык мой — враг мой”, Михаил Юрьевич отвечал спокойно: “Это ничего, завтра мы будем добрыми друзьями”.

Танцы продолжались, и я думала, что тем кончилась вся ссора. На другой день Лермонтов и Столыпин должны были ехать в Железноводск. После уж рассказывали мне, что когда выходили от нас, то в передней же Мартынов повторил свою фразу, на что Лермонтов спросил: “Что ж, на дуэль, что ли, вызовешь меня за это?” Мартынов ответил решительно: “Да”, — и тут же назначили день.

Во флигеле Верзилиных вместе с Глебовым и Мартыновым жил Николай Раевский. За отличие в штурме крепости Ахульго, где находился Шамиль, он был награждён орденом святого Владимира IV степени, произведён в поручики, участвовал в Чеченском походе 1840 года, но больше служить не захотел. Раевскому было 22 года, Глебову — 21. После ссоры в верзилинском доме, они стали думать, как бы собраться всем вместе и помирить недавних друзей.

«Но ни тогда, ни после, до самой той минуты, когда мы узнали, что всё уже кончено, нам и в голову не приходили какие бы то ни было серьёзные опасения. Думали, так себе, повздорили приятели, а после и помирятся. Только хотелось бы, чтоб поскорее всё это кончилось, потому что мешала их ссора нашим увеселениям. На другое утро собрались мы в нашей с Глебовым комнате. Пришёл и поручик Руфин Иванович Дорохов, знаменитый тем, что в 14-ти дуэлях участие принимал. Как человек опытный, он дал совет:

— В таких случаях принято противников разлучать на некоторое время. Раздражение пройдёт, а там, Бог даст, и сами помирятся.

Мы согласились. Столыпин сейчас же пошёл в рабочую комнату, где Михаил Юрьевич чем-то был занят. Говорили они довольно долго, а мы сидели и ждали.

Столыпин нам после рассказывал, как было дело. Он, как только вошёл к нему, стал его уговаривать и сказал, что мы бы все рады были, кабы он уехал.

— Мало тебе и без того неприятностей? Только что эта история с Барантом, а тут опять. Уезжай ты, сделай милость!

Михаил Юрьевич не рассердился.

— Изволь, — говорит, — уеду, и всё сделаю, как вы хотите.

И сказал он тут же, что в случае дуэли, Мартынов пускай делает, как знает, а сам он целить не станет. “Рука, — сказал, — на этого дурака не поднимется”.

Как Столыпин рассказал нам все это, мы обрадовались. Велели лошадь седлать, и уехал наш Михаил Юрьевич в Железноводск. Устроили мы это дело, да и подумали, что конец, — и с Мартыновым всякие предосторожности оставили. Ан и вышло, что маху дали. Пошли к нему, стали его убеждать, а он сидит угрюмый.

— Нет, — говорит, — господа, я не шучу. Я много раз его просил прежде, как друга; а теперь уж от дуэли не откажусь.

Мы, как ни старались, ничего не помогло. Так и разошлись. Предали всё в руки времени. Авось-де он это так сгоряча, а после, может, и обойдётся» (Н. П. Раевский).

Уезжая в Железноводск, Лермонтов по пути заглянул к Екатерине Быховец, приглашая ехать вместе с ним, но она обещала прибыть на другой день. Возле дома, где квартировала семья Арнольди, Михаил Юрьевич увидел Александра, что-то рисующего перед открытым окном. Остановился на минуту. Арнольди сказал, что его мачеха и сестра перебрались в Железноводск, и завтра он собирается их навестить.

В отсутствие Лермонтова друзья, по словам Раевского, старались склонить Мартынова к мировой. Однако Мартынов уже знал, что Лермонтов не будет в него стрелять. Знал и то, что если убьёт поэта, наказание будет не строгим: государь давно недоволен Лермонтовым.

«Мартынов развеселился, о прошлом ни слова не поминает; стали подумывать о том, как бы изгнанника нашего из Железноводска вернуть: скучно ему там одному. Собрались мы опять. И Манзей тут был, и Руфин Дорохов, и князь Васильчиков. А тут и Мартынов жалует. Без всяких предисловий нас так и огорошил:

— Что ж, господа, скоро ли ожидается благополучное возвращение из путешествия? Я уж давно дожидаюсь. Можно бы понять, что я не шучу!

Тут кто-то из нас и спросил:

— Кто же у вас секундантом будет?

— Да вот, — отвечает, — я был бы очень благодарен князю Васильчикову, если б он согласился сделать мне эту честь! — И вышел.

А Дорохов опять своё слово вставил:

— Можно, господа, так устроить, чтобы секунданты постановили какие угодно условия.

Мы и порешили, чтобы они дрались в 30-ти шагах и чтобы Михаил Юрьевич стоял выше, чем Мартынов. Вверх труднее целить».

О тридцати шагах Раевский написал уже много лет спустя, прочитав в прессе воспоминания Васильчикова, где он нагло лжёт, указывая на тридцать шагов. Секунданты назначили шесть шагов, и противники могли стрелять трижды. Когда Мартынов был уже под следствием, Глебов с Васильчиковым написали ему: «Покамест не

упоминай об условии трёх выстрелов; если позже будет о том именно запрос, тогда делать нечего, надо будет сказать всю правду». Инициатором убийства был Васильчиков, и это подтверждает сам Раевский: «Князь Васильчиков сказал Мартынову, что будет его секундантом с условием, чтобы никаких возражений ни со стороны его самого, ни со стороны его противника не было. Посланные так и сказали Михаилу Юрьевичу. Он ответил, что согласен, повторил только, что целить не будет, на воздух выстрелит, и тут же попросил Глебова быть у него секундантом».

Васильчиков знал, что гордость не позволит Лермонтову отклонить условия дуэли.

Рано утром 15 июля Екатерина Быховец, как и обещала Лермонтову, в компании Льва Пушкина, Дмитриевского, и ещё нескольких человек отправилась в Железноводск.

«На половине дороги в колонии мы пили кофе и завтракали. Как приехали на Железные, Лермонтов сейчас прибежал; мы пошли в рошу и все там гуляли. Я всё с ним ходила под руку. Он при всех был весел, шутил, а когда мы были вдвоём, он ужасно грустил, говорил мне так, что сейчас можно догадаться, но мне в голову не приходила дуэль. Я знала причину его грусти и думала, что всё та же, — он был страстно влюблён в Варвару Александровну Бахметеву; она ему была кузина; он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был. Я уговаривала его, утешала, как могла, и с полными глазами слёз он меня благодарил, что я приехала. В колонии обедали. Уезжавши, он целует несколько раз мою руку и говорит:

— Cousine, душенька, счастливее этого часа не будет больше в моей жизни.

Я ещё над ним смеялась; так мы и отправились. Это было в пять часов».

В тот день, проехав Шотландку, Арнольди увидел перед одним из домов торопливые приготовления хозяев к какому-то пикнику, но не обратил на это внимания. Он торопился в Железноводск, так как огромная чёрная туча нагоняла его от Пятигорска, и крупные капли дождя падали на ярко освещённую местность. Навстречу попались Столыпин и Глебов на беговых дрожках. «Глебов правил, а Столыпин с ягдташем и ружьем через плечо имел пред собою что-то покрытое платком. На вопрос мой, куда они едут, они отвечали мне, что на охоту, а я ещё посоветовал им убить орла, которого неподалеку оттуда заметил на копне сена. Не подозревая того, что они едут на роковое свидание Лермонтова с Мартыновым, я приударил коня и пустился от них вскачь, так как дождь усилился. Несколько далее я встретил извозчицы дрожки с Дмитревским и Лермонтовым и на скаку поймал прощальный взгляд его... последний в жизни».

«Что-то покрытое платком» — был ящик с дуэльными пистолетами Кухенройтера, теми, из которых стрелялись Лермонтов с де Барантом и принадлежавшие Монго. Пистолеты с кремнево-ударными запалами и нарезным стволом. Через несколько лет Глебов расскажет Акиму Шан-Гирею: «Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений я от него не слышал. Всё, что он высказал за время переезда, это сожаление, что не мог получить увольнения от службы в Петербурге,

и что ему в военной службе едва ли удастся осуществить задуманный труд. “Я выработал уже план двух романов”, — говорил он».

Выходит, нагнав Столыпина с Глебовым, Лермонтов пересел к ним в дрожки, а Дмитриевский поехал к месту дуэли один.

Дуэль состоялась в седьмом часу вечера по левой стороне горы Машук. Врача не было. Секунданты отмерили барьер в шесть шагов, противники встали на крайних точках. По условию дуэли каждый из них имел право стрелять, когда ему вздумается, стоя на месте или подходя к барьеру. Кто были действительными секундантами, так и не выяснено. Глебов не мог бы кричать: «Стреляйте, или я вас разведу...» Мог кричать только Столыпин. На дуэли Лермонтова с Барантом он так же, продрогнув, злился. Единственный, кто оставил воспоминания о дуэли — это Васильчиков, но верить ему не приходится.

«Мы отмерили с Глебовым 30 шагов; последний барьер поставили на 10-ти и, разведя противников на крайние дистанции, положили им сходиться каждому на 10 шагов по команде: “Марш!” Лермонтов остался неподвижен и, взведя курок, поднял пистолет дулом вверх, заслоняясь рукой и локтем по всем правилам опытного дуэлиста».

Опытным дуэлянтом Лермонтов не был, так как стрелялся второй раз в жизни. Курок не взводил, поскольку уже объяснил, что не будет стрелять. Пистолет держал в опущенной руке, потому что поднимать пистолет было незачем. (На другой день после дуэли Васильчиков назвал следственной комиссии расстояние в 15 шагов, сознавая, что в 30 шагов да плюс от барьера 10, где стоял Лермонтов, никто не поверит.)

«В эту минуту, и в последний раз, я взглянул на Лермонтова и никогда не забуду того спокойного, почти весёлого выражения, которое играло на лице поэта перед дулом пистолета, уже направленного на него. Мартынов быстрыми шагами подошёл к барьеру. Противники столь долго не стреляли, что кто-то из секундантов заметил: “Скоро ли это кончится?” Мартынов взглянул на Лермонтова — на его лице играла насмешливая, полупрезрительная улыбка... Мартынов спустил курок. Раздался роковой выстрел. Лермонтов упал, как будто его скосило на месте, не сделав движения ни назад, ни вперед, не успев даже захватить большое место, как это обыкновенно делают люди раненные или ушибленные. Мы подбежали...»

Причиной заминки было то, что в Мартынове, как и Грушницком, началась борьба: выстрелить или нет? «Я решил предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда всё устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать» (М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени»).

Для удовлетворения своей гордости Мартынов мог выстрелить в руку или ногу противника, но он убил в упор. И в этот момент начался ливень.

«Он едва дышал; пуля пробила руку и правый бок. По увещеванию секундантов, Мартынов подошёл к Лермонтову и сказал: “Прости, Лермонтов!” Последний хотел что-то сказать, повернулся и умер со своей ужасно погубившей его улыбкою» (А. И. Васильчиков).

Впоследствии в разговоре с Висковатовым Васильчиков дополнил свой рассказ: «Вероятно, вид торопливо шедшего и целившего его в него Мартынова, вызвал в поэте новое ощущение. Лицо приняло

презрительное выражение, и он, всё не трогаясь с места, вытянул руку вверх, по-прежнему вверх же направляя дуло пистолета».

Не было на лице Лермонтова насмешливой, полупрезрительной улыбки, которая бы вызвала раздражение Мартынова! Лермонтов только пристально наблюдал: осталась ли в «друге» хоть капля человеческого чувства? Потому и случилась заминка: Мартынов не сразу решился на выстрел. И руку Лермонтов вверх не вытягивал, ибо сказал уже, что не будет стрелять. «Лермонтов упал, как будто его скосило на месте», «хотел что-то сказать, повернулся и умер со своей ужасною погубившею его улыбкою». Ложь! Пуля разворотила ему внутренности, и в таком состоянии уже невозможно движение, а тем более, какая-либо улыбка.

«Хотя признаки жизни уже, видимо, исчезли, но мы решили позвать доктора, — продолжает Васильчиков. — По предварительному нашему приглашению присутствовать при дуэли, доктора, к которым мы обращались, всё наотрез отказались. Я поскакал верхом в Пятигорск, заезжал к двум господам медикам, но получил такой же ответ, что на место поединка по случаю дурной погоды (шёл проливной дождь) они ехать не могут, а приедут на квартиру, когда привезут раненого. Когда я возвратился, Лермонтов уже мёртвый лежал на том же месте, где упал; около него Столыпин, Глебов и Трубецкой. Мартынов уехал прямо к коменданту объявить о дуэли».

Лжёт! О присутствии медика на дуэли, сразу не было речи. Мартынов выстрелил, и Лермонтов упал, как подкошенный. С перепугу все бросились наутёк. Бежали на дрожках, а не верхом — не было верховых лошадей. Бросили Глебова с телом убитого, крикнув ему, очевидно, что едут за доктором, и умчались. Почему именно Глебова — он был в компании самым безродным, и значит, незащищённым; один только Лермонтов относился к нему с любовью.

То, что не было верховых лошадей, свидетельствуют Арнольди, Глебов и Раевский. «На полпути в Железноводск встретил Столыпина и Глебова на беговых дрожках; Глебов правил. Несколько далее я встретил извозчицы дрожки с Дмитриевским и Лермонтовым». «Всю дорогу из Шотландки до места дуэли Лермонтов был в хорошем расположении духа. Никаких предсмертных распоряжений я от него не слышал». «После обеда, видим, что Мартынов с Васильчиковым выехали из ворот на дрожках. /Вероятно, и Трубецкой вместе с ними/. А мы дома пир готовим, шампанского накупили, чтобы примирение друзей отпраздновать. Так и решили, что Мартынов уж никак не попадёт. Ему первому стрелять, как обиженной стороне, а Михаил Юрьевич и совсем целить не станет. Значит, и кончится ничем».

О том, что были повозки, запротоколировала на другой день следственная комиссия, выехавшая на место дуэли: на земле остались отпечатки колёс. Три повозки стояли у места дуэли, и ни в одной не нашлось места поэту, чтобы в городе тотчас представить врачу. Глебов сидел один под проливным дождем, но всё-таки взял на колени голову Лермонтова, и в этот момент Лермонтов вздохнул. Глебова охватил ужас! Может быть, жив? Покрыв тело поэта своей шинелью, Глебов побежал в город. Об этом он сам рассказал Акимю Шан-Гирею.

«А мы дома с шампанским ждём. Видим, едут Мартынов и князь Васильчиков. Мы к ним навстречу бросились. Николай Соломонович

никому ни слова не сказал и, темнее ночи, к себе в комнату прошёл, а после прямо отправился к коменданту Ильяшенко и все рассказал ему. Мы с расспросами к князю, а он только и сказал: «Убит!» Мы чуть не рехнулись от неожиданности» (Н. П. Раевский).

Значит, Васильчиков прибыл вместе с Мартыновым. А как же тогда его уверения: «Я поскакал верхом в Пятигорск, заезжал к двум господам медикам... около него /Лермонтова остались/ Столыпин, Глебов и Трубецкой. Мартынов уехал прямо к коменданту объявить о дуэли?»

Раевский пишет, что Мартынов из дома отправился к коменданту, но вот что ответил Мартынов на вопрос следственной комиссии, по чьему приказанию, и в какое время тело убитого перевезено было с места дуэли на его квартиру: «Мне неизвестно, в какое время взято тело убитого поручика Лермонтова. Простившись с ним, я тотчас же возвратился домой; послал человека за своей черкеской, которая осталась на месте происшествия, чтобы явиться в ней к коменданту. Об остальном же и до сих пор ничего не знаю».

Он бедный, когда убежал, даже черкеску свою позабыл. По городу ходил слух, что Мартынов хотел улизнуть к черкесам, но по дороге был пойман. Кстати, черкеска была у него не одна, незачем в ливень и ночь посылать «человека», но он, вероятно, боялся оставить свой след. И, может быть, слух справедлив, что с перепугу Мартынов кинулся под защиту врагов.

А вот показания следственной комиссии Ивана Козлова — слуги Мартынова:

«Мною привезено со степи в расстоянии от города в 4-х верстах тело убитого поручика Лермонтова с помощью кучера Ивана Вертюкова в десять или же в одиннадцатом часу ночи, по приказанию приехавшего оттоль корнета Глебова».

То есть о перевозке тела волновался Глебов, сам не свой примчавшись с места дуэли (возможно, попросил в первых домах Пятигорска коня, чтобы быстрее). И привезли Михаила Юрьевича слуга Лермонтова Иван Вертюков и слуга Мартынова Иван Козлов. Лучший друг Лермонтова, близкий родственник — Монго, захватив свои пистолеты, сбежал в Железноводск, так как это была вторая дуэль с его участием. Куда убежал Трубецкой, неизвестно, может быть, вместе с Монго, поскольку тоже боялся: ему бы припомнили мнимоумершего графа А. М. Борха, которого они хоронили всем полком под траурный марш полкового оркестра.

Но князь Васильчиков врал, где только мог: «Столыпин и Глебов уехали в Пятигорск, чтобы распорядиться перевозкой тела, а меня с Трубецким оставили при убитом. Как теперь, помню странный эпизод этого рокового вечера; наше сиденье в поле при трупe Лермонтова продолжалось очень долго, потому что извозчики, следуя примеру храбрости господ докторов, тоже отказались один за другим ехать для перевозки тела убитого. Наступила ночь, ливень не прекращался... Вдруг мы услышали дальний топот лошадей по той же тропинке, где лежало тело, и, чтобы оттащить его в сторону, хотели его приподнять; от этого движения, как обыкновенно случается, спёртый воздух выступил из груди, но с таким звуком, что нам показалось, что это живой и болезненный вздох, и мы несколько минут были уверены, что Лермонтов ещё жив. Наконец, часов в одиннадцать ночи, явились

товарищи с извозчиком, наряженным, если не ошибаюсь, от полиции. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его все вместе до общей нашей квартиры».

Какова же тогда вера Васильчикову в его воспоминаниях о Лермонтове: «Он был шалун... например, когда к обеду подавали блюдо, которое он любил, то он с громким криком и смехом бросался на блюдо, вонзал свою вилку в лучшие куски, опустошал всё кушанье и часто оставлял всех нас без обеда». Получается, что у Лермонтова был не желудок, а курдюк. «Обедая каждый день в Пятигорской гостинице, он выдумал ещё следующую проказу. Собирая столовые тарелки, он сухим ударом в голову слегка их надламывал, но так, что образовывалась только едва заметная трещина, а тарелка держалась крепко, покуда не попадала при мытье посуды в горячую воду; тут она разом расплзалась, и несчастные служители вынимали из лохани вместо тарелок груды лома и черепков. Разумеется, что эта шутка не могла продолжаться долго, и Лермонтов поспешил сам заявить хозяину о своей виновности и невинности прислуги и расплатился щедро за свою забаву».

Что сказать о Васильчикове? Придумать, что Лермонтов бил грязные тарелки о свою голову, мог только дурак. Прозорливый Лермонтов не сразу понял Васильчикова в «кружке шестнадцати», а может быть, списывал кое-что на его юный возраст. Но когда понял, то «князю Ксандру» не поздоровилось:

*Велик князь Ксандр, и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной сребристой ярко освещён,
Но без зерна — пустой.*

В четырёх строчках Лермонтов сказал всё. Этот, едва переступивший порог своего двадцатилетия кандидат прав, имея возможность, как сын председателя Государственного совета, сделать блестящую карьеру, «принял приглашение ехать на Кавказ к барону Гану для введения там нового административного устройства». В действительности папаша выхлопотал ему это место. Миссия Гана не удалась, и Александр Васильчиков был отправлен в отпуск, оказавшись в Пятигорске.

Но послушаем дальше Николая Раевского:

«Приехал Глебов, сказал, что покрыл тело шинелью своею, а сам под дождём больше ждать не мог». Ещё одно доказательство, что с Лермонтовым оставался только Глебов.

А вот что пишет Эмилия Верзилина (Клингенберг):

«Собираться в сад должны были в шесть часов; но вот с четырёх начинает накрапывать мелкий дождь. Надеюсь, что он пройдёт, мы принарядились, а дождь всё сильнее да сильнее и разразился ливнем с сильнейшей грозой. Приходит Дмитриевский и, видя нас в вечерних туалетах, предлагает позвать этих господ всех сюда и устроить свой бал».

Лжёт! Не до балов Дмитриевскому было.

«Не успел он докончить, как вбегает в залу полковник Зельмиц (он жил в одном доме с Мартыновым и Глебовым) с растрёпанными длинными седыми волосами, с испуганным лицом, размахивает

руками и кричит: “Один наповал, другой под арестом!” Мы бросились к нему — что такое, кто наповал, где? “Лермонтов убит!” Такое известие, и столь внезапное, до того поразило матушку, что с ней сделалась истерика; едва могли её успокоить. От Дмитриевского узнали мы подробнее, что случилось».

Верзилина, таким образом, подтверждает, что Дмитриевский был на дуэли.

«Когда мы несколько пришли в себя от такого тревожения, — продолжает она, — переоделись и, сидя у открытого окна, смотрели на проходящих, то видели, как проскакал Васильчиков к коменданту и за доктором; позднее провели Глебова под караул на гауптвахту. Мартынова же, как отставного, посадили в тюрьму, где он провёл ужасных три ночи в сообществе двух арестантов, из которых один всё читал псалтырь, а другой произносил страшные ругательства. Это говорил нам сам Мартынов впоследствии».

Лжёт! Никуда Васильчиков не скакал, он затаился в своей квартире, и пришёл к коменданту на другой день, да и то уже вынужденно. Глебова не вели под караулом, он сам отдался в руки Ильяшенкову. Мартынов был арестован позднее.

«Комендант Ильяшенков, когда Глебов явился к нему после дуэли и, рассказав о печальном событии, просил арестовать, до такой степени растерялся, что не знал, что делать. Расспрашивая Глебова о происшествии, он суетился, бегал из одной комнаты в другую, делал совершенно неуместные замечания; наконец послал за плац-адъютантом и, переговорив с ним, приказал арестовать Мартынова» (служащий Пятигорской военной комендатуры В. И. Чилиев).

«Пятигорскому плац-майору
господину подполковнику Унтилову.
16 Июля 1841 г.

Лейб-гвардии Конного полка корнет Глебов вчерашнего числа в вечеру пришел ко мне в квартиру, объявил, что отставной майор Мартынов убил на дуэли Тенгинского пехотного полка Поручика Лермонтова, и что эта дуэль происходила версты за четыре от города Пятигорска у подошвы горы Машухи.

Подлинное подписал: полковник Ильяшенков».

Тело Лермонтова привезли сначала к дому Чилиева, но Глебов уже доложил о дуэли коменданту, «и он приказал отвезти его на гауптвахту. Привезли на гауптвахту, возник вопрос: что с ним делать? Оказалось, что телу на гауптвахте не место, повезли его к церкви Всех Скорбящих (что на бульваре) и положили на паперти. Тут оно лежало несколько времени, и только под вечер /ночью!/, по чьему-то внушению, тело было отвезено на квартиру» (В. И. Чилиев).

Когда тело привезли с церковной паперти, слуги Лермонтова положили его на кровать, затем убрали рабочую комнату Михаила Юрьевича и положили его на стол.

«Гвоздев, услышав о происшествии и не зная наверное, что случилось, в смутном ожидании отправился на квартиру Лермонтова и там увидел окровавленный труп поэта. Над ним рыдал его слуга. Все, там находившиеся, были в большом смущении. Грустно и больно было ему

видеть бездыханным того, чья жизнь так много обещала! Невольно тогда приятелю моему пришли на память стихи убитого товарища: «Погиб поэт, невольник чести» (А. М. Меринский).

XXXII

«Когда страшная весть о его кончине пронеслась по городу, я тотчас же отправился разыскивать его квартиру. Вхожу в сени, налево дверь затворенная, а направо, в открытую дверь, увидел труп поэта, покрытый простынёй, на столе; под ним медный таз; на дне его ала кровь, которая за несколько часов ещё сочилась из груди его. Но вот что меня особенно поразило тогда: я ожидал тут встретить толпу поклонников погибшего поэта и, к величайшему удивлению моему, не застал ни одной души» (А. Чарыков).

Позже пришёл врач Барклай-де-Толли в сопровождении подполковника Унтилова, заседателя Черепанова, стряпчего Ольшанского и жандармского подполковника Кушинникова. Было произведено вскрытие тела.

«Пистолетная пуля, попав в правый бок ниже последнего ребра при срастании рёбер с хрящом, пробила правое и левое лёгкое, поднимаясь вверх, вышла между пятым и шестым ребром левой стороны и при выходе порезала мягкие части левого плеча» (Медицинское заключение № 34, выданное 16 июля 1841 года ординатором Пятигорского военного госпиталя И. Е. Барклаем-де-Толли).

Тем же составом, взяв с собой надзирателя Марушевского, Глебова и Васильчикова, которому всё же пришлось идти к коменданту, поехали осматривать место дуэли. Васильчиков указал, что стрелялись с 15 шагов. В тот же день секунданта были допрошены. На вопрос «кто из дуэлянтов сделал первый выстрел», Глебов ответил: «После первого выстрела, сделанного Мартыновым, Лермонтов упал, будучи ранен в правый бок навывлет, почему и не мог сделать своего выстрела». Васильчиков подтвердил: «Майор Мартынов выстрелил. Поручик Лермонтов упал уже без чувств и не успел дать своего выстрела».

Лгали оба.

На вопрос «какая причина была поводом к дуэли», ответили:

Глебов: «Поводом к дуэли были насмешки со стороны Лермонтова насчёт Мартынова, который, как говорил мне, предупреждал несколько раз Лермонтова, но, не видя конца его насмешкам, объявил Лермонтову, что он заставит его молчать, на что Лермонтов отвечал ему, что вместо угроз, которых он не боится, требовал бы удовлетворения».

Васильчиков: «В самый день ссоры, когда майор Мартынов при мне подошёл к поручику Лермонтову и просил его не повторять насмешек для него обидных, сей последний отвечал что он не вправе запретить ему говорить и смеяться, что, впрочем, если обижен, то может его вызвать и что он всегда готов к удовлетворению. Вышеприведённые слова сего последнего как бы подстрекали к вызову».

Был допрошен Мартынов. На вопрос «какая причина была поводом к дуэли», ответил то же, что сказали Васильчиков и Глебов: сам он не хотел дуэли, но Лермонтов вынудил к ней. Прибавил ещё, что его выстрел в Лермонтова имел случайный характер.

От такого единодушия судьи пришли в замешательство: явно виделся предварительный сговор.

(Как Лермонтов общался с этим бесчестными и трусливыми людьми?! Прав Пушкин: гении простодушны и доверчивы.)

Город разделился на две партии: одна защищала Мартынова, другая, оправдывала Лермонтова. «Было слышно даже несколько таких озлобленных голосов против Мартынова, что, не будь он арестован, ему бы несдобровать».

«На другой день я видел Лермонтова в его квартире на столе, в белой рубашке. Комната была пуста, и в углу валялась его канаусовая малиновая рубашка с кровавыми пятнами» (А. И. Арнольди).

«Я ещё не знал о смерти его, когда встретился с товарищем сибирской ссылки, Вигелиным, который, обратившись ко мне, вдруг сказал: — Знаешь ли ты, что Лермонтов убит?

Ежели бы гром упал к моим ногам, я бы и тогда, думаю, был менее поражен, чем на этот раз. “Когда? Кем?” — мог только воскликнуть.

Мы оба с Вигелиным пошли к квартире покойника, и тут я увидел Михаила Юрьевича на столе, уже в чистой рубашке и обращённого головою к окну. Человек его обмахивал мух с лица покойника, а живописец Шведе снимал портрет с него масляными красками. Дамы — знакомые и незнакомые — и весь любопытный люд стали тесниться в небольшой комнате, а первые являлись и украшали безжизненное тело поэта цветами... Полный грустных дум, я вышел на бульвар. Во всех углах, на всех аллеях только и было разговоров, что о происшествии. Я заметил, что прежде в Пятигорске не было ни одного жандармского офицера, но тут, бог знает откуда, их появилось множество, и на каждой лавочке отдыхало, кажется, по одному голубому мундиру. Они, как чёрные враны, почувствовали мёртвое тело и нахлынули в мирный приют исцеления, чтобы узнать, отчего, почему, зачем, и потом доносить по команде, правдиво или ложно» (Н. И. Лорер).

Во дворе дома Чилиева стал собираться народ. Ходили смотреть на убитого — в основном из любопытства. Расспрашивали о причине дуэли. Никто ничего не знал наверняка. Заговорили о «ссоре двух офицеров из-за барышни». Называли то Эмилию, то Надежду Верзилиных, то Екатерину Быховец. «Это хождение туда-сюда продолжалось до полуночи. Все говорили шепотом, точно боялись, чтобы слова их не раздались в воздухе и не разбудили бы поэта, спавшего уже непробудным сном. На бульваре и музыка два дня не играла».

«А мы дома снуем из угла в угол как потерянные. Только уж часов в одиннадцать ночи /16-го июля/ приехал к нам комендант Ильяшенков, сказал, что гроб уж он заказал, и велел нам завтра пойти священника попросить. Мы уж и сами об этом подумывали, потому что знали, что бабушка поэта очень богомольная и никогда бы не утешилась, если б её внука похоронили не по церковным установлениям. На другой день Столыпин и я отправились к священнику единственной в то время православной церковки в Пятигорске /церковь Всех Скорбящих Радость/. Встретила нас попадья, сказала, что слышала о нашем несчастье, заплакала, но тут же прибавила, что батюшки нет и что вернётся он только к вечеру. Мы стали её просить, целовали у неё и ручки, чтобы уговорила она батюшку весь обряд совершить. Она нам обещала свое содействие, а мы, чтоб уж она не

могла на попятный пойти, тут же ей и подарочек прислали, разных шелков тогдашних, их, покупая, о цене не спрашивали.

Вернулись домой, а народу много набралось: и приезжие, и офицеры, и казачки из слободки. Принесли и гроб, и хорошо так его белым газетом обили. Мы уж собрались тело в него класть, когда кто-то из публики сказал, что так нельзя, что надо сперва гроб освятить. А где нам святой воды достать! Да у кого-то из прислуги нашлась. Мы хотя, в гроб тело положивши, и пропели все хором «Святой Боже, святой крепкий...» и покрестились, но полагали, что этого недостаточно, и очень беспокоились об отсутствии священника.

Опять мы с Столыпиным пошли к священнику. Матушка-то его предупредила, но он всё же не сразу согласился, и пришлось Столыпину вместо 50-ти, 200 рублей ему пообещать. Однако батюшка всё настаивал на том, что по такой-то-де главе «Стоглава» дуэлисты причтены к самоубийцам и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается и хоронить его следует вне кладбища. Боялся он очень от архиерея за это выговор получить. Мы стали уверять его, что архиерей не узнает, а он тут и говорит:

— Вот если бы комендант дал мне записочку, что в своём доносе он обо мне не упомянет, я был бы спокоен.

Мы попробовали у Ильяшенкова эту записочку для священника выпросить, но он сказал, что этого нельзя, а велел на словах передать, что хуже будет, когда узнают, что такого человека дали без заупокойных служений похоронить. Сказали мы это батюшке /Павлу Александровскому/, а он опять заартачился. Однако когда ему ещё и икону обещали в церковь дать, он обещался прийти. А икона была богатая, в серебряной ризе и с камнями драгоценными, — одна из тех, которых бабушка Михаила Юрьевича ему целый иконостас надарила» (Н. П. Раевский).

Уговоры священника длились долго.

«Руфин Дорохов горячился больше всех, просил, грозил и, наконец, терпение его лопнуло: он как буря накинулся на священника и непременно бы избил его, если бы не был насильно удержан Львом Пушкиным, князем Трубецким и другими» (А. С. Гангеблов).

Находившийся при этом священник Василий Эрастов пришёл в негодование, тайком забрал ключи от храма, запер его и скрылся.

«Отец Павел Александровский, хотя и получил разъяснение от следственной комиссии, что смерть Лермонтова не должна быть причислена к самоубийству, лишаящему умершего христианского погребения, всё же не смог отпеть поэта в церкви, Эрастов активно тому противился: забрав тайком ключи от храма, он скрылся, найти его не смогли.

Мы вернулись домой. Народу — море целое. Все ждут, а священника всё нет. Как тут быть? Вдруг из публики католический ксендз, спасибо ему, вызвался.

— Отец Павел боится, — говорит, — а я не боюсь, и понимаю, что такого человека, как собаку, не хоронят. Давайте-ка я литию и панихиду отслужу.

Мы к этому были привычны, так как в поход с нами ходили по очереди то католический, то православный священник, поэтому с радостью согласились.

Когда он отслужил, то и лютеранский священник, тут бывший, гроб благословил, речь сказал и по-своему стал служить. Одного только православного батюшки при сём не было. Уж народ стал расходиться, когда он пришёл, и, узнавши, что священнослужители других вероисповеданий служили прежде него, отказался служить, так как нашёл, что этого довольно. Насилу мы его убедили, что на похоронах человека греко-российского вероисповедания полагается и служение православное» (Н. П. Раевский).

И всё-таки, отслужив панихиду, Александровский не вписал имя Лермонтова в церковно-метрическую книгу. Получилось, что Лермонтова похоронили без отпевания. (Через несколько месяцев Эрастов обвинит отца Павла в том, что в метрической книге нет записи об отпевании поручика Лермонтова, но похоронен поручик на кладбище, где не положено хоронить самоубийц.)

Во время панихиды многие стояли в другой комнате, где лежал окровавленный сюртук поэта, и никому не пришло в голову сохранить его. За оградой дома народ волновался, Дорохов прямо называл Мартынова убийцей, были горячие головы, которые выражали желание мстить и вызвать Мартынова на дуэль! Плац-майор Унтилов несколько раз выходил из квартиры Лермонтова успокаивать толпу.

«В 4 или 5 часов пополудни, я, слышавши, что имеет быть погребено тело умершего поручика Лермонтова, пошёл, по примеру других, к квартире покойника, у ворот коей встретил большое стечение жителей Пятигорска и посетителей минеральных вод. Духовенство погребальным гласом начало пение: “Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас”, и с этим вместе медленно выходило из двора; за этим вслед было несено из комнат тело усопшего поручика Лермонтова» (Коллежский секретарь Д. Рощановский, из показаний следственной комиссии).

«При выносе же тела, когда увидел наш батюшка музыку и солдат, как и следует на похоронах офицера, он опять испугался.

— Убереите трубачей, — говорит, — нельзя, чтобы самоубийцу так хоронили» (Н. П. Раевский).

Люди шли за гробом так тихо, что слышен был шорох сухой травы под ногами. Потом стали коротко переговариваться; затем, не опасаясь больше паникёра отца Павла, полковой оркестр заиграл траурный марш. Погода стояла солнечная, тёплая. Непосредственно за гробом шли начальник Штаба войск Кавказской линии и Черномории Александр Степанович Траскин, комендант Пятигорской крепости Василий Иванович Ильяшенков, и свыше пятидесяти штаб- и обер-офицеров все в белых шарфах.

«В сопровождении целого Пятигорска, священника и музыки мы отнесли Михаила Юрьевича на руках в последнее его жилище. По странному стечению обстоятельств, на похоронах поэта случились представители всех тех полков, в которых служил покойный, так как там были С. Д. Безобразов — командир Нижегородского драгунского полка, А. Ф. Тиран — лейб-гусарского, я — Гродненского гусарского, и дядя мой Н. И. Лорер — Тенгинского пехотного полка. Дамы забросали могилу цветами, и многие из них плакали, а я и теперь ещё помню выражение лица и светлую слезу Иды Мусиной-Пушкиной, когда она маленькой своей ручонкой кидала последнюю горсточку земли на прах любимого ею человека» (А. И. Арнольди).

«Вы думаете, все плакали по Лермонтову? Все радовались» (священник Василий Эрастов).

«Теперь слышишь, все Лермонтова жалеют, все его любят... Хотел бы я, чтоб он вошёл сюда хоть сейчас: всех бы оскорбил, кого-нибудь осмеял бы...» (А. Ф. Тиран).

«Когда могилу засыпали, так тут же её чуть не разобрали: все бросились на память об Лермонтове камешков мелких с его могилы набирать. Потом долгое ещё время всем пятигорским золотых дел мастерам только и работы было, что вделывать в браслеты, серьги и брошки эти камешки. А кольца в моду вошли тогда масонские, такие, что с одной стороны гордиев узел, как тогда называли, а с другой камень с могилы Лермонтова. После похорон был поминальный обед, на который пригодилось наше угощение, приготовленное за два дня пред тем с совсем иною целью. Тогда же Столыпин отдал батюшке и деньги, и икону; а мы тогда же черновую рукопись "Героя нашего времени", оказавшуюся в столе в рабочей комнате /Лермонтова/, на память по листкам разобрали» (Н. П. Раевский).

На могилу был положен небольшой камень, как временный памятник, на котором значилось: «Поручик Тенгинского пехотного полка Михаил Юрьевич Лермонтов».

Александр Арнольди зарисовал дом в Кисловодске, где происходило действие повести «Княжна Мэри», веранду дома в Пятигорске, где они с Лермонтовым часто сидели вместе, и временную могилу Михаила Юрьевича.

У Арнольди хранилась картина маслом, написанная Лермонтовым — кавказский вид снеговых гор при закате солнца, а также черкесский пояс с серебряной «жерничкой» покойного, который он получил на память о поэте. Все эти вещи он передал через несколько лет генерал-майору Бильдерлингу в Лермонтовский музей, устроенный в школе юнкеров.

В юности Михаил Юрьевич мечтал о такой же судьбе, как у Байрона. И это сбылось. Его поэтический гений встал вровень с гением Байрона, заслужив мировую славу. Так же, как Байрон, он умер не в бою, хоть оба были уверены, что погибнут в сражении.

Как истинный друг человечества, уважавший и понимавший все народы и все религии, Михаил Юрьевич, пусть и невольно, но был отпет тремя священниками: католическим, лютеранским и православным. Это ли не протянутая к нему рука Бога! И первый, кто откликнулся стихами на его смерть, был осетинский поэт Коста Хетагуров.

XXXIII

Письмо П. Т. Полеводина к неустановленному лицу:

«Теперь 6-й день после печального события, но ропот не умолкает, явно требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу. Пушкин Лев Сергеевич, родной брат нашего бессмертного поэта, весьма убит смертью Лермонтова, он был лучший его приятель. Уверяет, что эта дуэль сделана против всех правил и чести».

Москва первая узнала о смерти Лермонтова. Генерал Ермолов гневно воскликнул: «Уж я бы не спустил этому Мартынову! Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно

послать, да вынувши часы считать через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вельможа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься».

Из письма А. Я. Булгакова П. А. Вяземскому. Москва, 31 июля.

«Не знаю, известно ли уже у вас /в Петербурге/ о смерти Лермонтова. Он убит — и убит не черкесом, не чеченцем, а убит русским на дуэли. Сообщу тебе подробности, кои мне известны и кои слышал от Пуляты. Мартынов подошёл к самому Лермонтову и выстрелил ему прямо в сердце. Удивительно, что секунданты допустили такой бесчеловечный поступок. Слышно также, что Мартынов хотел бежать в Одессу, а другие говорят, что к горцам, как будто Одесса не та же Россия. Секунданты на гауптвахте, а Мартынов посажен в острог. Армия закавказская оплакивает потерю храброго своего офицера, а Россия одного из лучших своих поэтов. Не стало Лермонтова!..»

Из письма П. А. Вяземского А. Я. Булгакову:

«В нашу поэзию стреляют удачнее, нежели в Людвиг-Филиппа. Второй раз не дают промаха. Да, сердечно жаль Лермонтова, особенно узнавши, что он был так бесчеловечно убит. На Пушкина целила, по крайней мере, французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова».

«Государь по окончании литургии /в дворцовой церкви/, войдя во внутренние покои кушать чай со своими, громко сказал: “Получено известие, что Лермонтов убит на поединке. Собаке — собачья смерть!” Сидевшая за чаем великая княгиня Мария Павловна вспыхнула и отнеслась к этим словам с горьким укором. Государь внял сестре своей (на десять лет его старше) и, вошедши назад в комнату перед церковью, где ещё оставались бывшие у богослужения лица, сказал: “Господа, получено известие, что тот, кто мог заменить нам Пушкина, убит”» (М. В. Воронцова).

Командующий войсками Кавказской линии и Черномории П. Х. Грабе — начальнику штаба войск Кавказской линии и Черномории А. С. Траскину: «Несчастливая судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти».

Аудитор начальника штаба войск — командиру Кавалергардского полка: «Надо вам рассиропить историю полка, а то ведь у вас только два убийцы — Дантес и Мартынов».

XXXIV

О смерти любимого Мишеньки Елизавета Алексеевна узнала спустя почти месяц: из Москвы приехал Алексей Лопухин. По его убитому виду Арсеньева всё поняла. Велела пустить ей кровь. И уже после попросила Лопухина сказать всю правду. Тихо, покорно приняла она страшную весть. У неё в это время жила Мария Акимовна Шан-Гирей, собираясь вместе с Акимом ехать в Тарханы, и Елизавета Алексеевна решила уехать с ними.

Варенька Лопухина слегла, узнав о смерти Лермонтова.

«Последние известия о моей сестре Бахметевой поистине печальны. Она вновь больна, её нервы так расстроены, что она вынуждена

была провести около двух недель в постели, настолько была слаба. Муж предлагал ей ехать в Москву — она отказалась, за границу — отказалась, и заявила, что решительно не желает больше лечиться. Быть может, я ошибаюсь, но я отношу это расстройство к смерти Мишеля, поскольку эти обстоятельства так близко сходятся, что это не может не возбудить известных подозрений» (М. А. Попухина, из письма Верещагиной).

У Елизаветы Алексеевны отнялись ноги. Запретила при ней произносить не только имя внука, но даже слово «поэт».

Кое-как добралась до Тархан, где Мария Акимовна объявила о смерти Михаила Юрьевича. Страшный плач стоял по селу! От всеобщего неподдельного горя с Арсеньевой случился припадок. После того стало резко снижаться зрение. Все вещи, тетради, игрушки внука она раздала, — их вид вызывал у неё бурные слёзы. Псалтырь, на обложке которого десятилетний Миша написал: «Сия книга принадлежит М. Lermantoff. М. Лермантов», Арсеньева подарила Акиму Шан-Гирею. «Екиму Павловичу Шан-Гирей. Знаю, что тебе приятна будет эта книга — она принадлежала тому, кого ты любил. Читай её, мой друг. Е. А. 1841». На том же листе Шан-Гирей написал: «Лермонтов 15-го июля 1841 убит на дуэли».

Образ Спаса Нерукотворного, которым её благословил ещё дед, и которому она ежедневно молилась о здравии Мишеньки, Арсеньева велела отнести в церковь, сказав: «И я ли не молилась этому образу, а он всё-таки его не спас...»

Всеми силами она теперь добивалась вернуть тело внука в Тарханы.

XXXV

Михаил Глебов, как военный, был поначалу посажен на гауптвахту, но почти сразу, принимая во внимание, что его рана ещё в опасности, отправлен под домашний арест. Васильчиков тоже выпросил относительную свободу: «Меня перевели по моей просьбе в Кисловодск, потому что нарзан мне необходим. Я живу здесь в слободке скромно, вдвоём с Столыпиным. Меня выпускают в ванны и на воды с часовым».

Глебов больше всех переживал за своё участие в дуэли. Сын мелкопоместного дворянина, без связей, он знал, что ему не избежать сурового наказания, в то время как Васильчиков, сын председателя Государственного совета, отделается легко. Догадываясь, что осторожный Мартынов не стал бы убивать Лермонтова, если бы не имел надежды на заступничество. Глебов теперь прилагал все усилия, чтобы выкрутиться.

Мартыновым и секундантами занималось жандармское министерство, вёл допросы подполковник Кушинников, усиленно добиваясь знать: была ли дуэль по всем правилам, или было убийство? И ещё один человек добивался того же — плац-майор Унтилов.

Мартынов и секунданты имели возможность переписываться, и Глебов наставлял Мартынова: «Посылаем тебе брүльон 8-й статьи. Ты к нему можешь прибавить по своему уразумению; но это сущность нашего ответа. Прочие ответы твои совершенно согласуются с нашими, исключая того, что Васильчиков поехал верхом на своей

лошади, а не в дрожках беговых со мной. Ты так и скажи. Лермонтов же поехал на моей лошади: так и пишем».

Как ни вертели Мартынов и секунданты, выгораживая себя, Унтилов им не верил. Почувствовав это, Мартынов решил признаться: «По условию дуэли, каждый из нас имел право стрелять когда ему вздумается, стоя на месте или подходя к барьеру. Я первый пришёл на барьер; ждал несколько времени выстрела Лермонтова, потом спустил курок».

Свои показания он переправил Васильчикову и Глебову. Друзья разозлились: «Признаться тебе, твое письмо несколько было нам неприятно. Я и Васильчиков не только по обязанности защищаем тебя везде и во всем, но и потому, что не видим ничего дурного с твоей стороны в деле Лермонтова и приписываем этот выстрел несчастному случаю (все это знают, судьба так хотела, тем более, что ты в третий раз в жизни своей стрелял из пистолета; второй, когда у тебя пистолеты рвало в руке, и этот третий), и совсем не потому, чтобы ты хотел пролить кровь, в доказательство чего приводим то, что ты сам не походил на себя, бросился к Лермонтову в ту секунду, как он упал, и простился с ним. Что же касается до правды, то мы отклоняемся только в отношении Трубецкого и Столыпина, которых имена не должны быть упомянуты ни в каком случае».

Все трое уверяли следственную комиссию в виновности Лермонтова, он привязывался к Мартынову с самого приезда в Пятигорск, на вечере у Верзилиных смеялся над ним, и когда Мартынов его попросил прекратить, он ответил: «Ты не можешь мне запретить говорить про тебя то, что я хочу».

Допрошенные слуги Мартынова и Лермонтова в один голос уверяли, что никаких ссор или размолвок между Лермонтовым и Мартыновым не было «жили дружно, и даже в тот день /15 июля/ никаких ссор не происходило».

Окружной суд обратился к Мартынову с вопросами: «Вами ли был размерен барьер или же секундантами и по вашему ли с Лермонтовым согласию было назначено это расстояние для выстрела? Чьи были пистолеты и заряды и сами ли вы заряжали оные или кто другой? Не заметили ли вы у пистолета Лермонтова осечки или он выжидал вами произведенного выстрела, и не было ли употреблено с вашей стороны или секундантов намерения к лишению жизни Лермонтова?»

Узнав об этих вопросах, Васильчиков перепугался: «Непременно и непременно требуй военного суда. Гражданским тебя замучат. Полицмейстер на тебя зол, и ты будешь у него в лапках. Проси коменданта, чтобы он передал твое письмо Траскину. Столыпин судился /после дуэли Лермонтова с Барантом/ военным судом».

Мартынов ответил: «Узнай от Столыпина, как он это сделал? Комендант был у меня сегодня; очень мил, предлагал переменить тюрьму, продолжить лечение и впускать ко мне всех знакомых и проч. А бестия стряпчий пытал меня, не проболтаюсь ли. Когда увижу тебя, расскажу, в чём».

Исполняющий должность стряпчего Пятигорска Ольшанский был уверен, что дуэли не было, было убийство. «...Для Ольшанского ясно, что поединка, как такового, не было» (из анализа материалов следствия).

По подсказке Васильчикова, Мартынов отправил письмо Бенкендорфу:

«Сиятельный граф, милостивый государь. Бедственная история моя с Лермонтовым заставляет меня утруждать Вас всепокорнейшею просьбою. По этому делу я передан теперь гражданскому суду. Служивши постоянно до сих пор в военной службе, я свыкся с ходом дел военных ведомств и властей и потому за счастье почёл бы быть судимым военными законами. Не оставьте, Ваше Сиятельство, просьбу мою благословенным вниманием. Я лишь себя надеждою на милостивое ходатайство Ваше, тем более что сентенция военного суда может доставить мне в будущем возможность искупить проступок собственной кровью на службе Царя и отечества».

Это письмо, для отправки в Петербург, Мартынов передал через кого-то Глебову, разъяснив письменно: «Чего я могу ожидать от гражданского суда? Путешествия в холодные страны? Вещь совсем не привлекательная. Южный климат гораздо полезнее для моего здоровья, а деятельная жизнь заставит меня забыть то, что во всяком месте было бы нестерпимо моему раздражительному характеру».

Между тем Кушинников и Ольшанский продолжали задавать ему вопросы, на которые трудно было ответить. Например, почему, измученный насмешками Лермонтова, Мартынов не обратился в суд? Пришлось Мартынову сочинять более вескую причину дуэли: якобы Лермонтов вывел его сестру княжной Мэри в романе «Герой нашего времени», чем глубоко оскорбил не только её, но и его, Мартынова.

Допустить причиной только несчастную «княжну Мэри» было нельзя. Об этом ему прямо заявил Кушинников. И Мартынов припомнил пропавший пакет! Присовокупив, что с письмами в нём находился дневник Натальи Мартыновой, он повернул дело так, что Лермонтов, безответно влюблённый в его сестру, знал о наличии дневника и был заинтересован прочесть его.

Не было дневника! Стоит вспомнить письмо Мартынова к матери и её ответ: «Триста рублей, которые вы мне послали через Лермонтова, получил, но писем никаких, потому что его обокрали в дороге... Если вы помните содержание вашего письма, то сделайте одолжение — повторите; также и сестёр попросите от меня». «Как мы все огорчены, что наши письма, писанные через Лермонтова, до тебя не дошли. Он освободил тебя от труда их прочитать, потому что в самом деле тебе бы пришлось читать много: твои сёстры целый день писали их».

О «пропавшем пакете» Кушинников отправил донесение Дубельту в Петербург, нисколько не веря этому вымыслу. И если бы дело Мартынова продолжало вести жандармское министерство, Кушинников бы докопался до истины. Но Бенкендорф снизошел к нижайшей просьбе Мартынова: дело передали военному суду. Мартынова перевели из тюрьмы на гауптвахту.

«Когда его перевели на гауптвахту, которая была тогда у бульвара, то ему позволено было выходить вечером в сопровождении солдата подышать чистым воздухом, и вот мы однажды, гуляя на бульваре, встретили нечаянно Мартынова. Это было уже осенью; его белая черкеска, чёрный бархатный бешмет с малиновой подкладкой произвели на нас неприятное впечатление. Я не скоро могла заговорить

с ним, а сестра Надя положительно не могла преодолеть своего страха. Васильчикову и Глебову заменили гауптвахту домашним арестом. Они /все трое/ бывали у нас каждый день до окончания следствия и выезда из Пятигорска. Старательно мы все избегали произнести имя Лермонтова, чтобы не возбудить в Мартынове неприятного воспоминания о горестном событии» (Э. А. Верзилина).

Дружеские отношения Верзилиных с убийцами поэта дали повод горожанам думать, что в дуэли был всё же виновен Лермонтов. Мартынов не упускал возможности рассказать о несчастной своей сестре и пропавшем пакете, и за Лермонтовым пополз шлейф непоправочного человека. Как тут не вспомнить его строки:

*За всё, за всё Тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слёз, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне
Недолго я ещё благодарил.*

Пятигорский окружной суд непременно потребовал бы переписку Мартынова, в которой ни он, ни его мать, ни о каком дневнике, вложенном в пакет, не упоминали. Но дело Мартынова по требованию военного министра было передано Траскину, да к тому же с указанием императора закончить как можно скорее. Закончили в 4 дня. По совету Траскина, переданному через Васильчикова и Глебова, Мартынов исключил из своих показаний упоминание об условиях дуэли. «Покамест не упоминай об условии трёх выстрелов, — пишет Глебов, — если позже будет о том именно запрос, тогда делать нечего, надо будет сказать всю правду».

Глебов при допросе дополнил: «О старой же вражде между нами, нам, секундантам, не было известно. Мартынов и Лермонтов нам об этом не говорили». Тем самым он подтвердил «княжну Мэри» и «пропавший дневник». С количеством секундантов Васильчиков и Глебов запутали комиссию. Сперва секундантом был один Глебов, потом добавился Васильчиков, потом оказалось, что командовали на дуэли то Столыпин, то Трубецкой.

Суд вынес решение: «Подсудимых — отставного майора Мартынова, за произведение с поручиком Лермонтовым дуэли, на которой убил его, а корнета Глебова и князя Васильчикова за принятие на себя посредничества при этой дуэли, лишить чинов и прав состояния».

Согласно установленному порядку, окончательное решение принимал император, и Николай I вынес свою резолюцию: «Майора Мартынова посадить в крепость на гауптвахту на три месяца и предать церковному покаянию, а титулярного советника князя Васильчикова и корнета Глебова простить, первого во внимание к заслугам отца, а второго по уважению полученной им в сражении тяжелой раны».

Постановление военного суда гласило: Мартынову отбыть трёхмесячный арест на Киевской крепостной гауптвахте; срок церковного покаяния для него назначит Киевская духовная консистория.

XXXVI

Священник Василий Эрастов через месяц после похорон Лермонтова затеял тяжбу с настоятелем Павлом Александровским за то, что «он, погребши в июле месяце тело убитого на дуэли Лермонтова, в статью метрических за 1841 год книг его не вписал, и данные 200 рублей ассигнациями в доходную книжку причта не внёс». В результате, 15 декабря 1841 года было начато «Дело по рапорту Пятигорской Скорбященской церкви Василия Эрастова о погребении в той же церкви протоиереем Павлом Александровским тела напавал убитого на дуэли поручика Лермонтова».

В это время Арсеньева добилась перезахоронения тела любимого Мишеньки.

Из документа, разрешающего провоз тела и выправленного в Чембаре 12 февраля 1842 года, Иван Вертюков был в числе тех, кого Арсеньева послала за останками Михаила Юрьевича. Кроме него значились Андрей Соколов и Иван Соколов. До Пятигорска они добрались в середине марта. 22 марта гроб с телом Лермонтова был вырыт из могилы.

«Ранней весной 1842 г. офицер Куликовский посетил могилу Лермонтова. Камень с надписью, по вырытии праха поэта, лежал рядом с могилой, которая оставалась незакопанною. Вдруг пронёсся слух, что кто-то хотел похитить этот камень, и благодетельное начальство приказало зарыть его в могилу. “Через несколько дней по увозе тела Лермонтова из Пятигорска, в одну из родительских суббот, я сам видел, — говорил упомянутый выше офицер, — камень был сброшен уже в могилу и стоял в ней торчком, где его после и зарыли. Теперь нет никакого следа могилы, немногие старожилы узнают это место, по углублению в земле, но я уже указать вам не могу”» (П. К. Мартыанов. «Всемирный труд», 1870 г.)

25 дней слуги везли тело Лермонтова. Задолго до Тархан крестьяне Арсеньевой сняли с телеги гроб, запаянный в тяжёлый свинцовый ящик, накрытый чёрным бархатом, и понесли своего Михаила Юрьевича на руках. Когда дошли до Тархан, послышалось похоронное пение деревенского хора.

Лицо бабушки было как каменное, глаза от постоянных слёз уже ничего не видели. Дотронулась рукой до холодного ящика, спросила: «Здесь ли мой Мишенька?..»

Состоялось отпевание Михаила Юрьевича. Были Мария Акимовна, Павел Петрович, Аким и Катя Шан-Гирей, Евреиновы, множество соседей и все крестьяне Тархан. Из церкви к часовне Елизавета Алексеевна шла за гробом тихо, низко опустив голову. Аким Шан-Гирей и Павел Евреинов вели её под руки. Михаил Юрьевич был погребён в фамильном склепе рядом с дедом и матерью, о чём урядник Москвин отрапортовал пензенскому губернатору. Над могилой поэта установили памятник из чёрного мрамора; на лицевой стороне его под позолоченным лавровым венком надпись: «Михайло Юрьевич Лермонтов», на левой стороне: «Родился 1814 года, 3 октября», справа: «Скончался 1841 года, 15 июля».

Время перезахоронения Михаила Юрьевича совпало с наступающими Пасхальными праздниками, но Арсеньева объявила по селу траур, и, снисходя к её горю, священники не стали проводить обязательной праздничной службы. За что получили выговор от епископа.

Вместе с прахом Лермонтова были доставлены его вещи и рукописи, которые Монго оставил под ответственность Василия Ивановича Чилиева. Разбирая вещи, Аким Шан-Гирей обнаружил записную книжку В. Ф. Одоевского, подаренную поэту перед отъездом его из Петербурга, в ней были стихотворения Лермонтова. Самым последним стояло «Нет, не тебя так пылко я люблю» — предсмертная память о Вареньке. Она пережила его на десять лет, и тихо угасла. Похоронили её в Малом соборе Донского монастыря.

После перезахоронения Мишеньки, над тремя дорогами могилами Арсеньева выстроила часовню. Перед входом в неё распорядилась посадить дуб — как хотел её Мишенька.

*Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.*

Крестьяне вырыли в лесу несколько молодых дубков, посадили вблизи часовни, но прижилось только одно деревце — возле входа.

Елизавета Алексеевна умерла в 1845 году в возрасте 72 лет, и была похоронена в той же семейной часовне. По её духовному завещанию владельцем Тархан стал её брат Афанасий Алексеевич Столыпин. Ему же она завещала раздать 300 тысяч рублей нескольким родственникам. «Другим наследникам и родственникам до вышеобъясненного имения и денежного капитала дела нет и ни почему не вступаться в сие моё приобретение».

За два года до смерти, Арсеньева дала вольную Андрею Соколову, но он никуда не ушёл, жил в маленьком флигеле на барской усадьбе, продолжая исполнять обязанности слуги.

«На дворе, в ста шагах от дома, построен маленький флигелёк, где давно уже проводит свои грустные дни бывший слуга Лермонтова, дряхлый, слепой старик, когда-то всей душой преданный поэту. Если вы спросите у него, помнит ли он своего барина? — Андрей Иванович привстанет с своего места и весь задрожит. “Портрет, — усиливается он произнести, — портрет”... и несёт показать вам сделанный масляной краской снимок лица, чей образ ему так мил и дорог» («Пензенские губернские ведомости», 1867 г.)

Андрей Иванович умер в 1875 году в возрасте 80 лет и был погребён в Тарханах. До конца своих дней он свято берёт вещи М. Ю. Лермонтова. Только благодаря ему часть вещей сохранилась: шкатулка орехового дерева с бронзовой отделкой, эпoletы корнета с одной звёздочкой, сафьяновые чуваки с серебряным позументом черкесской работы, купленные Лермонтовым на Кавказе. Но не сохранился портрет Михаила Юрьевича.

В 1883 году внучка Авдотьи Петровны Пожогойной-Отрашкевич передала в Лермонтовский музей юнкерской школы, переименованной в Николаевское кавалерийское училище, портреты прадеда, деда, отца и матери поэта, а также два рисунка Лермонтова. Сын Алексея Попухина передал в музей Николаевского училища портрет герцога Лермы, который приснился 16-летнему Мише, когда он ночевал у Попухиных. «Позвольте мне, бывшему воспитаннику Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, коего рождение воспето Лермонтовым («Ребенка милого рожденье...»), принести свой вклад в устроенный Вашим превосходительством Лермонтовский музей. Этот

портрет приснившегося человека постоянно висел в кабинете отца, от которого и перешёл мне по наследству» (из обращения А. А. Лопухина к А. А. Бильдерлингу).

С картины Лермонтова «Крестовый перевал», подаренной поэтом В. Ф. Одоевскому, знаменитый живописец Архип Иванович Куинджи сделал прекрасную копию.

XXXVII

В 1844 году Аким Павлович Шан-Гирей, служивший адъютантом начальника полевой конной артиллерии, подал в отставку. Уехал в Пятигорск и приобрёл небольшое имение неподалеку от города. Семь лет спустя женился на Эмили Александровне Верзилиной, дружески принимавшей Мартынова после убийства поэта. Шан-Гирею было 32 года, Эмили 36. Репутацию она имела весьма нехорошую. За два года до роковой дуэли она сошлась с князем Барятинским, а потом избавлялась от «плода любви», — Барятинский выслал ей в возмещение 50 тысяч. Эта дама была, очевидно, доступной, иначе бы не составили на неё стишок «за девицей Эмили молодёжь как кобели», перефразировав экспромт Лермонтова. Однако смогла околпачить Шан-Гирея. В семье родились сын и дочь.

Аким Павлович занимался ирригационными работами на Кавказе, открыв месторождение серы в Нахичеванском уезде. Бывал у Святослава Раевского в Пензе, и вместе они подготовили ряд документов о Лермонтове, которые предполагалось издать. В 1860 году Святослав Афанасьевич написал ему: «Соглашаясь на напечатание избранных тобою его бумаг, которые я берегу, как лучшие мои воспоминания, я считаю необходимым к избранному тобою письму его, писанному ко мне в Петрозаводск, присовокупить мои объяснения. В этом письме Мишель, между прочим, написал, что я пострадал через него». Раевский разъяснял, что, упомянув на допросе его имя, Лермонтов не причинил ему вреда: у него уже раньше были несогласия по службе, и Клейнмихель воспользовался этим. «Записывая это, — пояснял Святослав Афанасьевич, — для отнятия права упрекать память благородного Мишеля».

Раевский горячо любил и по-настоящему понимал Лермонтова. Ценные, хоть и короткие сведения передал он пензенскому учителю Хохрякову, собирателю материалов о Лермонтове, ими пользовались потом первые биографы Лермонтова, в том числе П. А. Висковатов. Многие годы и буквально по крупицам собирали они материалы о жизни поэта, разыскивали его стихи, записанные в альбомы друзей и знакомых, либо на отдельных листочках и не всегда рукой Лермонтова. Не удивительно, что Висковатов ошибочно опубликовал пародию Д. Д. Минаева под фамилией Лермонтова:

*Прошай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.*

«Имя великого поэта, на первый взгляд, и впрямь выглядело достоверно, так как пародия эта заканчивалась словами: “Быть может,

за стеной Кавказа сокроюсь от твоих пашей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей". Но разве мог Лермонтов, боготворивший Пушкина, так надругаться над его строкой "Прощай, свободная стихия!" Многие русские литературоведы возмущённо доказывали непричастность Михаила Юрьевича к данной фальшивке, но, несмотря ни на что, весь XX век Лермонтову приписывалось это гнусное стихотворение, переходя во все школьные учебники, во все томики и собрания сочинений поэта» (В. В. Хатюшин).

При жизни Михаила Юрьевича был издан единственный томик его стихов. В 1843 году Краевский переиздал его роман «Герой нашего времени». С 1842 по 1844 год вышло расширенное издание стихотворений поэта, а в 1847-м — двухтомник «Сочинения Лермонтова».

С 1856 года стали выходить заграничные издания произведений Михаила Юрьевича, в 1873 году были напечатаны его письма, переизданные в 1880, 1882, 1887 годах. К 1891 году Павел Александрович Висковатов подготовил биографию поэта, которая вошла в шестой том его собрания сочинений.

«Я не знаю языка лучше, чем у Лермонтова. Я бы так сделал: взял его рассказ /«Тамань»/ и разбирал бы, как разбирают в школах, по предложениям, по частям предложения. Так бы и учился писать. Не могу понять, как мог он, будучи мальчиком, сделать это! Вот бы написать такую вещь, тогда бы и умереть можно!» (А. П. Чехов).

Стихи Лермонтова перекладывали на музыку, по его поэме «Демон» Григорий Рубинштейн написал оперу. После Революции 1917 года интерес к творчеству М. Ю. Лермонтова ещё усилился. По его произведениям были поставлены фильмы, в театрах играли «Маскарад». Нет человека в России, кто не читал бы его произведений.

Особое место в его творчестве занимают стихи о Родине. Как сильно отзывались они в русских сердцах во время Великой Отечественной войны, когда фашисты рвались к Москве! На всех газетных полосах и плакатах были словно вот только что написанные строки из «Бородина»: «Ребята! Не Москва ль за нами?» Никогда ни один из поэтов не был так близок и дорог людям, готовящимся сдержать клятву верности и ценой своей жизни спасти свою землю.

В 1974 году из Шипово в Тарханы был перевезён прах Юрия Петровича Лермонтова и перезахоронен рядом с часовней, где упокоились его жена и гениальный сын.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Алексей Аркадьевич Столыпин (Монго) уехал из Пятигорска, как только окончил лечебный курс. Во время крымской компании храбро дрался под Севастополем, участвовал в его обороне, за боевое отличие получил золотое оружие и чин майора. В тот же период у него обнаружили признаки чахотки. Попросил Николая I разрешить ему лечение за границей; император отказал. Согласие было получено позже, благодаря поддержке лейб-медика Мандта, но было упущено время. В Париже Монго перевел на французский язык роман «Герой нашего времени». Хотел ли загладить свою вину перед Лермонтовым или имела другая побудительная причина, но он дал редакции основание написать: «Господин Лермонтов недавно погиб на дуэли».

Это было первое печатное сообщение о дуэли Лермонтова. Умер Монго во Флоренции, в возрасте 44 лет.

Михаил Павлович Глебов, излечившись от ранения, отправился на Кавказ адъютантом командира Отдельного Кавказского корпуса. 28 сентября 1843 года в районе Ставрополя был захвачен горцами в плен, и томился в плену два месяца. Для освобождения молодого офицера генерал Нейдгардт подкупил «своих» горцев, и они выкрали его. В 1843–1845 годах в Тифлисе Глебов встречался с немецким литератором Боденштедтом, которому передал для перевода 17 стихотворений М. Ю. Лермонтова, ныне утраченных. На Кавказе заслужил множество наград, славу отчаянного храбреца и неустрашимого воина. 9 августа 1847 года ротмистр лейб-гвардии Конного полка Михаил Павлович Глебов был убит выстрелом в голову при перестрелке в осаде аула Салты. В момент своей гибели сидел на коне перед готовящимся к атаке батальоном. Было ему, как и Лермонтову, 26 лет.

Руфин Иванович Дорохов продолжал служить на Кавказе в небольших офицерских чинах и погиб в 1852 году во время одного из сражений, изрубленный незаметно подкравшейся партией горцев. Очевидец рассказывал: «На моих глазах было, когда он погиб. Кстати, как удивлен я был, читая “Войну и Мир” Толстого лет 30 тому назад. Ведь его Долохов написан с моего старого знакомого Руфина Ивановича Дорохова! Толстой мог знать его в самый последний год его жизни, так как Дорохов был убит год спустя по прибытии Льва Николаевича на Кавказ. Но, несомненно, что все характеристические черты и особенности Долохова взяты Толстым с Дорохова. Да, это был человек даже на Кавказе среди отчаянно храбрых людей поразивший своей холодной, решительной смелостью».

Александр Иванович Арнольди, участвуя в 1842 году в Ичкерийской экспедиции в составе Моздокского казачьего полка, получил чин штаб-ротмистра. Через год, возвратившись в Гродненский полк, служил в нём свыше двадцати лет. В 1849 году участвовал с полком в Венгерском походе. В 1877–1878 годах во время русско-турецкой войны командовал 4-й кавалерийской дивизией и стал первым русским губернатором болгарской столицы Софии.

Александр Илларионович Васильчиков долгое время жил в благополучии, родил троих детей, но когда в печати стали появляться статьи о дуэли Лермонтова с Мартыновым, забеспокоился. В 1867 году вышла книга А. Любавского «Русские уголовные процессы», где автор как опытный юрист добросовестно привёл два варианта описания дуэли, воспользовавшись ответами Васильчикова и Мартынова на вопросы следственной комиссии. Васильчиков показывал, что один из секундантов подал знак рукою, и дуэлянты, по сему знаку сойдясь к барьеру, остановились. Мартынов же показывала иное: «он, Мартынов, первый подошёл к барьеру, ждал несколько времени выстрела Лермонтова, потом спустил курок». Публика заговорила об убийстве поэта, тучи над Мартыновым и Васильчиковым сгустились. И мёртвый поэт торжествовал над ними!

Васильчиков написал пространные воспоминания, обеляя себя со всех сторон, но добился обратного: ложь его скоро была раскрыта и стали говорить, что он-то и был инициатором убийства.

Николай Соломонович Мартынов был помещён на три месяца на гауптвахту в Киеве, после чего Киевская духовная консистория

определила ему покаяние сроком в 15 лет. Но уже 11 августа 1842 года Мартынов подал прошение в Святейший Синод, ходатайствуя, «сколько возможно, облегчить участь». Синод отклонил просьбу, указав, что в случае истинного раскаяния Мартынова духовный его отец может и по своему усмотрению сократить время епитимьи. Действительно, в следующем году срок был сокращён до семи лет. Тогда Мартынов обратился в духовную консисторию с «покорнейшею просьбою о смягчении приговора, о дозволении во время церковного покаяния иметь жительство, где домашние обстоятельства того требуют». Просьба была удовлетворена.

«Мне случилось в 1843 году встретиться в Киеве с тем, кто имел несчастье убить Лермонтова; он там исполнял возложенную на него епитимию и не мог равнодушно говорить об этом поединке; всякий год в роковой его день служил панихиду по убиенном, и довольно странно случилось, что как бы нарочно прислали ему в тот самый день портрет Лермонтова; это его чрезвычайно взволновало» (А. Н. Муравьёв).

Напрасно Муравьёв поверил стенаниям Мартынова: Николай Соломонович отмечал роковую дату не панихидой по Лермонтову, а очередным прошением о сокращении срока покаяния.

И. Дельвиг тоже встречал Мартынова в Киеве:

«У генерал-губернатора Юго-Западного края Бибикова было несколько балов, на которых танцевал, между прочим, Мартынов, убивший на дуэли поэта Лермонтова и посланный в Киев на церковное покаяние, которое, как видно, не было строго, потому что Мартынов участвовал на всех балах и вечерах и даже через эту несчастную дуэль сделался знаменитостью. Каждый век российской истории рождает своих геростратов. Кто-то из них поджигает, кто-то из-за угла убивает, кто-то разваливает государства».

«Мартынов обыкновенно ходил с какой-то дамой, не очень молодой, небольшого роста и достаточно черноватой; при них было двое детей. Об этом тоже ходили какие-то разговоры... Кстати, передам об одном случае с Мартыновым; о том рассказал мне мой отец, который, кажется, сам даже был свидетелем этого случая. После обедни в церкви Киево-Печерской Лавры митрополит Филарет вышел с крестом, к которому все стали прикладываться. Мартынов, перед тем разговаривавший с дамами, подошёл за ними ко кресту и, наскоро проделав подобие крестного знамения, хотел, в свою очередь, поцеловать крест. “Не так”, — громко заметил ему митрополит. Мартынов сконфузился, но очень скоро перекрестился и снова наклонился к кресту. “Не так!” — снова сказал митрополит и прибавил: “Спаситель заповедал нам креститься таким образом: Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь”. При этом митрополит весьма истово перекрестился. Мартынов в свою очередь так же истово прочёл молитву и перекрестился. Тогда святитель глубоко вздохнул и сказал: “Так”, дал поцеловать крест и удалился в алтарь. Об этом случае долго шумел в то время весь Киев» (А. И. Маркевич).

Было с чего шуметь: человек, который не первый год находился на покаянии, а значит, бывший на всех церковных службах, не знает, как правильно перекреститься и что нужно сказать, прикладываясь к кресту. Как же смотрели за ним святые отцы? И как же он «кался»?

Такой лицедей не мог не убить Лермонтова. Знал, что Лермонтов рано ли поздно выведет его на чистую воду. Вот и причина убийства.

Лицедейство было, как видно, семейной чертой Мартыновых. То мамыны стоны о «прочитанных» письмах, то «княжна Мэри»; а 1852 году младшая сестра Мартынова в разговоре с Я. К. Гротом утверждала, что Мартынов вынужден был выйти в отставку из-за дуэли с Лермонтовым. Не много и лет-то прошло, чтобы ей запомнить.

В 1846 году Мартынов был полностью избавлен от епитимьи. За год до этого он женился на дочери киевского губернского предводителя. После Киева поселился в Москве в отчем доме. При посредничестве Васильчикова записался в Английский клуб, играл в карты и был, вероятно, счастлив встречаться в клубе с Бахметевым, мужем Вареньки Лопухиной, который всей душой ненавидел Лермонтова.

За годы совместной жизни супруги Мартыновы родили пять дочерей и шестерых сыновей. Мартынов несколько раз пытался в печати обелить себя: его, как и Васильчикова, пугали появлявшиеся расследования дуэли. Злился, что слава Лермонтова растёт с каждым днем: выходят книги в России и за границей, стихи учат во всех гимназиях, готовится к постановке опера «Демон», романсы на стихи Лермонтова исполняют знаменитые певцы — русские и зарубежные, гастрوليрующие в России.

Пророчески сказал Лермонтов в восемнадцать лет:

*Я рождён, чтоб целый мир был зритель
Торжества иль гибели моей.*

«Мне было уже пятнадцать лет, и я был страшно поражен, что слышу о Лермонтове, как о лично знакомом говорящему... Я встречал Мартынова в Париже. Мы, тогда молодые люди, окружили его, стали дразнить, обвинять:

— Вы убили солнце русской поэзии! Вам не совестно?!

— Господа, сказал он, — если бы вы знали, что это был за человек! Он был невыносим. Если бы я промахнулся тогда, то я бы убил его потом. Когда он появлялся в обществе, единственной его целью было испортить всем настроение. Все танцевали, веселились, а он садился где-то в уголке и начинал над кем-нибудь смеяться, посылать из своего угла записки с гнусными эпиграммами. Поднимался скандал, кто-то начинал рыдать, у всех портилось настроение. Вот тогда Лермонтов чувствовал себя в порядке...» (А. А. Игнатьев).

Молодой граф Игнатьев поверил, что Мартынов говорит искренне, и до конца своих дней ненавидел Лермонтова. Из уст его родственников, из уст его друзей и покровителей шла молва о неслыхном характере Михаила Юрьевича.

Владимир Михайлович Голицын хорошо помнил Мартынова:

«Жил он в Москве уже вдовцом, в своём доме в Леонтьевском переулке, окружённый многочисленным семейством, из коего двое его сыновей были моими университетскими товарищами. Я часто бывал в этом доме и не могу не сказать, что Мартынов-отец как нельзя лучше оправдывал данную ему молодёжью кличку «Статуя командора». Каким-то холодом веяло от всей его фигуры: беловолосой, с неподвижным лицом, суровым взглядом. Стоило ему появиться в компании

молодёжи, часто собиравшейся у его сыновей, как болтовня, веселье, шум и гам разом прекращались и воспроизводилась известная сцена из «Дон-Жуана». Он был мистик, по-видимому, занимался вызыванием духов, стены его кабинета были увешаны картинами самого таинственного содержания, но такое настроение не мешало ему каждый вечер вести в клубе крупную игру в карты, причем его партнеры ощущали тот холод, который, по-видимому, присущ был самой его натуре».

Умер Николай Мартынов в 1875 году в возрасте 60 лет и был похоронен в семейном склепе возле подмосковного села Иевлево. В 1924 году в этой усадьбе разместилась колония для беспризорников. Прошедшие огонь, воду и медные трубы, колонисты дружно разорили склеп, изъяв то, что было в нём ценного, а кости Мартынова вместе с костями всех остальных, кто покоился там, утопили в пруду.

Светлана ИВАНОВА

КУДА ДЕВАЛИСЬ ДОМОВЫЕ?

Опыт анализа произведений Ирины Христолюбовой*

Повести-сказки Ирины Христолюбовой для детей «Топало», «Топало и чертёнок Тришка», «Загадочная личность» по популярности не уступают произведениям Льва Давыдычева, Льва Кузьмина и в то же время мало изучаются в школах. Между тем они могут дать детям много радости узнавания нового и опыт исследовательской работы.

Такой опыт накоплен в гимназии N 4 имени братьев Каменских города Перми.

Что же под силу исследовать учащимся средних классов школы, что может быть им интересно?

Во-первых, сущность героя повести-сказки И. Христолюбовой: он воплощает собой промежуточную категорию между духом и человеком. У него есть имя, как у человека. В то же время это имя фантастическое. Это имя существительное среднего рода, образованное от глагола. Имена домовых обозначают их занятия (Думало, Вертило, Дразнило, Крутило), особенности характера (Хитрило, Глупило), привычки (Топало, Возюкало). Итак, имя героя соединяет его с миром реальным и фантастическим.

Внешность Топало также объединяет его с двумя мирами: он невидим для людей, но тень выдаёт в нём фигуру обычного человека. Интересно, что Топало тяготеет своей невидимостью и «очеловечивается», то одеваясь, то оберегаясь от мороза, то стремясь себя приукрасить. Как у людей, у Топало есть возраст: он знает, что ему 150 лет, но для домового это всего лишь молодость. И он гордится своей способностью жить долго, ведь это благо и для окружающих. Так, он спас от смерти осинку, напомнив Нюшкиному отцу, кто посадил её много лет назад. Он один помнил прадеда Родьки — мельника из их деревни. Читатель видит, как Родька начинает ценить свои корни. Таким образом, возраст Топало делает его хранителем исторической памяти, очень важным лицом для всей деревни. Но если со способностью быть невидимым Топало расстался бы без сожаления, то со способностью жить долго Топало ещё не готов расстаться. Возможно ли, что Топало решится это сделать?



Светлана Михайловна ИВАНОВА родилась 24 мая 1945 года в г. Челябинск. Окончила Челябинский педагогический институт, педагогический стаж — 52 года. Заслуженный учитель РФ. Автор многочисленных статей по вопросам преподавания произведений художественной литературы; на протяжении многих лет С. М. Иванова — активная участница литературной жизни Перми. Это организация встреч учащихся с писателями, проведение праздников по литературному краеведению, в том числе по творчеству И. П. Христолюбовой. За годы работы педагогом собраны уникальные материалы. Работа продолжается. Живёт в Перми.

* Опубликовано в сборнике «Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции». — Пермь, 2007, С. 293–297.

Вспомним, что с бессмертием расстался Николас Фламель, герой романа Дж. К. Роулинг «Гарри Поттер и философский камень», во имя того, чтобы не смог воцеловечиться злой волшебник. Отказывается от бессмертия и выбирает короткую человеческую жизнь эльфийка Арвен, так как она полюбила смертного человека Арагорна (по роману Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»). Скорее всего, и остальные домовые в повести И. Христолюбовой расстались с долгожительством и превратились в людей. Возможно, этот путь пройдет и Топало.

Домового Топало отличает от людей и то, что он умеет, как и все домовые, разговаривать с животными, насекомыми, растениями. Он становится своеобразным переводчиком между людьми и животными. Рядом с ним всем становится жить спокойнее и ладнее. В образе Топало воплощена давняя мечта человечества о всемирном языке, о возможности взаимопонимания.

В обыденной жизни Топало мы можем найти признаки разговорной речи деревенских жителей (повторы, пословицы) и признаки поэтической речи (обилие олицетворений, слов в переносном значении, инверсии).

Учащимся интересно наблюдать за эволюцией образа Топало: он всё больше очеловечивается в своём образе жизни, в интересах, привычках, действиях. Так, он переселился с чердака в избу, облюбовав себе место на печке. Его всё меньше интересуют занятия домового, вместо них он занимается делами людей. Он возит с полей сено, топит печку, печёт блины, Зойку спать укладывает. Сам себе он придумал занятие ухаживать за животными. И свободное от человеческих забот время проводит, как человек: полюбил смотреть телепередачи, мечтает о путешествиях.

У Топало развиваются черты характера человека, причём прекрасного человека: он спасает тонущего Родьку, он скромный, за свои дела и поступки не ждёт ни поощрения, ни награды, для него его поведение является естественным.

Почему же Топало вынужден вести себя как человек? Учащиеся находят ответ на этот вопрос: в его родной деревне Кутузы почти не осталось людей, особенно мужчин, деревня умирает. И Топало не остается равнодушным к этой проблеме. «Топало, оставшись один на всю деревню, стал совершенно незаменимым. Если бы он был человек, сказали бы: “Совершенно незаменимый человек”. Но нет такого выражения: “Совершенно незаменимый домовый”».

Топало ломает голову, куда делись его друзья, остальные домовые. Они не могли переехать, как Думало: их хозяева сменили место жительства, но домовых рядом с ними нет. Они не могли умереть, так как были еще молоды. Мы знаем, что по своему желанию домовые могут превращаться в людей. Скорее всего, так они и сделали. Об этом нам говорит эволюция образа Топало.

Произведение И. Христолюбовой — многожанровое: оно одновременно сказочное, фантастическое (в нем происходят волшебные события, есть волшебные герои), и носит характер бытописания (мы многое узнаем о жизни пермских крестьян), это и философское произведение (в нем поднимаются проблемы добра и зла). Но наибольший интерес у учащихся вызывают задания, связанные с доказательством мысли, что эта повесть — юмористическая. В ней много эпизодов, в которых показан юмор ситуации, связанный с

невидимостью Топало. Это и перелет рыб из ведра обратно в реку, и подзатыльник, который получил Родька, и странное мяуканье на пустой палубе... Другой эпизод связан с неумением Топало посылать мысли на расстояние: его сигнал получил вовсе не Думало, которому оно было адресовано, а матрос Коля, решивший, что принял сигнал от инопланетян. Ребята с удовольствием инсценируют и иллюстрируют эти сцены.

Современные школьники с удовольствием сопоставляют двух домовых: Топало и Добби, героя романа Дж.К.Роулинг «Гарри Поттер и тайная комната». Оба они домовые, но в их образах больше различий, чем сходства. Топало живет в реальной русской, пермской избе, а Добби – в вымышленном мире волшебников. Топало видит свою задачу в помощи людям, животным и растениям и делает это успешно. Добби же, выполняя задачу защиты хозяев, подвергает окружающих опасности. К этим персонажам разное отношение хозяев. Баба Дуся и Зойка уважают Топало, доверяют ему, выполняют его желания. А Добби в доме Малфоев всегда унижен.

Эти персонажи сходны в том, что оба изображены в процессе эволюции. Топало стремится быть похожим на людей, а Добби – освободиться от своих хозяев Малфоев, стать независимым от них.

Почему же два домовых изображены такими разными? Эти литературные герои как будто имеют национальность. В Топало мы видим черты русского крестьянина, причем именно пермского. Топало живет в мире реальных людей, поэтому его личность максимально приближена к их образам. А волшебный мир Добби «существует» в другой стране, живущей по другим законам.

Приведённые выше исследования произвели ученики 6-го класса Марина Иванова, Артём Коротаев, Геннадий Оборин. Семиклассница Юлия Муллаярова выполнила более трудную задачу, изучив стилистические особенности повести-сказки И. Христоробовой.

Она выяснила, что органичное переплетение в повести реального и фантастического миров отражает взаимодействие рационального и эмоционального начал в мире.

Эмоциональное отношение к миру несут в себе герои, живущие в деревне, охраняющие традиции народной жизни и веру в то, что, помимо людей, землю населяют множество других существ, способных переживать, дружить, любить. В мире этих героев живут говорящие стрекозы, птицы, домовые — члены их семей. В этом мире все живые существа живут в удивительной гармонии, помогают друг другу.

Рациональное отношение к миру свойственно другой группе героев сказки – членам семьи Мельниковых. Глава этой семьи — папа — учёный-философ, мама — конструктор. Всё в мире они объясняют с научной точки зрения. Но оказывается, что есть в жизни что-то такое, что подвластно лишь воображению, фантазии.

Сталкиваясь с непонятным, неизвестным, рациональные люди со своим желанием непременно объяснить непонятное через известное выглядят комично и неизбежно проигрывают. Но постепенно каждый из героев начинает осознавать, что, не принимая в жизни её эмоциональные, фантастические стороны, или, наоборот, рациональные, человек обедняет себя и свой мир.

Для стилистики повести характерно сложное переплетение книжных и разговорных форм речи. Сочетаясь и обогащая друг друга,

эти формы речи воссоздают взаимодействие между двумя мирами в жизни — реальным и фантастическим.

Рациональные люди воспринимают другой мир лишь как очень странный и смешной, нелепый (названия первых главок «Странно, очень странно», «Странности продолжаются», первое впечатление о Зойке у Родьки — «смешно одетая»). Не случайно слово «странный» — одно из ключевых в повести.

Для речи этих героев характерно использование книжных слов и оборотов, научных понятий (контактная, клетка мозга, местного характера, картина природы и др.). Описывая окружающий их мир, они даже в бытовой жизни как бы вскрывают закономерности (мама: на кораблях бывают кошки, в поезде все спешат, ждут свою станцию), это отражается в использовании форм глаголов настоящего вневременного. Кроме того, в их речи используются фразеологические обороты, собственные книжной речи (загадочные явления природы, аномальное явление, оздоровительный бег).

Главки, посвящённые рассказу о жизни домовых, вообще о жизни деревни, пропитаны интонациями народной речи, фольклорным духом быличек, в которых о фантастических вещах рассказывается как о настоящих.

В стилистике этих главок многие приметы поэтики фольклора: олицетворения («нога» у осины «сохнет»), разнообразные повторы, многозначность слов.

Здесь и номинация, характерная для языка фольклора, — форма имён существительных, обозначающих имена домовых.

В целом строю предложений в этих главах свойствен разговорный характер. Так, распространены устойчивые лексико-синтаксические структуры, характерные для синтаксиса быличек: глагольные формулы, используемые для называния действий, совершаемых домовыми (Топало запыхтел, заскрипел, обиделся, залез на чердак). Речи героев свойственна разговорная инверсия, ассоциативность.

Обращение к творчеству И. Христолюбовой может происходить в разных формах. Мы сочли продуктивной проектную деятельность. В течение нескольких месяцев учащиеся 6-го классов готовились к завершаемому празднику: знакомились с произведениями избранного автора, инсценировали выбранные эпизоды, создавали иллюстрации к произведениям, работали над рефератами, создавали видеоряд на электронных носителях, сочиняли стихотворения и стилизации.

Приведём пример одной из стилизаций. Автор — Иван Бурдин, 6 «А» класс.

История с историей.

Однажды Родька Мельников сидел на уроке истории в своей 17-й школе с испуганным лицом. Всё дело было в том, что он впервые не выучил урок. И, как назло, Татьяна Витальевна, конечно же, спросила Родьку. В этот момент в дверь класса постучали и кто-то скрипучим голосом произнёс: «Можно войти?» Весь класс так и умер от хохота. Ребята подумали, что это шутка хулигана из соседнего класса. Учительница бросилась из класса, чтобы разыскать проказника. И даже сам Родька не догадался, что это пришёл ему на помощь домовый Топало...

Вскоре прозвенел звонок, но Родьку это, увы, не спасло. Татьяна Витальевна заставила его отвечать на перемене. Родьке нечего было сказать. После затянувшегося молчания строгая учительница собралась ставить двойку «гордости школы». И только она открыла журнал, как кто-то её ткнул. Тут только Родька сообразил, что такое мог сотворить только Топало. Понятно: Зойка теперь живёт в городе, и домовому не трудно пробежать до школы. И тут журнал сам по себе полетел по классу.

Родька стал героем дня. Директор отчитывал его за хулиганство, потому что на дверях его класса появилась надпись: «Здесь был Родька». Родька молчал, директор собирался устроить разборку по поводу «летучего журнала», и тут к надписи на двери добавились следующие слова: «Топало тоже был здесь!»

Вдруг учителя и ученики услышали скрипучий голос: «Мальчик виноват только в том, что не выучил урок. А все остальные происшествия — мои выходки, шутки домового Топало! И меня вам всё равно не поймать! Поэтому я предлагаю собрание прервать!»

Директор школы только тяжело вздохнул.

На заключительном празднике в параллели 6-х классов произошёл своеобразный отчёт о проделанной работе: были прочитаны рефераты, сыграны сценки, прозвучали лучшие творческие работы, награждены самые активные участники проекта. Праздник украшали рисунки, фотографии. Эмоциональной доминантой праздника стала встреча с Ириной Петровной Христолюбовой, которая высоко оценила работу учащихся и одарила их автографами на новой книге.

Все материалы проекта перенесены на электронный носитель, в результате чего их можно использовать на уроках внеклассного чтения, в преподавании литературного краеведения, на классных часах и праздниках.

Заметим, что подобные проекты были проведены нами по творчеству Л. И. Давыдычева, Л. И. Кузьмина, на темы «Волшебница Кама», «И помнит мир спасённый...», «Мы любим свой язык и свою родину», «Серебряное перо» (по созданию газет и использованию газетных жанров).

Литература:

1. Калашников В. Славянская мифология. — М., 2003. — 47 с.
2. Христолюбова И. Загадочная личность. — Пермь, 2003. — 178 с.
3. Христолюбова И. Топало. — Пермь, 1996. — 255 с.

Алексей ДУБРОВИН

АЛЕКСЕЙ НОВИКОВ. ШАГИ В БЕССМЕРТИЕ. Очерк

На берегу реки Западный Буг установлен памятный монумент, на котором начертано: «Склони голову перед светлой памятью верного сына Родины. 23 июня 1941 года в неравном бою с немецко-фашистскими захватчиками здесь героически погиб бесстрашный пулемётчик-пограничник Алексей Новиков».

Об Алексее написаны очерки, издана прекрасная книга «Подвиг пограничника», но, взявшись рассказать людям о событии многолетней давности, решил: важно увидеть собственными глазами берег реки, место боя, почувствовать дыхание времени.

Биографическая справка:

Новиков Алексей Александрович родился 2 февраля 1920 года в деревне Грязнуха (ныне деревня Крутая) Ослянского сельсовета Кушвинского района Свердловской области. В 1932-м родители переехали в посёлок Кын Лысьвенского района Уральской области (ныне Пермский край). Алексей продолжил обучение в Кыновской неполной средней школе. После её окончания в 1935 году Алексей поступил в Пермский педагогический техникум, который окончил в 1938-м. Работал учителем начальных классов в Юрьевской школе Кушвинского района Свердловской области. В 1939 году А. А. Новиков был призван в пограничные войска и, после завершения учёбы в школе младших командиров, уехал на 15-ю пограничную заставу Дубицкой комендатуры 17-го Брестского пограничного отряда в должности командира отделения.

Ранним утром 22 июня 1941 года, заняв оборону на берегу реки Западный Буг, повёл пулемётный огонь против переправлявшихся в сторону советского берега фашистов. Оставаясь в одиночестве, не давал фашистам переправиться через реку. Тяжело раненый был захвачен немцами и переправлен в польский Свято-Онуфриевский монастырь, где умер. Был похоронен в могиле на территории этого монастыря. В 1948 году прах пограничника был перевезён на воинское кладбище города Влодава, Польша. Могила N 65.

Указом Президиума Верховного совета СССР от 6 мая 1968 года младший сержант Алексей Александрович Новиков



Алексей Александрович ДУБРОВИН родился 28 марта 1961 года в городе Очёре Пермской области, ныне Пермского края. Окончил юридический факультет Пермского государственного университета (1987). Служил в органах КГБ /ФСБ/: подполковник запаса. Работает в Высшей школе недвижимости: заведующий кафедрой. Занимается краеведением — организатор и председатель оргкомитета краеведческих (литературно-художественных) Спешилиовских чтений. За общественную деятельность удостоен звания «Почётный гражданин Очёрского района» (2011). Автор более десятка разножанровых книг. Член Союза писателей России (2013). Кавалер орденов Достоевского II и III степени (2017, 2014), имеет несколько ведомственных наград. Живёт в городе Перми.

награждён орденом Отечественной войны I степени (посмертно). Постановлением Совета Министров Белорусской ССР N 168 от 31 мая 1968 года 14-й пограничной заставе Брестского пограничного отряда (ныне пограничная застава «Домачево» Брестской Краснознамённой пограничной группы) присвоено имя героя-пограничника Алексея Новикова, «проявившего мужество и отвагу при защите государственной границы СССР».

Одна из улиц посёлка Домачево Брестского района носит имя Алексея Новикова. Его имя присвоено улице в посёлке Кын Пермского края. Решением Лысьвенской городской думы N 96 от 21 июня 2005 года Алексею Александровичу Новикову присвоено звание «Почётный гражданин г. Лысьвы» (посмертно). Ряд учебных заведений Прикамья носит имя Алексея Новикова. В частности, школа N 3 города Лысьвы, школа-интернат N 2 города Перми, школа N 65 посёлка Кын, педагогическое училище N 1 города Перми.

* * *

2017 год. Сентябрь. Дорога из Перми в Брест занимает у меня около сорока часов. «Добро» на посещение погранзаставы имени А. А. Новикова заблаговременно получено от заместителя Председателя Государственного пограничного комитета Республики Беларусь В. Г. Моисеенко, начальника Брестской Краснознамённой пограничной группы имени Ф. Э. Дзержинского полковника И. Н. Гутника.

И вот я в Бресте. Проходит ночь.

Зелёный пограничный УАЗик в обозначенное время подъезжает к гостинице. Тихим сентябрьским утром мы с офицером сопровождения Владимиром отправляемся на белорусскую пограничную заставу «Домачево» имени Алексея Александровича Новикова. Мой путь из Прикамья длиной почти в две тысячи километров скоро завершится. Не скрою, на сердце волнительно.

Конечно, первичной информацией о герое-пограничнике я владел. Впервые услышал об Алексее в 1979 году, когда начал службу в Пржевальском пограничном отряде. На краю плаца стоял невысокий обелиск «Их именами называли заставы», и часто, оказавшись вблизи этого места, я пробегал глазами скупые строки: «Застава имени Алексея Новикова, павшего смертью храбрых при защите государственной границы СССР на территории Белорусской ССР». Соседняя надпись гласила об именной заставе Андрея Кижеватова. Думал ли в ту пору, что мне посчастливится увидеть прославленные пограничные подразделения собственными глазами? Наверно, нет.

В дороге рассказываю белорусским товарищам о Пермском крае, о земляке из Большой Сосновы Михаиле Ивановиче Наумове, о событиях на Жаланашколе, где погиб пермский пограничник Михаил Дулепов. Как-то само собой получается, что о событиях 22 июня 1941 года на реке Западный Буг разговор не ведётся, вопросов не задаю. Надо увидеть место, знаменитый дуб, почувствовать дух, накал боя и после этого можно что-то обсудить. Мой собеседник в звании подполковника подобное настроение понимает. Недалеко от пропускного пункта на территорию Польши машина поворачивает с трассы, едем вдоль аллеи берёз и через несколько секунд подкатываем к зелёным воротам.

Нас ждут. Дежурный сержант в рубашке с коротким рукавом открывает ворота. Владимир успевает заметить: «Жарко в летнюю пору, и недавно перешли на новую форму одежды». Рядом прохаживается часовой при полном вооружении. Обращаю внимание на высокий бюст пограничника из белого камня и сразу невольно шагаю к нему. Нас встречает командование заставы имени Алексея Новикова, представляемся друг другу и уже группой направляемся к памятнику. Читаю: «Младший сержант Алексей Новиков». Александр, замполит заставы, рассказывает: «Здесь отдаём приказ пограничным нарядам на охрану границы». Постояв у бюста несколько минут, проходим на заставу. Нас встречает майор в парадной форме, представляется: «Артюшевский Виктор Павлович. Бывший начальник заставы. Служил здесь с 1984 по 1990 годы». Обнимаемся с ветераном, будто знакомы лет сто. Нам нечего стесняться, братство пограничников никто не отменял.

Затем идём по заставе. Осматриваем питомник с собаками, баню, подсобные помещения. После недолгого чаепития выезжаем на участок границы. Не стану рассказывать, как мы к нему добирались, лишь замечу: проезжая мимо кирпичного здания оригинальной постройки близ железной дороги, бросилась в глаза надпись «Дубица». Сразу напомнила о Дубицкой погранкомендатуре, в состав которой входила заставка, где служил Алексей Новиков. Замполит нынешней именной заставы Александр успокаивает: «На обратном пути остановимся, посмотрим старинную станцию».

Оставив на поляне УАЗик, отправляемся пешком по широкой лесной просеке к реке Западный Буг. Издали виден памятник с изображением пограничного столба. Пока двигаемся, ловлю себя на мысли, что глазами ишу дуб. Справа и слева стоят высокие деревья, заслоняющие общую панораму. Но вот и... Я вижу несколько исполинов. Да! Дубы. Их три. Колоссы стоят рядком, словно по линейке в четырёх метрах друг от друга. Знаменитый дуб находится в середине и сразу обращает на себя внимание венками, которые прислонены к стволу. Один из венков находится в том самом знаменитом дупле. Обхожу дуб, касаюсь руками его коры: «Сколько в тебе, дорогой, сидит, наверно пуль и осколков...» Осматриваюсь. Глаза впитывает общую картину, «фотографируют» прибрежные впадины, складки местности. Вижу на противоположном берегу польский пограничный столб. Слева от него видна коричневого цвета верхняя часть не то церкви, не то монастыря. Пока ни о чём не спрашиваю. Я стою здесь, на берегу Западного Буга, где всё начиналось...

Как человек, имеющий военное образование и знакомый с задачами пулемётчика на поле боя (два года моим личным оружием во время службы оставался ручной пулемёт Калашникова — РПК), пытаюсь понять, как действовал пограничник при обороне рубежа. Основное достоинство пулемётчиков — огневая мощь на больших (дальних) дистанциях. Уязвимость: пулемётчик не способен быстро менять позицию. Алексею приходилось!..

Продолжаю осматриваться. Семьдесят шесть лет назад от этих трёх дубов с береговой возвышенности пулемётчик Новиков вёл прицельный огонь по фашистам, пытавшимся переправиться на надувных лодках через Западный Буг. Вижу примерные сектора ведения огня с прибрежной полосы. Напротив дубов излучина,

направо река просматривается по течению до километра, влево — не меньше. Дальность стрельбы с «Дегтярёва» более километра. Доставал на поражение. В высоком накале боя младший сержант мог скопить немало непрошенных гостей, но... только если пулемётный диск был снаряжён. Что делал Алексей, если патроны заканчивались? Наверно, кричал: «Колька! Диск!» И к огневой позиции мчался помощник Ставницкий с магазином, набитым сорока семью патронами калибра 7,62. Схватив пустую «тарелку» мчался обратно к ящику с боеприпасами, стоявшему, вероятно, за первым дубом — защитой для самого Николая и для боеприпасов. Без них не обойтись, но погибни Коля, и Алексей сразу лишился бы помощи. Каждый метр, каждая секунда были дороги. И снова один поливал фашистов из пулемёта, а другой торопился набить диск. К пулемёту по ТТХ* придавался металлический короб с тремя магазинами, и Николай, наверно, едва успевал заряжать то один, то второй. Третий оставался в работе. Алексей стрелял короткими очередями, понимая, стволу легче не перегреться при коротких. Очередь, другая... Пулемётчик со своим одиннадцатикилограммовым оружием снимался с позиции и бежал к новому огневому рубежу. Такова необходимость, поскольку на огонь советского пулемёта сразу наводились прицелы немецких миномётов. Через мгновения недавнюю позицию уже колотили взрывы, а немцы осматривали берег в бинокли.

Я разглядываю местность, пытаюсь представить, где могли прятаться от разрывов Новиков и Ставницкий. Да, во втором дубе расположено дупло, но лаз в него смотрит в сторону реки, то есть в сторону (и по тем временам) противника. Все пули, осколки, летевшие по направлению к дубам, попадали бы и в дупло. Поэтому в первые часы боя вряд ли расселина в дереве служила бойцам укрытием. Да разве мог Алексей позволить себе прятаться в невеликом по размеру убежище, оставив товарища снаружи? Возможно, потом уже... Оставшись в одиночестве после гибели Коли, младший сержант, вероятно, заползал в дупло и пережидал очередной миномётный обстрел. Но поначалу в ходе противостояния пулемётчик и его помощник просто лежали за дубовыми стволами, что позволяло контролировать реку и другой берег на значительном промежутке. Прекратившийся миномётный обстрел — прелюдия новой атаки. И снова дробно стучал пулемёт Дегтярёва. Снова помощник подносил «тарелку». Но минул час, другой...

С момента начала боя прошло время. Патроны рано или поздно должны были закончиться. Алексей, как младший командир, отдал, наверно, приказ рядовому выдвинуться на заставу за боеприпасами. Без патронов берег не удержать. До заставы приходилось бежать несколько сотен метров, но в этом единственная возможность пополнить боезапас. Мог ли Алексей сам покинуть берег реки? Вряд ли. При рабочем пулемёте позицию не оставить. Каждое мгновение немцы могли снова начать форсирование реки. Следовательно, вся надежда оставалась на помощника. И тот, видимо, успел до своей гибели выполнить приказ Новикова. Но Ставницкий, как известно, погиб. Время его смерти не установлено. Выбора у Алексея не оставалось: остался на позиции у дубов, потому что каждая минута

* Тактико-технические характеристики.

противостояния ценилась как одной стороной (атакующей), так и другой (обороняющейся). Оставшись, пулемётчик в конечном итоге был ранен. Характер ранений, их множественность никто не фиксировал. Вряд ли немцы при обнаружении вражеского для них солдата оказали ему помощь. По приказу какого-нибудь немецкого лейтенанта положили на носилки, переправив через реку, принесли в монастырь, где и появились первые свидетели последних минут жизни советского пограничника.

Известно, что умиравший пулемётчик назвал себя как «Алексей Новиков из Дубиц». Несколько позднее, по воспоминаниям послушника монастыря Александра Корниловича Мамчура, советский пограничник назвал имя Ольги Рафалко, которую знал по комендатуре и попросил ей передать, что свой долг он выполнил. То, что Алексей назвал себя, позволило служителям монастыря поставить на цветочной клумбе, где был погребён умерший советский пограничник, деревянный крест с написанными инициалами «А. Н.». Это предопределило ясность, кого упокоили в польской земле. На сегодня неизвестно место захоронения Николая Ставницкого и десятков пограничников с 14-й и 15-й погранзастав Дубицкой погранкомендатуры, павших на берегу Западного Буга.

Мысли мои о драматических и одновременно героических событиях июня 1941 года прерывает майор в отставке Виктор Павлович Артюшевский: «В лесу, рядом с берегом, до сих пор видны линии окопов и огневых точек». Я спрашиваю: «Земля полна тайн?» Соседа кивает. Снова оглядываюсь, считаю в уме метры, патроны, углы по секторам...

Три дуба меняют представление о тактике обороны госграницы на этом участке. Каждое дерево играло свою роль. Из-за ствола первого Новиков мог стрелять, когда немцы ретиво бежали по луку к реке. Очередь. Взяв пулемёт, пограничник смешался на другой бугорок. Это лишь подчёркивает фактор грамотного навязывания противнику своих условий, что было важно для сдерживания атак. В голове остаётся вопрос: мог ли стрелять Алексей из дупла второго дуба, как об этом написано в публикациях? Оружие при длине в 1270 мм в дупло, которое вижу я, едва бы поместилось. Но зачем? В этом не было необходимости, поскольку перед дуплом располагался (располагается и сейчас) первый огромный дуб, закрывая вид на реку. Алексей — опытный боец — дорожил каждым градусом сектора для стрельбы. Второй и третий дубы служили прикрытием от обстрелов. Уже будучи раненым он, вероятно, нашёл для себя убежище в дупле второго дуба и мог, поставив пулемёт на сошки рядом с деревом, давать знать о себе короткими очередями, что отпугивало немцев. Истекавший кровью пограничник, думаю, израсходовал весь боезапас.

Приходит время собираться нам в обратный путь. Как всегда, не хватает пяти минут... Прошаюсь с деревьями-исполинами, заставленным венком дуплом. Только сама природа могла бы рассказать, как в реальности обстояли дела... Собираю жёлуди близ дупла: не посадить ли после приезда в Перми? Кланяюсь возле памятника павшим пограничникам. Мы фотографируемся. И снова наш УАЗик едет по лесной дороге.

На железной станции Дубица знакомлюсь с Александром Николаевичем Вакуличем, многие годы здесь работающим. Он рассказывает

об истории здания, края, и одно из повествований подталкивает меня к продолжению размышлений. Оказалось, 22 июня 1941 года фашисты к полудню уже толпились близ этой самой станции. Стояли, курили, хохотали, и в этот момент с небольшой возвышенности неподалёку раздался выстрел. Один из немцев, получив смертельное ранение, упал. Был похоронен здесь, прямо за станцией.

Пытаюсь понять, о чём сии сведения могут свидетельствовать. Только что прозвучала информация о времени практически полного захвата территории погранкомендатуры и 15-й заставы, на которой служил Алексей Новиков. Мог ли он в те часы ещё вести бой? Не знаю ответа на вопрос. Немцы стояли и гоготали на станции, а рядом их сослуживцы бились, пытаясь попасть на советский берег? Не знаю... и гадать не хочется. Ясно, что фашисты овладели территорией, которая находилась в ведении охраны и обороны пограничников. Все они были либо убиты, либо ушли в леса. То, что Алексея доставили в польский монастырь — не пленение. Он бился до последнего и, по сути, тяжело раненным остался умирать на поле боя, но немцы решили по своему, тем признав необычайное мужество пулемётчика. Они не знали о нём ничего, вряд ли Алексей вообще согласился разговаривать с захватчиками. Слишком велика была его ярость, и даже перед ликом смерти советский пограничник оставался верен присяге, убеждениям.

Тепло попрощавшись с Александром Николаевичем, возвращаемся на заставу. На прощание, кстати, Вакулич показал нам фотоальбом с автографами и снимками знаменитых артистов, снимавшихся на Дубице в фильмах «Брестская крепость», «Тунгус. Снайпер-3» и в других.

На заставе нас приглашают обедать. Не отказываюсь, да и командование в лице замполита Александра смеётся: «Война – войной, а обед по расписанию». Затем мы проходим в музей Алексея Новикова. На одной из схем боя читаю: «Уничтожив до 30 немцев, 22.VI.1941 г. погиб ком. отделения Новиков». После посещения музея провожу в учебном классе встречу с военнослужащими, не задействованными в нарядах. Дарю книги свои и пермских писателей, передаю издание «Альфа — моя судьба», заблаговременно подписанное автором — генералом Геннадием Николаевичем Зайцевым. Отдаю памятный календарь и выпел, переданный пермскими пограничниками из отдела погранконтроля аэропорта. Подаркам белорусские пограничники рады. Ветерану Погранслужбы Виктору Павловичу Артюшевскому под аплодисменты вручаю памятную медаль «100 лет Октябрьской революции» и удостоверение к медали. Майор знаку внимания искренне рад. Виктор Павлович передаёт мне отдельные материалы об Алексее Новикове. На таких одновременно праздничных и всё-таки немного грустных нотах завершается моё пребывание на заставе. Своими глазами увидел местность, её детали, прикоснулся к защитникам-дубам.

Выходим на плац к бюсту Алексея Александровича. Фотографируемся на память. Прощайте, друзья! Кто знает, доведётся ли мне снова оказаться на этой священной земле. Надеюсь, наша дружба продолжится в письмах, телефонных звонках.

Всё тот же УАЗик доставляет нас с Владимиром в Брестскую Краснознамённую пограничную группу. Для меня заказана экскурсия по музею боевой славы пограничной части. Татьяна, милая улыбчивая женщина, в деталях рассказывает о судьбе 17-го Брестского погран-

отряда, о рождении Брестской погрангруппы на базе двух крупных соединений — непосредственно отряда имени Ф. Э. Дзержинского и отряда погранконтроля «Брест». Конечно, не обошла экскурсовод вниманием события начала войны в Брестской крепости. На одном из стендов читаю: «Трижды пограничники 15-й заставы (д. Дубица) срывали попытку фашистов переправиться через реку Западный Буг». О беспримерном подвиге пограничников Татьяна знает так много, что я забываю о времени. Через полтора часа мы прощаемся. Забегая вперёд, отмечу, для музея погрангруппы при прощании я передал памятную тарелку с изображениями Пермского края, любезно предоставленную управлением культуры администрации города Перми. В этот день успел посетить территорию Брестской крепости, однако разговор это особый, а я вернусь к теме моей главной цели приезда в Республику Беларусь — бой Алексея Новикова 22 июня 1941 года.

На следующий день у меня состоялась встреча с брестским краеведом Иваном Николаевичем Чайнчицом. Он продолжительное время собирает материалы о подвиге Алексея и побывал не только там, где ещё недавно отгостили мы, но и на территории Польши. Почти два часа беседуем в номере гостиницы. Итак, о чём поведал мне Иван Николаевич.

«Прежде всего заинтересовался вопросом, — начал своё повествование краевед, — что представляло из себя в начале XX века то место, где вступил в бой Алексей Новиков. Почему родился интерес к истории края? Потому что в нём кроется ответ на вопросы, отчего немцы так настырно лезли на советский берег именно напротив трёх дубов. В 1915 году разлившейся рекой здесь снесло мост, и на этом участке реки наладили паромную переправу. Неподдалёку был выстроен домик для паромщика. Тот ежедневно перевозил людей, повозки, лошадей. После выгрузки на берег, в то время польский, люди двигались по дороге, которую вы вчера определили как просеку по лесу. Очень удобно: дорога вела напрямиком к станции Дубица и к перекрёстку активно используемых транспортных магистралей. Дубы, думаю, были посажены местными жителями.

На картах у немцев, не сомневаюсь, стояли отметки, что, как проходит, где есть готовая дорога на территории противника (СССР), к которой надо лишь навести переправу. В скиту Яблочинского монастыря, который вы при выезде на границу тоже видели как часть здания, похожего на церковь, немцы устроили пограничную заставу. Оттуда вели разведку местности, и я думаю, именно там в ночь на 22 июня были наполнены воздухом несколько «шлаухботе» — надувных резиновых лодок, которые утром 22 июня немцы потащили к берегу. Лодки вмещали до семнадцати человек, но слабое место этого плавсредства: при попадании одной пули сразу начинало тонуть. Оставалось экипированным штурмовикам прыгать в воду и возвращаться вплавь к польскому берегу.

Уверен, что позиций у пулемётчика Новикова на советском берегу было несколько, следовательно, были заранее оборудованы окопчики, укрытия от автоматного огня. Но не было капитального укрытия от разрывов мин. Алексею надо было поразить лодку или пару лодок, чтобы вся атака захлебнулась, но после этого немцы приводили в действие миномёты. Разрывы следовали один за другим. Подумайте, где было укрываться...»

Я отвечаю: «За дубами».

Краевед кивает и продолжает разговор: «Наступала в этом направлении 255-я немецкая пехотная дивизия и 1-я кавалерийская дивизия. О каких лошадях, машинах, мотоциклах говорить, если нет переправы. Поэтому главной своей задачей немцы видели её наведение. Однако, все планы смешались, когда пулемётный расчёт с советского берега продолжал топить лодки. А немцам нужен был этот участок берега, поскольку по лесной дороге они быстро выходили бы к станции Дубица, к пересечению стратегических направлений и в расположение 75-й стрелковой дивизии РККА, стоявшей учебным лагерем неподалёку. Из этого следовало одно, фашисты стремились выполнить поставленную им задачу любой ценой именно на этом месте. Но прорывались и в других.

То, что сделал Новиков, само по себе беспримерный подвиг. В отведённые полчаса на преодоление реки и прохождение участка 15-й заставы наступавшие не уложились. Но и отступить не могли по причинам мной уже озвученным. Как долго длился бой? Свидетелей, кроме самих его участников, не было, поэтому говорить о продолжительности сложно. Если Ставницкий достаточно долго оставался живым, то он должен был побывать на заставе для доставки патронов. А если Николая убило или тяжело ранило ещё поутру?.. Кто снаряжал диски? Только сам Алексей в перерывах между атаками. Могу предположить, что удерживать позиции в такой сложнейшей обстановке Новикову помогало знание местности и мастерское владение вверенным ему оружием.

Известно, что полудню 22 июня немцы уже захватили берег близ Дубицы, и полномасштабные боевые действия здесь завершились. Почему к полудню? Потому что около двенадцати часов дня на станции Дубица неизвестный советский пограничник, а регулярных частей Красной Армии близ станции не было, одним выстрелом убил фельдфебеля Албина Гюнтнера, что было немцами задокументировано. После войны прах этого немца был перевезён родственниками в Германию. У меня даже закрадывается мысль, а не Новиков ли стрелял, покинув берег, когда закончились патроны к пулемёту? Но никто, конечно, имя того стрелявшего бойца не знал и о судьбе его ничего не известно.

О потерях сторон. Немецкие архивные документы могли бы пролить правду на потери, но как добраться до таких материалов? Без всяких цифр очевидно, что оборону советские пограничники держали, пока были живы или не впали в бессознательное состояние вследствие ранения. Так, видимо, и произошло в случае с Алексеем.

Установлено, что тяжело раненного советского пограничника немцы переправили на польскую территорию и передали для исповедования послушнику Свято-Онуфриевского православного монастыря Мамчур Александр Корниловичу. Вряд ли тот знал немецкий язык и понимал, о каких деталях боя, нюансах обнаружения пулемётчика говорили между собой немцы. Те могли произнести: «солдат из Дубиц», но и только (дуб по-немецки «айхе», а название «Дубицы» имеет в корне «дуб»). Разве стали бы фашисты в присутствии гражданских лиц обсуждать, сколько атак отразил советский боец, какие потери понесли немцы при наступлении на этом пятачке земли. Сам факт того, что санитары противника доставили погра-

ничника на территорию монастыря, офицер согласился передать бойца для исповедования польскому послушнику, а после смерти захоронить — свидетельство признания офицерами вермахта мужества советского защитника границы. Это подтверждено свидетелями. Что интересно, священник Мамчур спустя двадцать с лишним лет тоже говорил о том, что его пригласили исповедовать доставленного в Свято-Онуфриевский монастырь советского пограничника ближе к полудню. Совпадения? По отдельным сведениям военных источников, участки 15-й заставы пограничники обороняли в течение 4–5 часов, и тогда сходится: Новиков был доставлен в польский монастырь в полдень. Он отказался отвечать на вопросы допрашивавших его немцев, но Мамчуру назвал своё имя — Алексей Новиков из Дубиц. Потом просил передать Ольге и Марие Рафалко, что выполнил свой долг. Почему он сказал это? Ольга была двоюродной сестрой жены Мамчура, и Алексей в минуты откровенного разговора с поляком проявил к тому доверие, что через годы сыграло свою роль.

Ольга Нестеровна Рафалко (Бекалюк) в годы Великой Отечественной войны партизанила и в составе отряда посетила в 1943 году Свято-Онуфриевский монастырь в Яблочно, где видела деревянный крест с инициалами “А. Н.”, но не придавала увиденному значения, так как ещё не знала о гибели Алексея. Известно, что в 1948 году прах Алексея был перезахоронен в польском городе Владава (Влодава) в могилу под номером 65. Позднее на могилу была возложена памятная плита с надписью “Пограничнику Алексею Новикову от благодарных земляков. СССР, Красноуральск, 23 июня 1991”. Сейчас этой плиты нет, поэтому мы с товарищем, посетив воинское кладбище, не смогли увидеть захоронение. Очевидно, номер его остался, но в 2014 году я этого номера ещё не знал и прошёл мимо.

Следует принять во внимание, что Мамчур узнал имя пограничника от самого Алексея, но об этом событии начал рассказывать лишь спустя двадцать с лишним лет. Когда Ольге Рафалко стало известно, что её имя перед своей смертью Алексей озвучил, она воскликнула: “Так я знала этого Алексея Новикова”. Как видно, речь в шестидесятые годы могла идти лишь о коротком периоде жизни младшего сержанта. Не скажи он своё имя, никто бы и не узнал, кого немцы доставили в монастырь, кого поляки похоронили в цветочной клумбе. Весь личный состав советских застав проявил 22 июня мужество и героизм, но многие герои так и числятся “пропавшими без вести”.

В 1989 году на территории Свято-Онуфриевского монастыря побывали представители воеводского отделения общества Красного Креста города Бяло-Подляска и вместе с настоятелем Яблочинского монастыря Абелем Поплавским установили памятный знак на месте прежней могилы Алексея Новикова. Этот знак стоит и сегодня. При посещении монастыря я его видел. Возле него сфотографировались и родные Алексея, когда посещали монастырь. В советское время многое было неизвестно, но отношения дружбы между русскими, поляками, белорусами поддерживались тесные. В 1970 году орден Отечественной войны I степени, которым был Алексей награждён посмертно, был передан братьями Алексея у “Костра дружбы” “на вечное хранение” советским пограничникам. Вот, пожалуй, то, что могу вам, поведать. Продолжаю заниматься исследованиями далее».

Я благодарю Ивана Николаевича. Фотографируемся на память. Меня уже ждут. С представителем погрангруппы — Сергеем Николаевичем Дмитриевым — мы отправляемся в расположение пограничной части для моего выступления перед личным составом, потом едем на заставу имени Андрея Кижеватова. День пролетает в ускоренном варианте. Вечерним поездом отправляюсь в Москву.

Дорога располагает к размышлениям. Тем более везу ещё непрочитанные материалы, полученные от Виктора Павловича Артюшевского. В голове витает мысль: «А если бы немцы не открыли миномётный огонь по заставе в четыре часа утра, а попытались бы тихо спустить резиновые лодки на воду и переправиться? Что в том случае могло быть? Окружённую заставу расстреляли бы в упор за минуты? А пограничные наряды “секреты”, а ловушки? Нет, думаю, не смогли бы немцы подойти незаметно». И поторопился в выводах.

Открываю в вагоне материалы Виктора Павловича. Читаю: «Комендатура (Дубицкая. — *Прим. автора.*) охраняла участок в сорок девять километров. Командовал комендатурой капитан П. С. Яценко, заместители коменданта по политчасти — политрук И. И. Елистратов, по разведке — старший лейтенант Е. К. Шрамко. Начальник штаба комендатуры — ст. лейтенант А. А. Поляков, помощник по службе — В. Д. Мирошниченко. 15-я заставка (на ней служил Алексей Новиков. — *Прим. Д. А.*) размещалась в одном здании с комендатурой. Командовал заставой лейтенант С. Д. Иванов, заместителем у него был политрук Ф. П. Павлюк. В 3.30 дежуривший по заставе политрук услышал крик часового и взрывы гранат, поднял гарнизон по боевой тревоге. Пограничные наряды вступили в бой с двенадцатью немецкими диверсантами, которые пытались бесшумно снять часовых.

Заместитель коменданта по политчасти старший политрук Елистратов приказал не давать отбой тревоге, поэтому, когда немецкая артиллерия и миномёты в 4 часа открыли огонь, все отделения уже находились в оборонительных сооружениях.

Одним из первых на рассвете 22 июня 1941 года принял на себя удар немцев пограничный наряд в составе командира отделения мл. сержанта А. А. Новикова и повара заставы рядового Н. Е. Ставницкого. С ручным пулемётом они расположились в дупле дуба-исполины, росшего на берегу реки Буг. Пограничники стойко отражали все попытки гитлеровцев переправиться через реку на наш берег.

После отражения первых атак Ставницкий дважды успел принести с горящей заставы ящики с патронами. Разъярённый неудачей противник открыл сильный артиллерийско-миномётный огонь. Земля дрожала от взрывов. Смертельно ранило Ставницкого. Новиков до исхода дня продолжал вести бой в одиночку. Десятки фашистов нашли себе могилу на дне реки. Только 23 июня немцы, переправившись на другом участке, смогли окружить Новикова и с многочисленными тяжёлыми ранами захватить в плен. Его переправили на польский берег, где в Яблоченском монастыре был развернут полевой госпиталь. За невиданное мужество гитлеровцы разрешили похоронить отважного пограничника как героя на территории монастыря. Начальник заставы лейтенант С. Д. Иванов значителен погибшим 22 июня 1941 года. В действительности 22 июня 1941 года он попал в плен. Умер от истощения и болезней 30 сентября 1942 года в офлаге в Хаммельбурге в Германии».

Привожу лишь выдержки из материалов, свидетельствующих о величайшем героизме пограничников и о той трагедии, что произошла в июне 1941-го. Ожидаемой помощи от частей Красной Армии большинство застав так и не дождалось... Немцы на огневой точке Новикова и Ставницкого крепко споткнулись, и не столь важно, до полудня или до вечера здесь держали оборону пограничники. Думаю, генерал-лейтенант Ветцель, командовавший 255-й пехотной дивизией, штурмовавшей берега Западного Буга, долго не мог объяснить Берлину, почему его частям не удалось за 20–30 минут овладеть государственной границей СССР. Не ведали немцы, что нарвутся на таких ребят в зелёных фуражках, как Алексей Новиков, нарвутся и остановятся, захлёбываясь в злобе. А потом, потрясённые мужеством защитников советских рубежей начнут нарушать приказ фюрера: «Пограничников в плен не брать!» — не только пытаться пленить «истинных солдат», но и отдавать воинские почести павшим воинам с зелёными петлицами на гимнастёрках.

* * *

Под стук колёс поезда, уносящего меня в сторону Москвы, а потом и Перми, я снова и снова повторял путь по просеке в сторону берега реки. Сегодня на её берегах стоят белорусский и польский пограничные столбы, а во времена Алексея стояли советский и немецкий. Пулемётчик бежал к тем дубам, чтобы не дать захватчикам испоганить нашу землю. О чём думал он, вчерашний учитель, приложившись щекой к прикладу подрагивавшего в очередях Дегтярёва? За что переживал?... Каждая секунда могла стать последней.

* * *

...В небе снова раздался визг падавшей мины. Земля дрогнула, дуб чуть слышно загудел. «Случись что-то со мной, всех больше будет маме. Отца безумно жаль, но он мужчина, вытерпит... — мысли о родных прервалась очередным разрывом и дробным стуком осколков по стволу зелёной цитадели: — Палит немчура, но глядишь, пока палит, не сунется переправляться на лодках пехота. Если пауза в миномётном обстреле затянется, так жди новой немецкой атаки. Останется одно – вести огонь из пулемёта. А в запасе-то всего диск... Да вернётся ли сегодня Николай? Так нужны патроны!»

Бух! По стволу дуба снова застучали осколки от разорвавшейся мины: тук-тук-тук. Потянуло гарью. Видимо, затлел и дальний кустарник. Ближний по берегу выгорел ещё поутру в первые часы обстрела. Скоро в округе не останется ни клочка зелёной травы. Бух! Та-та-та... Бух! И снова визг с неба: бух-бух!

Исчезли, пропали всякие чувства, растворилось понятие времени. Думы крутились вокруг одного и того же: «Вернётся ли Ставницкий с патронами к тому моменту, когда закончится обстрел с вражеской стороны? После обстрела немчура полезет, это точно. Хорошо бы кто-то поспел на подмогу из погранкомендатуры. Живы ли ребята? Э, дружище, дуб кудрявый, что скажешь?»

Вопрос повис в воздухе. Натужено гудевший ствол великана защищал человека, как свой собственный молодой побег.

Под ногами звякнули гильзы, напоминающая об израсходованном боекомплекте. Если бы мог, побежал бы сам на заставу за патронами,

но не уйти с берега, не оставить участок границы. Затаившийся на том берегу враг тишину истолкует по-своему и сразу бросится переправляться. Оставалось одно – ждать подмоги в лице Николая. Где Иванов, Яценко с подкреплением из комендатуры? Отражены несколько атак фашистов, но сколько их впереди! Гранат нет, боеприпасы на исходе, а без них вояк с закатанными рукавами серо-зелёных курток не остановить. Лезут, как тараканы, да только и они жить хотят. Когда попали под первые пулемётные очереди, то завопили, загорланили, резво драпанули назад. Многие уже не поднимутся никогда.

Губы пулемётчика шептали: «Ничего справимся! Разве мы не пограничники...»

Затихло. В ушах звенело. Как бы за этим звоном не пропустить очередную атаку. Дуб смолк, перестал гудеть, и в тишине стало слышно, как шелестят его резные листья. О чём они нащёптывают? Прислушиваясь к звукам дня, Алексей протёр ствол пулемёта, хлопнул ладонью по диску: «Голубчик, не подведи!»

Пограничник осматрел реку. Странно, ни одна лодка с немцами не спешила в сторону нашего берега. Чего-то ждут? Выцеливают артиллерией? Или трусят? Может, и хорошо, что трусят. Правильно, нечего им тут делать!

В недалёкой лесной чаще прокричала сорока. Кажется, со стороны заставы кто-то двигался. Не враг ли? Пулемётчик повёл стволом. По зелёной фуражке заметил, приближался свой. Подойдя к дубу, Николай Ставницкий громко выдохнул: «Добрался». Снял с плеча ящик с патронами и, осторожно поставив на землю, произнёс:

— Никогда не думал, что эти триста метров покажутся, как тридцать километров. Бежал поначалу, а потом шагом двинул: сил не осталось. Уф! Жара. Искупаться бы в реке.

Младшему сержанту захотелось обнять помощника, но лишь шутливо упрёкнул:

— А я решил, ты загулял. Что с заставой, комендатурой? Где политрук Елистратов?

— Подожди, командир, дай в себя прийти, – тяжело вздохнул повар, снимая сырую гимнастёрку. — Елистратова не видел, от заставы одно пепелище осталось. Едва нашёл в том месиве ящик с патронами. Людей никого не застал. Наверно, на флангах все, кто выжил. Слышишь, слева из пулемёта стреляют?

Новиков помотал головой:

— Не слышу, Коля. Шумит в ушах, как ветер по февралю завывает. Ящик за дуб спрячь, не ровен час снаряд угодит. Возьми фляжку с водой. Сейчас...

Ставницкий протянул руку, но в воздухе послышалось скрипучее нгытьё мины: зн-зн-зу-зу-у... Упала неподалёку. Прижавшись спинами к коре дерева, пограничники почувствовали, как дуб, вздрогнув, будто застонал. Продолжения налёта не случилось. Затишье продолжалось минут десять.

Ставницкий, отдышавшись, рассматривал противоположный берег и рассказывал:

— Помнишь, у ворот заставы берёзу? Не поверишь, выжила. Ворота в щепки разнесло, всё вокруг побито, а берёза стоит. Одна стоит среди того пустыря, что ещё ночью был в постройках, с казармой, а мы называли её родным домом.

— Не называли, а называем, Коля, — поправил друга Алексей. — Новую заставу выстроим, новые ворота поставим, и вышку возведём краше прежней. Вот с немцами только разберёмся, и сразу за строительство примемся. Кухню тебе отгрохаем такую, что станет просторнее той, где ты ютился возле котлов. А пока, друг, займись снаряжением диска.

Неподалёку раздалась очередь и одиночные выстрелы винтовок. Значит, живы боевые товарищи. Не верилось двум пограничникам, что те, с кем ещё вчера вместе сидели после нарядов на лавочках заставы, вспоминали, родных, свои города и сёла, сейчас погибали, ведя огонь против превосходящего противника. В глубине души жила надежда, что вот-вот раздадутся шаги, и к дубу подойдёт подкрепление. Где поддержка частей Красной Армии? Почему не летят бомбить наступавших немцев наши самолёты?

Вопросы вспыхивали и пропадали. Отвечать на них было некому. В кармане лежал сухой хлеб.

— От нас с тобой, Коля, многое зависит, а пока давай-ка пожую хлебushка. Соли нет у тебя? Нет?.. Что ж ты, повар, в кармане соли не носишь?

Не успел младший сержант вынуть кусок, как за рекой раздалась суетливые крики.

— Schnell, schnell! Vorwärts, furchtlose deutsche Soldaten!*

— Пожевали... — бросил Алексей и прильнул к пулемёту.

В прицеле показались те, кто снова намеревался, переправившись через реку, двинуться дальше на восток. Справа одна лодка отчалила от той стороны, другая, третья...

«Ни черта у вас не получится!»

В плечо крепко вжался приклад. Короткая очередь из ручного пулемёта разорвала тишину. Ставничий пригнулся рядом.

— Коля, готовь диск! Давай, братишка! — крикнул через выстрелы Новиков.

По коре защёлкали пули. Каждая очередь звоном ударяла по барабанным перепонкам. Железно-свинцовым запахом забило нос, а палец всё давил на спусковой крючок с отсечками очередей.

Через прицел было видно, как перевернулась лодка, и недавние её обитатели начали отчаянно колошматить по воде руками.

«Примите гостинец, черти! От меня, от моих родителей по-олучи-те при-и-вет! И ещё получите, псы немецкие!»

Взмахи рук в воде прекратились. Вторая лодка резко накренилась, и из неё в воду сразу все выпрыгнули.

«А это тебе, офицеришка, пилюля от Кыновской школы! Не гулять тебе, немец, со своей фрау!..»

Две наполненных солдатами уцелевшие лодки повернули обратно. Короткой очередью вдогонку пограничник ускорил их отход. Наверно, умей бы фашисты бегать по воде, драпанули бы без оглядки.

«Не суйтесь! Никто вас сюда не звал!»

* * *

Величайшую волю к победе показывал в долгие часы первого дня войны призванный из Прикамья пограничник Алексей Новиков. Он

* — Быстро, быстро! Вперёд, бесстрашные немецкие солдаты! (нем.)

осознавал, какую ношу принял на себя: не пропустить захватчиков на вверенном ему участке границы. Обессиленный от потери крови вследствие тяжёлого ранения он уже не мог менять боевые позиции, но очнувшись от забытья, снова тянулся к пулемёту.

...Будущее зависит от глубины нашей памяти, от восприятия и оценки далёких огненных лет. Склоняя головы перед памятью павших защитников Отечества, братские народы России и Республики Беларусь сердцем понимают, каждая пядь государственной границы союзного государства навсегда останется той твердыней, той крепостью, которую невозможно покорить. В этом сомнений быть не может, потому что герои Великой Отечественной войны продолжают жить рядом с нами, среди нас.

В завершении короткого материала о герое-пермяке хочется сказать, что в своём деянии, великом даже по меркам военного времени, Алексей Новиков шагнул в бессмертие, до конца выполнив солдатский долг. С таких шагов советских пограничников начинался для всей страны путь к Великой Победе.

Литературно-художественный альманах

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПЕРМЬ

выпуск 23



Редактор-составитель
Вёрстка

В. В. Якушев
С. Э. Неведомская

Подписано в печать 31.08.2018. Формат 70х100 1/16.
Гарнитура «Souvenir». Бумага ВХИ.
Заказ N 132688. Тираж 100 экз.

Редакция альманаха «Литературная Пермь» и литературно-публицистической газеты «Пермский писатель» внимательно знакомится с письмами читателей. Каждая рукопись, присланная в адрес альманаха и газеты, принимается и рассматривается, при этом не возвращается и не рецензируется.

Указание Ф. И. О. авторов, паспортных данных, оперативных контактов и кратких сведений о себе — обязательно.

За достоверность фактов ответственность несут авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

ISBN 978-5-9500749-8-1



9 785950 074981

Адрес редакции
альманаха «Литературная Пермь»,
газеты «Пермский писатель»,
ПКОО «Пермский писатель»:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30.
Пермская краевая общественная
(профессиональная) организация
Союза писателей России.
Телефон 8 (342) 212 43 28.
Факс 8 (342) 212 31 54.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными файлами
в ООО «Ай Кью Пресс»: 614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 43, корп. 3.

ISBN 978-5-9500749-8-1



9 785950 074981